Паро Жан-Франсуа

Дело Николя Ле Флока

Посвящается Морису Руассу

УВЕДОМЛЕНИЕ

Читателям, впервые взявшим книгу о приключениях Николя Ле Флока, автор напоминает, что в первом томе, именуемом «Загадка улицы Блан-Манто», ее герой, мальчик-подкидыш, воспитанный каноником Ле Флоком из Геранда, по велению своего крестного отца, маркиза де Ранрея, покидает родную Бретань.

В Париже юный Ле Флок сначала живет в монастыре Карм Дешо, где его опекает отец Грегуар, а затем, по рекомендации маркиза, поступает на службу к Сартину, начальнику парижской полиции. Он учится ремеслу и постигает тайную кухню расследований, ведущихся в высших кругах. После года ученичества ему поручают особое задание, и он успешно с ним справляется. С помощью своего помощника и наставника, инспектора Бурдо, Николя, преодолев множество опасностей, распутывает нити сложнейшей интриги и оказывает важную услугу Людовику XV и маркизе де Помпадур.

Король принимает его у себя в Версале и жалует ему должность комиссара полиции Шатле. Николя Ле Флок поступает в непосредственное распоряжение Сартина в качестве следователя по особым поручениям.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Николя Ле Флок — комиссар полиции Шатле

Сартин — начальник полиции Парижа

Сен-Флорантен — министр Королевского дома

Пьер Бурдо — инспектор полиции
Папаша Мари — привратник в Шатле
Сортирнос — осведомитель
Рабуин — агент
Эме де Ноблекур — прокурор в отставке
Марион — кухарка Ноблекура
Пуатвен — лакей Ноблекура
Катрина Госс — служанка Николя Ле Флока, в прошлом маркитантка
Гийом Семакгюс — корабельный хирург
Ава — кухарка Семакгюса
Шарль Анри Сансон — Парижский палач
Мари Анна Сансон — его жена
Полетта — бывшая содержательница борделя
Президентша — девица для утех
Жюли де Ластерье — любовница Николя
Казимир — ее лакей
Юлия — ее кухарка
Лаборд — первый служитель королевской опочивальни
Шоре — комиссар полиции Шатле
Камюзо — в прошлом комиссар полиции Шатле
Гаспар — «лакей в голубой ливрее» из штата версальской прислуги короля
Фридрих фон Мальво — швейцарский путешественник
Бальбастр — органист собора Нотр-Дам
Тевено де Моранд — французский памфлетист, бежавший Лондон
Шевалье д'Эон — французский тайный агент в Лондоне
Лорд Эшбьюри — из английской секретной службы
Мэтр Бонтан — декан Гильдии парижских нотариусов
Мэтр Тифен — нотариус Жюли де Ластерье
Мэтр Вашон — портной
Секвиль — секретарь посольской службы сопровождения
Родоле — общественный писарь
Наганда — вождь племени микмак
Тестар дю Ли — судья по уголовным делам
Ленуар — государственный советник

I

МРАК ВОД

Но пламень длань ея раздора возжигала,
В сердца двух сект она злой яд вражды влила,
По скипетру ея струями кровь текла…

Вольтер (пер. Ивана Сирякова)

Четверг, 6 января 1774 года

Карета чуть не сбила его с ног; увернувшись, он отпрыгнул в сторону и, приземлившись, угодил обеими ногами в снежную кашу, смешанную с грязью. Вонючая жижа обрызгала его с

головы до ног, с кончика треуголки закапали черные капли. Он глухо выругался. Еще один плащ из добротной шерсти придется нести к чистильщику. С юных лет уроженец Бретани Николя Ле Флок, комиссар полиции Шатле, сохранил привычку к практичной одежде. В Париже он отдал предпочтение редингготу. Этот тяжелый и теплый плащ полностью соответствовал его вкусам, но в последнее время его носили разве что кавалеристы или путешествующие негоцианты. Мэтр Вашон, портной, обшивавший его, а также господина де Сартина, отчаявшись отучить Николя от привязанности к старым вещам, с трудом сумел убедить его внести в любимый наряд некоторые новшества: особый покрой, невысокий воротник, отделку по низу пуговицами и широкую пелерину без подкладки. Портной лелеял хрупкую надежду, что Николя, деливший свое время между Парижем и Версальским двором, введет такой рединготт в моду.

Комиссар представил себе, как его вечерние лаковые башмаки промокнут, тонкий слой лака покроется грязью, а чулки будут забрызганы мокрым снежным крошевом. Дабы избавиться от приставших к одежде пятнам, придется отдать ее в грубые руки чистильщика, надеясь, что грязь не оставит на ткани неистребимых следов. Хотя, если верить знатокам, от воды шерсть портится особенно быстро. Поразмыслив, он решил доверить запачканную одежду заботливым и умелым рукам Катрины и Марион, двух ангелов-хранителей дома Ноблекура. И тут же с грустью вспомнил, что Марион совсем скрутил ревматизм, и она, в сущности, уже не принимала участия в хозяйственных хлопотах, хотя каждый старательно убеждал ее, что ее работа, сколь бы малой она ни была, по-прежнему совершенно необходима для поддержания порядка в доме.

Это незначительное происшествие, из тех, что часто случаются на столичных улицах, отвлекло его от печальных мыслей, но вскоре они вновь одолели его, пробудив досаду, переходящую в глухое раздражение. Впрочем, лучше дать им волю сейчас, нежели отложить до вечера, когда настанет пора ложиться спать. Год кончился, но тревога, снедавшая его, осталась. Наступление нового года всегда пугало его; со временем Николя научился подавлять свои страхи, однако новый год он по-прежнему переживал крайне тяжело. А сейчас все словно сговорились испортить ему эти томительные дни. Когда же он напомнил себе, что 1774 год уже наступил и в ближайший четверг грядет праздник Богоявления, настроение его испортилось окончательно.

Его отношения с Жюли де Ластерье давно дали трещину, однако истина подобна плоду: прежде чем явить себя, она должна созреть. Ощутив очередной прилив гнева, он топнул ногой — и забрызгался еще больше. От зловонной жижи в носу засвербело, и он принялся чихать, каждый раз ощущая, как по спине у него пробегают мурашки. Если он и дальше будет мокнуть под снегом в холодных лужах, он заболеет и умрет! События сегодняшнего вечера не выходили у него из головы… Их связь, по всем статьям, слишком затянулась. Несмотря на изначальное заблуждение, корабль их страсти, плывущий по волнам чувственности, долго следовал прямым курсом, старательно огибая островки раздражения и несовместимости. Согласие, изначально установившееся на основе чувственной гармонии, преобразило молодую женщину в глазах ее воздыхателя.

Он вспомнил, как в феврале 1773 года получил приглашение на ужин к Бальбастру, органисту собора Нотр-Дам, с которым его более десяти лет назад познакомил большой любитель музыки Ноблекур. После первой встречи, когда молодой человек почувствовал себя оскорбленным, последовали другие, более приятные, а любовь к музыке и восхищение творениями великого Рамо сблизили их, несмотря на саркастические замечания, по-прежнему звучавшие в адрес Николя из уст виртуоза. В тот вечер гости, собравшиеся в гостиной, восхищенно разглядывали клавесин работы Рукерса, являвшийся гордостью хозяина дома. Все поверхности инструмента покрывала богатая роспись, отчего он напоминал то ли карету, то ли табакерку, принадлежащую члену королевской фамилии. На внешней стороне изображено было рождение Венеры, на внутренней — история Кастора и Поллукса, на сюжет которой Рамо

написал оперу, сделавшую его знаменитым. Также были нарисованы земля, ад и райские поля, где на скамье восседал великий композитор с лирой в руках. Николя, встретивший Рамо незадолго до смерти в саду Тюильри, оценил достигнутое художником портретное сходство.

У стены высился большой орган с педальной клавиатурой. Жалуясь на пронзительный звук инструмента и шумные клавиши, Бальбастр исполнил фугу, а потом пояснил, что орган ему нужен для упражнений, и, усмехнувшись, добавил — «к великому неудовольствию соседей». Молодая женщина с тонким и выразительным лицом, обрамленным волосами цвета меди, являвшими яркий контраст с черно-серым платьем, означавшим, что владелица его либо принадлежит к терциариям, либо вдова, громко восторгалась игрой органиста. Хозяин дома, видимо, знавший о музыкальных талантах гостьи, пригласил ее за клавесин, и она с большим чувством исполнила сложную сонату. Затем хозяин сыграл мелодию из оперы Гретри. Николя показалось, что инструмент звучит скорее изысканно, нежели полнозвучно, и решил спросить мнение медноволосой красавицы с золотисто-карими глазами. Она объяснила ему, что звучанием своим клавесин обязан язычкам из пера, защипывающим струны. Продолжая заинтересовавший их обоих разговор, они вместе вышли на улицу. Николя предложил отвезти ее домой в служебном фиакре. К тому времени, когда они добрались до улицы Верней, где находился ее дом, Николя уже почитал себя счастливым, ибо успел вкусить первые плоды своих побед. Затем последовало приглашение осмотреть фортепьяно, и к концу вечера они обрели полное согласие. А дальше, на протяжении многих недель, чувства их воспламенялись при первом же прикосновении, и далее следовали наполненные истомой часы наслаждений, сменявшиеся долгими часами разлуки и нетерпеливым ожиданием следующей встречи. Казалось, ничто не могло положить конец объединявшему их ненасытному вожделению.

В сущности, в чем он мог ее упрекнуть? Она, бесспорно, была хороша собой, хотя в моду, несмотря на многочисленных критиков, вновь вернулись блондинки, оттеснив против воли нынешней фаворитки, графини дю Барри, рыжеволосых красавиц. Победа осталась за юной белокурой дофиной. Обладая острым умом и богатой фантазией, Жюли де Ластерье очаровывала собеседников разнообразием своих познаний и оригинальными суждениями. Она вышла замуж очень рано, сразу после выхода из монастыря. Супруг ее, интендант морского флота, был намного старше ее. Должность секретаря в королевских советах принесла господину Ластерье дворянство. Посланный на Антильские острова в качестве распорядителя финансов, он — видимо, желая угодить молоденькой супруге — скончался сразу после прибытия на Гваделупу. Вдова его, благодаря полученному наследству, разбогатела и вернулась в Париж в сопровождении чернокожих слуг.

По характеру своему Жюли привыкла брать верх, однако с Николя всегда вела себя сдержанно, давая понять, что восхищается им, отчего тот становился гораздо более уступчивым, нежели если бы она навязывала ему свою волю. Однако постепенно поводов для разногласий становилось все больше и больше. Пока страсть била ключом, она быстренько латала возникавшие в их отношениях дыры, добавляя пряной приправы в сладкое блюдо примирения. Но, в конце концов, постоянные стычки, возникавшие на одной и той же почве вот уже несколько месяцев, утомили его. Она терзала его вопросом, когда он станет жить вместе с ней, а он избегал ответа, предчувствуя за ним следующий, пока еще не сформулированный, но вполне понятный вопрос, коего он не хотел ни слышать, ни понимать. Всякий раз, когда между ними вспыхивала ссора, она принималась жаловаться, что его вечно нет на месте, а его должность обрекает его на рабский труд и не позволяет распоряжаться его собственным временем. Вдобавок ему постоянно приходилось напоминать ей, что он не намерен выступать в обществе как маркиз де Ранрей. Внебрачный сын, поздно признанный отцом, он ценил доставшийся ему титул, когда к нему обращался король или члены королевской семьи, но честь, самолюбие и чувство меры побуждали его категорически от него отказываться, когда речь заходила об иных людях. Уверенная, что их отношения дают ей право

появиться при дворе, она постоянно донимала его вопросами, когда же наконец ее мечта сбудется. Столь неуместное стремление стесняло его и, как ему казалось, свидетельствовало об отсутствии воспитания. Постоянные попытки Жюли разлучить его с самыми близкими друзьями также немало раздражали и огорчали его. Исключение составлял Лаборд, первый служитель королевской опочивальни, имевший непосредственный доступ к королю и определенный вес при дворе; за это Жюли мгновенно приписала ему всяческие добродетели. Ужин у Ноблекура, куда его пригласили вместе с Жюли, завершился полнейшим крахом. И почтенный прокурор в отставке, и доктор Семакгюс изо всех сил старались угодить Николя, но не сумели удержаться, чтобы не высмеять молодую женщину. Получив урок, он твердо решил более не представлять старым друзьям своих временных подруг. Друзья не одобрили его выбора, и эта мысль, прочно укоренившаяся в мозгу, безжалостно терзала его, пробив основательную брешь в его преданности Жюли. Наконец он с ужасом понял, что от любви, снисходительно относящейся к недостаткам предмета своего обожания, не осталось и следа.

Огорчение, невольно причиненное своим близким, повергало Николя в уныние, однако он еще не решался сделать вытекающий из него вывод, ибо тогда ему пришлось бы признать, что их связь возникла по ошибке, а госпожа Ластерье его недостойна. Тут же он ощутил укол уязвленного самолюбия, обвинившего его в том, что он уступил страсти, уважать предмет коей он не мог, однако все еще продолжал любить, хотя и краснел при каждом о нем воспоминании. Сегодняшняя сцена стала последней каплей, переполнившей чашу его терпения. Зачем он согласился поужинать с ней вдвоем? Впрочем, он прекрасно это знал… Обещание, данное Жюли, вынудило его огорчить отказом Ноблекура, намеревавшегося сегодня вечером разделить с друзьями пирог с сюрпризом, испеченный в честь праздника Богоявления. К Николя, Семакгюсу и инспектору Бурдо обещал — если позволит служба королю — присоединиться Лаборд. Скрепя сердце Николя отклонил приглашение.

Добравшись к вечеру до улицы Верней, он, к великому удивлению, обнаружил в доме Жюли веселую компанию. Встретившая его насмешливая гримаска госпожи Ластерье, ее с тревогой заданный вопрос, отчего он прибыл в столь ранний час, не понравились ему, равно как и известие, что на ужин приглашено не менее дюжины гостей, часть из которых уже прибыла. Оставив его, Жюли с улыбкой заспешила к фортепьяно, дабы перевернуть страницу партитуры для молодого человека, сидевшего за инструментом. Рядом Николя увидел Бальбастра, чье румяное личико, напудренное и нарумяненное сверх всякой меры, покрылось морщинками из-за ехидной гримасы, скорченной органистом, когда тот отвешивал ему приветственный поклон; черные глаза музыканта враждебным взором буравили комиссара. Четверо незнакомых Николя молодых людей играли в карты за ломберным столиком с китайской столешницей в стиле «коромандель»[1]. Не считая органиста, никогда не пропускавшего приемов, устраиваемых Жюли, Николя оказался самым старым среди гостей. От сознания сего факта ему стало грустно, но он тотчас укорил себя за столь нелепое чувство. Как повести себя, чтобы двадцатилетние юнцы не вынудили его играть роль комического старца, этакого Альцеста[2], случайно затесавшегося в компанию молодых хлыщей? Прислонившись к окну, он принялся разглядывать молодого человека за фортепьяно, чье лицо с острыми скулами, мучительно напоминало чей-то образ из его прошлого — словно лицо утопленника, всплывшего на поверхность из толщи вод, когда о нем уже перестали вспоминать. Решительно, сегодня все хотели заинтриговать его. Кстати, почему она не представила его своим гостям? Список публичных унижений увеличился еще на один пункт, а его самолюбие в очередной раз ощутило нанесенный ему удар. Казимир и Юлия, чернокожие слуги, привезенные хозяйкой с Гваделупы, разносили вина и шоколад, к которому подавалось миндальное печенье, а также напиток, являвший собой смесь сахарного сиропа с белым ромом, куда Юлия добавляла цедру бергамота и несколько капель таинственного настоя, выдать

секрет которого она категорически отказалась, сопроводив отказ громким смехом. Николя уже успел оценить это изысканное питье в более уютной обстановке.

Через некоторое время он с раздражением отметил, что молодой человек извлек из кармана фрака сборник застольных песен. Неужели он испытывает к нему чувство ревности? Жюли, склонившись к плечу незнакомца, весело засмеялась, откинув назад голову. Кончив смеяться, она обернулась и, бросив взор на Николя, поманила его рукой. Что она хотела от него? Когда он приблизился к ней, она выпрямилась и произнесла:

— Сударь, приготовьте мне чашку молока с желтками, у меня пересохло горло, и мне необходимо промочить его.

Сопроводив просьбу легким касанием кружевного веера, она тут же отошла, продолжая обмахиваться изящной вещицей. Этот жест, воспринятый им как начало военных действий, стал для него сигналом к разрыву. Небрежный тон, каким она обратилась к нему в присутствии вызывающе взиравшего на него свидетеля, он счел оскорбительным. Вдобавок она приподняла завесу над их интимными отношениями: этот молочно-яичный напиток она всегда выпивала перед тем, как предаться страсти. Терпение ему изменило, и обычно спокойный, в этот раз он не сумел сдержать гнев.

— Сударыня, я сообщу слугам о вашем желании. А теперь разрешите откланяться.

Смерив его надменным взглядом, она изогнула губы в презрительной полуулыбке. Собравшиеся смолкли. Он поклонился и быстро направился к выходу; по дороге он опрокинул стакан Бальбастра, но даже не подумал извиниться. Набросив на плечи плащ, он, не дожидаясь, пока Казимир распахнет перед ним дверь, выбежал на лестницу, стремительно спустился вниз и выскочил на заснеженную улицу Верней. Не зная, куда направить свои стопы, он топтался на месте, рассеянно глядя на дорогу. Неожиданно возле него из мутной холодной мглы вынырнула карета; она едва не сбила его с ног, но зато вернула из эмпирей на землю.

Сначала он хотел отправиться к друзьям на улицу Монмартр, но быстро спохватился: он не хотел дать им ни малейшего повода заподозрить его в том, что он расценивает ужин у Ноблекура всего лишь как возможность скоротать испорченный вечер. Такой поступок не соответствовал ни уважению, ни привязанности, кои он испытывал к своим друзьям. Он достал часы с репетицией, подаренные ему мадам Аделаидой, дочерью короля, пожелавшей отблагодарить его за проведенное расследование, в результате которого ему удалось найти пропавшие драгоценности. Часы, отбивавшие часы и минуты разным, но всегда необычайно приятным звоном, передал ему Карон де Бомарше, часовщик дочерей короля и их фактотум. Веселый посланец, снискавший симпатию Николя, объяснил, как работает часовой механизм и надавал кучу советов: не щелкать крышкой, на внутренней стороне которой нарисован миниатюрный портрет принцессы; аккуратно заводить механизм, и никогда не оставлять бесценную вещь на холодных мраморных столешницах. Удивившись, Николя поинтересовался, отчего часы боятся холода, и узнал, что масла, применяемые для смазки, могут застыть, что влечет за собой остановку зубчатых колесиков. Нажав на пружину, он прислушался — шесть гулких звуков и шесть серебристых колокольчиков; следовательно, времени шесть часов и тридцать минут пополудни. Шлепая по грязи, он дошел до угла улицы Бон, где столкнулся с компанией подвыпивших мушкетеров, выходивших из расположенных неподалеку казарм[3].

Он остановился, размышляя, куда бы ему направить свои стопы. Нет, он не явится с такой унылой физиономией на улицу Монмартр. Он давно собирался посмотреть на мадемуазель Рокур[4], восходящую звезду Французского театра, дебютировавшую год назад в роли Дидоны. «Меркюр» и «Газетт» уже написали о ней как о новом чуде. На его памяти она была первой, кто сразу после выхода на сцену произвела поистине ошеломляющее впечатление. Ей еще не исполнилось семнадцати, но все говорили, что своим завораживающим голосом она с таким

воодушевлением произносит слова роли, что кажется, они идут из самого сердца. И Николя решил пойти в театр, в надежде, что зрелище отвлечет его от забот, а в фойе можно будет поймать пару-другую новостей, поучительных или пикантных, о которых завтра непременно упомянет начальник полиции.

Когда перед ним выросла темная громада водокачки возле моста Руаяль, снег сменился ледяным дождем. Фонари, поставленные вдоль правого берега реки и террасы Тюильри, сверкали в сыром воздухе, окруженные туманными нимбами. Обладая постоянным пропуском в сады Тюильри, он постучал в окошко сторожевой будки. Появившийся на пороге привратник узнал его и потрусил отпирать решетку, недовольно ворча себе под нос, ибо комиссар оторвал его от дегустации горячего вина с пряностями, добрая часть которых запуталась в его седых усах. Войдя в сад, Николя пожалел о своем решении. Он хотел пройти кратчайшим путем, а вместо этого очутился в настоящем снежном царстве, где среди сугробов не видно ни одной тропинки. Тут же явилась унылая мысль о том, что, пробираясь по глубокому снегу, он наверняка испортит свои башмаки, удобные, как войлочные тапочки; ему часто приходилось по многу часов проводить на ногах, но в этих башмаках он не чувствовал усталости, и они никогда не натирали ноги. Лучше бы он пошел вдоль колоннады Лувра. Вечерами там обычно безлюдно, и он смог бы оценить усердие городских властей, очистивших место от множества мелких лавочек, теснившихся там с незапамятных времен. Намереваясь украсить город, тамошние земли решили выровнять и разбить на них радующие глаз газоны, позволяющие на рассвете любоваться красотой восходящего солнца.

Ориентируясь на темные громады статуй, он аккуратно ступал по грязи, держа путь по направлению к калитке Разводного моста. В конце тропинки он уперся в высокий постамент статуи Цезаря работы Кусту. Рядом, в темном восьмиугольном водоеме слабо поблескивала вода. Пришлось свернуть налево и через Оранжерейный пассаж пройти к павильону, где нынче находился Французский театр. Прежде он давал свои спектакли на улице Фоссе-Сен-Жермен, в зале Этуаль, предназначенном для игры в мяч. В 1770 году, когда здание окончательно обветшало, труппе предоставили павильон, освободившийся после театральной машинерии Сервандони, переместившейся, следом за Оперой, в Пале-Руаяль. Николя разделял мнение многих критиков, считавших, что помещение, временно отведенное под театр, нисколько для этого не подходит.

Спектакль должен был вот-вот начаться. Контролер приветствовал Николя как старого знакомого. Комиссар часто дежурил в театре, особенно когда в зале присутствовали члены королевской фамилии или иностранные монархи инкогнито. В фойе его внимание привлекла шумная группа людей, над которой возвышалась голова верзилы Шоре, одного из старейших работников парижской полиции. Он подошел поближе. Двое стражников держали за руки какого-то человека с землистым лицом в потертом саржевом фраке, а полицейский комиссар методично извлекал из его карманов добычу и складывал ее на мраморную консоль.

— И этот тип еще смеет заявлять, что он невиновен! Да у него не карманы, а целая лавка скупщика краденого из Тампля! О, смотрите, это же Ле Флок! Вы как раз вовремя, друг мой. Но постойте, у вас сегодня нет дежурства! Неужели я ошибся, когда просматривал график?

— Вы не ошиблись. Я просто пришел сюда провести вечер.

— Значит, придется вам стать свидетелем за собственные деньги! У этого мошенника не карманы, а настоящая кладовая. Двое часов золотых, одни бронзовые, двойной луидор, шесть английских гиней, а еще…

Он принялся разглядывать собранные в горсть монеты.

— Три бернских дуката, несколько старинных экю, серебряная мелочь… Похоже, сегодня вечером вся Европа собралась здесь, чтобы восторгаться талантом Рокур. Во всяком случае, каторга тебе, мерзавец, обеспечена.

Задержанный трясся как в лихорадке.

— Найди-ка мне дежурного, да поживее, — велел Шоре мальчишке-прислужнику.

Явившийся на зов дежурный офицер с постной миной выслушал приказ комиссара вызвать караул и препроводить преступника в Шатле. Затем, взяв Николя под руку, Шоре повел его в зал.

Они заняли места в ложе слева от сцены, откуда был хорошо виден весь зал, размерами и конфигурацией напоминавший о прежнем предназначении здания. Под шорох шелков и скрип половиц свет постепенно погас.

— Посмотри-ка, принц Конти опять явился. Ах, старый волокита! Хочет прибрать к рукам новую курочку! Добавить к своей коллекции очередную восходящую знаменитость!

— Увы! — вздохнул Николя. — Юные актрисы из королевских театров являются весьма доступной дичью. Сами знаете, они издавна пользуются сей сомнительной привилегией. Они ускользнули от родительской власти, а потому наши охотники на молоденьких курочек не подлежат судебному преследованию.

— Кому вы это говорите! Я уже и считать перестал, сколько их радостно вспорхнуло под чужое крыло, чтобы потом окончить дни в сточной канаве. Наша новая знаменитость пока ведет себя исключительно пристойно и скромно, а потому наши знатные дамы от нее в восторге; они осыпают ее драгоценностями и дарят ей платья, надеясь, что им не придется увидеть в ней соперницу. Впрочем, ее старик-отец по-прежнему с ней, и он всегда начеку. Но надолго ли его хватит? Дождемся последнего действия. Знаете, она, действительно, настоящее чудо, и готов поклясться, ее соперницы от злости уже все локти себе пообкусали.

— Да, в наблюдательности вам не откажешь. Вы ведь уже больше сорока лет на службе?

— Сорок три года, если быть точным. Есть, отчего и заматереть, и поседеть.

— Зато сколько приключений! Наше ремесло никогда не дает скучать!

— Ну да, хотя, конечно, все зависит от обстоятельств, — задумчиво ответил Шоре, пытаясь почесать голову под париком. — Я всегда предпочитал работать в уголовной полиции, там гораздо веселее, чем надзирать за городскими службами. Когда я только начал работать, меня бросали на обыски и днем, и ночью. Но скоро с обысками было покончено, и меня перевели в службу надзора за ростовщиками, подпольными торговцами и старьевщиками, ловившими клиентов по дороге в ломбард. Да, столько бессердечных негодяев сразу мне еще никогда не доводилось видеть, можете мне поверить!

— Все это рутина, дорогой мой, — заметил Николя. — Но, полагаю, вам довелось сталкиваться и с необычными случаями?

— Разумеется! В 1757 году начальник полиции, достойный предшественник господина де Сартина…

— …который вас ценит и уважает.

Услышав комплимент, Шоре покраснел от удовольствия.

— Очень ему признателен. Так вот, как я уже сказал, в 1757 году я с ног сбился, рыская вокруг Арраса и Сент-Омера, а потом и по всей провинции Артуа в поисках родственников Дамьена, убийцы короля: мне поручили допросить их. А когда в 1760-м начались крупные кражи в театрах, меня привлекли к расследованию этого дела. Тогда мне удалось отыскать склад краденых вещей, устроенный мошенниками в Бриаре: горы всевозможных кошельков, часов, табакерок и кучи монет. Наконец, в прошлом году я сопровождал из Седана в Буйон роту гренадеров герцога Энгиенского, чтобы негласно посетить тамошние типографии и книжные лавки на предмет изданий и продажи запрещенных книг.

— Увы, это наш крест: мы все время ищем иголку в стоге сена! — вздохнул Николя.

Зажглись огни рампы, и три удара, возвещавшие начало спектакля, прервали их беседу. Сегодня давали «Гофолию» Расина. Пьесу Николя знал едва ли не наизусть, поэтому внимание его быстро переключилось на игру актеров.

Новая знаменитость, действительно, была очаровательна, однако ее партнер, знаменитый Лекен, вновь убедил его в превосходстве искусства над природой. Великолепная игра актера заставляла забыть о его уродстве. Он с таким вдохновением исполнял роль Абнера, что суровые и отталкивающие черты лица его полностью разглаживались. Часть публики, похоже, была раздосадована, что мадемуазель Рокур дали роль, успевшую прославить мадемуазель Дюмениль и мадемуазель Клерон. А, судя по последним доносам полицейских осведомителей, против юного дарования уже несколько недель плела заговор мадемуазель Вестрис, актриса Французского театра, которой покровительствовали герцог Шуазель, пребывавший в изгнании в Шантелу, куда его отправила клика Дюбарри и герцог Дюра. Великосветские связи Вестрис заставляли терпеть ее злокозненный характер.

Внезапно откуда-то послышалось кошачье мяуканье. Возможно, это была кошка, живущая в театре, а может, кто-то тайно пронес животное в зал. Как бы то ни было, кошачьи вопли произвели поистине чудесное воздействие; актеры замерли в изумлении, а молоденькие хористки принялись смеяться так заразительно, что их веселье передалось публике. Когда же кто-то в партере гнусавым голосом громко заявил: «Это кошка мадемуазель Вестрис», хохот стал поистине громовым и, нарастая, словно гигантская волна, затопил зал. Но стоило Лекену уверенно произнести свою реплику, как зрители умолкли, и спектакль продолжился. Однако тишина оказалась непродолжительной: новое происшествие прервало ход представления. Из оркестровой ямы выскочил непонятный субъект и, оперевшись на рампу, вскочил на сцену. Оттолкнув актеров, попытавшихся увести его, он закричал, что его зовут Бийар, и он прибыл в Париж добиваться постановки своей пьесы под названием «Соблазнитель». Пьеса его, одобренная многими достойными людьми, не попала на сцену исключительно из-за сопротивления каких-то жалких актеришек. Новая интермедия публике явно пришлась по вкусу: со всех сторон раздавались ободряющие крики: автору советовали отстаивать свои права.

Воспользовавшись расположением зрителей, субъект заявил, что, в отчаянии от вечных отказов, ему ничего не остается, как начать открытую войну против труппы театра. Он намерен разоблачить этих лицедеев, показать всем, какой дурной вкус царит у них в театре. Завершая свою гневную тираду, он призвал на головы труппы, а также всех, кто ее поддерживает, беды и несчастья, и выразил надежду, что ему больше не придется зависеть от столь гнусных судей. Затем он предложил партеру прослушать его пьесу, кою он готов прочесть незамедлительно. И если присутствующие здесь признают ее достойной, он силой заставит недостойный ареопаг принять ее к постановке. Отбиваясь от служителей, пытавшихся стащить его со сцены, он ухитрился извлечь из кармана свиток и принялся его раскручивать; свиток оказался длиннющим. Обороняясь, он вытащил шпагу и стал махать ею во все стороны, пока один из стражников ловким движением не выбил оружие у него из рук. Театральные служители вместе с дежурными караульными навалились на возмутителя спокойствия и силой увели его в фойе.

Желая поскорее покончить с шумом, актеры продолжили спектакль, но партер потребовал вернуть скандалиста на сцену. Несмотря на старания актеров, шум усиливался, и караульные, явившиеся с подкреплением, принялись раздавать тумаки во все стороны и задержали нескольких зрителей; активное сопротивление публики превратило театральный зал в поле сражения.

Красный от возмущения и пыхтящий, словно кузнечные мехи, комиссар Шоре, а следом за ним и Николя, выскочили в фойе, где непризнанный автор в окружении хохочущих караульных, встав на стул, читал свою пьесу. Когда прибыла городская стража, Шоре приказал приставу препроводить сочинителя в Шарантон и поместить его к душевнобольным, пока они не соберут о нем все надлежащие сведения. Происшествие в театре подействовало на Николя

словно бальзам, пролитый на раны его изъязвленной души. Гнев и ревность покинули его, и он понял, что досматривать спектакль нет никакой необходимости: ему не хочется слушать мадемуазель Рокур. Неестественные, по его мнению, интонации актрисы портили впечатление от ее очаровательной внешности и изысканной манеры игры. Ее голос, то хриплый и дребезжащий, то резкий и пронзительный, разрушал и искажал музыку стиха. Прощаясь с Шоре, он дал старику обещание при первой же возможности зайти к нему в гости, дабы вместе поужинать в его маленьком домике на улице Макиньон, рядом с полицейским отделением Конного рынка. Николя вспомнил, как лет двенадцать назад, когда он делал первые шаги на избранном им поприще, он присутствовал на устроенном Сартином торжественном открытии щегольского здания рынка. Также он припомнил, что Шоре обладал достаточным состоянием, ибо в свое время получил от отца, торговавшего лошадьми, солидное наследство.

Ночная сырость и холод пробудили в Николя прежнюю тревогу, и он с ужасом осознал, что в нем вновь подняли голову страхи, гнетущие его со времен юности. Его воображение, вырвавшись из-под контроля разума, устремилось без руля и ветрил, воскрешая в памяти жуткие картины пороков, когда-либо встававших у него на пути. Одержимость прошлым терзала его до тех пор, пока он вновь не исследовал каждый уголок своей памяти, не вспомнил все, что стремился забыть. Когда нарушалось равновесие в окружающем его мире, когда противоречия обступали его со всех сторон, у него возникала непреодолимая потребность погрузиться в пучину былых несчастий, и как он ни сопротивлялся этому желанию бороться, из этой борьбы он никогда не выходил победителем. Почему воображение его не шло торным путем, на котором драма превращается в простой всплеск эмоций, а быстротечные мгновения счастья легко достаются и столь же легко проходят? Господин де Ноблекур, чью исключительную честность он никогда не подвергал сомнению, считал, что мудрость приходит с возрастом, когда стихает пламя страстей, и пообещал ему, что с годами он исцелится.

Николя принялся подробно анализировать сегодняшнюю неприятность. Неужели каждый женский каприз для него непременно должен превращаться в трагедию? Тем более каприз одинокой дамы? Конечно, у этой дамы есть любовник, но его занятия большую часть времени удерживают его вдали от нее. Поэтому она, кокетливая, как все женщины, и неравнодушная к восторгам праздных молодых людей, решила возбудить в нем ревность, ибо только ревность могла стать мерилом его чувства к ней. А он, ее господин и повелитель, начинал бушевать при первом же брошенном ему вызове, а любое разногласие, призванное лишь вдохнуть новые силы в их союз, воспринимал как трагедию. И он решил сделать Жюли сюрприз: вернуться без предупреждения на улицу Верней. Поймав на улице Сент-Оноре фиакр, он поехал по пустому, скованному холодом городу; доехав до места, он столь щедро расплатился с кучером, что тот от изумления назвал его монсеньором.

Подойдя к двери, он поднял глаза вверх. В ярко освещенных окнах квартиры госпожи Ластерье двигались многочисленные тени. Его желание вновь увидеться с возлюбленной сразу остыло: он надеялся найти дом опустевшим, с потушенными огнями, а Жюли — печальной и безутешной. Все же он поднялся на второй этаж, отпер дверь своим ключом и вошел в квартиру, где его тотчас оглушил громкий смех и звон бокалов. Разочарование сжало ему сердце, к горлу подкатила тошнота. О, как глубоко он заблуждался, думая, что из-за него праздник завершится и гости быстро разойдутся!

Выскочил Казимир с подносом в руках. Николя отступил в темный угол. Вновь появился Казимир: он шел из кухни с бутылками в руках. Николя вспомнил о бесценной бутылке венгерского токая, приобретенной за головокружительные деньги у метрдотеля австрийского посланника. Пронырливый малый округлял себе жалованье, приторговывая вином своей

родины, прибывшим в багаже его господина, и продавая Сартину интересующие его сведения. Жюли обожала токай, особенно с трюфелями, перепелами и паштетом фуа-гра, подражая в этом маршалу Субизу. Неожиданно ощутив приступ мелочной скаредности, Николя, злорадствуя, решил забрать бутылку, оставленную им вчера вечером на кухне. К счастью, участники пирушки ее пощадили, и она, спрятавшись за горами грязной посуды, по-прежнему пребывала в ожидании своей участи, окутанная, словно серым плащом, слоем пыли и паутины. Он опустил бутылку во внутренний карман плаща, дабы явиться на улицу Монмартр, куда он наконец решил отправиться, не с пустыми руками. Запахнув плащ, он повернулся к двери и нос к носу столкнулся с молодым человеком, которого он уже видел сидевшим за фортепьяно; прислонившись к дверному косяку и упираясь правой рукой в бедро, он насмешливо взирал на Николя. Черт побери, где он уже видел этот взгляд? Выбегая из кухни, Николя нечаянно задел юного наглеца, но не стал оборачиваться и выскочил на лестницу. При этом краем глаза он заметил, что его бегство видел также Казимир, изумившийся его нелепому поведению.

Николя долго блуждал по темным улицам и набережным, где ему то и дело приходилось отбиваться от жриц продажной любви; они повисали на нем и шамкающими беззубыми ртами ласково шептали непристойности. В одном из таких, накрашенных сверх всякой меры и с провалившимся носом существ он, как ему показалось, узнал старуху Эмилию. Эта Эмилия, призрак, вынырнувший из прошлого, в свое время, будучи свидетельницей, сопровождала его на Монфокон, где она имела обыкновение вырезать куски мяса из сваленных там лошадиных туш и варить из них суп, а затем торговать им вразнос. Воспоминание о старухе Эмили пробудило целый рой образов и лиц, среди которых постоянно мелькало лицо молодого человека с улицы Верней. Зайдя в прокуренный кабак возле моста Менял, он проглотил стаканчик «горлодера» и, изрядно проблуждав городу, наконец очутился на улице Монмартр перед домом Ноблекура.

Кухня являла собой картину великого беспорядка, обычно сопутствующего удачному приему. Он с горечью покачал головой: итак, целый вечер его оскорбляют, он убегает, прячется и созерцает кухни. На втором этаже звучали голоса и взрывы смеха, время от времени заглушаемые громогласными репликами Гийома Семакгюса. Дверь в библиотеку, где обычно накрывали стол, была приоткрыта; остановившись, Николя прижался пылающим лбом к деревянному косяку, и тотчас ноздри наполнились запахом лака; он стоял и слушал, что говорили его друзья.

— К такому чуду, — возглашал Семакгюс, — приступать надобно с особой деликатностью. Излишне длинный надрез попустит внутрь слишком много воздуха, и тот, смешавшись с находящимся внутри паром, рискует нарушить хрупкое равновесие и вызвать оседание всего сооружения. Предстоящая процедура напоминает операцию, сделанную мной в разгар бури в открытом океане в виду острова Бурбон[5]. Нужно было сделать трепанацию черепа и удалить часть, затронутую менингиальным воспалением…

— Фи! Наш хирург опять не может обойтись без медицинских подробностей! — воскликнул Ноблекур. — Неужели он и дальше будет пичкать нас своими познаниями о страшных болезнях? Мне кажется, ожидающее нас удовольствие нисколько не согласуется с его речами. Что вы на это скажете, Лаборд?

— Король научился великолепно делать вскрытия, — ответил Лаборд. — Совершая эту операцию, он проявляет одновременно и решительность, и нежность. Как будто перед ним очередная курочка, которую ему надо окучить!

— Не угодно ли вам замолчать, распутник вы этакий! — воскликнул бывший прокурор, икая от смеха. — Здесь же дамы. Разумеется, в моем возрасте у меня уже нет твердости в такого рода делах, и рука моя дрожит…

— Слово корабельного хирурга, вот ответ, который хотел прозвучать высоконравственно, а на деле лишь преумножил непристойность реплики предшествующего оратора!

Вмешался Бурдо:

— Николя взрезал бы его одним взмахом руки. А теперь придется это сделать вам. Если он простоит слишком долго, он будет не столь прекрасен, и прослойки внутри станут слишком мягкими.

— Ах, как нам не хватает Николя, — вздохнул Ноблекур. — Но он влюблен, и влюблен чрезмерно, а при его чувствительности и деликатности, его эта чрезмерность, похоже, немного угнетает.

— Когда наш товарищ посещал юную красавицу с улицы Сент-Оноре, — проворчал Семакгюс, — он был самым веселым сотрапезником.

При упоминании о Сатин, юношеской интрижке комиссара, воцарилась тишина; теперь Сатин содержала «Коронованный дельфин». Нежные узы, некогда связавшие ее с Николя, ослабли, но не канули в Лету. Комиссар изумился, узнав, сколь хорошо друзьям известна его личная жизнь, и немало обрадовался, услышав в их словах не горечь и досаду, а искреннее сочувствие и снисхождение к его слабостям.

— Что ж, — продолжил Лаборд, — в ожидании возвращения блудного сына, не ведающего, какое чудо он пропускает, предоставим честь действовать тем, кто достиг в этом деле совершенства! Дамы, приступайте!

Начавшаяся после слов Лаборда суета заинтересовала Николя, и он решился заглянуть в приоткрытую дверь. Его взору открылась сцена, напомнившая картины, которые в Салоне из года в год восхищали любителей: несколько человек, собравшихся в обставленной с большим вкусом комнате, предназначенной для наслаждений, даруемых природой и обществом. Тонкие свечи мягко освещают собеседников, переживающих чарующие минуты задушевной близости. Пристроившись половчее, Николя устремил взор в красивую комнату, где три стены из четырех занимали книжные шкафы из светлого дерева, а за овальным столиком, вокруг водруженного на него огромного серебряного блюда с изображением сцен из похищения Омфалы, сидели четверо сотрапезников. Всякий раз, когда наступал праздник или подходящий случай, оправдывавший появление на столе сего предмета, Пуатвен, недовольно ворча, яростно начищал его до блеска, словно дароносицу для литургии гурманов. Два надраенных серебряных подсвечника дополняли картину. Лаборд, Семакгюс и Бурдо устремили взоры на Ноблекура; бывший прокурор, в длинном парике времен регентства и черном фраке, застегнутом на все нефритовые пуговицы, осуществлял приготовления к началу загадочной церемонии.

Перед столиком для десерта недвижно стоял Пуатвен, сжимая руками бутылку, донышко которой тонуло в ведерке со льдом; взор его был прикован к величественному пирогу с золотистой корочкой, башней высившимся перед его хозяином. Возле окна, в кресле-бержер, сидела Марион; оперевшись подбородком на набалдашник своего костыля, она замерла от восторга. Наконец, подобно двум левитам, ассистирующим великому жрецу, Ава, чернокожая кухарка Семакгюса, и Катрина Госс, взяв за четыре конца тонкое покрывало, медленно, по мере того, как Ноблекур наклонялся все ниже, стараясь принять наиболее удобную позу для разрезания необыкновенного пирога, опускали свой покров на голову престарелого магистрата. Когда кончик острого ножа пронзил золотистую корочку, покрывало скрыло голову свершившего обряд жреца, в благоговейной тишине раздался легкий свистящий звук, а затем облегченный выдох прокурора, сопровождаемый сладострастным стоном, коему вторили одобрительные возгласы сидевших вокруг гурманов. Марион, будучи, без сомнения, вдохновительницей, если не создательницей сего великолепия, также с облегчением охнула. Пуатвен вытащил бутылку из ведерка и стал разливать вино. Обе кухарки аккуратно сложили платок, и собравшиеся зааплодировали, выражая свое восхищение удачно проведенной церемонией. С быстротой, вызвавшей изумление всех присутствующих, великий жрец срезал

верхушку башни и уже приготовился запустить вилку в чудесный колодец, как наблюдавший за ним Семакгюс остановил его.

— Ну, и что вы намереваетесь делать? Вы решили покопаться заступом в нежных недрах этого великолепия, дабы выловить оттуда сокрытые от наших взоров вкусненькие кусочки? А как же ваша подагра? Уж не намереваетесь ли вы, сударь, нарушить предписания высокоученых мужей с медицинского факультета? Неужели вы решили погасить огонь остроумия, создающий очарование ваших речей, дарующих радость вашим друзьям, ради единственного и суетного удовольствия, именуемого чревоугодием, после чего ваши руки, колени и ноги несколько дней станет терзать подагра? Разве вам не горестно сознавать, как будет страдать Марион, создательница сочнейшего бастиона, на приступ коего вы устремились с юношеским проворством, когда узнает, что она повинна в ваших несчастиях? А после подагры, сударь, настанет черед ревматизма, вы впадете в черную меланхолию, и виновником вашего дурного настроения будете только вы, и никто более. Разве мы, сгорая от зависти, не договорились, что даруем вам привилегию первым обонять аромат, вырвавшийся из-под корочки этого шедевра, а вы, желая угодить нам, удовлетворитесь божественными запахами и не станете вкушать тяжелую квинтэссенцию?

— Я бы с удовольствием отяготил свой желудок сей квинтэссенцией, — пробурчал Ноблекур.

С сокрушенным видом он пошевелил кончиком вилки сокровища, таившиеся в недрах крепости чревоугодия.

— Ах, как это жестоко! — проворчал он. — Вы напомнили мне одну старую парижскую сказочку, где трактирщику заплатили звоном монет за аромат жаркого. Что ж, я готов пойти на жертву, но взамен требую оказать мне милость и дать попробовать малюсенький кусочек сего сокровища. Например, крохотный кусочек трюфеля. В конце концов, это всего лишь гриб.

— Ни за что, — отрезал Семакгюс, — даже маленький кусочек трюфеля действует возбуждающе. Я бы посоветовал вам ограничиться кусочком корочки, и не более того.

— Будь проклят возраст, лишивший нас радостей жизни! Увы, теперь для полного счастья нам не хватает либо задора, либо здоровья. Неужели придется отказаться от наших роскошных блюд, подле которых заграничные кушанья выглядят жалкими потугами на подобие кухни, ибо их можно есть только в обществе бразильских дикарей, но никак не в нашем благотворном климате, где чистота, изысканность и отменные вкусовые качества являются как предметом, так и целью нашего усердия.

— Можешь философствовать сколько тебе угодно, господин прокурор, но мы будем непреклонны, — отрезал Семакгюс.

Пока Катрина разрезала дымящуюся крепость на четыре части, Ноблекур смаковал завоеванную в тяжелой борьбе добычу.

— А почему четыре кусочка? — удивленно воскликнул он. — Разве ты забыла, что меня отлучили от дегустации этого шедевра кулинарного искусства?

— Что я слышу! — в том же тоне ответила ему Марион. — И это говорит церковный староста прихода Сент-Эсташ! Как вы могли забыть о доле бедняка? Так вот, значит, каково ваше милосердие! А если я скажу, что хочу оставить кусочек для Николя? Поставлю тарелку на краешек плиты, прикрою крышкой, и коли поддерживать в плите небольшой огонь, пирог не засохнет. Этот кусочек восстановит его силы, ведь ему приходится столько бегать!

— Но это слишком большой кусок для неблагодарного сотрапезника! Он слишком часто пропускает наши пиршества, — запротестовал Семакгюс.

Ноблекур бросил на него суровый взор.

— А разве вы не были молоды? И разве мы все, здесь присутствующие, не постарались понять его и поддержать? Ведь что ни говори, а положение у него сейчас незавидное.

Желая внести разнообразие в беседу, Марион, покраснев от смущения, промолвила:

— Если господин прокурор пожелает, я расскажу вам, как я готовила этот пирог.

— Давайте, рассказывайте. Зачастую рассказ доставляет не меньше удовольствия, чем само изделие.

— Прежде всего, скажу честно: я получила рецепт вон от того господина, — и старая кухарка посмотрела на Лаборда.

Удивленные возгласы заглушили ее голос, а первый служитель королевской опочивальни, с притворным смущением прикрыв лицо салфеткой, жалобным тоном произнес:

— Я всего лишь хотел немного разнообразить жесткую диету нашего дорогого хозяина. К тому же рецепт не мой. Его создателем является Его Королевское высочество Луи-Огюст Бурбон, принц де Домб, губернатор Лангедока.

— Ого! — насмешливо заметил Бурдо. — Внук великого Бурбона, написавший «Гасконского повара»!

— Прекрасно, вот мы и порадуемся, — заметил почтенный магистрат. — Рассказ о великих свершениях моей кухарки станет отличной прелюдией к пиршеству, ожидающему моих гостей. Ну, а мне, уже насладившемуся ароматом пирога, перепадет только жалкий кусочек корочки!

Снисходительно улыбаясь, Марион слушала шуточки хозяина. Воспользовавшись короткой передышкой, она поспешила начать рассказ, не намереваясь отказать себе в удовольствии сыграть главную роль в развлечении господ.

— Итак, сначала я приготовила песочное тесто, — начала она, — и положила его в холодное место. Потом принялась за фарш: смешала фуа-гра с мелко нарезанным салом, петрушкой, луком, грибами и рублеными трюфелями. Лучше всего смешать все заранее, чтобы кусочки как следует пропитались соками друг друга и приобрели неповторимый вкус. Ну, дальше я открыла добрую дюжину зеленых устриц из Канкаля… собственно, больше мне и не понадобилось. Устриц я всегда бланширую в воде, потом откидываю на дуршлаг и собираю стекшую с них воду. Когда устрицы обсохли, я начала класть в форму начинку: слой фарша, слой устриц, и так несколько слоев. Потом достала песочное тесто, в которое вбила еще несколько желтков, чтобы оно стало желтым и гибким, и накрыла им мою форму. Когда печь достаточно раскалилась, я поставила форму в плиту и держала там до готовности пирога. А из воды, оставшейся от моих устриц, я сделала заливку, добавив в нее две горки масла из Ванвра, предварительно распустив его и соединив и с мелко порезанной зеленью. Этот соус…

Она показала на серебряную соусницу.

— …надобно сдобрить лимонным соком. Собственно, лимонный сок добавляется по вкусу, но мне кажется, лимон не только придаст фаршу сочности, но и вернет устрицам их природный вкус, тот самый, который у нас сохранился в заливке.

— И как же называется этот чудо-пирог? — поинтересовался Ноблекур; во время рассказа кухарки ему явно не сиделось на месте. — Не знал, что Марион способна на такие кулинарные подвиги!

— Неблагодарный! — воскликнул Семакгюс. — Она служит ему уже сорок лет, а он только сейчас это обнаружил!

— Сорок три, чтобы быть точной, — скромно уточнила Марион. — Но, отвечая вам, скажу, что подвиг тут не мой, а зеленых устриц — это они придали особый вкус начинке. Еще один секрет этого пирога заключен в тесте. Тесту тут надобно дать возможность вылежаться на холоде, а еще хорошенько его вымесить, чтобы раскатать почти так же тонко, как слоеное, но при этом оно должно быть достаточно прочным, чтобы удержать в себе всю начинку.

— В самом деле, — улыбнулся Лаборд, — выслушав такой рассказ, можно с полным правом утверждать, что ты попробовал кушанье дважды.

— Я даже задался вопросом: не вызовет ли прослушивание сего рецепта у нашего друга приступ подагры? — задумчиво произнес Семакгюс. — Такой приступ вполне можно будет назвать пинком Комуса!

Все расхохотались. Николя слушал, огорчаясь и радуясь одновременно. Он присутствовал на празднике, хотя друзья его об этом не подозревали. Непонятное чувство, охватившее его, не позволяло ему толкнуть дверь и, переступив порог, оказаться в залитом свете пространстве библиотеки. Внезапно ощутив озноб, он понял, что у него начинается лихорадка; вскоре недуг сдавил ему виски. От угнетавших его противоречивых чувств — печали, накатившей словно волна, и ностальгии по невозвратному прошлому — у него возникло желание забыться навеки. Взяв себя в руки, он сосредоточил свое внимание на беседе, продолжавшейся с еще большей живостью.

— Его Величество, — говорил Лаборд, — давно сам готовит и накрывает на стол для своих самых близких гостей — тех, кто получает приглашение в малые апартаменты. Если бы сейчас с нами был Николя, он бы подтвердил мои слова. Как-то раз, зная, что «наш дорогой Ранрей» как Его Величество имеет обыкновение называть Николя, разделяет его пристрастие к куриным крылышкам, король сам подал ему тарелку, наполненную этими изысканными кусочками куриной тушки.

— Как здоровье короля? — серьезным тоном спросил Ноблекур.

— И хорошо, и плохо. Он бодрится, но очень быстро устает, как и положено в его возрасте.

— Что ж, я всего на десять лет его старше, но чувствую себя как…

— Как человек, которого друзья защищают от искушений и необдуманных поступков! Ваши гастрономические пристрастия свалили бы даже юного здоровяка, — перебил его Семакгюс.

— Нет, вы только послушайте этого доморощенного апостола, присвоившего себе роль пророка!

— Я сам, господин прокурор, вот уже несколько лет заставляю себя соблюдать ряд предосторожностей, чтобы иметь возможность наслаждаться этой жизнью так же долго, как и вы, и надеюсь, что мне это удастся.

— Все дело в том, — произнес Лаборд, — что король не признает доводов разума. И молодые особы, окружающие его, этим пользуются. Красотка дразнит его, постоянно устраивает маленькие провокации и раздувает его последние искры. Она не похожа на Помпадур, у нее нет политических амбиций, однако она использует свое влияние, дабы услужить тем, кто убеждает ее, что эти амбиции у нее есть.

— Вы хотите сказать, что ее «эгийонируют», — вздохнул Бурдо.

Намек на первого министра, герцога д'Эгийона, встретили аплодисментами. Лаборд вздохнул.

Николя вспомнил, что друг его недавно поссорился со своей любовницей Гимар, которую он довольно долго делил с принцем Субизом. Когда же принц решил покончить с двусмысленным положением, он поставил Гимар перед выбором, а первого служителя королевской опочивальни обвинил в том, что тот наградил актрису сифилисом. Та передала болезнь принцу, тот в свою очередь передал его графине де л'Опиталь, а графиня — неизвестно кому… конец цепочки терялся то ли в городе, то ли при дворе, ибо разобраться в обильных любовных связях знати было практически невозможно. Лаборд доверительно сообщил Николя, что по совету полковника французской гвардии Бирона он лечится противовенерическими пилюлями, изготовленными знахарем по имени Кайзер; полковник успешно испытал эти пилюли на своих солдатах, развращенных городской жизнью.

— Правда ли, что красотка купила за двадцать тысяч ливров полотно Ван Дейка, где изображен Карл I Английский в полный рост и повесила его напротив портрета короля, дабы напоминать ему, какая судьба ждет его, если он начнет идти на уступки парламенту?

— Не знаю, насколько верно это объяснение, но я не раз имел возможность любоваться этим портретом в покоях фаворитки. Возможно, мысль повесить оба портрета друг напротив друга пришла в голову д'Эгийону, захотевшему польстить нездоровым вкусам моего повелителя. Как бы там ни было, всякий раз, когда я вижу эти портреты, мне становится не по себе. Увы, силы короля уже не те. Теперь, чтобы сесть в седло, ему требуется лесенка. Он намерен использовать изобретение графа д'Э, который, утратив быстроту движений, изобрел специальную карету для охоты. Кузов ее поворачивается на шарнире, и граф, не выходя из кареты, успевает выстрелить в ту сторону, куда побежала дичь, и получить какое-никакое удовольствие от охоты. А короля как всегда одолевают мрачные мысли.

— Мой друг маршал де Ришелье, — произнес Ноблекур, поправляя парик, дабы все поняли, что он отдал честь звукам прославленного имени, — рассказывал, как в ноябре прошлого года, во время партии в вист у графини дю Барри, маркиз де Шовлен, почувствовав себя плохо, прислонился к креслу, где сидела маршальша де Мирпуа. Маркиз попытался пошутить, король взглянул на него, лицо маркиза перекосилось, и на глазах у Его Величества он упал мертвым.

— Совершенно верно, — подтвердил Лаборд. — Придворные бросились к Шовлену, но все усилия вернуть его к жизни оказались напрасны. Его Величество потрясла эта сцена, тем более что его старому другу маркизу сравнялось всего пятьдесят семь лет. Напуганный внезапной смертью маркиза, король забеспокоился о своем здоровье и, питая безграничное доверие к своему первому хирургу, Ла Мартиньеру, отдался в его руки. Заявив ему, что он опасается за свое здоровье, король произнес такие слова: «Похоже, я уже не слишком молод, так что, пожалуй, мне пора остепениться». «Сир, — ответил ему хирург, — будет еще лучше, ежели вы утихомиритесь».

Воцарилась долгая тишина, на протяжении которой каждый, казалось, соразмерял серьезность и последствия услышанного. Николя почувствовал, как он весь покрылся потом. Ну, вот, подумал он, это последствия моих безумных прогулок в морозные ночи при ледяном ветре. Внезапно пол ушел у него из-под ног, он упал, и бутылка старого токайского, выскочив у него из рук, разбилась вдребезги. Сирюс, пожилой спаниель, дремавший у ног своего хозяина, встрепенулся и разразился громким истошным лаем. Провожаемые тревожным взором побледневшего от волнения Ноблекура, гости бросились к Николя, в то время как прокурор тщетно пытался встать со своего кресла.

II
ПОДОЗРЕНИЯ

Сеньор, — ответил рыцарь, — вижу, мне придется рассказать вам и о своем позоре, и о своих печалях, дабы вы поверили в мою честность.

Роман о Граале

Пятница, 7 января 1774 года

В окружавшем его тумане Николя с трудом различал лица трех старцев; они качали головами и с надеждой взирали на четвертого, который, накрыв голову салфеткой, что-то очень тихо говорил. Маленькая старушка, с лицом, скрытым под густой черной кружевной вуалью, режущим орудием, более всего похожим на серп, рассекла королевский пирог. Когда угощение разложили на тарелки, четверо сотрапезников принялись медленно, словно через силу, поглощать лежавшие перед ними куски. Работа челюстей иногда прерывалась, и тогда жующие исторгали из себя непонятные невнятные звуки. Внезапно тот, у кого голову

прикрывала салфетка, издал отрывистый крик, и, запустив руку под салфетку, вытащил черный боб. Пока Николя задавался вопросом, в чем смысл разыгравшейся перед ним сцены, старик с лицом, скрытым салфеткой, тяжело встал и, схватив рукой в перчатке корону, поднял ее и водрузил на голову в ту самую минуту, когда с нее упала салфетка. Николя содрогнулся, увидев коронованный череп, насмешливо скаливший зубы и глядевший на него своими пустыми глазницами. Старушка откинула с лица кружевную накидку, и он в ужасе обнаружил, что голова, венчавшая тощее тело, отделена от туловища; когда же он увидел, как голова внезапно обрела напудренную прическу и очаровательное личико графини дю Барри, он закричал от страха и зажмурился, желая прогнать кошмарное видение…

— Держите его крепче, Бурдо, он так дергается, что того и гляди упадет.

— Господи, да что же это за несчастье такое!

Одной рукой Семакгюс измерил Николя пульс, а другой пощупал ему лоб.

— Ему уже легче. Лихорадка спала, пульс восстановлен. Травы Авы, поистине, бесценны, особенно когда приступ застает тебя внезапно. Я каждый день радуюсь, что, покидая остров Сен-Луи, сделал большой запас.

— Он спит уже двенадцать часов, — проговорил Бурдо. — Время почти час дня.

Бросив взгляд на большие латунные часы, инспектор спросил:

— Вы полагаете, у него хватит сил выслушать неприятную новость?

— Без сомнения. К сожалению, сейчас ему никак нельзя болеть, тем более, вы утверждаете, что его пора будить.

— Сами понимаете, Семакгюс, Сартин, приказавший привезти его как можно скорее, ждет в полицейском управлении. Однако я не уверен, что нам следует предоставить Сартину возможность сообщить ему правду.

— Вы правы, это слишком рискованно, лучше мы сами ему все расскажем. А еще лучше давайте попросим Ноблекура; его мудрость и доброжелательность позволят ему поговорить с нашим другом должным образом.

— К вашим услугам, — раздался за их спинами запыхавшийся голос магистрата, с трудом преодолевшего узкую лестницу, ведущую в апартаменты Николя. — Оставьте нас наедине, но сначала окажите мне любезность, и придвиньте кресло к постели.

— Он открыл глаза, — произнес Бурдо. — Мы вас оставляем.

Николя открыл глаза: знакомые очертания мебели вернули его к действительности. Увидев торжественное и серьезное лицо бывшего прокурора, он встревожился. Он помнил, что именно так смотрел на него каноник Ле Флок, когда, много лет назад, явился к нему сообщить о его отъезде из Геранда. Такая же тревога, такое же нежное внимание читались в чертах склонившегося над ним знакомого лица.

— Добрый день, Николя.

— Уже день? Я так долго спал?

— Гораздо дольше, чем вы думаете. Сегодня пятница, почти два часа пополудни. Вчера вечером вы упали без сознания возле дверей моей библиотеки. Ваша одежда была облита токаем, и наши друзья сказали, что вам бы следовало найти этому прекрасному вину более удачное применение.

— Это был подарок, который я хотел вручить вам в знак искупления своего дезертирства с праздника. Я понимаю, каким я был неблагодарным по отношению к вам.

— Что вы такое говорите? Мы с вами давно понимаем друг друга с полуслова. Здесь вы у себя. На улице Монмартр дует ветер свободы. Помнится, когда вы только перебрались ко мне в дом, я сказал вам, что в этой маленькой Телемской обители[6] царят свобода и независимость.

Легкое покачивание головы сопровождало его слова; на одухотворенном лице играла добрая улыбка, а крупный красный нос морщился от удовольствия.

— Что с вами случилось? — спросил Ноблекур. — Ваш фрак пропах дешевым пойлом. Он был такой грязный и заляпанный, словно шерсть молодого спаниеля, потерявшегося на набережной Пеллетье. Что произошло, господин комиссар? Почему вы вдруг, изменив своим привычкам, позабыли о своем внешнем виде, о приставшей вашей должности опрятности?

— Увы, вы все правильно говорите, — ответил Николя, ощутивший себя нашкодившим школяром, от которого ждет ответа строгий учитель. — Но я не стану утомлять вас рассказом о своих похождениях.

Ноблекур устремил на него проницательный взор, каким некогда во время судебных процессов смущал обвиняемых.

— В общем, — глухим голосом произнес Николя, — должен сказать, что поначалу я отправился на улицу Верней к госпоже Ластерье, куда меня пригласили на ужин. Но так как госпожа Ластерье не оказала мне должного внимания, я от нее ушел и направился во Французский театр, где давали «Гофолию». Просидев первое действие и успокоившись, я решил вернуться к Жюли. Вернувшись и увидев, какое там царит веселье, я понял, что ошибся. Разъяренный и обиженный, я пошел куда глаза глядят и долго бродил по городу, словно блудный сын, а потом отправился на улицу Монмартр.

— Вы, действительно, вели себя как мальчишка. И это в ваши годы, с вашим-то опытом! Скажите, а в театре вы, случайно, не встретили кого-нибудь из знакомых?

— Встретил — моего собрата по ремеслу, дежурного комиссара Шоре.

Николя отвечал, не задумываясь, но в какую-то секунду сообразил, что вопросы Ноблекура напоминают ему допрос подозреваемого, у которого желают узнать, где он находился и что делал, когда было совершено преступление.

— Могу я поинтересоваться, сударь, почему вы об этом спрашиваете?

Белой, как у прелата, рукой, прокурор погладил себя по отвисшей розовой щеке.

— Ваш острый ум вернулся к вам, Николя, и теперь я могу сообщить вам важную и крайне неприятную новость. Уверен, она вас не обрадует, но я прошу вас сохранять спокойствие, ибо оно вам очень понадобится в ближайшие же часы.

— Что означают ваши слова, сударь?

— Они означают, мой мальчик, что сегодня утром, ровно в десять, за вами явился посланец Сартина. Начальник полиции немедленно требует вас к себе. Бурдо, явившийся справиться о вашем здоровье, очень долго тянул кота за хвост, но в конце концов раскололся. Будьте мужественны! Сегодня, ранним утром, госпожу де Ластерье нашли мертвой. Живущий по соседству врач осмотрел тело и высказал предположение, что женщину отравили.

Через много лет Николя вспоминал, что первым его чувством, возникшим прежде, чем печаль ударила его своим кинжалом прямо в сердце, стал вздох облегчения, словно его наконец отпустили на свободу. Затем внутри у него все сжалось, перед глазами стремительно пронеслись воспоминания о соединявшей их страсти, и он закрыл глаза. Он лежал молча, затаив дыхание, и Ноблекур испугался, как бы у него не отнялся дар речи.

— Отравлена! — наконец произнес Николя. — Вы хотите сказать, что испорченная пища или грибы…

— Увы, нет. Все признаки и находки говорят о том, что отравление совершено с преступными намерениями.

— А никому не пришло в голову, что она сама захотела уйти из жизни?

— Если у вас есть доказательства, что она пребывала в таком отчаянии, что могла решиться на самоубийство, вы должны немедленно представить их, прежде чем те, кому поручено вести это дело, начнут задавать вам вопросы.

Приподняв голову, Николя едва слышно спросил:

— Последний раз… Боже!.. я слышал ее — нет, я не видел ее, поэтому я и говорю, что именно слышал — она смеялась во весь голос, и ничто не указывало на ее намерение покончить с собой.

— Вам придется все это рассказать, и каждое ваше утверждение потребует дополнительных объяснений. Не волнуйтесь и не теряйте хладнокровия, ибо неприятности только начинаются. Поэтому приготовьтесь встретить их достойно. Вам не в чем себя упрекнуть… Сейчас же поторопитесь поведать обо всем Сартину. И передайте ему мое почтение.

Ноблекур старательно поправлял бархатную шапочку, прикрывавшую его совершенно лысый череп. Казалось, этим занятием он хотел рассеять возникшую между ними неловкость. Николя почувствовал, как внезапно ему стало совсем плохо. Несформулированный вопрос прозвучал как утверждение. И хотя ему было не в чем себя упрекнуть, с этой минуты он понял, что ступил на неведомую, а потому особенно опасную территорию, где препятствия будут множиться, тая в себе ловушки и капканы. Малейшее невпопад сказанное слово, безобидная фраза, озабоченный взгляд друга станут причинять ему столь болезненные раны, что он перестанет понимать, что происходит на самом деле а что является плодом его воображения…

Сердясь на самого себя, старый прокурор продолжил:

— Постарайтесь действовать аккуратно. Смотрите правде в глаза. Займите позицию зрителя, смотрящего на дело со стороны, как смотрит на него комиссар полиции Шатле, когда начинает расследование. От вас ждут четкого и обстоятельного рассказа о том вечере, когда госпожа Ластерье, по вашему собственному утверждению, казалась излишне оживленной. Обещайте вспомнить все, даже самые мельчайшие подробности. Сартин давно и хорошо знает вас, у него нет оснований сомневаться ни в вашей преданности, ни в вашей невиновности в случившейся трагедии, о которой мы пока ничего толком не знаем. А когда я говорю Сартин, я подразумеваю также и ваших друзей. Не воображайте, что ваши неприятности нас не касаются. Еще как касаются! Вы даже представить себе не можете, как они нас касаются. Поверьте, отныне главной нашей задачей является обеспечить вам нашу поддержку…

Дрожащий голос Ноблекура был исполнен такой удивительной теплоты, что все сомнения, какие могли возникнуть у Николя относительно своего ментора, рассеялись без следа; тем не менее, слыша из уст Ноблекура слово «невиновность», он вздрагивал. Впрочем, он прекрасно понимал, что вскоре его собеседниками станут его противники, обвинители, свидетели или даже судьи, настроенные к нему отнюдь не доброжелательно. И с ужасом осознал, что, удар, нанесенный гибелью близкого ему человека, до конца дела ставит его в положение подозреваемого, иначе говоря, тех, кому все двенадцать лет его работы в полиции приходилось выдерживать его бурный натиск во время расследования.

Дверь в комнату отворилась, и в проеме появилась озабоченная мина Бурдо.

— Прибыл фиакр, присланный господином де Сартином. Вы знаете, что лучше его не злить. Даю вам время, чтобы вы привели себя в порядок, а сам жду вас внизу. Я поеду с вами.

Николя вымученно улыбнулся.

— Полагаю, чтобы я не сбежал?

На лице инспектора отразилось такое страдание, что Николя вскочил и, бросившись к нему, заключил его в объятия.

— Простите меня, Пьер, я не хотел вас обидеть, я все еще сам не свой.

— Поторопитесь, дети мои, — произнес Ноблекур, — и не расслабляйтесь. Николя, идите и приведите себя в порядок. И обещайте, что как только вы освободитесь, вы немедленно прибудете ко мне и все расскажете.

Опираясь на руку Бурдо, почтенный магистрат вышел. Зная, что его начальник обычно оценивал состояние человека по его внешнему виду, насколько аккуратно и благопристойно тот выглядел, Николя постарался одеться как можно тщательнее. Любая небрежность в одежде омрачала настроение Сартина, и он, окинув насмешливым взором неугодившего ему костюмом, начинал подозревать его в самых ужасных преступлениях. Николя тщательно побрился, сделав все, чтобы ненароком не расцарапать щеку. Облачившись в черный фрак, недавно сшитый ему мэтром Вашоном, он обмотал шею кружевным галстуком ослепительной белизны, и, тщательно причесав волосы, где уже поблескивала седина, свидетельствуя о зрелых годах их обладателя, собрал их в хвост и завязал темной бархатной лентой. Парик он надевал только когда отправлялся ко двору, или же когда его служебные обязанности предписывали ему облачиться в тогу и мантию магистрата. Взглянув в последний раз на себя в зеркало, он на мгновение позабыл об ожидавших его неприятностях: после приступа лихорадки лицо его выглядело необычайно молодо. Спустившись во двор и увидев под аркой Бурдо и Семакгюса, он вспомнил о мрачной реальности. Корабельный хирург тотчас подошел к нему.

— Помните, Николя, вы можете просить меня о чем угодно, произнес он. — Я не забыл, кто доказал мою невиновность, и кому я обязан своей свободой.

Николя крепко пожал ему руку, и сев следом за инспектором в фиакр, погрузился в печальные размышления, Внезапно перед взором его предстал хрупкий силуэт Жюли. У него перехватило дыхание, голова закружилась и, согнувшись пополам, он горько зарыдал. Разыгравшееся воображение являло ему ужасные картины: тело, чье тепло он ощущал по-прежнему, брошено на каменный стол мертвецкой, и хирурги во главе с палачом производят вскрытие, а затем колдуют над ним, сообразно нуждам следствия… Бурдо смущенно кашлянул. За окошком бежали улицы любимого города, мелькали дома, напоминавшие декорации отыгранного спектакля, в которых не осталось ни жизни, ни веселья. Они молчали всю дорогу. Наконец карета выехала на улицу Нев-Сент-Огюстен. Поднимаясь по лестнице особняка Грамона, они обменялись приветствиями с полицейскими из службы безопасности. Лакеи, понимающе подмигивая, почтительно кланялись им, а старый дворецкий с улыбкой сказал Николя:

— Не удивляйтесь: начальник изменил своей привычке и прибыл из Версаля в полдень.

Тем временем Бурдо выбрал скамеечку, и, удобно устроившись, приготовился ждать; однако служитель дал ему понять, что ему надо идти вместе с комиссаром.

Когда они вошли в просторный кабинет генерал-лейтенанта полиции, пред ними предстало неожиданное зрелище. На столе, плотно выстроившись в ряд, словно солдаты на параде, стояли надетые на болванки парики. Сартин, проведя сегодняшнюю ночь в Версале, пропустил утреннее свидание со своей любезной сердцу коллекцией. А так как он не намеревался смириться с препятствием, возникшим на пути к его невинным утехам, он перенес свой привычный обход на более поздний час. Именно об этом и предупреждал дворецкий Николя. При иных обстоятельствах зрелище, открывшееся их глазам, наверняка позабавило бы и его, и Бурдо, но сейчас, не увидев начальника, Николя забеспокоился. Неожиданно один из париков зашевелился, и среди неподвижных манекенов возникло сухое личико Сартина.

Лицо начальника полиции в высшей степени поразило комиссара, за много лет привыкшего к любым — в зависимости от обстоятельств — проявлениям чувств и сменам настроения своего начальника. Он приготовился выдержать очередной приступ раздражения, свойственного генерал-лейтенанту всякий раз, когда ему не терпелось выразить свое недовольство подчиненному. Но сейчас Сартин смотрел на него проникновенно, а выражение лица его можно было, пожалуй, назвать даже ласковым, а если добавить немного воображения, то и воистину отеческим.

— Как вы считаете, Николя, где маркиз де Ранрей, ваш покойный батюшка и мой покойный друг покупал себе парики? — начал Сартин, обратившись к нему по имени, что считалось хорошим предзнаменованием. — Помнится мне, его парики прекрасно держали форму, а волосы всегда лежали крупными кольцами.

— Полагаю, сударь, он покупал их в Нанте, в маленькой лавочке неподалеку от герцогского замка.

— Гм! Пожалуй, надо бы мне туда наведаться или послать кого-нибудь. Однако сейчас, к великой нашей досаде, нам надобно уладить одно неприятное дело. Действительно, весьма неприятное, ибо оно касается непосредственно вас, а так как каждому известно, что я вас уважаю и всегда оказываю вам полное доверие, некоторые будут весьма рады посудачить о происшествии, случившимся с «серым кардиналом» начальника полиции.

Когда Сартин хотел подчеркнуть величие своей должности, он всегда говорил с особым нажимом. Перебирая локоны двух париков сразу, поставленных симметрично, словно тисы во французском парке, он многозначительно продолжил:

— Однако пока дела никакого нет. Некая молодая особа скончалась, а какой-то коновал с соседней улицы осмелился утверждать, что она умерла от яда. Primo[7], кто готов подтвердить, что коновал правильно определил причину смерти? Secundo[8], если он все же прав, то мы вполне можем заподозрить самоубийство или — что всего проще — несчастный случай, от которого никому нет спасения. А почему бы и нет? Когда же причины смерти будут установлены, остается tertio[9] — выслушать свидетелей. Разве не так?

Николя знал, что такого рода восклицания начальника не требовали ответа; они всего лишь отмечали паузу, во время которой генерал-лейтенант переводил дух, а потом продолжал свою речь.

— Если верить моим осведомителям, на теле нет никаких следов насилия, поэтому его оставили лежать на месте, там, где его обнаружили. Об этой смерти сообщили только квартальному комиссару. Яд не оставил никаких следов; слуг, коих всего двое, заставили дать обещание молчать. На двери спальни, кухни и гостиной наложили печати. Поэтому не стоит терять времени. Бурдо, проследите, чтобы тело без шума отправили в мертвецкую и, хотя у нас сейчас зима, обильно посыпали солью. И как можно скорее призовите Сансона. Как вам известно, оба хирурга, живущие в квартале Шатле, совершенно ни на что не способны; они уже не раз доказывали свою некомпетентность. Попросите Семакгюса, он участвовал в наших расследованиях, пусть и теперь поможет Сансону. Эта парочка привыкла к совместным вскрытиям!

И Сартин ехидно усмехнулся.

— Да, не забудьте как следует все обыскать, все обследовать, включая тарелки и стаканы. Поищите в кухне среди остатков вчерашнего ужина, устроенного, как говорят, госпожой Ластерье в честь Николя.

Тут начальник полиции пристально взглянул на комиссара.

— Останься этот господин… — произнес он, в задумчивости теребя локоны парика.

Потом, тряхнув головой, словно освобождаясь от ненужных мыслей, продолжил:

— Господин комиссар, если вам есть что сказать, говорите, я вас слушаю. Снимите бремя с вашей души, и окажите мне честь, доверившись мне. Не торопитесь, все, что вы сейчас скажете, пойдет в зачет на будущее, ибо, начиная с этой минуты, я ни на шаг не отступлю от избранной мной линии расследования. В самом деле, если кто-то и пользуется моим доверием, то это вы, а там, где я нахожусь, тех, кто пользуется моим доверием, очень мало. Разве не так?

Откровенность вывода смягчила для Николя инквизиторский тон начальника, вполне применимый к любому подозреваемому.

— Сознавая, какую честь вы оказали мне своей откровенностью, я буду с вами не менее откровенен. Вчера вечером я провел у Жюли Ластерье едва ли четверть часа, ибо несправедливое замечание заставило меня покинуть ее дом. Успокоившись, через два часа я вернулся, но, увидев, что праздник в самом разгаре, решил, что присутствие мое лишь нагонит тоску на гостей, и не стал показываться никому на глаза. Жюли я больше не видел. И…

Он в нерешительности умолк.

— Прежде чем прибыть на улицу Монмартр, я немного побродил по городу.

— Об этом я уже слышал от третьих лиц. Что еще вы можете мне сказать?

— Ничего, сударь. Я встретил комиссара Шоре, дежурившего во Французском театре, и немного поговорил с ним.

Сартин нетерпеливо махнул рукой.

— Неужели вы считаете, что я об этом не знаю? Во всяком случае, я еще раз напоминаю вам, что, имея касательство к этому делу, вы ни под каким видом не будете его вести. Занимайтесь вашей повседневной работой, и не приближайтесь ни на шаг, ни на выстрел к тому, что связано с этой смертью. Достаточно того, что расследование поручено инспектору Бурдо, вашему другу…

Он сделал особое ударение на маленьком слове «вашему».

— … который должен навести в нем порядок. Не говоря уж о том, что вскрытие производят также ваши друзья. За все это, как вы догадываетесь, меня могут упрекнуть, а посему я обязан…

— Однако, сударь…

— Никаких «однако»! Я сказал… я обязан держать вас на расстоянии от этого дела. Не думайте только, что я не понимаю ваших чувств, смятения и законного желания принять участие в расследовании причин смерти вашей подруги. Однако мы обязаны подчиняться ходу вещей. Пока загадка не прояснится, любое вмешательство с вашей стороны пойдет во вред разработанному нами плану расследования и поставит меня в неудобное положение по отношению к одному из тех магистратов, которых нынешние веяния возносят все выше и выше, стремясь противопоставить их решения воле короля.

Сартин встал и, продолжая теребить надетый на манекен парик, отчего тот чуть не свалился на пол, обогнул стол. Оставив парик в покое, он направился к Николя, взял его за плечи, развернул и стал медленно подталкивать к двери.

— Если вы мне доверяете, послушайтесь моего совета и на время удалитесь от дел, сделайте перерыв. Почему бы вам не поехать в Версаль засвидетельствовать свое почтение королевским дочерям? Еще вчера Мадам Аделаида справлялась у меня о вашем здоровье. А не хотите к королевским дочерям, поезжайте к графине дю Барри и примите участие в королевской охоте. Короче говоря, будьте благоразумны и станьте на время придворным. Сами знаете, Версаль — это такое место, где нужно постоянно напоминать о себе, иначе вас забудут!

Николя вместе с Бурдо направились к лестнице, как вдруг услышали позади голос Сартина. Подозвав к себе инспектора, начальник полиции обменялся с ним несколькими словами, так тихо, что Николя ничего не услышал, и вернулся к себе в кабинет. Бурдо нагнал Николя, они вместе вышли из особняка и сели в фиакр; за все это время Бурдо не проронил ни слова. Они молча ехали по улицам, тонущим в густом тумане, где время от времени возникали расплывчатые силуэты прохожих. Николя молчал, ему было все равно, куда ехать. Неуемное воображение вновь обрело над ним власть, посылая ему безумные видения, и он никак не мог понять, откуда они взялись, и что они сулят. Его мозг лихорадочно работал, видения возвращались снова и снова, словно шли на штурм крепости его сознания, а в перерывах между атаками в ушах его звучали слова Ноблекура и эхом вторили рассуждения

Сартина. А еще где-то в вышине, над круговертью кошмаров, издавал похоронный звон колокол, словно предрекая невидимые опасности, которые, как он внезапно ощутил, окружили его со всех сторон. Причины смерти Жюли еще оставались загадкой, а его уже засыпали советами и призывали к осторожности. И, несмотря на дружбу и доверие, которые ему все усиленно выказывали, он чувствовал, что с ним обращаются как с предполагаемым виновным. Но виновным в чем? Его вина не поддавалась определению, и именно эта неопределенность беспокоила его. Ему казалось, что он скользит по гладкому склону, где совершенно не за что зацепиться, и он точно знал, что если он не найдет ни одной зацепки, он рухнет в бездну. Взглянув на о недвижного Бурдо, он заключил, что тот спит с открытыми глазами. Он хотел разбудить его и поговорить, но из уст его не вылетело ни звука; собственно, а что бы он ему сказал? Одиночество, сопровождавшее его с раннего детства, неожиданно напомнило о себе самым жестоким образом.

Стук колес эхом отозвался под мрачными сводами Шатле. Вновь очутившись в стенах старинной крепости, он погрузился в неизбывную меланхолию, и Бурдо пришлось несколько раз дернуть его за рукав, чтобы он вышел из кареты. Глядя на сгорбившегося господина, тяжелой шаркающей походкой идущего к лестнице, мальчик на побегушках не узнал в нем блестящего кавалера, который, весело улыбаясь, каждый день бросал ему поводья своего коня. Словно манекен, Николя проследовал привычным путем, молча миновав привратника, папашу Мари, приведя оного в неизъяснимое волнение. Обычно Николя никогда не забывал сказать привратнику несколько добрых слов, которые тот ценил особенно высоко, ибо они являлись свидетельствами их дружеских отношений. Они вошли в дежурную часть. Бурдо пролистал текущие отчеты, затем, глядя Николя прямо в глаза, яростно хлопнул ладонью по старой дубовой столешнице.

— Ну, хватит! Возьмите себя в руки! Я никогда не видел вас таким подавленным, а ведь мы работаем вместе уже давно! Вспомните, вам приходилось выдерживать испытания и похуже — в вас стреляли, пытались задушить, похитить, грозились убить.

Николя изобразил улыбку, но она получилась жалкой.

— Действовать? А что вы хотите, чтобы я делал? Меня отправили охотиться и ухаживать за дамами!

— Совершенно верно! Этим вы и станете заниматься. Во всяком случае, Сартин должен думать именно так.

— А что, по-вашему, я должен делать по-настоящему?

Бурдо открыл шкаф, куда они вот уже десять лет складывали костюмы для переодевания, парики и прочие полезные мелочи; в их работе им нередко приходилось прибегать к этому арсеналу. Полицейские использовали костюмы, когда хотели остаться незамеченными во время слежки, или когда отправлялись с особым заданием в опасные уголки города. Инспектор извлек из кучи одежды стеганый жилет, веревочные наручни и мешковатый черный фрак, потертый до основы, с лоснящимися рукавами, отливающими на локтях зеленью; за фраком последовали башмаки на толстой подошве с медными пряжками, круглая шляпа с широкими полями, огромный старый парик, изготовленный, похоже, из гривы серого в яблоках коня, грубая льняная рубашка, белый полотняный галстук сомнительной чистоты, и грязноватые чулки. Отобрав вышеуказанные предметы одежды, он бросил весь ворох на стол.

— Николя, раздевайтесь и натягивайте на себя эти отрепья.

Комиссар покачал головой.

— В какую безумную историю вы хотите меня втянуть? — спросил он.

— Ни в какую, я всего лишь хочу, чтобы друг всегда был рядом со мной. Полагаю, задолго до случившегося до вас дошел слух, что я вам верю; поэтому сейчас я утверждаю, что вы не можете быть причастны к гибели госпожи Ластерье, а следовательно, не вижу причин, почему бы мне не воспользоваться вашей помощью при расследовании этого загадочного дела.

— Господи, но как я смогу вам помочь?

— Представьте себе, что некто, приблизительно вашего роста, одетый в ваш фрак и закутанный в шарф по самые уши, в сопровождении вашего лакея садится в карету. «В Версаль, и поживее!» — приказывает он кучеру. Без сомнения, монсеньору тотчас сообщат о вашем отъезде, и он уверен, что вы исполнили его пожелание. А вы тем временем потихоньку выйдете из дома, дойдете до соседней улицы, где мы с вами встретимся и вместе отправимся на осмотр места происшествия.

— Но кем вы меня представите?

— Да кем угодно! К примеру, осведомителем или приставом. Нет, пожалуй, я придумал кое-что получше: вы станете судебным исполнителем, которому поручено записывать мои выводы. Писарем, любящим прикладываться к бутылке, отчего у него слезятся глаза, и ему приходится надевать темные очки.

И он протянул ему очки с закопченными стеклами. Николя встрепенулся.

— Я никогда не позволю вам совершить такую глупость! — воскликнул он. — Если окажется, что мы действительно имеем дело с преступлением, вы рискуете потерять свою должность. И не исключено, что последствия окажутся еще более серьезными. Нет, я не могу этого допустить.

— А зачем мне моя должность, — отвечал Бурдо, — если тот, кого я согласился признать своим начальником, когда ему было всего двадцать лет, за кем я следовал повсюду и кому не раз спасал жизнь, тот, чей образ мыслей и чье звание я научился уважать, попал в затруднительное положение? И кем станете вы, если отклоните мое предложение?

— Хорошо, — ответил взволнованный до слез Николя, — я сдаюсь.

— Добавлю: если дело окажется более сложным, нежели на первый взгляд, то именно ваше мнение и ваш опыт, как обычно, помогут нам найти правильное решение.

И, хлопая себя по ноге треуголкой, он заходил взад и вперед по комнате.

— Нам надо найти того, кто был бы одного с вами роста и сложения, и вдобавок кому мы бы могли доверять. Мне кажется, Рабуин больше всех подходит на эту роль.

— У него слишком острый нос.

— Неважно, он будет кутаться в шарф. Вдобавок у него есть ценное преимущество. Насколько я помню, он хорошо знаком с одним из этих субъектов в голубых ливреях[10], что подчиняются Лаборду. Черт, никак не вспомню его имя…

— Гаспар! В 1761 году он оказал мне поистине неоценимые услуги в знаменитом деле Трюш де ла Шо[11].

— Вот и прекрасно! По вашей просьбе — а вы сейчас напишете ему записочку — он встретит переодетого Рабуина со всем возможным почтением, проводит его в замок и спрячет в комнатах Лаборда. Конечно, ему придется заплатить: он весьма чувствителен к звону полноценных экю.

Бурдо сделал выразительный жест, словно извлекал из кошелька монеты и вкладывал их в протянутую руку.

— Лаборд сейчас ночует в Париже, — продолжал он. — Вчера вечером он сообщил мне, что не едет в Версаль. Говорят — и я склонен верить этим слухам — он увлекся очередной красавицей. Гаспар же, следуя указаниям, станет говорить всем и вся, что «друг моего хозяина, господин де Ранрей, ну, тот самый, который комиссар, заболел и отдыхает». Рабуин снимет ваш наряд и потихоньку вернется в Париж. И все решат, что на время болезни вы затворились в апартаментах первого служителя королевской опочивальни. Сартину, велевшему вам уехать, немедленно об этом доложат. А мы тихонько занимаемся нашим делом.

Под безудержным напором инспектора, казалось, готового на все, чтобы расшевелить его, Николя почел за лучшее обуздать свое слезливое настроение и приступил к исполнению плана,

предложенного подчиненным. Надевать грубую одежду, от которой исходил затхлый запах плесени, было достаточно противно. Панталоны оказались ему велики, и пришлось искать шнурок, чтобы подвязать их. Стеганый жилет придал его фигуре несвойственную ей полноту. Парик и черная шапочка вкупе с очками настолько изменили внешность комиссара, что, взглянув на свое отражение в оконном стекле, он не узнал себя.

— Отлично. Иду искать Рабуина, — произнес Бурдо. — В этот час он обычно прогуливается неподалеку отсюда. Как только он облачится в вашу одежду, я отвлеку беседой папашу Мари, Рабуин проскочит у меня за спиной, а вы бесшумно проберетесь в кабинет Сартина: его никогда не запирают. Нажмите на позолоченную резьбу третьей полки книжного шкафа, и перед вами откроется известный вам тайник. Вы спуститесь вниз и упретесь в дверь, выходящую на задворки городской скотобойни, где я вас и найду. А пока сидите тихо. Я лечу за Рабуином, а для вящего спокойствия запру вас на ключ.

Николя услышал звук поворачиваемого в замке ключа. Оставшись один, он попытался избавиться от охватившего его чувства тревоги за Бурдо, но не сумел. Верность и преданность увлекали его помощника на скользкий и опасный путь должностных нарушений, в то время как он был обременен семьей и имел все основания спокойно продолжать свою многолетнюю безупречную службу. Также его обуревали сомнения, вправе ли он обманывать Сартина, в то время как тот проявил великодушие и откровенность? Николя в высшей степени обладал способностью углубляться в лабиринты совести, откуда потом мучительно отыскивал выход, прибегая к хитроумным уловкам, от коих на душе становилось исключительно гадко; он полагал, что это свойство его натуры является результатом воспитания иезуитов, в чьем коллеже в Ванне он обучался в юности. От подобного умственного возбуждения в душе оставались шрамы, и воцарялся совершеннейший разлад. Давно уже он равнодушно, а точнее, с привычным спокойствием взирал на жуткие картины человекоубийств, с которыми ему приходилось сталкиваться во время следствия; но теперь его мучил вопрос: сумеет ли он выдержать зрелище трупа Жюли и беспорядка, устроенного полицией в доме, с которым у него связано столько воспоминаний? Сможет ли он сохранить хладнокровие, непременное условие любого взвешенного решения, в деле, касающемся его напрямую? Может, Сартин, действительно, прав, решив отстранить его от расследования, а Бурдо со своей безграничной преданностью, наоборот, увлекал их обоих на путь, ведущий в тупик?

Когда Бурдо ввел в комнату Рабуина, Николя успел взять себя в руки и написать записку Гаспару. Завернув в нее несколько луидоров, он запечатал ее гербом Ранреев. Не желая вводить в заблуждение старого друга, неизменно оказывавшего ему поддержку на протяжении многих лет, а также ставить в неловкое положение Гаспара, он составил отдельное письмо Лаборду, где известил его о своих замыслах. Стремление проявить деликатность натолкнуло его на размышления о несовершенстве человеческой натуры. Почему он согласился проявить неповиновение начальнику полиции, проигнорировал его настоятельные рекомендации и в то же время не пожелал действовать за спиной первого служителя королевской опочивальни? Без сомнения, рассудил он, потому что субординация предполагает неравенство; к тому же его собственное отношение к генерал-лейтенанту складывалось не только из признательности и восхищения, но и из приправленных горечью воспоминаний о насмешках, на которые Сартин в периоды дурного настроения был исключительно щедр. Впрочем, он решил не углубляться в рассуждения о своих взаимоотношениях с начальником. В конце концов, пусть его неповиновение в чрезвычайных обстоятельствах, сложившихся не по его вине, станет его маленькой местью Сартину.

— Я дал папаше Мари ответственнейшее поручение: пойти и купить бутылку водки, половину которой он может употребить по своему усмотрению. Так что путь свободен. Рабуин все понял, осталось отдать ему записку.

— Сначала он должен пойти к Лаборду и вручить ему это письмо.

Бурдо с тревогой посмотрел на сложенный вчетверо листок бумаги, где, словно капля крови, алела печать.

— А вы полагаете, что…?

— Да, без сомнения. Иначе я отказываюсь.

Когда Рабуин переоделся и приладил короткий парик, все решили, что издали он вполне сойдет за Николя. А когда он закутался в черный шерстяной шарф, высоко поднял ворот плаща и надвинул на лоб треуголку, сходство увеличилось еще больше. Тем временем Николя нацепил на нос затемненные очки и прошелся по комнате.

— Так, выправки никакой, — произнес Бурдо, — походка шаркающая, спина сутулая, плечи опущены. Что ж, недурно… Весьма недурно.

Открыв ящик стола, он достал оттуда стопку бумаги, перья, перочинный ножик, походную чернильницу и протянул вещи Николя.

— Не забывайте про орудия вашей новой деятельности. Эти штучки довершат ваш маскарад. Вы неузнаваемы! Вот только лицо слишком чистое. Снимите очки.

Проведя рукой по крышке шкафа, Бурдо размазал собранную там пыль по лицу комиссара, немедленно обретшему нездоровый цвет и утомленное выражение.

— Путь свободен. Уходим каждый своей дорогой и встретимся там, где договорились.

Инспектор выскользнули за дверь, за ним последовал Рабуин; лицо осведомителя сияло, а сам он был горд как Артабан, ибо ему доверили изображать комиссара, ради которого он по старой дружбе был готов даже прыгнуть в реку. Николя прошел в приемную Сартина. Там царила тишина, и он вспомнил свою первую встречу с генерал-лейтенантом, когда он, юный и наивный, прибыл из провинции в Париж, а следом еще множество подобных встреч как горьких, так и радостных, ибо за прошедшие годы и тех, и других насчитывалось немало. При нажатии позолоченная резьба ушла в стену, и книжный шкаф повернулся, открывая вход на лестницу; снизу доносился городской шум. Пройдя два пролета, он нащупал дверь и вышел на улицу. Смеркалось, вечерняя сырость сулила ночной холод. Ждать пришлось недолго. Вскоре подъехал фиакр, открылась дверца, и он прыгнул в экипаж.

— Удивительный тип этот Рабуин, — изрек Бурдо. — Он в курсе придворных обычаев, словно служит привратником но дворце, а не осведомителем в полиции. Уверен, он прекрасно справится со своей ролью! К тому же, даю вам слово, в ваших тряпках он выглядит совершенно шикарно.

Николя улыбнулся.

— Благодарю за тряпки, коими вы изволили назвать мой костюм! Сразу видно, вы не получаете бесконечных счетов от мэтра Вашона, моего портного! Что же касается Рабуина, то, слава богу, ему всегда удается выпутаться из любой передряги, и не без выгоды для себя.

— Вот вы и улыбнулись, — заметил Бурдо, — значит, все не так уж плохо. И выздоровление не за горами.

Шутливая перепалка успокоила Николя, заставив забыть о том, что их ожидало. На улице Верней они увидели полицейских приставов, карауливших дом. Заметив фиакр без номера и знакомое лицо Бурдо, приставы вздохнули с облегчением. Правда, инспектор, сидевший перед опечатанной дверью, выразил неудовольствие присутствием неизвестного ему писаря, но вовремя произнесенное имя Сартина решило все трудности. Сорвав печати, Бурдо и Николя вошли в жилище Жюли де Ластерье.

При закрытых ставнях в комнатах царили полумрак и тишина. Из прихожей они прошли в коридор. Дверь направо вела в кухню. В глубине коридора висела бархатная занавеска, служившая дверью в просторную гостиную, где слева был выгорожен небольшой кабинет и музыкальный салон. В правую сторону отходил узкий коридорчик, ведущий в круглый будуар, служивший своего рода приемной перед спальней Жюли. К спальне примыкала гардеробная, откуда дверь вела в коридор, вдоль которого располагались подсобные помещения, а в конце кухня. Окна хозяйских комнат выходили на улицу Верней, остальных помещений — во двор, мрачный колодец, куда слуги выносили мусор. Окна кабинета и музыкального салона выходили на улицу Бон.

— Начнем со спальни, — произнес инспектор Бурдо.

Окинув взором гостиную, он увидел стоявший посредине стол; посуду с него убрали, но стулья, числом восемь, окружали его по-прежнему.

— Похоже, все вымыто, хотя гости были лишь вчера вечером.

— Слуги, привезенные с Гваделупы, работают четко, как часы, — сказал Николя, — тем более что в вопросах чистоты Жюли отличалась непреклонностью. К утру все следовало вычистить и расставить по местам. От вечернего пиршества не должно остаться ни следа.

— Досадно однако. Беспорядок имеет массу преимуществ, ибо дает богатую пищу для наблюдений.

— Тем не менее нам есть из чего делать выводы. Насколько мне известно, званые вечера в этом доме никогда не затягивались дольше часа ночи. Уборка занимала часа два. Иначе говоря, в эти часы — полагаю, слуги это подтвердят — госпожа Ластерье не звала на помощь. А ведь она вполне могла это сделать даже в кровати, потянув за шнурок, звонок от которого выходит в кухню. Служанка бы немедленно примчалась на зов хозяйки.

— Полезные сведения, — согласился Бурдо. — Если, конечно, не предполагать, что она потеряла сознание и не смогла позвать на помощь.

В иное время смена ролей изрядно позабавила бы Николя, но сейчас она его раздражала, равно как и его дурацкий маскарад. Впрочем, он признавал, что выводы инспектора, сообразительного и обладавшего огромным опытом, почти всегда были верны.

— Какой позор, — прошептал Николя, — они оставили лежать тело Жюли, даже не приставив к нему охрану!

Бурдо издал невнятное ворчание.

Войдя в спальню, они едва не задохнулись от тошнотворного запаха. Плотные занавески не пропускали света, и в комнате царил кромешный мрак. Отправившись на поиски огня, Бурдо вскоре принес горящую свечу и с ее помощью зажег свечи в спальне. Неверный свет озарил альков. Жюли де Ластерье, в ночной рубашке, лежала на кровати, разведя в стороны согнутые в коленях ноги. Смерть настигла ее, когда она подносила руки к груди. Голова с разметавшимися по подушке огненными волосами откинулась назад, рот широко открыт, словно из него все еще рвался предсмертный крик. Грудь заливали желтоватые рвотные массы со сгустками крови; рвотные капли забрызгали простыни и ковер. Выкатившиеся из орбит глаза подернулись белесой пленкой. При виде столь жуткой сцены, постановщиком которой явилась сама смерть, Николя ощутил боль, мгновенно ставшую нестерпимой от захлестнувших его воспоминаний. Мысль о том, что сейчас он должен исполнять свой долг, с трудом вытеснила все иные мысли. Собрав в кулак всю свою волю, он внушил себе, что лежащее перед ним тело несчастной никогда не принадлежало любимой им женщине, он взял расследование в собственные руки. В который раз он убедился, что, когда речь заходила о деле, то меланхолия, свойственная его чувствительной натуре, быстро уступала место рассудочной решительности. Сейчас, когда на карте стояла его собственная судьба, он вновь обрел присущее ему хладнокровие.

— Пьер, — произнес он, — дальше ни шагу. Вы в этой комнате впервые, я же изучил ее досконально, и потому, даже не зная истинной причины смерти жертвы, сумею лучше осмотреть ее. Если при осмотре мы пропустим что-либо важное, нам останется только сожалеть. Особенно если причиной смерти стал преступный умысел. А теперь поднимите повыше свечу и посветите мне.

Николя внимательно оглядывал спальню. Созерцание его затянулось, и сгоравший от нетерпения Бурдо дернул комиссара его за рукав, опасаясь, что тот заснул стоя.

— Не спишь, Николя? Время торопит…

— В подобных обстоятельствах иногда полезно потерять немного времени.

— И что же вам удалось заметить?

— Несколько вещей, изрядно меня удивляющих. Прежде всего, в камине не разводили огонь, что в настоящем случае довольно необычно. Сейчас около шести. Обычно в это время окна никогда не бывают закрыты, а шторы — задернуты.

— Что значит обычно или необычно?

— Значит, в привычках Жюли. Она всегда требовала разжигать камин и разводила в нем поистине адское пламя, — чего, как вам известно, я совершенно не выношу. Окна же она всегда держала приоткрытыми, а занавески задернутыми только наполовину. Значит, здесь кто-то похозяйничал, и остается только надеяться, что это сделано после обнаружения тела, в чем я лично сильно сомневаюсь…

— Почему?

— Посмотрите на подсвечники на комоде. Здешний врач осматривал тело при их свете. Но эти подсвечники никогда там не стояли, а вон те украшения всегда лежали в совершенно ином месте. Когда тело оставляют в комнате зимой, всегда открывают настежь окна и впустить холодный воздух с улицы…

— На ночном столике я вижу наполовину опустошенный стакан с беловатой жидкостью и тарелку с остатками пищи: похоже, это кусочек курицы в соусе. А это не только странно, но и совершенно невозможно.

— Но почему?

— Жюли никогда не ела в постели, никогда не просила принести ей в кровать ни ужина, ни завтрака. И не позволяла мне утолять голод даже сидя у изголовья. Именно поэтому тарелка здесь не только неуместна, но и вызывает подозрения.

Рассказывая о повседневных привычках Жюли, Николя старался держаться в тени, чувствуя, как лицо его заливается краской.

— И вот еще, — продолжил он. — Можете себе представить, чтобы она захотела поесть перед сном или посреди ночи, если спать она отправилась после роскошного ужина? Нет, в этой тарелке явно есть что-то необычное.

Задумчивым взором он окинул письменный прибор, стоявший на столике из розового дерева. Рядом в беспорядке валялись листки бумаги, перо, печатка и палочка зеленого воска.

— Во всем, что касается комнаты, готов с вами согласиться, — произнес Бурдо. — Но что вы скажете про тело?

— Нужно рассмотреть его поближе. Оно напоминает мне тело старика, на которого прошлым летом в Шавиле ночью напали осы и искусали ему шею. Положение рук точно такое же. На первый взгляд, признаки удушья не менее очевидны, чем признаки отравления, а распухшая шея видна издалека. Полагаю, вскрытие сообщит нам дополнительные подробности. Необходимо забрать стакан с остатками жидкости и еду с тарелки.

— А еще следы на полу, — добавил Бурдо. — Да какие грязные!

— Наверняка оставлены полицейскими и лекарем. Вряд ли они нам скажут что-нибудь новое.

В поисках улик они обошли комнату. Бурдо отыскал скрытую в стене дверь.

— Куда ведет эта дверь?

— В гардеробную, а оттуда в туалетную комнату, подсобные помещения и кухню.

Бурдо открыл дверь и, пройдя через маленькую комнату, где вдоль стен выстроились стенные шкафы, вошел в следующее помещение, более просторное, где стояли столик с зеркалом и кресло-бержер. Открыв вторую дверь, он очутился в коридоре, застеленном джутовой дорожкой.

— Здесь отпечатки гораздо более четкие, — заявил он. — Похоже, кто-то прошел тут дважды.

Николя подошел к Бурдо, который, словно завороженный, разглядывал пол.

— Однако странно, — промолвил инспектор. — Разрази меня Господь, если эти следы не похожи как две капли воды на следы, оставленные на ковре вашими сапогами. Впрочем, проверьте сами.

Оба опустились на колени и принялись молча изучать отпечатки; наконец Николя произнес:

— Те же самые. Как две капли воды.

Отойдя в сторону, он присел на корточки и, вырвав листок из своей черной записной книжки, при помощи свинцового грифеля стал делать зарисовку следа.

— В самом деле, совершенно одинаковые, — повторил он. — Видите, в одном месте гвоздь вылез из подошвы, и от него на паркете образовалась глубокая царапина. Посмотрите.

— Следы совсем свежие. Оставлены не позднее прошлой ночи, — смущенно пробормотал Бурдо.

— Понимаю, на что вы намекаете. Но этому есть объяснение.

Вернувшись в гардеробную, Николя открыл шкаф, и Бурдо увидел на вешалке знакомый ему фрак комиссара; на полке лежали аккуратно свернутые рубашки и галстуки. Однако Николя явно ожидал увидеть в шкафу еще что-то.

— Исчезла! Моя вторая пара сапог, точно таких же, как те, что сейчас на мне, исчезла! — возмущенно воскликнул он. — Я всегда держал здесь кое-что из одежды.

— Может быть, их взяли слуги, чтобы почистить?

— Хотел бы я посмотреть, как они это сделают! Маркиз, мой отец, научил меня никому не доверять заботу о своих сапогах. Только владелец может навести на сапоги такой блеск и глянец, что кожа их засверкает, словно скорлупа каштана!

— Согласен, согласен, — закивал Бурдо; Николя крайне редко вспоминал о своем отце-маркизе. — Тогда другой вариант: следы оставили слуги!

— Исключено. Их приучили ходить босиком. Жюли ненавидит шум. Она всегда мечтала научить слуг бесшумно скользить по полу.

— Тогда, — задумчиво произнес инспектор, — остается предположить, что обнаруженные нами в этом коридоре следы принадлежат вам…

Заметив, что Николя сейчас взорвется, он поправился:

— Вам или оставлены вашими сапогами… Давайте проследим, куда они ведут.

Следы привели их в кухню, где царил идеальный порядок. В буфете они нашли блюдо с остатками курицы в соусе, к которому Бурдо проявил живейший интерес. Николя узнал свой любимый соус для птицы, изготовленный по рецепту чернокожих жителей Антильских островов.

— Надо забрать эту курицу, отнести в Мертвецкую и показать Семакгюсу: пусть исследует и проверит на яд на крысах.

На лице Бурдо все отчетливее отражалась внутренняя борьба с самим собой.

— Мне, наверное, придется составить отчет для господина де Сартина…

Николя прервал его на полуслове.

— Разумеется. Почему бы также не сообщить ему, что вас сопровождал не числящийся по его ведомству писарь, обутый в роскошные кавалерийские сапоги? И этот писарь сообщил вам, что вторую пару таких же сапог он хранил в шкафу в доме, где его никто никогда не видел, и вдобавок — напоминаю еще раз — этот писарь указал, где хранится одежда, принадлежащая некоему комиссару Шатле, с которым он хотя и никогда не встречался, но с первого взгляда опознал его панталоны! Я предупреждал, этот маскарад заведет нас в тупик… Вы первым попались в ловушку, и я вместе с вами. Мне не следовало принимать ваше великодушное предложение.

— Боже праведный, — тяжко вздохнул Бурдо, — лишь бы эта смерть оказалась естественной! В противном случае…

Ни один из них не решился высказать до конца второе предположение. Больше всего Николя мучило сознание того, что, будь он на месте Бурдо, он бы не преминул поинтересоваться, каким образом следы его сапог появились в коридоре дома покойной.

III
ЛОВУШКА

Иисусу, Сыну Божьему, никто не поверил.

Кто же будет пророчествовать в своем отечестве?

Бретонская поговорка

Итак, расследование началось. Взяв дело в свои руки, Бурдо принялся методично раздавать указания. В Вожирар, к доктору Семакгюсу, и к Сансону, парижскому палачу, проживавшему на углу улиц Пуассоньер и Анфер, отправили посыльных. Парижский господин, как прозвали горожане палача, давно применял свои обширные познания в устройстве человеческого тела при вскрытии жертв уголовных преступлений. Николя всегда питал к Сансону искреннюю и исполненную сострадания дружбу, хотя и имел возможность убедиться, что сей скромный и прекрасно образованный человек способен на самые неожиданные причуды.

Служебные кареты доставят обоих добровольных помощников в Шатле, где вечером состоится вскрытие тела госпожи Ластерье. Предстоящая процедура не являлась простой формальностью: от ее результатов зависело дальнейшее направление расследования. Если предположение об умышленном отравлении подтвердится, в ход будет пущена неповоротливая судебная махина, со всеми надлежащими предписаниями.

С тяжелым сердцем Николя отошел в сторону и прислонился к стене, пропуская носильщиков, несущих труп к полицейской телеге. Чтобы во время поездки по неровной парижской мостовой тело не подбрасывало, и на нем не появились новые повреждения, его положили на толстый слой соломы и закрепили голову. А еще раньше Бурдо забил корпией все отверстия тела, дабы из него не вытекла жидкость, природу которой им предстояло определить.

Допрос слуг и гостей, присутствовавших в доме в тот вечер, инспектор решил отложить на потом, когда будут получены результаты вскрытия. Убедившись, что телега с трупом уехала, Бурдо опечатал двери дома и вместе с Николя сел в фиакр, В корзинке, взятой на кухне, Бурдо увозил остатки пищи, найденной в спальне и в буфете, а также белесого цвета напиток, перелитый в бутылочку, старательно закупоренную пробкой.

Сейчас Николя благодарил Бога за то, что согласился на маскарад. Он позволял ему, погрузившись в сонное оцепенение, безоглядно предаваться печали. Его одолевали дурные предчувствия. Надвигавшаяся ночь усугубила его дремотное состояние, и он невидящим взором уставился в темное окно. Холод вновь резко дал о себе знать; закутанные по самые уши, прохожие торопливо семенили по улицам, и лица их тонули в складках поднятых воротников. Сырой туман окрасил улицы в серый цвет, свет уличных фонарей с трудом пробивался сквозь его толщу. Вернувшись к созерцанию людей за окном, он вспомнил картину фламандского художника, виденную им в королевской коллекции: на фоне сыплющегося с неба снега безликая людская толпа двигалась к черневшему вдалеке кладбищу. Бурдо предложил ему зайти в их любимую таверну возле городской скотобойни, где они обычно наполняли желудки, прежде чем идти на вскрытие, но он отказался; ему не хотелось ничего. Он сухо заметил Бурдо, что его наряд рискует привлечь внимание трактирщика, которому прекрасно известно, что Бурдо много лет работает вместе с ним, Николя, и, обладая привычкой слушать все, о чем говорят его клиенты, трактирщик наверняка раскроет инкогнито комиссара.

Экипаж въехал под своды Шатле; громкое эхо, пробужденное стуком колес, прервало размышления Николя. Фиакр остановился. Бурдо, по-отечески поправив шарф, закрывавший нижнюю часть лица комиссара, заверил его, что темные очки сидят на нем превосходно; выйдя первым, инспектор внимательно огляделся вокруг. Путь был свободен. Холод прогнал с улицы всех субъектов, зарабатывавших выполнением мелких поручений и часто выступавших в роли рассыльных. Они спустились в мертвецкую. Еще в начале своей службы в полиции Николя стал проводить вскрытия в комнате для допросов, мрачном помещении с готическими сводами, расположенном возле канцелярии уголовного суда. С тех пор ему не раз доводилось пользоваться этим подвалом, посреди которого стоял удобный для его целей массивный дубовый стол с каменной столешницей с желобком. Немалым преимуществом при таких операциях являлась и близость морга. Спустившись вниз, Николя и Бурдо с удивлением обнаружили, что Семакгюс и Сансон уже ждут их. Для Николя было поистине неразрешимой загадкой, каким образом друзей смогли так быстро предупредить, а они не менее быстро прибыть на место, принимая во внимание большие расстояния, отделавшие их жилища от Шатле. Соратники увлеченно обсуждали операцию по извлечению камня из почек у больного, поступившего в больницу Отель-Дье, после которой Сансон пригласил Семакгюса полюбоваться его новыми хирургическими инструментами, присланными ему из Пруссии с почтовой каретой.

— Добрый вечер, господа, — с улыбкой приветствовал их Бурдо.

Мужчины обернулись. Избегая яркого света, Николя остался в тени. Он заметил, что Сансон, обычно носивший костюм блошиного цвета, сегодня облачился в элегантный зеленый фрак, в котором он выглядел изрядно моложе. Обновка скрадывала полноту, придававшую Парижскому господину излишнюю солидность.

— А разве Николя не с нами? — спросил Семакгюс, вперив взор в темный угол, где застыл переодетый комиссар.

— Не сегодня, — ответил Бурдо. — Господин де Сартин посчитал неуместным поручить ему расследование, точнее, предварительное расследование дела, столь близко его касающегося.

Кивнув в сторону стоявшего во мраке Николя, он продолжил:

— Господин Дезале, писарь. Он запишет ваше заключение.

Николя поклонился.

— Господин инспектор, — произнес Сансон, — наш друг в общих чертах поведал мне, в чем дело. И прошу вас, передайте господину комиссару Ле Флоку, что я принял его горе близко к сердцу…

Появление носилок, которые внесли двое служителей в сопровождении пристава, прервали излияния Сансона. Тело поместили на каменный стол, и Сансон, и Семакгюс принялись молча раскладывать инструменты. Последовавшее за приготовлениями действо стало для Николя жестоким испытанием. Он так и не понял, каким образом ему удалось выдержать скрип скальпеля по коже, хруст раздвигаемых ребер, явление взорам собравшихся подернутых перламутровым налетом подгнивших органов, а также прочие звуки и запахи, обычные при вскрытии. Еще невыносимее было слушать замечания и рассуждения, сопровождавшие процедуру. Некогда столь любимое им тело превратилось в жалкие окровавленные останки. После того как труп зашили, посыпали солью и положили в джутовый мешок, Бурдо и Семакгюс, желая узнать, кто будет диктовать заключение, пустились в длиннющую дискуссию, переходящую в поток любезностей. Наконец Сансон взял дело в свои руки и сказал, что сам сформулирует выводы. Бурдо толкнул локтем Николя, напоминая ему, что пора записывать.

— Мы, — начал Сансон, — Гийом Семакгюс, корабельный хирург, и Шарль Анри Сансон, палач и исполнитель смертных приговоров виконтства и сенешальства Парижского, проживающие в городе Париже, в разных кварталах оного города, удостоверяем и утверждаем, что сегодня, 7 января 1774 года, мы, на основании полученного нами предписания, исходящего от Пьера Бурдо, инспектора Шатле, вместе с вышеозначенным инспектором прибыли в мертвецкую Большого Шатле, в подвал, где и произвели вскрытие тело дамы Жюли де Ластерье, а также осмотр оного тела как снаружи, так и изнутри, о чем и намерены составить протокол. В здравом уме и трезвой памяти мы заявляем, что тело дамы Жюли де Ластерье не имеет наружных повреждений, на кожных покровах не имеется ни царапин, ни гематом, ни следов порезов, а посему снаружи тело сохранилось в его изначальном природном состоянии. Тем не менее нами установлено посмертное окоченение суставов, а на коже бедер и на ногах замечены проступившие синюшные полосы, словно от ударов хлыстом, что может свидетельствовать о насильственной смерти. Мы произвели вскрытие тела, начав с подчревной области, где нами установлено, что внутренние органы наружных повреждений не имеют. Тем не менее из желудочной полости мы извлекли темную жидкость, объемом примерно в одну рюмку; в жидкости сей содержались сгустки крови. Внутренняя поверхность искомой полости оказалась воспаленной и покрытой белесым налетом; наша попытка с помощью салфетки удалить сей налет, успехом не увенчалась. Цвет же…

— Позвольте, дорогой коллега, — перебил его Семакгюс, — мне кажется, вы забыли еще одну важную деталь.

— Совершенно справедливо, прошу меня простить. Итак, я уточняю: «Твердого содержимого в желудке не обнаружено, только немного жидкости. Ни в двенадцатиперстной кишке, с виду абсолютно здоровой, ни в тонком кишечнике изменений цвета не наблюдается. Затем мы приступили к вскрытию грудной клетки. Легкие, как и сердце, оказались здоровы, стенки же пищевода показались нам раздраженными. Мышцы и ткани шеи отечные. При обследовании ротовой полости мы не обнаружили никаких повреждений, зубы также без повреждений, из чего следует, что никто силой не заставлял жертву выпить вредную или отравленную жидкость. Осмотр половых органов искомого трупа и собранные нами вещества показали, что незадолго до смерти жертва, скорее всего, вступала в интимную связь. После проведения вскрытия мы посыпали труп вышеуказанной покойной дамы де Ластерье солью, дабы сохранить его для последующего, более подробного осмотра. Совершение вскрытия подтверждается и свидетельствуется протоколом, составленным по всем надлежащим правилам, дабы означенный протокол о вскрытии был занесен в отчет, а при необходимости мог быть зачитан, дабы указанное выше подтвердить. Записано 7 января 1774 года. Оригинал означенного протокола подписан Гийомом Семакгюсом, Шарлем Анри Сансоном, Пьером Бурдо, подлинность подписей коих удостоверена полицейским секретарем Дезале. Оный же секретарь удостоверил копию сего протокола».

Несмотря на расстроенные чувства, Николя остро ощущал непривычность сегодняшней процедуры. Хотя Бурдо вел дело четко и уверенно, вскрытие сопровождалось исключительно медицинскими репликами анатомов. Чтобы прояснить смысл этих реплик, требовались наивные вопросы человека, здравомыслящего и одновременно любопытного, а такие вопросы в нужный момент умел задавать он один. Конечно, в этот раз анатомируемое тело было настолько ему дорого, что, возможно, он бы не смог выдавить из себя ни слова. Ему казалось, что перед ним исполняли пьесу для квартета, но четвертый оркестрант, тот, благодаря которому инструменты звучат в унисон и мелодия обретает всю свою красу, почему-то отсутствовал. Обычная судебная практика предписывает врачам и хирургам, приглашенным для проведения вскрытия, не высказывать собственного мнения, их обязанность ограничивается описанием и медицинским истолкованием увиденного, делать выводы — это обязанность следователей и судей. Далее начинается поиск улик; завершает процедуру следствия допрос подозреваемых, зачастую с применением пыток — особенно при расследовании уголовных дел. Инспектор, очевидно, обуреваемый теми же мыслями, что и его начальник, казался не менее растерянным.

— Господа, — неуверенно начал он, — все это прекрасно, но в вашем заключении я не уловил самого главного. Отчего скончалась госпожа Ластерье, в чем причина ее смерти?

Семакгюс и Сансон переглянулись. Корабельный хирург кашлянул и, переплетя пальцы рук, звучно защелкал суставами.

— Еще рано делать выводы, — произнес он. — Не исключено, женщина была отравлена. Об этом свидетельствует раздражение поверхностей органов пищеварения, а вот, к примеру, причины отека шеи для меня остались загадкой. Я не могу с уверенностью назвать его причиной смерти, однако, скорее всего, он во многом ей способствовал.

— Возможно, — произнес Сансон, — когда шея начала пухнуть, она испугалась, что задохнется. В таком случае сердце могло само остановиться.

Воцарилась тишина. Бурдо сосредоточенно созерцал очертания тела под джутовой тканью мешка.

— Имеются еще кое-какие предположения, — продолжил Сансон. — Вполне возможно, что имело место плотское сношение; следы, обнаруженные нами, весьма любопытны.

Николя подумал, что данная оговорка смысла не имела.

— Странно, мы не обнаружили в желудке жертвы остатков пищи, — проговорил Семакгюс. — Немного экскрементов, следы жидкости, и все.

— Тем более, — заметил Бурдо, — следует особенно тщательно исследовать беловатый напиток, с виду напоминающий молоко и стоявший на столике у изголовья жертвы. Не перестаю удивляться, господа, что в желудке нет остатков пищи, хотя нам в точности известно, что перед смертью жертва давала своим гостям роскошный ужин.

— Быть может, — предположил Сансон, — ей пришлось выдать обратно все, что она съела? Разве наблюдения, сделанные в ее комнате, не наводят на такую мысль?

— Нисколько. Рвотные массы были жидкими, а в гардеробной мы не нашли ни одной из тех штучек, которыми прочищают желудок. Доктору Семакгюсу предстоит установить содержимое рвотных масс, а также сделать анализ пищи из этой корзины.

— Значит, разгадку следует искать в белой жидкости, изучением которой я займусь, как только смогу, равно как и исследованием остатков пищи, столь заботливо вами сохраненных, — ответил корабельный хирург. — На сегодня, я полагаю, мы сделали все возможное. Встретимся завтра здесь же, в три часа пополудни, и я сообщу вам результаты своих исследований.

Семакгюс сложил инструменты в кожаный портфель. Те, кто хорошо знал его, понимали, что поспешность, с какой он промывал инструменты под струей воды маленького медного

фонтана, свидетельствует, что у него назначено свидание и он не хочет на него опоздать. Поклонившись, Семакгюс исчез под сводами лестницы, и вскоре эхо донесло до них удалявшиеся звуки его шагов. Сансон также собирался уходить, когда инспектор подозвал его и, отведя в самый дальний угол, что-то долго шептал ему на ухо. Оба вернулись с улыбками на лицах и сразу направились к Николя.

— Господин комиссар, — произнес Бурдо, — я нашел вам пристанище на ночь. Наш друг согласился приютить вас у себя в доме. Там вас никто не станет искать.

Он смущенно закашлялся, понимая, что слова его могли показаться палачу оскорбительными.

— Давайте встретимся с вами завтра утром возле дворца Меню Плезир[12], ближе к полудню. Мы продолжим расследование, которое, как мне кажется, пока недалеко продвинулось. Разумеется, из вскрытия следует, что жертва была отравлена, однако причины и обстоятельства отравления по-прежнему неизвестны.

Николя снял очки.

— Совесть не позволяет мне подвергать риску нашего друга: ведь я могу скомпрометировать его.

— Сударь, — произнес Сансон, — для меня ваш визит — большая честь. Не тревожьтесь, я ничем не рискую. Нельзя потерять должность, которой у тебя нет. А когда настанет день официального вступления, подозреваю, что конкурентов у меня не будет!

— Как! — воскликнул Николя. — Вас еще не ввели в должность? Однако все давно уже величают вас Парижским господином.

Палач печально улыбнулся.

— Мой отец жив, а назначить нового палача, если прежний еще жив, может только Его Величество. Когда настанет урочный день, король специальным письмом подтвердит мои полномочия и окончательно утвердит меня в должности.

— Но кто же ваш отец, и где он теперь? — удивленно спросил Бурдо.

— Мой отец, Шарль Жан Батист Сансон, удалился в деревню, после того как в 1754 году у него парализовало руку. Поэтому, как я уже вам рассказывал, во время казни цареубийцы Дамьена в 1757 году обязанность палача исполнял мой дядя Габриэль, а я был у него подручным. Дядя до сих пор не может без ужаса вспоминать тот день, настолько кровавой оказалась та казнь.

— Если я не ошибаюсь, когда казнили Лалли, барона де Толлендаля, ваш отец еще исполнял свои обязанности.

— Совершенно верно. Отец знал барона. Однажды, когда барон еще был молодым офицером Ирландского королевского полка, он попал под проливной дождь, и мы пригласили его к себе переждать непогоду. Тогда ему пришла в голову странная идея: он захотел посмотреть на орудия ремесла моего отца. Проведя пальцем по отточенному лезвию тяжелого обоюдоострого меча, он заметил, что таким мечом можно отсечь голову с одного удара. А затем он сказал поразительную фразу: «Если когда-либо случаю будет угодно отдать меня в ваши руки, обещайте сделать свое дело с одного удара».

— И что потом? — спросил Николя.

— После того как барону пришлось сдать крепость Пондишери, его обвинили в измене и заявили, что он продался англичанам. Тогда отец вспомнил обещание, данное молодому офицеру, и приехал из деревни в Париж. Но когда пришло время исполнить приговор, отец с отчаянием убедился, что у него уже нет былой силы: меч стал для него слишком тяжел. И тогда он передал свою страшную и… почетную обязанность мне. Но…

Опустив голову, Сансон глубоко задышал.

— …приговоренному было семьдесят четыре года, его длинные седые волосы, собранные в хвост, развязались и упали на плечи. Поэтому, когда я опустил меч, острие соскользнуло и лишь раздробило барону челюсть. Толпа на Гревской площади угрожающе заворчала. Господин де Лалли корчился от боли, а я не знал, что делать. Тогда отец, со скоростью и проворством, которых в его возрасте от него никто не ожидал, вырвал у меня из рук орудие казни и одним ударом отсек приговоренному голову; не выдержав нахлынувших на него чувств, он без сил упал на помост рядом с казненным.

— И я полагаю, с тех пор вам не доводилось брать в руки меч?

— Увы! Еще как доводилось. Шевалье де Ла Барр, обвиненный в богохульстве за то, что он якобы не снял шляпу при виде проходящей мимо процессии со святыми дарами и, по слухам, изрезал деревянную статую Христа на мосту в Абвиле, имел несчастье попасть в мои руки. Несмотря на зыбкие доказательства, его присудили к отсечению кисти, вырыванию языка и сожжению на костре. Он направил апелляцию в Парижский парламент, и тот даровал ему милость, решив, что ему сначала отсекут голову, а затем уж сожгут. Бедному молодому человеку было всего девятнадцать лет…

— Не тот ли это юноша, — спросил Бурдо, — чьей реабилитации во всеуслышание требует Вольтер?

— Именно тот. Хотя до сих пор голос Вольтера никто не услышал.

— Но разве Абвиль находится в вашей юрисдикции? — поинтересовался Бурдо,

— Конечно, нет, но тамошний палач заболел, и хотя его собратья по ремеслу есть и в Амьене, и в Руане, канцлер Мопу приказал привести приговор в исполнение мне. Полагаю, следуя пожеланиям церкви, он решил устроить показательную казнь. Я с первого раза исполнил свою обязанность, и с тех пор неустанно молю небо о спасении души сей несчастной жертвы. Издавна считают, что мы занимаемся нашим ремеслом из желания уничтожать жизни… Никогда не верьте этим глупым сказкам.

— Мы это хорошо знаем, — ответил Бурдо. — Думаю, нам пора расставаться: уже поздно. Как вы сюда добирались?

— Меня ждет кабриолет, — ответил палач, — на месте кучера сидит один из моих помощников.

— А ему можно доверять?

— Как мне самому.

Когда Бурдо и Сансон, повернувшись к нему спиной, направились к двери, Николя подошел к столу и, прикоснувшись двумя пальцами к губам, приложил пальцы к тому месту, где под тканью мешка скрывалась голова. Понурившись, он постоял немного, потом встрепенулся и быстро догнал своих товарищей, медленно поднимавшихся по лестнице. Когда они проходили мимо папаши Мари, привратник с любопытством взглянул на переодетого Николя.

— Дорогой Сансон, — поспешно произнес Бурдо, — сделайте одолжение, подвезите нашего секретаря, господина Дезале, на улицу Сен-Дени; вам, это, кажется, по дороге.

— С удовольствием, — ответил Сансон, увлекая Николя к своему экипажу.

Дорогой комиссар не сумел найти подходящих слов для поддержания незамысловатой беседы. Сансон же, со своей стороны, уважая его молчание, прикрыл глаза и сделал вид, что дремлет. Напротив съезда с моста Менял кабриолет свернул на улицу Тровакидюр, по улице Сонри обогнул Шатле и поехал по улице Сен-Дени. Этим зимним вечером Париж словно вымер. Даже рынок и кладбище Невинных, эти наиболее оживленные уголки столицы, можно было распознать только по смрадному зловонию, исходившему оттуда, несмотря на холодную погоду. Постепенно стекла кареты запотели от дыхания. Последовав примеру Сансона, Николя

закрыл глаза, и тотчас перед ним замелькали жуткие картины вскрытого тела вперемежку с образом его любовницы во всем блеске ее красоты. Внезапно он вспомнил одну деталь, подмеченную им еще при вскрытии. В тот вечер Жюли принимала у себя мужчину… И, если верить анатомам, не только принимала, но и была с ним близка. Она обманывала его. Задним числом он ощутил боль, хотя надеялся, что горечь от этого открытия рассеет печаль утраты. Напрасно: два чувства — горькая печаль и яростный гнев, коего заслуживало предательство, соединились, но не объединились. В голове крутился бесполезный вопрос: что бы он сделал, если бы застал Жюли в объятиях соперника? Честно говоря, ответа на него он не знал, и эта неуверенность терзала его, угрожая довести до безумия. Он глубоко задышал, пытаясь обрести спокойствие и безмятежность духа, необходимые полицейскому комиссару, ведущему расследование.

Из-за своего маскарада Николя не мог внести лепту в обсуждение результатов вскрытия. Однако у него в голове выстроилась достаточно четкая гипотеза. Пустой желудок госпожи Ластерье имел свое объяснение. Чтобы не подогревать свой бурный темперамент, Жюли никогда не ела мяса и ненавидела курицу, особенно курицу по-антильски, с острым соусом. Яйца и молочные продукты, фрукты, овощи и сезонные салаты составляли основную ее пищу. Поэтому тарелка, оставленная у изголовья кровати, никак не могла предназначаться ей. Следовательно, она была не одна, и кусочек курицы принесли для утоления голода временного любовника. Николя знал, что курицу по-антильски обычно готовили к его приходу, и, возможно, кто-то таким образом хотел сказать, что комиссар провел часть ночи со своей любовницей. Такой ход предполагал доскональное знание обычаев дома, а целью, совершенно очевидно, являлось выставить его в качестве главного подозреваемого — на тот случай, если будет доказано отравление. Нет, в несчастный случай он не верил. Слишком много ниточек, соединяясь одна с другой, постепенно сплетались в большую паутину, где суждено запутаться бессильной жертве невидимого и таинственного хищника.

Обстоятельства складывались наихудшим образом. С некоторых пор королевское правосудие расценивало отравление как наиболее тяжкое преступление и карало отравителей особенно сурово. До сих пор все помнили о целой цепи отравлений, случившихся в царствование Людовика XIV. Тогда король жестоко наказал преступников, дерзнувших преступить основной закон природы, особенно когда выяснилось, что отравители нашли прибежище даже на ступенях трона. Николя знал, какими методами ведется следствие по делам об отравлении, равно как и будущий приговор: сначала пытки, потом костер и посмертное бесчестие. Он вспомнил, как в его родной Бретани подозреваемого в отравлении допрашивали, помещая его ноги в башмаки, наполненные серой; мало кто выдерживал такую жестокую пытку.

Миновав заставу Сен-Дени, экипаж покатил по левой стороне бульвара до перекрестка с улицей Пуассонньер. По дороге Николя обратил внимание на массивное здание дворца Меню Плезир, возле которого завтра ему предстояло встретиться с Бурдо. Подъезжая к улице Анфер, где стоял дом Сансона, Николя как истый парижанин размышлял, каким загадочным образом в Париже оказалось две улицы с одинаковым названием: одна неподалеку от центра, в квартале Монпарнасс, а другая в пригородном квартале, именовавшемся Новой Францией, где новоиспеченные буржуа активно застраивали участки вокруг территории монастыря Сен-Лазар. На дороге, прилегавшей к монастырским владениям, в последнее время участились несчастные случаи, о чем в свое время докладывали Сартину.

— Взгляните, — произнес Сансон, чья мысль устремилась в том же направлении, — какой здесь опасный уклон. А ведь по этой дороге в Париж каждый день везут и несут на рынок свежие овощи. Здесь постоянно ходят женщины с большими тяжелыми корзинами за плечами, и не проходит и недели, чтобы кто-нибудь из них не упала и не сломала руку или ногу, потому что тут всегда либо грязь, либо лед. Вдобавок здешние пешеходы постоянно рискуют угодить под колеса проезжающих экипажей.

— Мне об этом прекрасно известно, — горестно вздохнул Николя. — Но монахи отказываются соорудить на свои средства нормальный тротуар для пешеходов.

Николя не раз слышал, как Сартин, масон и вольтерьянец, поносил владевшую миллионами конгрегацию лазаристов, которой принадлежала пара десятков парижских улиц и около двадцати пяти деревень в окрестностях столицы; однако члены конгрегации «оплакивали каждое экю, которое приходилось отдавать на благотворительность и благоустройство».

Пока он размышлял, экипаж подкатил к ограде добротного дома, и помощник палача, соскочив с козел, постучал железным молотком в ворота. Вскоре ворота распахнулись, и коляска въехала на вымощенный камнем двор. Сансон пригласил Николя следовать за ним, и, преодолев несколько ступенек, они вошли в дом. Впервые за последние два дня на Николя снизошло чувство покоя, словно кто-то, проникшись состраданием, заключил его в надежные и крепкие объятия. В доме пахло деревом и хорошим воском. Париж с его преступлениями остался далеко позади. Возле лестницы стояли два мальчика. Старшему, исподлобья взиравшему на незваного гостя, было лет восемь; он обнимал за плечи младшего брата, и весь вид его говорил, что он готов встать на защиту малыша. Видимо, гости в этот дом приходили крайне редко, поэтому любое появление незнакомца воспринималось детьми как покушение на привычную жизнь семьи. Сбросив плащ, Сансон окинул насмешливым взором костюм своего гостя.

— В этих лохмотьях вы, похоже, напугали моих сыновей, — произнес он. — Дети мои, позвольте представить вам моего друга. И пусть его внешний вид вас не пугает, ибо за ним скрывается истинный кладезь добродетелей. Ему необходимо было проникнуть в дом незамеченным. Не бойтесь, он переоденется. Сударь, позвольте вам представить Анри и Габриэля. Ну же, дети, обнимите своего отца!

Окинув недоверчивым взглядом загадочного гостя, дети церемонно поклонились, а потом, не выдержав, бросились к отцу и стали обнимать его и осыпать поцелуями.

— Довольно, довольно, не так бурно! А теперь бегите и предупредите вашу матушку, что у нас гость. А я тем временем покажу нашему гостю его комнату.

Жестом пригласив Николя следовать за ним, Сансон поднялся по лестнице и ввел гостя в уютную комнатку, обставленную со всем доступным деревенским комфортом и тотчас пробудившую у комиссара воспоминания детства. Затем хозяин вышел и вскоре вернулся с чулками, рубашкой, кружевным галстуком и серым фраком; хотя фрак оказался немного великоват, тем не менее он вернул Николя его природное изящество. Помощник палача принес кувшин с горячей водой и поставил его на туалетный столик, рядом с которым высилось зеркало-псише на колесиках. Вылив воду в фарфоровую полоскательницу и смыв с лица слой покрывавшей его пыли, Николя взглянул в зеркало и не узнал себя. Переживания резко состарили его лицо: положили трагические тени под глазами, выявили новые морщины и подчеркнули старые шрамы, приобретенные им как в озорном детстве, так и за годы полной опасностей взрослой жизни.

Сансон зашел за ним, чтобы сопроводить в столовую. На пороге, в саржевом платье гранатового цвета, с надетым поверх крахмальным передником, стояла пухленькая женщина. Увидев Николя, она неумело поклонилась, сопроводив поклон милой улыбкой. Благодушное лицо ее, обрамленное белоснежными кружевами чепчика, излучало доброту. Чуть постарше Сансона, она смотрела уверенно, и движения ее отличались властностью. Николя сразу понял, кто правит бал в этом доме, и кто из супругов играет в нем первую роль.

— Мари Анна, вот тот человек, о котором я тебе столько рассказывал, — произнес палач. — Госпожа Сансон, моя жена…

— Сударь, — произнесла женщина, — я почитаю за честь принять вас у себя в доме и надеюсь, вы простите мне скромность нашего домашнего стола, ибо супруг не предупредил меня о вашем визите.

Она бросила суровый взор в сторону мужа, и тот смущенно опустил голову.

— Господин Сансон обязан был предупредить меня, что вы сегодня ужинаете с нами. Он так много и так давно рассказывал мне о вас…

От адресованной комиссару кокетливой улыбки на ее пухлых щечках обозначились ямочки.

— Сударыня, — произнес Николя, — я в отчаянии, что вынужден столь неожиданно нарушить ваш покой. И все же я благодарен обстоятельствам, подарившим мне возможность познакомиться с вами. Приглашение моего друга Сансона побывать у него в доме — для меня большая честь.

Выделив слово «дом», он заслужил еще одну улыбку покрасневшей от удовольствия Мари-Анны.

— Благодарю вас, сударь! А теперь за стол.

Сансон сел во главе прямоугольного стола, справа от него занял место Николя, слева — супруга; дети разместились друг напротив друга. Затем Мари-Анна встала и, глядя прямо в глаза Николя, смущенным голосом попросила его присоединиться к их благодарственной молитве. Все встали. Николя, взволнованный возвращением к обычаям его юности, проведенной в Геранде, даже вспомнил слова молитвы, часто слышанной им из уст каноника Ле Флока. Это воспоминание воскресило перед ним тени прошлого: его отца-маркиза, сводной сестры Изабеллы, призванного Господом отца Грегуара из монастыря Карм Дешо, и всех своих утраченных друзей.

— Benedic, Domine, nos et haec tua dona quae de tua largitate sumus sumpturi. Per Christum Dominum nostrum.

— Amen[13], — ответили вместе с детьми мужчины.

Госпожа Сансон вновь одарила Николя благодарной улыбкой.

— В нашей семье принято перед трапезой читать святую молитву. Мне всегда удивительно, когда при изобильном столе с множеством блюд люди беспричинно отказываются почтить Господа, благодаря которому они наслаждаются этим изобилием. Во всем обязанные Господу, мы по справедливости должны возносить Ему хвалы.

Двое слуг внесли кастрюлю с дымящимся супом, и хозяин дома взял на себя обязанность разлить его по тарелкам.

— Это суп-потаж из каплунов и телячьего подбедерка с белым луком, — произнесла его супруга. — Пока он кипел, я все время снимала с него пену, чтобы бульон оставался прозрачным. Бернар, — обратилась она к одному из помощников, — принесите нашему гостю сидра, присланного нам отцом. Мне кажется, он уже имел честь оценить этот напиток.

Николя поблагодарил ее за внимание. Он знал, что отец госпожи Сансон владел угодьями на Монмартре, где палач познакомился со своей будущей супругой по дороге на охоту. Решительно, в этом дружелюбном доме хорошо знали его вкусы. После некоторого замешательства разговор зашел о кухне. Госпожа Сансон сообщила Николя, что ей известно, сколь велик его интерес к приготовлению различных блюд, и что он обладает немалыми кулинарными познаниями. Следом за потажем подали яйца, приготовленные а ля Тартюф[14], и комиссар сразу заинтересовался таким названием.

— Подобно тому, как лицемер скрывает свою черную душу за показной набожностью, — со смехом ответила Мари-Анна, — так и в этих яйцах белок скрывает темную середку желтка.

— И каким образом вы готовите это блюдо?

— О! Проще простого. Режу сало тоненькими полосками и тушу его в кастрюльке на медленном огне, добавив капельку водички. Полученный сок надо вылить, с ним уйдет вся лишняя соль и привкус шкварок. Потом я выкладываю этими кусочками широкую глиняную миску, добавляю полсетье[15] уваренного соуса и добрую бутылку красного вина, а затем выпариваю на сильном огне. Потом разбиваю туда дюжину отборных яиц, и в качестве приправы добавляю соль, крупномолотый перец и тертый мускатный орех. Ставлю на малый огонь и аккуратно провожу горячей лопаточкой по мере того, как яйца зажариваются, дабы подать их на стол, когда желтки еще не затвердели и вздрагивают.

— Восхитительно! — произнес Николя. — Смесь вкусов и консистенций приводит меня в восторг.

Трапеза протекала в чудесном спокойствии. Николя заметил, что хозяин дома не слишком часто открывал рот, зато у его супруги, обладавшей неистощимой живостью характера, находился ответ на любой вопрос. В качестве основного блюда подали жареную на угольях свиную шейку с гороховым пюре, а на десерт принесли огромный крещенский пирог и вазочку с вареньем.

— Полагаю, вы извините нас за столь скудный десерт, — начал Сансон, — но…

— Но теперь господин Сансон будет предупреждать, когда он ждет столь почетного гостя….

Варенье поразило Николя; это было варенье из вишен, обладавшее волшебным, но не вишневым, ароматом, и сладостью, но с доминирующей кислинкой.

— Из чего сварено это варенье?

Хозяйка кокетливо улыбнулась: она явно обрадовалась, что наконец-то ей удалось удивить его.

— Семейный секрет, но я охотно вам его открою. Это всего лишь вишневое варенье, сваренное с добавлением малины. Секрет заключается в том, что на место косточки, удаленной из вишни, мы кладем малину. Для варки же к начиненной вишне мы прибавляем точно такое же количество вишни с косточкой. Ту вишню, что варится с косточкой, надобно прежде наколоть в двух местах булавкой, чтобы она не лопнула и косточка не попала в варенье. Варить с сахаром, как обычно, но добавив толику сока — и малинового, и вишневого.

— Я сберегу воспоминание об этом изысканнейшем десерте и обещаю вам, сударыня, непременно сохранить ваш секрет.

После ужина все чада и домочадцы, включая помощников и кухарку, собрались на лестничной площадке. Госпожа Сансон велела всем опуститься на колени и уверенно и без запинок прочла вечернюю молитву. Затем раздала всем свечи, наказав, как их надобно использовать. За время ужина дети привыкли к другу своего отца и уже без опаски подошли поцеловать его на ночь. Николя не помнил, как добрался до отведенной ему комнаты. Вечер, проведенный в мирной семейной обстановке, развеял его тревоги, усталость навалилась на него, и он, упав на мягкое ложе, окутавшее его своим теплом, немедленно погрузился в сон, не успев ничего обдумать.

Суббота, 8 января 1774 года

Его разбудили шорох отдергиваемых занавесок и знакомый аромат шоколада. Один из помощников ставил на стол плошку с дымящимся напитком, маленькую чашечку и тарелку со свежими булочками, как показалось Николя, домашнего приготовления. Не обладавший излишним любопытством помощник даже не посмотрел в его сторону. Когда Николя заканчивал свой завтрак, дверь открылась и к нему скользнула маленькая фигурка в белой ночной рубашке.

— Здравствуй сударь. Меня зовут Габриэль, и мне пять лет. Ты хорошо спал?

— Очень хорошо. С добрым утром.

— Я хотел тебя кое-что спросить… кое-что…

Мальчик колебался; и Николя ободряюще улыбнулся ему.

— Я никогда не видел друзей моего отца. Ты первый. Почему?

Николя растерялся. Что мог он ответить этому ребенку? Знал ли мальчик, чем занимается его отец? Вряд ли Сансон скрывал свой род занятий от детей, ведь неожиданное открытие может нанести их чувствительности и вовсе непоправимый удар. Но, не будучи в этом уверен, Николя попытался выкрутиться.

— Я думаю, твоему отцу так хорошо в кругу семьи, что ему для счастья вполне хватает вас, а с друзьями он встречается в городе, вне стен дома.

Мальчик нахмурился, лицо его стало сосредоточенным, даже угрюмым, но вскоре оно просветлело, и он взглядом поблагодарил Николя. Полученное объяснение казалось ужасно неуклюжим, но оно, без сомнения, ответило на невысказанный вопрос, и успокоенный ребенок ушел, молча, как и пришел. Николя привел себя в порядок и занялся маскарадом. Он самым тщательным образом восстановил свой образ писаря, хотя пыль, чтобы зачернить лицо, нашел с большим трудом. Завершив все необходимые процедуры, он в ожидании часа отъезда, сел и стал листать душеспасительные книжки, обнаруженные им в ящике ночного столика. Но каким бы благочестивым и далеким от ужасов этого мира ни был этот дом, он помнил, что в его стенах жил палач.

Около полудня Николя спустился вниз. Сансон давно отбыл по делам своей ужасной службы. Его супруга тепло попрощалась с комиссаром, взяв с него обещание оказать им честь еще одним визитом, и доверительным тоном сообщила, насколько супруг ее рад принимать его у себя. Она нисколько не удивилась, увидев Николя в прежнем устрашающем костюме. Она привыкла ничему не удивляться, а положение обязывало ее к сдержанности.

Николя вывели из дома через потайную дверь, выходящую на улицу Анфер, по которой он и отправился, дабы сократить себе путь на улицу Пуассоньер. Он проверил, не идет ли кто-нибудь за ним. Ему часто приходилось выслеживать подозрительных субъектов, а потому если бы за ним самим установили слежку, он бы моментально заметил преследователя. Он добрался до дворца Меню Плезир довольно быстро. В этом красивом здании хранились старые декорации, костюмы и прочая театральная машинерия, использованные для устройства придворных торжеств. Однажды ему довелось заглянуть внутрь, и он с изумлением увидел в одной куче поблекшие костюмы, оставшиеся после придворного бала, и обивку от катафалков, участвовавших в пышных похоронных процессиях членов королевской фамилии. Недолгое ожидание ему скрасили хорошенькие девушки; некоторые из них выглядели совсем юными, почти детьми. Подобно ручейку, вереница этих девушек стремилась во дворец Меню Плезир. Некоторые на ходу бросали дерзкие взоры на Николя, разжигая его любопытство, ибо он понимал, что сейчас его внешность нисколько не способствовала интересу женского пола к своей персоне. Подъехал фиакр Бурдо, дверца открылась и Николя прыгнул внутрь.

— Надеюсь, вам не пришлось слишком долго ждать? — игривым тоном спросил инспектор.

— Нисколько, вы точны как парижские куранты.

— А вы, похоже, решаете очередную загадку?

— Да. Я задавал себе вопрос, зачем ручеек хорошеньких и дерзких девиц течет во дворец Меню Плезир.

— О-о! — хлопнул себя по ляжкам Бурдо. — Так заведено, и так происходит каждое утро. Девицы из Оперы и театров, имеющие покровителей, пользуются привилегией на получение входного билета в этот дворец.

— Билета, чтобы войти в здание? Но зачем?

— Зачем? Да ведь там полно соблазнов для женщин! Восстановить старый реквизит стоит дорого, проще сделать новый. Поэтому все, что остается после праздников, отдается на разграбление хищным особам женского пола. Воистину, это шикарная свалка! Они тащат оттуда все, удовлетворяя свою ненасытную страсть к шелкам, дорогим тканям и прочим фертифлюшкам.

— За счет короля!

— Короля? За наш с вами счет! Добрый гражданин, озабоченный вопросом, куда идут выкачиваемые из него налоги, не может радоваться, глядя, как масса пригодных вещей вышвыривается на ветер! Такое разбазаривание денег может происходить только в государстве, где власть сосредоточена в руках одного правителя. Надо, наконец, чтобы появилась иная сила, способная противостоять ужасающим злоупотреблениям власти нынешней. Я уже не говорю о короле, который, судя по слухам, спекулирует зерном, чтобы пополнять свой кошелек.

В этих словах звучала знакомая Николя резкость суждений, которые Бурдо иногда высказывал, и зачастую совершенно справедливо.

— Довольно, Пьер, вы заблуждаетесь, и из дурацких сплетен делаете скороспелые выводы. Я не могу позволить вам говорить подобные нелепости. Как вы себе представляете Его Величество, торгующего зерном? Такие утки хороши для бульварных газет и памфлетов, что печатаются в Лондоне и Гааге. А о каком противовесе вы говорите? Неужели о парламентах, которые вечно противятся воле короля?

Бурдо отрицательно покачал головой.

— Я думал не о парламентах, а о народе, нигде не представленном и не имеющем ни слова, ни голоса.

Неожиданно карету занесло в сторону, и Николя швырнуло на инспектора. Снаружи послышалась брань и щелканье кнута. Окошко в передней стенке открылось.

— Прошу господ меня извинить, но моей вины тут нет. Мальчишка, разносящий лимонад, задумался, переходя улицу, и я едва не сбил его.

Карета покатила дальше. В окошке промелькнуло испуганное лицо кудрявого молодого человека в белом переднике, державшего в одной руке серебряный кофейник, а в другой — поднос с кувшином и пирамидой чашек, которые ему чудом удалось спасти. Когда сыщики прибыли в Шатле, в дежурной части их уже ожидал доктор Семакгюс; на лице его отражались совершенно противоречивые чувства.

— Что нового? — спросил Бурдо. — Что показали ваши исследования, и можем ли мы закрывать дело?

— Никоим образом, — ответил хирург. — Налицо самое настоящее отравление…

— Ну, это мы уже знаем…

— Да, конечно. Но теперь ясно, что это отравление умышленное. Все мои выводы — а я неоднократно производил исследования, — говорят о преступном умысле.

Бурдо открыл рот.

— Нет, я знаю ваши возражения, хотя вы их и не высказали. Речь идет не о нечаянном отравлении, а о преступном и предумышленном.

Николя ощутил, как на него внезапно навалилась огромная ледяная глыба, и ему пришлось сесть на табурет. Итак, его самое первое предчувствие подтвердилось.

— И на чем основано ваше заключение? — спросил Бурдо.

— На двух крысах. Точнее, на шести, потому что я трижды проводил эксперимент. А всего крыс было двенадцать; я поделил их на две группы, и на одной проверил наличие яда в жидкости, а на другой — в пище. Отведав курицу, все остались живы; но вот после жидкости

— о! началась настоящая гекатомба. Надо сказать, для борьбы с крысами этот яд гораздо эффективнее мышьяка. Зверьки сначала озадаченно замерли, затем задергались, стали разевать пасти, у них начались спазмы, обильное потоотделение, и они тревожно запищали. Когда я дал им воды, они бросились жадно пить, а затем, издавая писки и корчась от боли, выдали из себя все, что съели ранее. Потом их стало рвать кровавой слизью, и через четверть часа они окочурились.

— И о каком яде идет речь?

— В этом-то и вопрос! Я его не знаю.

— Не может быть!

— Может: соотношение кислоты и разрушительного вещества, содержащихся в напитке, еще предстоит определить.

— Но вы хотя бы предполагаете, о чем идет речь?

— Мне удалось получить осадок, точнее, собрать крохотные частицы, полученные путем высушивания и выпаривания влажных субстанций. Речь идет об измельченных семенах.

— Что за семена? Вы хотите, чтобы я лопнул от любопытства?

— Ох! Если бы я знал! Это-то меня и раздражает: я не могу их определить, хотя и побывал во многих уголках света. Содержавшийся в жидкости яд по своему воздействию напоминает растительные яды, в частности, получаемые из ядовитых семян лианы, произрастающей в Америке; семена этой лианы вызывают судороги. Я до поздней ночи рылся у себя в библиотеке, выискивая подходящие описания. Но даже в труде Пупе-Депорта о растениях острова Сан-Доминго, нет ничего похожего. Поэтому я отправляюсь в Королевский ботанический сад посоветоваться с учеными-ботаниками и посмотреть коллекции. Вы же знаете, я продолжаю работу над трактатом об экзотических растениях, поэтому у меня имеются кое-какие знания в этой области. Но данный случай превосходит мои познания.

— Непременно держите нас в курсе, — произнес Бурдо. — Но прежде я хочу задать вам последний вопрос: не мог ли кто-нибудь из слуг госпожи Ластерье, привезенных ею с Антильских островов, подмешать ей в стакан яд?

Семакгюс на минуту задумался.

— Предположение не лишенное оснований. Тамошняя флора настолько разнообразна, насколько малоизученна. В таком случае получается, что они привезли его с собой во Францию. Но с какой целью брать с собой яд? Если принять эту гипотезу, напрашивается вывод о продуманном заранее преступлении, что, на мой взгляд, крайне сомнительно. Я покидаю вас, дорогой Бурдо. А что, Николя по-прежнему отдыхает в Версале?

Бурдо удивленно вскинул брови.

— Не удивляйтесь, сегодня утром я заходил на улицу Монмартр. Он прислал к господину де Ноблекуру посыльного, и тот сообщил, что Николя гостит сейчас в Версале, у своего друга Лаборда. Счастливчик, наверняка сидит с удочкой на берегу Большого канала!

Бурдо и Николя тревожно переглянулись; никто из них не представлял, откуда взялся сей таинственный посыльный.

Семакгюс удалился, не взглянув в сторону писаря, упорно опускавшего голову. Подождав, пока стих шум шагов корабельного хирурга, инспектор повернулся к Николя.

— Все, что мы с вами тут услышали, приводит меня в отчаяние. Получается, главные неприятности еще впереди. Пора начинать расследование по всем правилам, иначе говоря, надобно как можно скорее допросить наших двух залетных птичек. Что вы на это скажете? Слуги госпожи Ластерье рассматриваются нами как главные подозреваемые. Они вполне могли подсыпать ядовитые семена. Вы хорошо знаете этих людей?

— Неплохо, как мне кажется. Я целый год общался с ними на улице Верней, и они всегда отлично мне прислуживали. Они знакомы с французскими обычаями, и производят впечатление послушных и нелюбопытных.

— Госпожа Ластерье хорошо с ним обращалась?

Мимолетное колебание Николя не ускользнуло от прозорливого взора Бурдо.

— Разумеется… Конечно, Жюли могла допустить грубость, особенно когда жила на Гваделупе: тамошние креолы относятся к своим рабам, как к мебели — хорошей или дрянной, смотря по обстоятельствам. Судя по жалобам, иногда слетавшим с их уст, я понял, что оба надеялись, что хозяйка даст им свободу. Но она упорно не желала этого делать. Ее все устраивало, она привыкла безоглядно распоряжаться своими людьми, которых ей приходилось всего лишь кормить и одевать. Возможно, она боялась, что, получив свободу, они уйдут от нее или же им придется платить жалованье.

— После освобождения их жизнь смогла бы улучшиться?

— Для них освобождение означало возможность вернуться на родину. Получив освобождение, они, согласно закону, не смогли бы больше оставаться во Франции, их бы отвезли в Гавр, посадили на корабль и отправили восвояси. Чтобы дать вам точный ответ, мне надо освежить в памяти законы. Так, например, наша дорогая Ава, радующая нас своими замечательными блюдами, была отпущена Семакгюсом на волю задолго до ордонанса 1762 года, что позволяет ей проживать у него в доме.

— Она бы ни за какие сокровища не согласилась расстаться с нашим другом и предпочла бы вновь стать рабыней, лишь бы остаться здесь, — улыбнулся Бурдо. — А сколько лет слугам госпожи Ластерье?

— Трудно сказать, — ответил Николя. — Дети природы долго выглядят молодыми, а старятся буквально в один миг. Казимиру, похоже, не более двадцати пяти лет, а Юлии не больше двадцати.

— Они женаты? И вправе ли они вступать в брак?

— Разумеется, как добрые христиане, они могут заключить брак, однако я не уверен, что их союз освящен кюре.

— Как вы считаете, они способны на столь жестокое и страшное преступление?

На этот раз Николя не колебался.

— Мне даже в голову не пришло, что эти двое в состоянии задумать, а уж тем более вынашивать столь ужасный план избавления от собственной хозяйки. К тому же если говорить о его исполнении, то заморские семена сразу привлекают к ним внимание и подтверждают их вину. Добавлю: Жюли де Ластерье является крестной матерью Юлии, недавно принявшей крещение, а такие узы для туземцев, поистине, священны.

— Вернитесь на землю, Николя. Вы, похоже, не понимаете серьезности положения. Не могу не заметить, что с точки зрения любого магистрата, которому поручат это дело, если оба мошенника окажутся невиновными, ваша позиция станет крайне шаткой. Никто даже не спросит вас, считаете ли вы себя виновным. Скажут: вот обманутый и изгнанный любовник, который, побуждаемый ревностью, решился пойти на крайность. Более того, вам скажут, что, прекрасно зная привычки обитателей дома, вы намеренно решили скомпрометировать слуг, сделав так, чтобы на них пали подозрения. Возможно, вас даже обвинят в стремлении унаследовать имущество госпожи Ластерье.

— Погодите, Пьер. Вы вещаете, словно прокурор. Но я еще не на скамье подсудимых.

— Вот я и хочу сказать, Николя, что надо готовиться к худшему. Не знаете ли вы, Жюли составила завещание?

— Она была слишком молода, чтобы об этом думать, хотя однажды я слышал, как она говорила, что у нее нет близких родственников, только дальние, а потому ей хотелось бы

привести свои дела в порядок, составив завещание в пользу какого-нибудь благотворительного заведения. К такому шагу ее подтолкнула неожиданная смерть мужа.

— Вы знаете, кто ее нотариус?

— Полагаю, его нетрудно найти. Нотариальная контора, расположенная ближе всех к ее дому, занимается делами тех, кто, как и она, приехали в столицу издалека.

— Если мы найдем ее завещание, нам понадобится консультация нотариуса. Вы на опыте знаете, что в последних волеизъявлениях зачастую содержатся ценные сведения. Но, прежде всего, на мой взгляд, следует допросить слуг и гостей, бывших на ужине у госпожи Ластерье. Вы можете составить список гостей, явившихся в дом в тот вечер?

— Число, бесспорно, могу указать. А вот что касается всего остального… личности и характеры определить гораздо сложнее. К вечеру, когда я в первый раз покинул дом на улице Верней, в квартире кроме Жюли и двух ее слуг находился Бальбастр, органист из Нотр-Дам, какой-то музыкант, игравший на клавесине, и четверо молодых людей, сидевших за картами. Сами видите, сведения мои весьма скудны.

— Возможно, господин Бальбастр сумеет нам поведать немного больше. Давайте составим план кампании. Прежде всего, допросить Юлию и Казимира; для этого вызовем их в полицейский участок на улице Бак, к комиссару Монэ. Вы с ним уже встречались? Он всегда казался мне человеком желчным.

— Это еще мягко сказано. Мне рассказывали, какие неприятные шуточки он отпускал в мой адрес. А когда его едкие высказывания в стихах и прозе о господине де Сартине попались на глаза самому Сартину, то, говорят, у него от возмущения даже парик перекосился.

— Не будем терять времени. Давайте, поправляйте ваш накладной живот, а то он у вас съехал на сторону, и вид у вас получился какой-то кособокий, вызывающий нездоровое любопытство!

Внезапно дверь со стуком отворилась, и в дежурную часть влетел господин де Сартин.

— Не знаю, перекосился у меня парик или нет, — надменно заявил он, — но позволю себе заметить, что положение комиссара Ле Флока, который, как предполагают, — подчеркиваю, господа, как предполагают, — приводит в порядок расстроенные нервы, нежась во дворце наших королей, кажется мне весьма шатким, чтобы не сказать, скомпрометированным.

Он встал напротив Николя.

— Нет, вы только посмотрите на это чучело! Ну и физиономия! Однако какой талант пропадает! Хоть сейчас на подмостки! А это рванье! Вам, сударь мой, только просиживать штаны у Рампонно[16]. Да вас выкинут из Шатле уже сегодня!

Внезапно губы его раздвинулись в улыбке, и он, схватив табуретку, с размаху уселся на нее и принялся хохотать, перемежая смех с безудержной икотой. Сартин икал и хохотал, а Николя и Бурдо смотрели на него — первый с тревогой, а второй бесстрастно.

IV
МЕРЗОСТИ

Опыт начинает заменять нам возраст, ибо он оказывает на нас такое же действие, какое производят годы.

Аббат Прево

«Никогда еще», — думал Николя Ле Флок, — «Сартин не позволял себе пойти на поводу у собственного настроения в присутствии подчиненных». Видимо, предмет его безудержного смеха того стоил. Едва генерал-лейтенант переводил взор на растерянное лицо Николя и его наряд, как его снова и снова охватывал неудержимый хохот; от смеха мышцы лица его расслабились, и, присмотревшись, можно было прикинуть истинный возраст Сартина. Напускная суровость и соответствующая избранному облику надменная манера держаться

слетели с него, словно растрескавшийся лак, открыв взору изначальный рисунок, а именно расшалившегося подростка. Постепенно Сартин успокоился, вновь принял серьезный вид и нервным движением поправил парик.

— Господин комиссар, — произнес он, — полагаю, вы совершенно справедливо не ожидаете, что я стану вас хвалить. Действительно, я могу много чего сказать по поводу вашего легкомысленного поведения, но никакие слова не в силах описать мой гнев. Как вы могли подумать, что сумеете провести меня и всерьез восприняли прелестные речи и отравленные советы друга, действовавшего, впрочем, по моему приказу, превосходит мое понимание. Однако должен воздать справедливость Бурдо: я долго уговаривал его обмануть вас.

Николя бросил в сторону Бурдо гневный взор, но инспектор остался невозмутим.

— О! Вы обязаны простить его; он с самого начала, когда преступление еще не было доказано, изо всех сил отстаивал вашу невиновность, защищал вас больше, чем все остальные. И не смотрите на меня так уныло. Вы работаете у меня под началом уже пятнадцать лет. Разве я когда-нибудь давал повод считать меня столь наивным, что я могу поверить подозреваемому на слово? Ибо, хотите вы того или нет, вы являлись главным подозреваемым, хотя в силу своей естественной склонности и дружеского к вам расположения я также полагал, что вы невиновны. Но это чувства Сартина, а не начальника полиции. Вы знаете мою страсть к секретам. Я хотел посмотреть, как вы возьметесь за расследование, от которого целиком и полностью зависит ваша свобода. В своих отчетах Бурдо сообщал мне обо всех ваших действиях.

— Сударь, — произнес Николя, воспользовавшись паузой, — один вопрос, один единственный. К чему это испытание? Нет, я не протестую….

— Этого только не хватало! Вы не в том положении, чтобы заявлять протесты. Похоже, раскаяние нисколько вас не гложет.

— И почему, — продолжал Николя, — вы столь внезапно прервали это испытание? Продолжение предоставило бы вам еще больше поводов для выводов и суждений.

— Он еще имеет наглость давать мне советы! У меня, господин резонер, есть свои основания поступать так, а не иначе, и не вам требовать у меня отчета. И прекратите все время напоминать мне, что мой гнев, который должен был вызвать ваш обман, или, если угодно, недостаток искренности, может вновь пробудиться.

— А что мне оставалось делать, сударь? — решил не сдаваться Николя. — Донести на друга, протянувшего мне руку помощи в трудную минуту? И каким образом я вас предал, взяв протянутую мне руку? Я без лишнего шума помогал правосудию делать свою работу, ибо только я, по причине близкого знакомства с Жюли де Ластерье, мог отличить истину ото лжи.

— Узнаю ученика иезуитов Ванна. Но мне нужна не казуистика, а факты. Доклады Бурдо склонили чашу моих весов в вашу пользу. Осталась одна решающая деталь, которая лишь упрочит к вам мое доверие как человека, и за которую вам воздаст сторицей начальник полиции.

— Я к вашим услугам, сударь.

— Я хочу, чтобы вы мне подробно описали ваш второй визит в дом к Жюли де Ластерье, случившийся позавчера вечером.

— Нет ничего проще, сударь, — ответил Николя. — Успокоившись, я вернулся из Французского театра с намерением помириться с Жюли. Но, войдя в дом, от которого у меня был свой ключ, я услышал веселый шум: веселье было в разгаре. Я разозлился и не стал проходить в комнаты. В тот вечер господин де Ноблекур устраивал ужин в честь праздника Богоявления, и мне не хотелось возвращаться на улицу Монмартр с пустыми руками. Поэтому я отправился на кухню, чтобы забрать оттуда бутылку старого токайского, купленного мною для моей любовницы. Выходя, я наткнулся на незнакомого молодого человека, музыканта,

которого в первый свой приход я видел сидевшим за фортепьяно и исполнявшим какую-то пьесу. Я торопился, а потому оттолкнул его. А возле самой двери я встретил Казимира, и он не мог не заметить, как я выскочил на лестницу.

— Я свидетель, — произнес Бурдо, нарушив молчание. — Войдя в дом господина де Ноблекура, Николя потерял сознание и, падая, разбил вышеуказанную бутылку.

— Благодарю, — ответил Сартин, протягивая комиссару письмо. — Вы вновь завоевали доверие генерал-лейтенанта: у него не осталось ни малейших сомнений в вашей виновности. И да будет угодно небу, чтобы все были в этом уверены так же, как я! К сожалению, ни мнение, ни уверенность, какими бы прочными они ни были, не являются доказательствами, особенно для некоторых наших магистратов.

Николя развернул письмо. Его содержание наполнило его ужасом и яростью.

«7 января 1774 года

Сударь,

руководствуясь собственным представлением о порядочности и морали, равно как и благорасположением, кое вы мне всегда выказывали, полагаю обязанностью своей сообщить вам следующие факты. Я только что узнал, что моя близкая подруга, Жюли де Ластерье, известная своим великим талантом игры на клавесине, скончалась при обстоятельствах, для определения коих у меня нет слов.

Ходят слухи, что она была отравлена. Поэтому должен сказать, что вчера вечером я был приглашен к ней на дружеский ужин. Ваша ищейка, господин Ле Флок, появившийся ближе к вечеру, в ярости налетел на хозяйку дома и оскорбил ее. Оттолкнув меня, он, к всеобщему удивлению, убежал, словно сумасшедший. Спустя два или три часа, когда мы сели ужинать, я узнал, что он вернулся и тайно проник на кухню. Там, говорят, его застали, но я был бы в отчаянии, если бы мне пришлось обвинить его; и все же утверждают, что там он колдовал над каким-то блюдом.

И хотя я питаю к нему определенную привязанность, а, достигнув определенного возраста, прекрасно сознаю, к каким заблуждениям приводят людские страсти, я посчитал, сударь, своим долгом сообщить вам об этом, и заверяю вас, что я всегда к вашим услугам и, как никогда, являюсь вашим преданным и почтительным слугой.

Бальбастр».

— Но это же мерзкий донос! — воскликнул Николя. — Донос, лицемерно маскируемый под сочувствие и праведное возмущение. Я всегда знал, что Бальбастр невзлюбил меня с самой первой нашей встречи, хотя до сих пор не могу понять, почему. Ищейка! Когда он меня так называл, в его устах это звучало как оскорбление. А все эти «тайно проник…» …«колдовал над каким-то блюдом»…

Николя так сильно сжал бумагу, что чуть не порвал ее.

— Ах, негодяй!

— Успокойтесь, — произнес Сартин. — Письмо, действительно, мерзкое. Но вы же понимаете, в нем есть все, чтобы суд мог выдвинуть обвинение против вас. Вообразите на секунду, что вы скрыли от меня свой поход на кухню. Какие прикажете мне делать выводы из вашей забывчивости? Хорошо бы узнать, в чем причины застарелой ненависти Бальбастра. Она слишком явная, и под ней наверняка что-то кроется. Органист из Нотр-Дам ненавидит вас.

— Так что же нам теперь делать?

— Не терять времени. Надо допросить слуг. Я велел доставить их сюда из полицейского участка на улице Бак. Они уже здесь, под надежной охраной, в моем кабинете. Николя, пока

вам придется сохранить свой маскарад. Рабуин, которому не удалось уехать дальше Садов Инфанты, сложил ваш костюм в клетушку папаши Мари, где потом вы сможете скинуть свои маскарадные тряпки и переодеться в нормальную одежду. Я намерен сам вести допрос.

— Сударь, еще секундочку, — проговорил Николя. — Я не понимаю, что заставляет вас входить в мельчайшие подробности этого дела. Вряд ли одна только моя к нему причастность побуждают вас тратить на него столько времени.

Самодовольно улыбаясь, Сартин вскинул голову.

— Похоже, в обезумевшую голову постепенно возвращается разум. Я вам отвечу со всей искренностью, хотя мой ответ вряд ли вас обрадует. Что вы знаете о Жюли де Ластерье?

Николя отрыл рот, однако Сартин не дал ему вымолвить ни слова.

— Ничего, сударь, ни-че-го! Вы не знали о ней ничего, зато охотно верили всему, что она вам о себе рассказывала. Так, например, супруг ее умер отнюдь не внезапно, и не на островах от лихорадки. Преследуемый полицией за подделку подписей и растрату королевских денег, он, желая избежать карающей десницы правосудия, сам ушел из жизни. Его состояние конфисковали, имущество пошло с молотка. Впрочем, значительная часть имущества все же осталась его вдове — по причинам, о которых, вы, похоже, до сих пор не догадываетесь. Вы встречались с ней три или четыре раза в неделю, иногда еще реже. А что вы можете сказать о том, чем она занималась, когда вы были не вместе? Да ничего.

— Но…

— Никаких «но». Я знаю о ней все, а вы — ничего. Господин комиссар, представьте себе женщину, вхожую в лучшие дома Парижа, женщину, несколько раз в неделю устраивающую у себя приемы, куда приходят придворные, литераторы, светские щеголи и прочий праздношатающийся люд, которого полно везде, и который всюду сует свой нос. Она устраивала вечера, а расходы полиция — моя полиция! — ей возмещала. У нее в доме на улице Верней сложился кружок, куда вошли люди самых разных состояний: те, кого считают порядочной компанией, и те, кого причисляют к дурным знакомствам. Заметьте: ее дом нельзя назвать открытым; в нем редко принимали женщин, не играли, зато разговоры вели самые свободные. Об особой роли госпожи Ластерье знал только я. Я один. Ей ловко удавалось скрывать от вас свое истинное лицо. Она сообщала мне о том, о чем я хотел знать; у нее получалось добывать сведения более изящными способами, нежели обычным агентам, прекрасно вам известным. Сами знаете, мы используем наших людей, когда настает нужда на время подсадить утку.

Николя почувствовал, как на его плечи обрушился тяжкий груз.

— Она никогда не рассказывала мне об этой стороне своей жизни!

— Я приказал ей молчать, а она, разумеется, была заинтересована в точном выполнении моих приказов. К чести вашей, должен признать, что даже в постели, где столько мужчин стремятся освободиться от гнета своих секретов, вы не разгласили ни одного, хотя знаете их достаточно. А ваша дама…

Сартин рассмеялся.

— …ваша дама получила инструкции — простите меня, дорогой Николя — постоянно вас расспрашивать. Вы не поддались ни разу. Для начальника полиции весьма приятно сознавать, что он может положиться на верность своего лучшего сотрудника.

— Но, сударь, — подал голос Бурдо, — если она играла такую роль, у нее вполне могли быть враги; кто-нибудь мог разоблачить ее и пригрозить доносом. Ей могли угрожать.

— Что ж, Бурдо, ваше замечание отмечено печатью здравого смысла. Конечно, она рисковала, как рискуем все мы, но ваше предположение пока нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть.

Непостижимо, думал Николя, женщина, которую он любил столь страстно, все время его обманывала, сделала из него игрушку в своих объятиях. Сартин с сочувствием смотрел на него, догадываясь, какое направление приняли его мысли.

— Вы не были частью ее игры, Николя. Она искренне к вам привязалась и надеялась когда-нибудь вырваться из-под нашей опеки. Поэтому она упорно хотела заставить вас жениться на ней. Она полагала, что если она станет появляться при дворе, нам придется отпустить ее. Но правила есть правила, и тут ничего не поделаешь. Чтобы поддерживать порядок и служить королю, мы прибегаем к способам, которые мораль порицает, но цель оправдывает.

— И расплачиваемся за это человеческими жизнями.

— Иногда да. Однако пока ничто не говорит о том, что причиной смерти стала ее работа на нас. Поэтому для блага государства нам необходимо выяснить истинную причину ее гибели.

Генерал-лейтенант повел сыщиков к себе в кабинет, где в камине горели огромные поленья, за которыми специально ездили в Венсеннский лес; огонь весело потрескивал, с шипеньем разбрасывая вокруг себя искры. Согласно издавна заведенному порядку, как только Сартин появлялся в Шатле, папаша Мари немедленно разжигал огонь в большом готическом камине. В центре комнаты, под охраной двух приставов, стояли задержанные Юлия и Казимир. Встав возле камина, Сартин выпрямился и развернул плечи, отчего его хрупкая фигура приобрела присущее ей величие. Приказав увести женщину, он начал допрашивать Казимира.

С приятным напевным выговором Казимир рассказал, кто он и откуда. Уроженец острова Гваделупа, он утверждал, что ему двадцать пять лет, исповедания римско-католического, раб госпожи де Ластерье, у коей он находился в услужении. Он подробно изложил, как в четверг прошел званый вечер, во время которого его хозяйка угощала гостей ужином. Гостей пришло восемь. Господин Николя явился под вечер, но пробыл недолго и быстро ушел. Объяснить его уход он не мог. Других гостей он не знал, за исключением господина Бальбастра, завсегдатая дома, и молодого музыканта, зачастившего в дом недели две назад; музыкант всегда приходил к госпоже де Ластерье один. Однажды он даже остался допоздна. Ужин прошел без происшествий. Как обычно, госпожа ничего не ела. Будучи спрошенным, сколько раз за тот вечер он видел Николя, тот без колебаний ответил, что один. Свою хозяйку он видел в последний раз перед тем, как она удалилась к себе в будуар, дабы показать молодому музыканту какие-то духи. Они с Юлией все убрали, помыли посуду и легли спать. Да, Юлия — его жена, они так считают, хотя их союз и не освящен благословением священника. Он не знает, остался ли молодой человек у ее хозяйки или же ушел домой, и в котором часу. Когда на следующее утро Юлия пришла в хозяйкину спальню, она увидела, что госпожа мертва. Она громко закричала, и он прибежал на крик.

Задав все свои вопросы, Сартин уступил место Бурдо, пожелавшего спросить чернокожего раба, хорошо ли с ним обращалась его хозяйка. Помолчав, Казимир неуверенно ответил, что его никогда не наказывали. Следовательно, у него нет причин желать хозяйке зла. Конечно, она упорно отказывалась дать им свободу. На ужин, о котором идет речь, он приготовил курицу под соусом, как делают у них на родине; для соуса используются пряности, которые здесь не растут, но так как запас, привезенный с Гваделупы, подошел к концу, соус получился не такой, как нужно.

Допрос Юлии ничего нового не дал: она подтвердила все слова мужа. Они или успели договориться, или говорили правду. До окончания расследования генерал-лейтенант приказал запереть их в две секретные камеры в Шатле.

— Вы все слышали, Николя. Что вы на это скажете? — спросил Сартин, когда арестованных увели.

— Я в большой растерянности, и у меня появилась тысяча новых вопросов, — ответил он. — Во-первых, не знаю, почему, Казимир забыл — или умолчал умышленно — сказать о том,

что видел меня, когда я второй раз уходил из дома. Во-вторых, из его рассказа нельзя понять, в котором часу неизвестный молодой человек расстался с Жюли. Мне кажется, его с полным правом следует занести в список подозреваемых.

— Согласен с вашим пожеланием, — ответил Сартин, — но прежде чем задержать его и допросить, надо бы установить его личность.

— Неплохо бы расспросить о нем господина Бальбастра, — заметил Бурдо. — Музыканты обычно знают друг друга.

— Именно это я и собирался сделать, тем более, что я жажду поблагодарить сего добропорядочного гражданина за его письмо, — с ядовитой издевкой ответил Сартин.

— С другой стороны, — продолжал Бурдо, — не показалось ли вам странным, что Казимир упомянул пряности, используемые им при приготовлении курицы? Ведь мы предполагаем, что ядом явилась именно пряность — семена какого-то тропического растения. Если он невиновен, тогда его откровенность понятна. Если же наоборот, значит, он уверен, что мы не сможем обнаружить ядовитые семена.

В дверь робко постучали, и, протягивая письмо, вошел папаша Мари. Бросив взгляд на печать, Сартин развернул лист и, пробежав его глазами, сосредоточенно замолчал.

— Этого я и боялся… — наконец изрек он.

Перечитав письмо, он в гневе швырнул его на стол.

— Ваш Бальбастр — настоящая гадюка, из тех, что готовы ужалить и дважды, и трижды! Ему мало направить донос мне, он отправил его еще и судье по уголовным делам Тестару дю Ли. Вы знаете этого магистрата, малейшая тень приводит его в ужас, и он в страхе уползает под свою широкую судейскую мантию. К счастью, у нас с ним давно установились доверительные отношения, а после дела Галенов он постоянно поет хвалы и вам, Николя. Но ведь ему написал не только этот чертов органист, ему направил донос и ваш неизвестный молодой человек! Впрочем, теперь он не неизвестный — это некий Фридрих фон Мальво, швейцарец. Прежде чем удрать, а он, без сомнения, сделал это еще вчера, он не нашел ничего лучше, как обвинить вас в том, что вы угрожали госпоже де Ластерье, а потом напомнил, что застал вас врасплох, когда вы колдовали над каким-то блюдом на кухне дома на улице Верней.

— Загадка! — воскликнул Николя. — Те же самые слова, что употребил в своем письме Бальбастр…

— Совершенно очевидно, эти двое объединились против вас, — проговорил Сартин. — Но почему? Бурдо, я являюсь начальником лучшей полиции в Европе. Немедленно проверьте списки всех иностранцев, прибывших и убывших. Списки прибывших — за последние полгода, списки убывших — начиная со вчерашнего дня. Не исключено, что мы имеем дело с каким-нибудь двойником.

Бурдо спешно покинул кабинет. Генерал-лейтенант начал шагать взад и вперед.

— А чего хочет судья по уголовным делам? — спросил Николя.

— В сущности, ничего, ибо я не намерен исполнять его желание. В приставших случаю обтекаемых выражениях, употребив все возможные формулы вежливости и почтения, он требует, чтобы я лишил вас, комиссара полиции Шатле, своей поддержки, дозволив арестовать вас, препроводить в темницу и допросить согласно правилам ведения следствия по уголовному делу. Вот к чему мы пришли, и вот из какой ямы мне необходимо вас вытащить. Я сам во многом виноват, ибо вовремя не сообразил, насколько опасно для вас продолжать эту связь. Согласно исполняемым мною обязанностям я привык держать все под контролем, стремление все контролировать стало одним из моих пороков, и я, сам того не заметив, скомпрометировал своего лучшего сотрудника. Я очень об этом сожалею, Николя, и виню только себя.

Он в ярости стукнул кочергой по догоравшему в камине полену, и оно с громким шелестом рассыпалось. Ошеломленный, Николя смотрел, как его начальник, слывший хладнокровным и

бесчувственным, с неистовством проявлял свое отчаяние. В эту минуту он нашел оправдание всем несправедливостям, когда-либо допущенным Сартином по отношению к нему, и почувствовал, что вознагражден за свою преданность. Невероятное упорство, с которым Сартин пытался спасти его несмотря на собственное шаткое положение при дворе, живущем в ожидании нового царствования, спасти, рискуя скомпрометировать себя, придали Николя сил и успокоили его.

Вошел Бурдо с толстым реестром в серой бумажной обложке.

— Начиная с июня 1773 года, — объявил он, — в Париж въехало сто семьдесят два гражданина Швейцарии. Однако наш музыкант среди них не значится. Не значится он и среди других иностранцев. Я просмотрел алфавитные списки иностранцев, живущих в меблированных комнатах и гостиницах, но также безрезультатно. Так что остается навести о нем справки у Бальбастра, который, похоже, знает его очень хорошо.

— Отыщите мне Бальбастра, — приказал Сартин. — Думаю, после полудня его можно найти в Нотр-Дам, где он либо репетирует, либо наставляет учеников. Николя в костюме секретаря отправится с вами. Я же тем временем помыслю наедине с самим собой. Приходите сегодня вечером ко мне в полицейское управление, и мы обменяемся новостями. Полагаю, до вечера ничего нового не случится. Сегодня суббота: до получения моего ответа Тестар дю Ли пальцем не пошевелит; ему прекрасно известно, что я каждый воскресный вечер получаю аудиенцию у короля. Итак, поторопитесь, но будьте осторожны с этим органистом, он мастерски умеет дергать за веревочки и нажимать на клавиши!

Надев плащ с воротником, отороченным мехом соболя, Сартин плотно закутался в него, надвинул на лоб серую треуголку, украшенную черным шелковым галуном, и вышел из приемной. Когда Бурдо и Николя вышли следом, папаша Мари, приложив палец к губам, бодро им подмигнул. Вот и еще один, подумал комиссар, кому не пришлось ничего объяснять. Бурдо и Николя сели в фиакр и, велев кучеру держать курс на Нотр-Дам, долгое время ехали молча. Первым заговорил Бурдо.

— Тяжелее всего сознавать, — вздохнул он, — что в комедии, которую мне пришлось разыграть по известному вам приказу, вы ни разу не вышли из роли верного друга. Верность заставляла вас отвергать мой план, вы боялись скомпрометировать меня…

Николя повернулся к инспектору и дружески ткнул его в плечо.

— Довольно, не будем больше об этом говорить. Когда судьба продолжает метать в меня стрелы своего гнева, и Сартин, и вы, Пьер, полностью уверены в моей невиновности, а это самое главное. А что касается Бальбастра… моя первая встреча с ним состоялась в доме господина Ноблекура и запомнилась мне как один из неприятнейших моментов в моей жизни. В двадцать лет я очень плохо переносил надменность и презрение по отношению к юному провинциалу из Бретани. С тех пор мы часто виделись, но отношения наши не улучшились. Ему, полагаю, лет пятьдесят, а он все еще разыгрывает дамского угодника, носит щегольской фрак и белокурый парик. Он часто бывал у Жюли. Будьте с ним осторожны, иначе он немедленно задавит вас своим высокомерием. Не дайте ему взять верх и, словно щитом, прикрывайтесь именем и властью Сартина! А если я почувствую, что вам грозит опасность, я кашляну!

Весь недолгий путь от Шатле до Нотр-Дам Николя прилагал огромные усилия, чтобы разложить по полочкам роившиеся в его голове мысли. Итак, Жюли оказалась не скромной молодой вдовой, как он все это время думал, а одним из тех агентов, из кого состояла армия платных полицейских осведомителей, благодаря которым полицейское управление осуществляло надзор и контроль над всем, что происходило в столице. Желанная некогда женщина являлась всего лишь инструментом, позволявшим Сартину говорить: «Когда четверо беседуют между собой с глазу на глаз, по крайней мере, один из них мой осведомитель». Он

принял фальшивку за реальность, видимость за истину, и стал игрушкой в чужом театре теней. После того, что ему довелось узнать, он понял, насколько ему безразлично, были ли чувства Жюли к нему искренними или нет. И все же мысль о том, что некий молодой человек, скорее всего, соблазнил его любовницу, пробудила в нем непонятную, возникшую задним числом ревность. Печальные мысли заставили его расписать черными красками характер Жюли де Ластерье. Называя ее про себя женщиной, готовой для «всех и всегда», он надеялся, что, унизив ее образ, он сумеет справиться с невыносимой болью, по-прежнему терзавшей его. Он полагал, что, переоценив свои воспоминания о ней, он сумеет забыть ее. Так вода, выплеснутая на мостовую, смывает с нее мусор. Ему надо поскорее пережить кусочек жизни, где правила — нелепость, уготовившая ему роль блаженного слепца, настоящего «благодушного быка, которого ведут на бойню», как сказал бы его отец-маркиз. Он шел по тропе над краем пропасти, не соразмеряя опасность такой прогулки, и обожал порок под маской добродетели. А так как ироничное отношение к самому себе всегда пробуждалось у него, когда он начинал разбираться в своих чувствах и оценивать свое поведение, он решил, что из-за излишней искренности он, пожалуй, может претендовать на звание янсениста. К сожалению, от приступов строгой самооценки и сурового отношения к самому себе он не становился проницательней, а над этим следовало задуматься.

По мосту Менял карета въехала на Сите. Пытаясь разогнать невеселые мысли, Николя вспомнил свою беседу с Лабордом, большим поклонником искусства и хулителем «грубой работы готов», как он именовал цель их сегодняшней поездки, собор Нотр-Дам. Комиссар любил старинное святилище и скромно противопоставил суждениям первого служителя королевской опочивальни воззрения отца Ложье[17]. Автор «Рассуждений об архитектуре» возносил хвалы готическим соборам, хотя и признавал, что украшающие их «наслоения эпохи», или, говоря иначе, гротескные скульптуры, уродуют их вид. Николя даже процитировал строки аббата, посвященные Нотр-Дам, собору, «поражающему воображение своими размерами, высотой, просторным нефом и величием архитектурного ансамбля». К великому возмущению Лаборда, тот же автор считал восторженные отзывы об архитектуре Сен-Сюльпис изрядно завышенными; по его словам, церковь эта отличалась исключительно своими «массивными и толстыми стенами». Их бесконечный дружеский спор, растянувшийся на целый вечер, завершился тогда, когда, исчерпав до конца свои мысли, оба с удивлением обнаружили, что успели забыть, с чего, собственно, начался их разговор.

Из-за скопления экипажей фиакр остановился на углу улицы Лантерн; Бурдо, в очередной раз угадавший направление мысли Николя, спросил его:

— Вам всегда нравился этот собор?

— Конечно. А почему вы спрашиваете?

— Когда мы с вами познакомились, вы, помнится, часто ходили туда слушать мессы и на концерты духовной музыки, и, кажется, в компании своего друга, семинариста из коллежа Трант.

— Пьера Пиньо. Совершенно верно! Но, господи, как давно это было!

— Да полно вам! Вы еще молоды, Николя. А что стало с вашим другом?

— Судя по последним новостям, а новости от него приходят нечасто, и последним уже более полугода, он, после множества приключений, попал в Пондишери. Насколько я помню, после смерти монсеньора Пигеля, епископа Карачи, папа Климент XIV назначил Пьера на его место. Так что теперь он, полагаю, носит митру и исполняет обязанности коадъютора апостольского викария в Кохинхине. Он всегда мечтал об этом. Ах, когда мы были молоды, сколько мы с ним съели ромовых пирожных в кондитерской Сторера на улице Монтаргей!

— Полагаю, вам известен предмет, о котором последнее время модно спорить?

— Нет, но, полагаю, вы меня просветите.

— Поступило предложение побелить изнутри стены Нотр-Дам, чтобы в нем стало светлее, и собор приобрел бы современный вид[18].

— Непростительная ошибка. Белизна лишит храм его почтенной патины и величественной темноты, вызывающей благоговейное почтение.

Бурдо опустил стекло и, высунувшись на пару мгновений из окошка, уныло откинулся на спинку сиденья.

— Еще одна лошадь сдохла прямо посреди дороги, и ее никак не увезут на живодерню! Давно пора запретить запрягать несчастных старых кляч в качестве ездовых лошадей!

— Напишите записку Сартину, озаглавив ее «Размышления о том, как организовать беспрепятственное движение по городским улицам». Он обожает вводить новшества, любой предлог для него хорош, чтобы издать новое правило.

Бурдо рассмеялся.

— Это напоминает мне, как в 1759 году — не знаю, перебрались ли вы к тому времени в Париж — астроном, господин де Лаланд, зачитал в Академии наук записку о кометах, где обосновал возможность столкновения нашей Земли с огромной кометой, способной стереть всех нас в порошок. Вокруг тотчас заговорили о конце света. Толпы народу бросились к исповедникам. Мне поручили навести порядок вокруг Нотр-Дам. Зрелище, скажу я вам, оказалось впечатляющим. Представьте себе перепуганную до ужаса толпу, явившуюся с единственным намерением — исповедаться у великого исповедника, единственного, кто уполномочен принять исповедь в случае стихийного бедствия. Ох, сколько же там было всякого народу! До сих пор помню их перекошенные от страха лица. Да, нелегкие тогда выдались деньки!

Движение восстановилось, и вскоре они подъехали к собору. Зимнее небо висело так низко, что дым из каминных труб сливался с туманом, и казалось, что верхушку старинного храма отрезали на высоте фриза со статуями библейских царей. Войдя внутрь и увидев статую святого Христофора, Николя, как обычно, ощутил подъем сил. В воздухе плыли величественные звуки органа. Значит, Бальбастр на месте. Мимо проходил каноник, такой сутулый, что подбородок его касался груди; когда они спросили у него, как отыскать органиста, тот, чтобы разглядеть пришельцев, приподнял лицо рукой. Указав им лесенку, ведущую на хоры, каноник вновь уронил голову на грудь. Когда они добрались до цели, Николя со своим накладным животом был весь в поту, а Бурдо, с побагровевшим лицом, отфыркивался, словно бык. Переводя дух, они принялись разглядывать развешанные на стенах вражеские знамена и болтавшиеся на спускавшихся сверху веревочках кардинальские шапки скончавшихся кардиналов. Тут до них долетел знакомый скрипучий голос, владелец которого явно кого-то отчитывал.

— Вы хотите сказать, сударь, что это называется дрожанием язычка? Дрожание язычка, сударь, наблюдается у вас! В язычковых трубах звук возникает в результате колебания металлических пластиночек. А язычок, как мы именуем эту пластиночку, помещается в специальный корпус, на который насаживается рупор, усиливающий и облагораживающий звучание язычка. Формой этого рупора в основном и определяется тембр язычкового голоса. Исправляйтесь, юный невежда. Что у нас называется сильным тембром или же a vent perdu?

— Мне кажется, мэтр, — раздался тоненький голосок, — что это усиление тембра, производимое при помощи le grand jeu.

— Уже лучше! Но не думайте, что вам удастся так легко отделаться. Дайте мне определение le grand jeu.

— le grand jeu… это… то… что…

— Ни то и ни се! Вы осел в упряжке! Так называется главная клавиатура.

Раздался звучный удар кулаком по столешнице.

— Без главной клавиатуры нет никакой легкости, никакой полноты звука, никакой микстуры…

Бурдо кашлянул. Полдюжины растрепанных головок повернулись в его сторону, но основное действующее лицо не удостоило его взглядом.

— Кто позволяет себе беспокоить Бальбастра, когда тот работает с учениками?

— Мэтр, я в отчаянии, — произнес Бурдо. — Господин Габриэль де Сартин, начальник полиции, поручил мне как можно скорее выразить вам свою благодарность за сведения, сообщенные вами в письме, которое вы имели честь отправить ему по случаю печальных событий на улице Верней, и за которые он вам признателен. Инспектор Пьер Бурдо, к вашим услугам.

Треуголка Бурдо подмела пол. Николя счел такое выражение почтения несколько преувеличенным, однако, чтобы успокоить бдительность музыканта, все средства хороши.

Бальбастр, сидевший во вращающемся кресле спиной к гостям, повернулся и уставился на Бурдо темными бегающими глазками, выделявшимися на бледном круглом лице, обрамленном белокурыми кудряшками парика и покрытым слоем скрывавших морщины свинцовых белил, с румянами на местах несуществующих скул. Жилет цвета желтого нарцисса и штаны до колен, расшитые золотыми нитями, еще больше усиливали сходство их владельца с нелепой куклой-автоматом, восседавшей на приводящем ее в движение механизме.

— Инспектор? Вы полагаете, я стану общаться с каким-то инспектором? Я буду разговаривать только с самим генерал-лейтенантом.

— Я в отчаянии, однако вынужден вам возразить, — ответил Бурдо. — Вам придется говорить именно со мной. Господин де Сартин в Версале. Но прежде давайте отпустим этих господ. Перерыв, господа, господин Бальбастр продолжит позже. Вы свободны…

И он взмахнул руками в сторону учеников, мгновенно разлетевшихся, словно стайка воробьев.

Покинув свое кресло, органист, покачиваясь, направился к Бурдо. Его затейливая походка напомнила Николя экзотических птиц, изображаемых на китайских ширмах.

— Кто вас прислал, сударь?

— Меня отрядил сюда господин де Сартин; он же наделил меня полномочиями допросить вас, — ответил инспектор. — Садитесь и слушайте меня.

Бальбастр подчинился.

— В письме, о коем шла речь, — начал Бурдо, — вы выдвигаете серьезные обвинения против господина Ле Флока. Мне бы хотелось из ваших собственных уст услышать аргументы, побудившие вас сделать такое заявление.

— Я не собирался никого обвинять! — воскликнул органист. — Я всего лишь изложил факты. А факты, да будет вам известно, иногда могут обвинять…

— Давно ли вы знакомы с комиссаром Ле Флоком?

— Вы называете комиссаром клерка из захудалой нотариальной конторы? О, в какое время мы живем! Кругом фальшь, об истинных ценностях все забыли! Я встретил его в доме моего друга, господина де Ноблекура, лет пятнадцать назад. С тех пор мы встречались в одних и тех же домах. Ваш так называемый комиссар сумел втереться в доверие к почтенному магистрату, поселился у него в доме, внес в него раздор и разорение и теперь надеется получить наследство от своего благодетеля, до сих пор не разгадавшего его коварных замыслов. Я уверен, этот ловкий мошенник позарился и на состояние моей обожаемой подруги, госпожи де Ластерье.

Бурдо бросил тревожный взор в сторону Николя, но тот, опустив голову, погрузился в созерцание надписей на одном из штандартов, захваченных в Померании.

— Полагаю, ваши утверждения основаны на достоверных фактах?

— Какие еще факты? Да будет вам известно, Жюли не имела от меня секретов.

Николя кашлянул, почувствовав на себе возмущенный взор органиста.

— Вы хотите сказать, что поддерживали связь с госпожой де Ластерье? — спросил Бурдо.

Вместо ответа Бальбастр с победоносным видом затряс головой в белокуром парике, и голова его моментально окуталась облаком душистой пудры.

— Не хотите отвечать? Что ж, полагаю, другие будут более красноречивы. Несмотря на ваше непочтительное отношение к господину Ле Флоку, он лицо достаточно известное, и вам придется поговорить с ним, хотите вы того или нет.

— Если бы можно было разговаривать только с теми, кого уважаешь, пришлось бы жить в четырех стенах. Я старался с ним не здороваться. А он, несомненно, меня боялся. Ибо я имею некоторый вес при дворе и в городе. К моим услугам часто прибегает дофина.

— Вы вхожи в различные дома, а потому должны знать завсегдатаев салона госпожи де Ластерье.

— Разумеется! Хотя, надо сказать, в тот вечер, который вы имеете в виду, большинство гостей оказались мне незнакомы.

— Все или большинство? — уточнил Бурдо.

— Там присутствовало четверо молодых людей, с достойными лицами, пришедших вместе со швейцарским гражданином, господином Фридрихом фон Мальво, очень милым молодым человеком.

— Не расскажете ли вы нам об этом человеке поподробнее? Что вы можете о нем сказать?

Вот уж несколько минут Бурдо пытался привлечь внимание Николя, и тот наконец вспомнил, что в его обязанности входит записывать и вопросы, и ответы. Дабы не вызвать подозрений, комиссару следовало безупречно сыграть свою роль.

— Замечательный молодой человек, — продолжал Бальбастр, — уроженец кантона Вале. Он совершает путешествие по Европе. Он великолепно рисует и недурно играет на пианино, интересуется ботаникой и намерен составить гербарий растений из разных уголков Европы.

— Как вы с ним познакомились?

— На балу в Опере. Он нечаянно толкнул меня, а потом искренне и не без изящества принес свои извинения, проявив при этом глубокие познания моих сочинений…

— Значит, он знал о вас?

— А почему бы и нет? Во всяком случае, мы познакомились. Желая послушать его игру на фортепьяно, я пригласил его к себе на музыкальный вечер. На этом вечере я представил его Жюли де Ластерье. Это случилось две или три недели назад.

Николя протянул Бурдо крошечную записочку, и тот, пробежав ее взглядом, засунул ее в карман.

— Полагаю, сударь, вы не приглашаете к себе людей, которых вы презираете?

— Никогда, — усмехнулся Бальбастр. — С меня достаточно, что иногда приходится с ними раскланиваться.

— Однако, мэтр, я почему-то уверен, что вы не раз приглашали к себе на вечера комиссара Ле Флока. Несколько десятков раз за пятнадцать лет вашего знакомства. Однажды он даже играл у вас на гобое, любимом инструменте в его родной провинции. Не стану скрывать от вас, сударь, в ваших словах кроются некоторые противоречия, из-за которых все ваши показания оказываются под сомнением. Презирать, отворачиваться, клеветать,

недооценивать — все эти поступки прекрасно согласуются между собой, но вот приглашать к себе несколько десятков раз — это уже странно, разве нет?

Бальбастр, словно его внезапно пронзил царивший в святилище холод, быстро направился к литой жаровне, наполненной красноватыми угольями.

— Господин инспектор, сейчас я вам все расскажу. Хотя не знаю, могу ли я… должен ли я… и какому риску я себя подвергаю…

В один миг органист утратил всю свою надменность; озираясь по сторонам, словно затравленное животное, он направил лорнет на ступеньки ведущей на хоры лестницы, а сам стал отступать вдоль корпуса органа, как будто хотел слиться с темнотой, царившей в глубине хоров.

— Если говорить честно, — пробормотал он, — я лично не имею ничего против господина Ле Флока, что и доказал, не раз приглашая его к себе. Быть может, я несколько ревновал к его молодости, не ставшей для него помехой в сникании стольких почестей. Но никакой злобы. А год назад я получил приказ сверху, с очень высокого верху, представить его госпоже де Ластерье.

— Кто дал вам такой приказ?

— Клянусь жизнью, я не могу этого сказать.

Органист полностью растворился во мраке.

— Тем не менее, — продолжал Бурдо, — вы выдвинули против господина Ле Флока серьезные обвинения.

Из тьмы, куда скрылся Бальбастр, раздался возмущенный голос:

— Вам так кажется, я ни в чем его не обвинял! Я лишь сообщил чистую правду, изложил события так, как они и происходили. Каждый подтвердит, что у них с госпожой Ластерье вышла размолвка. Он был так зол, что, покидая комнату, толкнул меня и опрокинул стакан прямо на мой шелковый камзол, и тот теперь безвозвратно испорчен. Настоящий сумасшедший, я не преувеличиваю.

— А дальше?

— А дальше, скажу вам честно, сам я его больше не видел. Это господин фон Мальво, вернувшись из кухни, куда он ходил за бутылкой вина, сообщил мне, что господин Ле Флок снова в доме и колдует на кухне над блюдами. Когда же он заметил, что его застали за этим занятием, он немедленно ретировался.

— Кто еще может подтвердить слова этого Мальво?

— Я не знаю.

— А что думаете лично вы о причине смерти госпожи Ластерье?

— Я стараюсь об этом не думать, ибо не знаю истинных ее причин.

— А если бы я вам сказал, что речь идет об убийстве, что бы вы мне ответили?

— То же самое, сударь. Я никого не хочу обвинять, я лишь желаю, чтобы восторжествовала истина и свершилось правосудие.

На миг на хорах повисла тишина, затем Бурдо спросил:

— Скажите, в котором часу вы в тот вечер вернулись домой?

— В тот день я дал выходной моему кучеру. А вечером найти фиакр не так-то просто. Где-то около полуночи.

— Кто может это подтвердить?

— Вы меня обвиняете! — возмутился органист.

— Я вас ни в чем не обвиняю, но все участники того ужина изначально являются подозреваемыми. Полагаю, номер фиакра вы не запомнили?

— Я его даже не заметил, тем более что подобная деталь меня никогда не интересовала: у меня же нет глаз ищейки….

— Зато у вас ее перо… Благодарю, мэтр, за ваше любезное содействие. Я непременно сообщу начальнику полиции те детали, которые вы соблаговолили мне поведать. Имею честь приветствовать вас.

В сопровождении согнувшегося в три погибели Николя Бурдо спустился по лестнице вниз. На паперти, с трудом пробившись сквозь толпу нищих, выпрашивавших подаяние, они сели в дожидавшийся их фиакр; однако тронуться в путь смогли лишь после того, как кучер кнутом расчистил дорогу, ибо лошадь отказывалась пробираться через обступивший ее сброд.

— Странный тип, — произнес Бурдо, когда фиакр наконец, тронулся с места. — Неужели можно вылить на человека столько грязи, не продумав всего заранее и не питая к нему давней, стойкой ненависти?

— Задать вопрос — значит, на него ответить, — изрек Николя.

— Что это за приказ, спущенный с очень высокого верха? Зачем кому-то понадобилось знакомить вас с госпожой Ластерье? Какой интерес мог извлечь сей могущественный вельможа, бросив вас в объятия этой интриганки? По-моему, его замысел не удался. А вдруг это очередной трюк Сартина, пожелавшего самому дополнить картину, которую он нам и обрисовал?

— Не думаю, — ответил Николя. — Посвятив нас в главное, он вряд ли стал бы скрывать от нас детали. Он же сказал, что Жюли следила и наблюдала за мной по причине его маниакального стремления все знать. А кто и как представил мне даму — уже детали.

— Тогда кто же? Первый министр, герцог д'Эгийон? Или Сен-Флорантен, министр Королевского дома? Но он обычно действует заодно с Сартином. Может, король?

— А почему бы не сам папа или генерал ордена иезуитов? Не забивайте себе голову. Бальбастр выглядел очень напуганным. Уж не масон ли он?

— Сартин тоже масон.

— Да, но ложи соперничают между собой, и у каждой ложи свое послушание. Давайте представим, что кто-то пожелал скомпрометировать Сартина.

— И решим еще одно уравнение. Полиция держит на привязи Жюли. Бальбастр имеет на нее влияние, и довольно сильное. Но если между ее секретной деятельностью и давлением, которое на нее оказывает Бальбастр, нет никакой связи, как нам увязать между собой эти два факта?

— Лучше всего задать сей вопрос Сартину.

Кивнув в знак согласия, Бурдо посмотрел на часы.

— Едемте в Шатле. Там вы наконец сбросите с себя маскарадные тряпки и обретете нормальный вид. А затем отправимся в управление.

Николя погрузился в осмысление очередного вопроса без ответа. Он не мог рассказать Бурдо, что Сартин, как и он сам, принадлежали к узкому кругу людей, пользовавшихся особым доверием короля, и тот посвящал их во все перипетии своей тайной дипломатии. Даже герцог д'Эгийон, министр иностранных дел, высоко ценимый королем, не удостоился чести быть принятым в этот круг; впрочем, возможно, королю было удобнее держать его в стороне. В тайный кабинет, расположенный в малых апартаментах, к королю стекались новости из столиц иностранных государств: одни от официальных послов, а другие, в зашифрованных депешах, от тайных агентов. В некоторых случаях посол совмещал обе обязанности. Сведения дополнялись, проверялись и перепроверялись; противоречивые известия из одних и тех же

мест тревожили Его Величество, ибо он не любил принимать решений, Николя вел переписку с аборигеном из Новой Франции, неким Нагандой, вождем племени микмак, оставшимся верным Франции после утраты ею Канады. Наганду завербовали после того, как он невольно стал участником одного запутанного дела[19], и теперь он наблюдал за англичанами, а иногда тайно оказывал им противодействие под самым их носом. Таким образом комиссар, так или иначе, оказался причастен к внешней политике, и тех, кого эта политика не устраивала, вполне могла привлечь его персона. В создании запутанной сети интриг, плетущихся вокруг трона, участвовали и ведущие европейские державы, и клевреты приверженца существующей власти д'Эгийона, и сторонники Мопу, ведущего борьбу с парламентами, и, наконец, друзья Шуазеля, который, устроив брак дофина с австриячкой, надеялся извлечь выгоду из признательности Марии-Антуанетты.

С неизъяснимым удовольствием натянув на себя свою одежду, Николя вышел из Шатле. В вечерних сумерках туман стал так густ, что на расстоянии пятнадцати шагов не было видно ничего. Из закоулка, коими изобиловал двор старой тюрьмы, выскользнула чья-то тень. Резкий свист предупредил Николя, и он обернулся, узнав условный свист Рабуина. Вынырнув из тумана, агент доложил, что за фиакром, в котором прибыли Николя и Бурдо, следил какой-то тип в кабриолете, но по причине темноты лица его он разглядеть не сумел. Николя подумал, что, возможно, речь шла о простом совпадении, а потому не придал сообщению агента никакого внимания, и даже не рассказал о нем Бурдо, дремавшему в ожидании в фиакре.

На улице Нев-Сент-Огюстен Сартин вел прием, а потому вышел к ним в прихожую. Безучастно выслушав рассказ Бурдо, он заметил, что начало расследования нисколько не укрепило позиции Николя, и пора предупредить короля об опасности, нависшей над головой его слуги. Следующая тирада, произнесенная с милой улыбкой, адресовалась Николя. В шесть утра Николя должен прибыть в особняк Грамона[20], откуда он вместе с генерал-лейтенантом отправится в Версаль, где им предстоит присутствовать на мессе в часовне Святого Людовика, по окончании коей господин де Сартин надеется получить положенную ему аудиенцию. Посоветовав Николя не забывать, что в Версаль начальника полиции торопит важное дело, требующее немедленного решения суверена, а вовсе не промашки его подчиненного, он пожелал Николя спокойной ночи.

Бурдо подвез комиссара до улицы Монмартр. Вспомнив о донесении Рабуина, Николя приказал кучеру остановиться возле Сент-Эсташ. Сообразив, что начальнику пришло в голову очередное замысловатое решение, Бурдо не стал задавать вопросов, а лишь напомнил, что ранним утром кучер заедет за ним на улицу Монмартр. Под темным ночным покровом Николя подождал, пока фиакр удалится, и, пятясь задом, уперся в фасад церкви Сент-Эсташ. Совсем рядом раздались стук копыт и фырканье лошади, но в тумане, ставшем еще гуще, он не смог различить ни коня, ни всадника. Отыскав наощупь дверь, он вошел в церковь. Огромный неф освещался слабо. Он шагнул в темный придел часовни, куда обычно заходил, когда хотел убедиться, нет ли за ним слежки, ибо оттуда хорошо просматривалось обширное пространство собора. Через несколько минут возле двери возникла человеческая фигура, закутанная в плащ с ног до головы; таинственный субъект, похоже, намеревался обозреть собор. Пройдя в часовню и постояв возле колонны, за которой прятался Николя, неизвестный отправился дальше. Когда же он наконец приступил к осмотру приделов на противоположной от Николя стороне, тот, осторожно ступая по каменным плитам, добрался до маленькой двери, ведущей на задворки церкви, в тупичок, выходящий на улицу Монмартр в двух шагах от дома Ноблекура. Николя рассудил, что тот, кто следит за ним, вряд ли знает об этом выходе, иначе бы он не стал утруждать себя поисками в церкви, а ждал бы его на подступах к дому. Ощущая обступившие его со всех сторон угрозы, он с ужасом сознавал, что до сих пор не видит, где и в чем кроется их источник.

Зайдя на кухню, Николя увидел Ноблекура; закутавшись в большой яркий платок, бывший прокурор сидел возле камина и маленькими глотками пил успокоительную настойку, приготовленную для него Катриной.

Старый магистрат потребовал подробнейшего отчета обо всех событиях, случившихся за день. Внимательно выслушав рассказ Николя, он пришел к выводу, что защитить его сейчас может только король. Опираясь на руку своего молодого друга, Ноблекур поднялся к себе в апартаменты. Сирюс встретил их обиженным тявканьем; он не понимал, зачем надо было нарушать привычный распорядок дня его хозяина.

— Помните, — произнес Ноблекур, — на меня иногда находили прозрения, с помощью которых мне удавалось помочь вам распутать интригу, хотя я и не мог объяснить ее причину. А с возрастом предчувствия одолевают меня все больше. Так вот, ваше дело меня пугает, ибо за ним скрывается нечто совершенно иное, и это иное напоминает мне многоголовую гидру.

На лице собеседника отразилось непонимание.

— Мои слова кажутся вам бессвязными? — продолжил он. — Попробую объяснить. Подобно реке, вбирающей в себя воды впадающих в нее ручейков, в этом преступлении сходятся концы многих запутанных интриг. В этом я совершенно уверен. Поразмыслите над моими словами, а потом спокойно засыпайте.

Пытаясь разобраться в пророческих речах почтенного магистрата, Николя приготовил придворный костюм и лег спать, наслаждаясь умиротворенностью, всегда снисходившей на него в стенах дома его старшего друга.

V
ФОКУСЫ

Ты испытал сердце мое, искусил меня и ничего не нашел; от мыслей моих не отступают уста мои.

Псалом 16, 3

Воскресенье, 9 января 1774 года

Кардинал де Ларош Эмон, главный сборщик милостыни, только что затянул псалом Domine salvum fac regem[21], каноном подхваченный хористами. Облаченные в белое, они стояли по обе стороны высящегося над хорами органа, с трудом различимые в клубах благовонного тумана, окружавшего главный алтарь и двух позолоченных ангелов из бронзы, склонившихся к скинии. Тоненькие струйки воскуряемых благовоний спиралями возносились к полукуполу апсиды, сливаясь с небесами фрески Шарля де Ла Фосса, изобразившего Воскресение Христа. Священный трепет и возвышенное чувство преданности охватили Николя, когда взор его упал на серую коленопреклоненную фигуру короля Людовика XV, его повелителя.

Он знал, как одинок этот человек. Стоявшие возле короля дофин и дофина, а также его внуки, герцоги Артуа и Прованский, олицетворяли собой надежды на будущее. Со времени его прибытия в Париж курносая с присущей ей мрачностью несколькими взмахами своей косы расчистила пространство возле трона: две дочери Франции, Анна-Анриетта и Мадам Инфанта, а также их мать, скоропостижно скончавшаяся королева Мария Лещинская, сыновья короля, его супруга принцесса Саксонская, прекрасная дама из Шуази[22] и многие другие, чьи лица всплывали в его памяти. Подобные мысли усугубляли печальное настроение Николя. Плавное течение литургии напомнило ему советы каноника Ле Флока, его опекуна и приемного отца: «Не стоит смотреть по сторонам, ведь все, что мы видим, ниспослано нам в испытание, ибо видим мы кругом страдания и смерть. Скорбь и терпеливость должны порождать надежду и безмятежность, ибо с этими чувствами должно нам покидать наш мир». Увы, он еще не постиг сей мудрости.

Они с Сартином прибыли к самому началу службы. Стоя позади начальника полиции в боковой галерее, он мог в свое удовольствие наблюдать за придворными. Рядом с его бесстрастным начальником виднелась маленькая плотная фигурка Сен-Флорантена, министра Королевского дома. Монарх пожаловал ему титул герцога де ла Врийер, и теперь его владения в Шатонеф-сюр-Луар именовались герцогством, однако Николя никак не мог привыкнуть называть его герцогом. Самый осведомленный человек во Франции, Сен-Флорантен всегда был в милости у короля, и знаки этой милости постоянно множились; так, когда во время несчастного случая на охоте он потерял кисть руки, потерю немедленно компенсировал монарший подарок: серебряный протез, который Сен-Флорантен обычно скрывал под шелковой перчаткой.

Чуть поодаль стоял герцог д'Эгийон, министр иностранных дел; он с любопытством лорнировал присутствующих женщин, убежденный, что его собственная жена, с чувствами которой он давно прекратил считаться, не станет упрекать красавца-супруга за неверность. Его жена, племянница Сен-Флорантена, решила перевоспитать Двор и подавала пример набожности и смирения. Рассмотрев ее, Николя признал, что молва не ошибается на ее счет. Запавший рот, кривоватый нос и бегающий взгляд прилагались к гренадерскому росту, могучим рукам и объемистой груди. Тем не менее облик ее не производил отталкивающего впечатления, и, видимо, поэтому говорили, что «женщина эта похожа на бродячий театр, обремененный декорациями; в нем царит беспорядок, который привлекает партер, но освистывают ложи».

Служба завершилась торжественной фугой в органном исполнении. Мерный шепот прихожан сделался громче; все стояли, вслушиваясь в слова благословения. Торжественная процессия служителей культа, отдав должное королю, покинула часовню. Неф опустел. Раздатчик милостыни подал королю перчатки и шляпу. Врата, ведущие в часовню, открылись, и швейцарская гвардия, выстроившись по обе стороны прохода, под барабанную дробь взяла на караул.

Сартин что-то прошептал на ухо министру. Тот скорчил гримасу, и Николя увидел, как министр, в свою очередь, что-то сказал королю. Ждать пришлось довольно долго. Генерал-лейтенант мрачно созерцал статую, изображавшую «Славу, держащую в руках портрет Людовика XV». Вошел лакей в голубой ливрее и пригласил их пройти в зал совета, где король, сообразуясь с чрезвычайными обстоятельствами, согласился принять магистрата. Лакей поклонился комиссару, и тот узнал Гаспара. Этот малый, в прошлом состоявший на службе у Лаборда[23], получил повышение и теперь находился в штате личной королевской прислуги в Версале. Продвижением своим Гаспар был обязан доверию, питаемому королем к первому служителю своей опочивальни. Николя, которому Гаспар в свое время оказал немало важных услуг, подумал, что решение Его Величества, возможно, оказалось не самым лучшим, ибо малый обладал чрезмерной любовью к золоту. А в дворцовых коридорах и в закулисье искушение часто слишком велико, чтобы противостоять ему. Они быстро прошли Зеркальную галерею, заполненную по-воскресному разодетыми придворными. Николя, отвечавший за обеспечение безопасности королевской семьи, всегда боялся воскресений, когда каждый, кто подобающим образом одет, держит в руке шляпу, а на боку шпагу, которую можно взять напрокат у входа во дворец, имеет право подойти к королю и его близким. Сартин сделал знак Николя подождать на скамеечке и прошел в зал совета.

Комиссар еще помнил, когда в галерее стояла другая мебель; стремление к переменам заставило убрать ее отсюда в 1769 году. Теперь он с восхищением созерцал столешницы из позолоченного дерева, поддерживаемые скульптурными группами женщин и детей с рогами изобилия в руках. Ленточка над висевшей в центре картиной гласила: «Король правит по собственной воле». Меркурий, спускавшийся с небес с кадуцеем в руке, парил над Людовиком XIV, облаченным в римскую тогу.

— Хи-хи! — раздался саркастический смешок. — Наш дорогой Ранрей считает ворон!

Николя встал и почтительно склонился перед низеньким старцем, одетым в белый атласный костюм, с лицом, в избытке покрытым пудрой и гримом; старец насмешливо взирал на него.

— Сударь, я вас приветствую, — произнес Николя. — Пока я блуждал среди звезд на потолке, мимо меня проходила сама слава. Вы правы, что посмеялись надо мной, сударь, мне нет прощения, господин маршал, и если вам угодно поколотить меня вашим маршальским жезлом, я смиренно приму эту кару, ибо заслужил ее.

— О! Маршальский жезл я предпочитаю хранить дома, у себя во дворце, дабы он не обременял меня, — с улыбкой ответил Ришелье. — Ваше благородство ни с чем не сравнимо: породистого пса не надо учить. Ваш отец-маркиз ценил удачные ответы… Скажите, это маркиз или комиссар ждет сейчас на скамеечке возле двери зала совета?

Ришелье тяжко вздохнул. В этом вздохе прозвучала горечь и отчаяние придворного, так никогда и не сумевшего стать членом королевских советов.

— Честно говоря, сударь, я и сам не знаю. Его Величество принимает господина де Сартина, и, как вы верно подметили, я его жду.

— Однако сейчас не время для его еженедельной аудиенции. Чрезвычайное происшествие или скабрезненький скандальчик, способный развеять меланхолию нашего короля? Впрочем, какая разница, в любом случае, сударь, я вам желаю успешного ожидания. А я пойду строить глазки божественной графине.

Маршал, числившийся среди друзей госпожи дю Барри, все еще надеялся с ее помощью удовлетворить свои политические амбиции. Он беззастенчиво напоминал фаворитке, что, когда у нее возникла проблема с представлением ко двору, его помощь оказалась поистине бесценной, ибо именно благодаря его усилиям все, кому непременно следовало присутствовать при представлении, волей или неволей, но все же собрались вместе.

Наконец зеркальная дверь зала совета открылась, и появилась голова Сартина; не говоря ни слова, начальник с чопорным видом окинул Николя оценивающим взором. Комиссар правильно понял взгляд начальника и проследовал в зал. Король постукивал пальцем по украшенному завитушками циферблату стенных часов, расположенных в центре каминной доски вишневого мрамора. Богато отделанные бронзой часы сверкали между двух ваз севрского фарфора.

— Комиссар Ле Флок к услугам Вашего Величества, — возвестил Сартин.

Он вывел Николя на середину комнаты, где с одной стороны от него оказалась консоль, а с другой — оконечность рабочего стола. Король, улыбаясь, повернулся к Николя. За последнее время он сильно сутулился, серый, расшитый золотом фрак туго обтягивал выдающийся вперед живот. Лицо его, отечное и покрытое сетью кровеносных сосудов, казалось более утомленным, чем обычно. Только карие, почти черные глаза напоминали о прежнем монархе. Тяжело подойдя к столу, Людовик обеими руками оперся на него; висевший на ленте орден Святого Духа закачался. Король поворачивал голову, поочередно останавливая взор на бюстах Сципиона Африканского и Александра Великого.

— Кто скажет мне, где Сципион разбил Ганнибала?

Николя бросил взгляд на Сартина, и тот легким подмигиванием приободрил его.

— Если позволите, я могу напомнить Вашему Величеству, что битва эта произошла при Заме.

— Да, да, вы правы! Ах, это все образование у иезуитов… — со вздохом произнес король.

Николя знал: монарх никогда не приступал к делу сразу, без экивоков. Подобно кораблю, который лавирует, прежде чем лечь на галс, и, преодолев дующий в нос ветер, достигает порта назначения, так и король, то ли от застенчивости, то ли опасаясь быть излишне резким, всегда приступал издалека и долго ходил вокруг и около.

— Господин начальник полиции мне все рассказал, — наконец произнес он. — Знайте, мы считаем вас невиновным. Однако пресечь слухи нам кажется сейчас невозможным. Драма стала достоянием публики, и любая цензура лишь увеличит резонанс. Тем не менее мне бы хотелось получить слово дворянина из ваших собственных уст.

— Сир, даю вам слово сына маркиза де Ранрей и вашего слуги. Я ни прямо, ни косвенно не замешан в убийство госпожи де Ластерье.

— Достаточно, сударь, я вам верю.

Не слишком заботясь о чувствах Николя, король велел ему подробно рассказать о вскрытии; нездоровое наслаждение, которое испытывал Его Величество от мрачных историй, являлось одной из самых загадочных черт его натуры. Выслушав Николя, король надолго задумался.

— Вы понимаете по-английски, сударь?

— Да, сир. Чтобы не испытывать терпение Вашего Величества, скажу лишь, что в те времена, когда англичане высадили десант в эстуарии реки Вилен, маркиз де Ранрей захватил в плен нескольких англичан, в том числе и морского офицера. Отпущенный на свободу под честное слово, он год жил в замке Ранрей и по просьбе моего отца учил нас, меня и мою сестру Изабеллу, английскому языку.

— Превосходно.

Король помолчал, а потом произнес:

— Умеете ли вы показывать фокусы, Сартин?

— Сир, есть много фокусов…

— Тот, который я имею в виду, наиболее приятный. Как-то вечером, желая развлечь меня, принцы, мои внуки, привели ко мне забавного субъекта. Речь идет об английском еврее по имени Иона, прибывшем в Париж четыре месяца назад…

— Четыре с половиной, — с улыбкой уточнил Сартин.

— Не буду с вами спорить! Во всяком случае, он столь искусно показывал фокусы, что быстро прославился, и теперь его приглашают на все модные вечера, где он демонстрирует свое искусство и таким образом зарабатывает себе на жизнь.

— Вы совершенно правы, Ваше Величество. Он берет три луидора за сеанс.

— Говорят, среди собратьев по ремеслу ему нет равных, — продолжал король. — И хотя он выглядит настоящим увальнем, грузен и обладает упитанной фигурой, в искусстве исчезать ему нет равных. Улавливаете, куда клонится моя мысль? Господин маркиз де Ранрей, вам следует исчезнуть на некоторое время. Я рассчитываю на вашу сообразительность и вашу преданность.

Из письменного прибора, сделанного из светлых пластин черепашьего панциря, король достал бумагу.

— Возьмите это охранное свидетельство. Берите, оно вам пригодится; теперь вы мой полномочный представитель. Все остальное вам объяснит Сартин. Желаю вам удачной охоты. Некая дама из числа моих друзей, кою вы, впрочем, прекрасно знаете, будет вам весьма признательна…

Он протянул руку, и Николя почтительно приложился к ней губами.

Несмотря на сырую и холодную погоду, Сартин повел Николя в безлюдный парк, довел до Оранжерейного партера и остановился на берегу водоема, где вокруг не было ни души. Если бы кто-нибудь и захотел к ним приблизиться, они бы его тотчас заметили. Под ногами поскрипывал мелкий гравий. Заметив вопросительный взор Николя, генерал-лейтенант откашлялся и начал свою речь:

— Смею надеяться, господин комиссар, вы сознаете, что пользуетесь особым доверием Его Величества и принадлежите к когорте избранных, удостоенных чести принимать участие в осуществлении его самых секретных планов. Я обязан вам об этом напомнить, ибо последующие предложения касаются именно этих планов. Поэтому все, что вы сейчас услышите, разглашению не подлежит.

Николя кивнул в знак согласия.

— Для вас не секрет, что мы постоянно и активно ведем борьбу с теми, кто хочет ослабить власть короля и государства, выплескивая целое море клеветы, иначе говоря, печатая массу памфлетов, листовок и брошюр, которые мы едва успеваем отслеживать. А ведь есть еще немало способов, не менее успешно содействующих разрушению государства!

Верно, думал Николя, но не его это дело — переворачивать вверх дном пять десятков типографий только ради того, чтобы найти один из тех пасквилей, которые столь раздражали маркизу де Помпадур и продолжают раздражать нынешнюю наложницу короля. В начале своего восхождения госпожа дю Барри подозревала Сартина, друга Шуазеля, в недостаточном рвении, ибо поток пасквилей не иссякал. Начальнику Николя даже пришлось оправдываться.

— Когда пасквили печатают в Париже, — продолжал Сартин, — все просто.

Он заметил, как на лице его помощника отразилось сомнение.

— Ну, скажем, возможно… Мы, к примеру, можем перехватить тираж. Но к каким только ухищрениям мы ни прибегаем, когда речь заходит о борьбе с контрабандой! А ведь именно с ней к нам провозят клевету. Теперь перейдем к делу. Некий авантюрист, хорошо известный моим осведомителям, бежал в Англию, где начал издавать скандальный листок под названием «Неуязвимый репортер». Мошенническим путем он присвоил себе имя шевалье де Моранд. На самом деле его зовут Тевено, он сын почтенного сельского лекаря из Бургундии, которого выходки сына свели в могилу.

— Но, сударь, ведь он в Англии.

— Сейчас я к этому подойду, только не перебивайте меня, иначе мы окончательно замерзнем на этом открытом всем ветрам перекрестке!

Подтянув пару прядей своего парика, широкими лентами спускавшихся на грудь, он завязал их под подбородком.

— Этот новый Аретино, ободренный успехом своих пасквилей, придумал наиболее быстрый и наименее опасный способ зарабатывания денег. Он выбирает жертву, преимущественно состоятельную, и сообщает, что имеет на нее компрометирующий материал. Как честный человек он предупреждает свою жертву, дабы узнать, сильно ли она огорчится, если увидит раздобытые им сведения опубликованными в газете для широкой публики. И добавляет, что готов за указанную сумму не публиковать имеющиеся у него материалы.

— Но это чистой воды шантаж! — воскликнул Николя.

— Это еще мягко сказано! Наглец уже не удовлетворяется обращением к частным лицам, он принялся за людей известных. Так, он осмелился шантажировать маркиза де Мариньи, до недавнего времени возглавлявшего королевский департамент по строительству, и брата покойной маркизы де Помпадур, угрожая распространить памфлет под названием «Простирожа». Но хуже всего, что он взялся за графиню дю Барри и намеревается напечатать «Секретные мемуары публичной женщины». Представьте себе возмущение короля, рискующего увидеть мемуары, порочащие все еще дорогую ему возлюбленную, одновременно с клеветническими нападками на его нынешнюю пассию.

— У меня не хватает слов назвать всю эту низость. Мстить умершей женщине!

— Наглости его нет предела: он написал напрямую нашей красотке, дабы обговорить с ней сумму выкупа. Красотка пожаловалась герцогу д'Эгийону, первому министру. Он провел секретную беседу с послом Англии, и тот сообщил об этих дерзких выпадах своему двору. Судя

по полученному ответу, Его британское Величество не возражает, чтобы чудовище либо вывезли из его страны, либо утопили в Темзе, либо задушили; снисхождения эта чума рода человеческого не заслуживает. Альбион закроет глаза на наши действия, лишь бы все прошло в глубочайшей тайне, без явного нарушения законов английской нации. Вследствие чего Его Величество дозволил своей подруге действовать по своему усмотрению. Напуганная и растерянная, она стала предпринимать шаги и запуталась окончательно.

— Вы замешаны в этой истории, сударь? — спросил Николя.

— Со мной даже не посоветовались! Некий Мари Феликс Дормуа, обанкротившийся торговец скотом и лошадьми, наделавший долгов по ту сторону Ла Манша, предложил свои услуги, но не бесплатно. Вдобавок, в силу соглашения, заключенного с англичанами, господин д'Эгийон, озабоченный тем, чтобы понравиться подзуживающей его графине, организовал высадку на английскую землю вооруженного отряда — группы агентов из армейской службы безопасности, под руководством пехотного капитана Беранже, на деле — полицейского шпиона и осведомителя, а в прошлом наемного убийцы. Не знаю, кто рекомендовал его герцогу д'Эгийону, зато точно знаю, что герцог не счел нужным спросить моего мнения, словно я к этому делу не имею никакого касательства. Вы наверняка знаете, что семья герцога де ла Врийера, господина де Сен-Флорантен, породнилась с семьей герцога д'Эгийона.

— Если мне будет дозволено высказать свое мнение, — произнес Николя, — я бы не стал доверять англичанам. Это слишком опасно.

— Ох уж эта вечная подозрительность бретонца! Но, боюсь, вы правы. Два дня назад прибыл курьер. В Лондоне все идет не так, как предполагали. Ловушки и капканы, расставленные негодяем Морандом отверзаются под ногами наших агентов, растерявшихся под неумелым руководством Беранже. Малыми средствами большие дела не делаются. Надо срочно исправлять положение. По моему предложению король выбрал для этой миссии вас как в силу своего к вам доверия, так и чтобы, воспользовавшись подвернувшейся возможностью, убрать вас на время из Парижа, климат которого в ближайшие дни будет вам явно вреден. Итак, получите инструкции от Его Величества. Primo, во всем, что относится к вашей миссии, соблюдайте строжайшую секретность и постарайтесь исправить лондонские промахи Беранже без шума. Secundo, привезите наших недотеп из Лондона живыми и здоровыми, ибо речь идет о престиже короны и о поддержании мира. Для этого вы получите все надлежащие полномочия, а также право вести переговоры от имени одной державы с другой державой, то есть с представителями Сент-Джеймского двора. Tertio, попробуйте поговорить с Морандом; даже если вы ничего от него не добьетесь…

— Обещаю, что постараюсь выполнить все ваши поручения.

— Когда имеешь дело с таким канальей, как Моранд, обещать и выполнить — вещи совершенно разные! — улыбнулся Сартин. — Итак, слушайте меня внимательно, ибо я обязан предостеречь вас. В этом деле замешаны очень многие. У каждого из причастных лиц есть свой интерес перехватить вас, есть он и у англичан, привыкших играть на двух досках: открыто они вступят с вами в переговоры, а тайно попытаются вас убрать. Главное, помните, что в этой игре задействованы высокопоставленные особы нашего собственного королевства. Король дряхлеет, и вы, как и я, могли в этом убедиться. Молодежь, окружающая его, дарует ему развлечения… и в то же время высасывает из него последние соки. А потому будьте осторожны и обязательно возвращайтесь.

Николя, привыкнув понимать начальника с полуслова, спросил:

— Герцог де Ла Врийер извещен о доверенной мне Его Величеством миссии?

Ответом ему стало красноречивое молчание. Сартин озирался по сторонам, с тревогой глядя на влажные клубы тумана, заслонившие от них перспективу.

— В определенной степени… Смотря по тому… В общем, было высказано предложение послать в Англию специальную спасательную миссию, но вот кто ее возглавит, вы или кто-то иной, этот вопрос не обсуждали. Главное, вы можете полагаться на короля и на меня.

Встретив взгляд Николя, Сартин недвусмысленно выругался. Это означало, что министр Королевского дома не был в курсе дерзкого плана. Но на этом тайны не кончились.

— Должен сказать, — с серьезной миной продолжил Сартин, — у нас есть основания полагать, что бумаги, компрометирующие красавицу из Лувесьена[24], могут интересовать многих, не только Эгийона, но и многих других. Вы знаете о моих доверительных отношениях с Шуазелем; однако никакие отношения не могут заставить меня забыть о благе государства. Насколько мне известно, он затаился за стенами своей пагоды в Шантелу, но он всегда наготове, ибо в любую минуту обстоятельства могут сложиться в его пользу и его снова призовут ко двору. Для изгнанных членов парламентов хорошо все, что плохо для трона, обладателю которого они хотят отомстить. Такое положение порождает множество хищников, готовых поживиться за счет невиновных. Ах, и вот еще что. Знайте, госпожа Ластерье, получив задание прощупать вас, не знала истинной его подоплеки, заключавшейся в том, что Его Величество намеревался включить вас в число тщательно отобранных людей, способных хранить его секреты. Сами понимаете, в таких случаях предосторожности никогда не бывают лишними.

— Разумеется, — неуверенно произнес Николя. — Теперь, сударь, я жду точных инструкций и их материального воплощения.

— Люблю слышать подобные ответы, — внезапно повеселев, промолвил Сартин. — Людям действия не нужны пустые советы. Сегодня вы вернетесь в Париж и переночуете на улице Монмартр. Соберите вещи. Найдите предлог, оправдывающий ваше отсутствие в течение примерно двух недель. Найдите благовидный предлог, замаскируйте его так, чтобы никто не докопался до истины. Завтра в девять утра за вами прибудет одноколка. Полагаю, вас не заподозрят вас в намерении отправиться в дальнее путешествие в столь хрупком экипаже.

— Мне кажется, план не слишком удачный. В случае, если за мной следят…

— Дайте мне договорить. Экипаж отвезет вас в квартал Пале-Руаяль. Сколько раз вы мне толковали про ужасающие заторы, случающиеся там каждое утро! И вы правы: Париж — огромный город, где каждый день на улицы, площади и перекрестки выезжают шесть тысяч экипажей. Вы настаивали, чтобы я принял меры. Я внял вам, господин реформатор. На площади Людовика Великого и улице Нев-де-Пти-Шан поставлены часовые и гвардейцы, которым поручено наводить и восстанавливать порядок на улице. Ваш экипаж попадет в самую толчею, я об этом позабочусь. Рядом с вами, дверца в дверцу, остановится дорожная берлина, и вы на ходу пересядете в нее вместе со всем своим багажом, а ваше место в одноколке займет мой человек. Не знаю, каким надо быть пронырой, чтобы суметь что-нибудь разглядеть в этой сутолоке, среди карет, телег, чертыхающихся возниц, уличных уборщиков, носильщиков и портшезов.

Потирая руки, он, видимо, представил себе, какой затор он устроит.

— Черт возьми, сударь, — продолжил он, — долго вы еще будете стоять с кислой миной? В дорожной карете вы доберетесь до Кале, и там сядете на пакетбот. В Лондоне вы отправитесь на Беркли-сквер, номер 4, где получите дальнейшие указания, связанные с выполнением вашей миссии. Господи, как мне хочется, чтобы вы поскорее очутились в Лондоне!

— А как же наш посол в Англии?

— Граф де Гин? О, это еще тот фрукт!

Сартин расхохотался, и Николя поразился, как молодо выглядело его лицо, когда суровая маска придворного уступала место искреннему веселью.

— Посол, — уточнил Сартин, — совершил ряд оплошностей, затруднивших его отношения с Его Величеством. К тому же обязанности свои, требующие остроты ума и гибкости мысли, он исполняет, мягко говоря, без особого успеха. Так что вряд ли его таланты произведут на вас впечатление; его способность надувать щеки прямо пропорциональна его глупости.

Николя тотчас вспомнил слухи о постоянных скандалах между послом и его секретарем, обвинявшим своего начальника в биржевых спекуляциях и использовании конфиденциальной информации.

— Так у кого же мне получить инструкции?

— У шевалье д'Эона. Во фраке или в платье, смотря по обстоятельствам, — хихикнул Сартин.

Николя с трудом припомнил загадочную личность, игравшую в тайных интригах королевской политики роль столь же двойственную, как и ее пол. Более осведомленные, чем он, вспоминали о шантаже, связанном с неким документом, разглашение содержания коего могло иметь тяжкие последствия для англо-французских отношений. Шевалье дорого обходился своему господину, но, пребывая в постоянном центре интриг, он не запятнал себя изменой, хотя и балансировал между явным бунтарством и купленной верностью.

— А что я скажу инспектору Бурдо? — наконец спросил Николя.

— Сколько вопросов! То же, что и всем остальным — то есть ничего. У вас нет причин встречаться с ним до отъезда, но если встреча все же состоится, храните гробовое молчание Миссия секретная, приказано молчать. Я сам позабочусь умерить его любопытство, загрузив его работой.

Генерал-лейтенант начал притопывать — то ли от нетерпения, ибо ему надоело отвечать на вопросы, то ли от холода и сырости, постепенно пронизывавшей их, грозя заморозить окончательно.

— Ох, чуть не забыл! Это очень важно.

Порывшись в карманах, Сартин вытащил кошелек из красного бархата с приятно округлыми боками и связку бумаг и все вместе протянул Николя.

— Вот он, главный двигатель войны! Здесь кругленькая сумма в гинеях и луидорах на дорожные нужды. Расходуйте их бережливо и осмотрительно. При первой же возможности обменивайте золото на серебро, чтобы не привлекать к себе внимания. Бумаги — векселя на неограниченную сумму, их можно предъявить в любом банке Англии. Надеюсь, я все предусмотрел, и не оставил вас без средств. Будьте внимательны, если вам удастся склонить Моранда к переговорам, следите, чтобы он не обобрал вас до нитки. Такую хищную птичку стоит только поманить, как она вопьется в вас без всякой жалости и начнет клевать, требуя куски все жирнее и жирнее. Впрочем, пожалуй, я достаточно предостерег вас; вам пора возвращаться в Париж и собирать вещи. Королевская карета ждет вас в Лувре[25]. Не забудьте захватить оружие. До скорого.

Комиссар поспешил на поиски кареты. Задумчиво глядя ему вслед, Сартин медленно помахал рукой, и ветер донес до Николя его последнее напутствие:

— Не доверяйте собственным глазам, зеркалам, открытым дверям и морским просторам. Возвращайтесь к нам, вы нужны королю, и…

Николя был слишком далеко, чтобы услышать последние слова начальника; но ему показалось, что угадал он правильно: «…и мне тоже». Неважно, были ли они произнесены на самом деле, главное, он в них поверил, и эта вера наполнила его радостным возбуждением, ибо он высоко ценил признание Сартина.

Понедельник, 10 января 1774 года

В королевской карете Николя к вечеру беспрепятственно добрался до Парижа; он чувствовал бы себя полностью удовлетворенным, если бы не дурные привычки, по-прежнему преобладавшие при дворе. Привилегированные пользователи служебных королевских карет никогда не стеснялись опорожнять свой мочевой пузырь прямо в кузове и пачкать бархатную обивку. Окунувшись в едкий запах мочи, Николя опустил все стекла и всю дорогу от Версаля до улицы Монмартр, невзирая на холод, ехал с открытыми окнами. Он старался не думать о том, что ждет его впереди, однако при мысли о порученной ему миссии его охватывал бурный восторг. Подобно выпущенному на волю скакуну, он уже видел себя на корабле, плывущем по морским просторам. Чувство безграничной свободы сопровождало его до самого дома Ноблекура, куда он прибыл закоченевший, с бьющимся сердцем и пустым желудком. Обследовав кухню, он нашел глиняное блюдо со свиным рагу; соус, где плавали кусочки свинины, превратился в желе, подернувшееся слоем сала. Побуждаемый воспоминаниями детства, он отрезал длинный ломоть хлеба, намазал его салом, а сверху посыпал крупной морской солью. Справившись с импровизированной закуской, он пошел в наступление на мясо, притаившееся в ароматном трепещущем прибежище; остатки сидра из большой бутыли достойно оросили его трапезу, завершившуюся несколькими ложечками желе из айвы нового урожая.

Насытившись, он отправился собирать чемодан. Он аккуратно сложил запасной фрак, две рубашки, панталоны, пару ботинок с пряжками, пару чулок, томик переводов из «Метаморфоз» Овидия, пузырек с эликсиром из монастыря Карм Дешо (память об отце Грегуаре) и миниатюрный пистолет, крепившийся между крыльями треуголки, полезнейший подарок, сделанный ему некогда Бурдо. Почистил шпагу и смазал жиром сапоги. Наконец он щеткой стряхнул пыль с черного дорожного фрака из добротной шерсти и дорожного плаща. Добавив к приготовленным вещам пару перчаток, он сложил багаж на стул. Чтобы не брать с собой кожаный ремень, он наточил бритвенный прибор и захватил с собой мыло, опасаясь, что в дороге сможет его не найти. Потом он прочел выученную в детстве молитву и, постаравшись выбросить из головы все мысли, лег в кровать и заснул.

Отъезд прошел без особых сантиментов. Он сказал, что отбывает в провинцию дней на десять, и господин де Ноблекур, похоже, все понял. Николя сел в присланную за ним одноколку, и лошадь, подгоняемая ударами кучерского кнута, пустилась рысью. Добравшись до квартала Пале-Руаяль, он почувствовал, как карету его искусно вовлекают в организованное вокруг коловращение экипажей и повозок. Лица возниц показались ему знакомыми; приглядевшись, он узнал агентов, приставов, осведомителей и прочих субъектов, готовых за вознаграждение помогать полиции, а также доверенных лиц его начальника.

Казалось, целая армия полицейских устроила свидание на этих узких и оживленных улочках, чтобы каждую проезжающую карету превратить в карусель, хаотично движущуюся по кругу. Тяжелый экипаж с кузовом, покрытым темным зеленым лаком с золотистым кантом, остановился прямо напротив хрупкой одноколки Николя. Приоткрыв дверцу, худая фигура выскочила из кузова и сделала знак Николя, приглашая его выйти. Взяв чемодан, он не без труда протиснулся наружу, ибо обе карты стояли так близко друг к другу, что полностью распахнуть дверцу не представлялось возможным. Спрыгнув на землю, он обнаружил перед собой переодетого в его костюм Рабуина и подумал, что этот маскарад начинает входить у агента в привычку. Николя втиснулся в берлину с окнами, наполовину задернутыми блестящими шторками. На сиденье лежал конверт, запечатанный печатью с тремя сардинками — гербом Сартина. Надпись на конверте гласила, что «господин Ле Флок должен ознакомиться с содержанием письма, запомнить его, а письмо сжечь при первой же возможности». Он спрятал конверт на груди, во внутренний карман фрака, решив ознакомиться с его содержанием только после того, как покинет город.

Словно по мановению руки невидимого балетмейстера, кареты, перестав толкаться и ездить по кругу, создавая хаос и заторы, тронулись по прямой, движение восстановилось, и кучер, встрепенувшись, щелкнул кнутом над головами упряжки из четырех крепких коней.

Заставу миновали без малейшей задержки: у возницы имелось разрешение на выезд; вдобавок он вез курьерскую почту. Миновав предместья, Николя распечатал письмо. В нем содержалось множество сведений и указаний, в основном касавшихся обычаев и нравов Британского королевства, а также положения английского кабинета, боровшегося против политики, проводимой лично королем Георгом III. Неоднократно подчеркивались нынешние затруднения англичан в Индии, а также упоминалось о продажных директорах Ост-Индской компании, ведущих себя совершенно неподобающим образом. Николя ознакомился с американскими делами, узнал о волнениях среди жителей колоний, а именно жителей Массачусетса, где на торговлю вновь наложили поистине тиранические ограничения. Эти волнения, не обошедшие стороной Парламент, вынесли в первые ряды оппозиции нового лидера, Чарльза Фокса. Кабинет полагал, что хартия колоний не является священной, а потому не может стать препятствием для Англии, пожелавшей установить новые порядки и остановить мятежников. Затем шли несколько портретов и заметок о французах, проживающих в Лондоне. Велев кучеру остановиться возле пустыря, Николя вышел, размял ноги, высек искру и поджег бумаги; когда от них осталась только горстка черного пепла, быстро разметенного холодным зимним ветром, он сел в карету.

В кузове его ждали еще несколько бумаг, прикрепленных к обшивке с помощью облаток для опечатывания дверей. В одной перечислялись почтовые станции на пути из Парижа в Кале. Покинув столицу, ему предписывалось держать курс на Амьен, минуя Сен-Дени, Экуэн, Люзарш, Шантийи, Клермон, Сен-Жюст, Вавиньи, Флер, Бретей и Эбекур. Из столицы Пикардии следовало ехать через Пекиньи, Флискур, Айи-ле-О-Клоше, Абвиль, Нувьон, Берне, Нампон, Монтрей-сюр-Мер, Кормон, Булонь, Маркиз и Отбюиссон. Если подсчитать стоимость такого путешествия, придется учесть, что платить надобно на сорока девяти почтовых станциях. Таким образом его поездка в почтовой берлине, запряженной четверкой выносливых коней, обойдется полицейскому управлению примерно в девятьсот восемьдесят ливров, иначе говоря, по двадцать ливров на почтовую станцию, что равно — продолжил он ради забавы свои подсчеты — стоимости сотни кур, купленных у трактирщика уже зажаренными, или трех модных свадебных платьев. Последнее сравнение пришло ему на ум по причине некоторых замечаний мэтра Вашона, его портного. Маленькая листовка извещала, что англичане не принимали французские деньги, и по прибытии в Дувр ему рекомендуется обменять имеющиеся у него золотые монеты согласно действующему курсу: один луидор стоит одну гинею, в одной гинее двадцать один шиллинг. Впрочем, он уже располагал солидной суммой английских денег.

Нога его ударилась о какой-то предмет, зазвеневший от резкого прикосновения. Нагнувшись, он обнаружил ночной горшок с крышкой из белого фарфора с цветочками, заполненный изнутри душистыми травами. Из этой находки он заключил, что сим деликатным знаком внимания ему хотели сказать, что по дороге ему не придется открывать окошки при быстрой езде и выплескивать на дорогу содержимое отхожего сосуда, хотя такой способ уборки по-прежнему считался наиболее удобным. Он заподозрил, что презент сей явился делом рук Сартина, никогда не отказывавшего себе с удовольствии подшутить над подчиненными. К полезному фарфоровому предмету прилагалась маленькая металлическая грелка из дерева и металла, наполненная еще теплыми угольями. Оценив проявленное к нему внимание, он завернулся в походное одеяло и вскоре почувствовал, как по его телу разлилось приятное тепло.

От мерного колыхания кузова он впал в оцепенение и, похоже, задремал. Вывести его из дремотного состояния не смогли даже размышления о страшной смерти госпожи де Ластерье; разум подсказывал ему, что необходимо подробно, шаг за шагом, проследить все события, начиная с убийства Жюли и до его неожиданного отъезда и необычной миссии, исполнение которой его, в сущности, заставили взять на себя. Страдальческий зуд становился назойливым; он страдал не столько оттого, что узнал об измене Жюли, сколько от неуверенности, охватившей его после сего открытия, ибо он всегда считал, что связь их, о которой теперь он мог только сожалеть, основана исключительно на чувствах. Он безуспешно пытался понять, что стало причиной ее измены, и как теперь ему это объяснить. Время от времени он видел перед собой улыбающееся лицо короля; монарх с невыразимым изяществом умел поддерживать дистанцию, а тем, кто удостаивался его доверия, выражал свое благорасположение не только словами, но и взором своих черных глаз, глядевших на удивление кротко, отчего лицо его необъяснимым образом молодело. Николя чувствовал, что может рассчитывать на снисходительность своего монарха, и эта уверенность являлась его единственным утешением в нынешней печали.

Чем дальше от Парижа, тем сильнее ветер свободы наполнял его легкие. Он мчался, словно птица, вот уже который день гонимая бурей. Когда он наконец погрузился в безмятежный сон, заскрежетали тормоза, приведенные в движение специальной рукояткой, по вымощенной камнем дороге громыхнули колеса, недовольно заржали лошади, и на полном ходу карета остановилась. Придавленный тяжелым одеялом, стесненный в движениях грелкой, он не успел пошевелиться, как дверца с шумом распахнулась, занавески отлетели в сторону, и всадник в охотничьем костюме цвета опавшего листа прыгнул в карету и уселся напротив него. Когда гость поднял голову, прикрытую широкополой шляпой с белым пером, Николя с изумлением узнал голубые миндалевидные глаза и нежный овал лица графини дю Барри. Она сняла шляпу, оставшись в небольшом белом парике с косичкой, завязанной лентой малинового цвета.

— Господин маркиз, я вас приветствую. Простите мне этот маскарад, но, надеюсь, он не помешал вам узнать меня?

Носик сморщился, а губы сложились в капризную гримаску.

— Господь свидетель, сударыня…

Он попытался встать, но стукнулся головой о потолок кареты. Графиня засмеялась.

— Кому посчастливилось хотя бы раз увидеть вас, не сможет вас забыть, — смущенно пробормотал он. — Но чем я обязан такой чести?

— Полагаю, все останется между нами, сударь. Близкий друг, заботящийся о моих интересах, рассказал мне о вашей миссии. Так как я в высшей степени заинтересована в успехе вашей поездки в Лондон, мне хотелось убедиться, что мое будущее в надежных руках и вы сделаете все возможное, чтобы я могла обрести спокойствие. Иначе говоря, что я могу рассчитывать на вашу преданность.

— Сударыня, — ответил Николя, оглушенный потоком слов, — само собой разумеется. Вам не стоит беспокоиться. Как я уже говорил вам несколько лет назад…

Движением руки она прервала его.

— Четыре года, сударь, четыре года назад! Я ничего не забываю. Уже тогда я была убеждена, что в один прекрасный день вам представится случай понравиться мне, оказав мне услугу…

Казалась, она задавала вопросы самой себе, а вовсе не своему собеседнику.

— Тогда я пообещал вам, что вы можете рассчитывать на мое рвение и мою преданность, — ответил Николя. — Я ваш слуга.

Она взглянула ему прямо в глаза. И он вздрогнул, не в силах сопротивляться соблазну, аромат которого исходил от графини. Запах ее духов наполнил ему ноздри. Она протянула ему руку, и он поцеловал ее.

— Маркиз, да пребудут с вами мои наилучшие пожелания. Помните, теперь вы в числе моих друзей. Не забывайте об этом!

Она выпорхнула из экипажа так же быстро, как и впорхнула в него. Высунувшись из дверцы, он увидел, как вперед промчалась королевская карета, сопровождаемая двумя гвардейцами-телохранителями. Когда берлина вновь тронулась в путь, мимолетное очарование уступило место раздражению. Куда сует свой нос фаворитка? Неужели она решила нагнать его карету на глазах у всех только потому, что хотела лично убедиться в его готовности исполнить поручение короля? Почему она посчитала, что те несколько минут, которые она ему уделила, помогут ему исполнить возложенную на него миссию? Следом за раздражением в нем пробудились нехорошие предчувствия. Миссия, представленная ему как секретная, более таковой не являлась. Фаворитка, кучер, два лакея, два гвардейца из охраны, и еще бог весть кто осведомлены о его отъезде в Лондон. Кто рассказал о его миссии дю Барри?

За четырнадцать лет принадлежности к близкому окружению короля он не раз имел возможность убедиться в склонности Его Величества окружать себя разными тайнами. Поэтому он был уверен, что король не стал бы рассказывать фаворитке о его поездке, дабы не рисковать провалить предприятие, организованное им самим для спасения репутации «прекрасной бурбонэзки»[26], на которую в очередной раз намеревались вылить ушаты грязи. Сартин, никогда не упускавший момент сделать красотке комплимент, вряд ли пошел бы на такой демарш, ибо его задачей является обеспечение безопасности агентов полиции. Судя по уклончивым ответам Сартина, Сен-Флорантен, похоже, не знал о его отъезде вовсе. Но кто тогда? Герцог Ришелье? Этот никогда не умел хранить секреты, но чтобы разгласить секрет, его надо сначала узнать, а кто мог поведать Ришелье об отъезде Николя? А может, это герцог д'Эгийон? Предположение не слишком правдоподобное, ибо король по определению любил работать по двум параллельным направлениям, зная, что те никогда не пересекутся. Внезапно Николя содрогнулся: встреча Людовика XV с ним и с Сартином происходила в общественном месте, в зале для совета, и там их вполне могли подслушать. В толпу лакеев и привратников всегда могла затесаться паршивая овца, прельстившаяся на сребреники тех, кому выгодно выведывать секреты власти, обеспечивая тем самым свое положение и влияние. Подведя неутешительный итог, Николя подумал, что разговоры, которые он некогда вел с маркизой де Помпадур, отличались гораздо большей теплотой и остроумием, нежели его беседы с нынешней фавориткой, и ощутил глубокое разочарование.

Вторник, 11, среда, 12 и четверг, 13 января 1774 года

Чтобы добраться из Парижа до Кале, в зависимости от времени года, требуется от шести до восьми дней — если ехать на почтовых. Ему следовало преодолеть это расстояние в два раза быстрее, поэтому он не ехал, а летел. Такая гонка не соответствовала правилам, принятым в королевской почтовой службе. Он несколько раз менял возниц, и хотя все они, как на подбор, выглядели неотесанными мужланами, вели себя они скромно и почтительно. На каждой станции своих доведенных до изнеможения собратьев поджидали свежие, бьющие копытом лошади. Станционные смотрители, самого что ни на есть отталкивающего вида, старались изо всех сил угодить ему, и, несмотря на взбрыкивающих коней, меняли упряжку, не сходя с места. Николя подкреплял силы в придорожных трактирах, где сметал все запасы и поглощал их уже в берлине. Он ухитрялся читать как при скудном свете зимнего дня, так и по

ночам, при слабом свете висевшего в кузове фонаря. По утрам, когда меняли лошадей, он торопливо мылся под струей воды из источника или колодца, прямо на почтовом дворе, смеясь над своей посиневшей от холода кожей и улыбаясь кокетливым кумушкам и служанкам, глядевшим на него из окон.

На пути в Абвиль, в Айи-ле-О-Клоше, дорогу перебегала упитанная хрюшка, и карета на полной скорости врезалась в нее. Лошади споткнулись, и экипаж ударило о камень, скрытый кустистой порослью. Одно колесо сломалось, его необходимо было починить и заменить лошадь, вывихнувшую ногу. Каретник и кузнец оказались занятыми в соседнем доме, так что пришлось ждать. Утомившись ожиданием возле конюшни, более напоминавшей хранилище навоза, нежели стойло для лошадей, и желая избавиться от окружившего карету любопытствующего сброда, Николя решил остановиться в местной харчевне и по совместительству почтовой станции. На улице смеркалось, пошел снег, а починка грозилась затянуться на несколько часов.

За сбитую насмерть свинью, владельцем которой оказался хозяин постоялого двора, пришлось заплатить большие деньги, ибо, по утверждению хозяина, хрюшка содержалась в загоне, никогда не бегала без присмотра, и хозяева возлагали на нее большие надежды. В ответ на щедрость Николя трактирщик засуетился и, разбудив слуг и служанок, приказал им приготовить для путешественника комнату и все необходимое.

Тотчас развели огонь, поставили столик поближе к очагу, подали ужин, и скоро Николя решил, что во Франции любой путешественник может считать себя счастливым. Даже в самом жалком трактире всегда найдется блюдо, сделающее честь самой изысканной кухне. Здешняя стряпня его также не разочаровала. Ощущение вкуса и аромата поданного ему в горшочке паштета он сохранил на всю жизнь, однако попытка выяснить рецепт приготовления успехом не увенчалась. Хозяин сказал, что это семейный секрет, передающийся по наследству, и происходит эта передача тогда, когда владелец секрета находится при смерти. Жареная требуха несчастной свиньи приятно дополнила его трапезу, состоявшую, помимо паштета, из капустного супа. Не испытывая угрызений совести, Николя с аппетитом проглотил хрустящие останки своей жертвы. Кувшин горьковатого пива с роскошной белой пеной оросил неурочный пир, завершившийся несколькими яблоками-падалицами и стаканчиком бодрящей можжевеловой водки.

Комната, которую ему отвели, уверяя, что это самый шикарный номер в заведении, оставляла желать много лучшего. Впрочем, в провинциальных французских трактирах путник чаще всего встречал именно такую обстановку: колченогая мебель, выбеленные известью стены, прикрытые жалкими лохмотьями, некогда именовавшимися коврами, а теперь превратившиеся в пристанище для пауков, затянувших их паутиной, где виднелись запутавшиеся и наполовину съеденные ночные бабочки. Дверь не запиралась, а петли скрипели так жалобно, что сердце кровью обливалось. Ледяной ветер задувал в огромные щели в ставнях, заменявших стекло. Открыть такие ставни непросто, но еще труднее — их закрыть. Простыни на кровати были столь грязны, что он решил не ложиться на них. Ужас, внушенный ему ползучими кровососами, обитавшими в этом ложе, прогнал его на кресло, обитое вытертым до основания утрехтским бархатом. Он сел, закутался в плащ и, вытянув ноги, вскоре заснул; на рассвете его разбудил скрип двери. Неужели кто-то проник к нему? Затаив дыхание и пытаясь сдержать биение сердца, он про себя поблагодарил Господа, что выбрал для сна самый темный угол. Какая-то фигура приблизилась к кушетке, взмахнула рукой и дважды нанесла удар; затем раздался возглас изумления, убегающие шаги и хлопанье дверей. Он вскочил и, схватив шпагу, бросился в погоню за неизвестным. Выскочив на круговой балкон, откуда можно было попасть во все комнаты второго этажа, он остановился и прислушался. Ни один звук не нарушал плотную вязкую тишину, воскресившую в нем былые страхи. Первые лучи зари разогнали сумрак. Внезапно он подумал, что постояльцы из трех соседних комнат могли что-то видеть или слышать, и осторожно, друг за другом, принялся

открывать двери; три комнаты оказались пусты, в четвертой спал хозяин дома. Напуганный ранним вторжением гостя, он проводил Николя вниз. Слуги развели огонь, зажгли свечи, а хозяйка поставила разогревать остатки вчерашнего супа. Открыв входную дверь, комиссар уже на пороге понял, откуда взялась поразившая его всеобъемлющая тишина: ночью выпало много снега, замедлявшего движения и гасившего звуки. В бледном свете зарождающегося дня он заметил следы, которые сначала шли к порогу, а потом от него. Он пошел по ним, и они привели его в небольшую рощицу. Прислушиваясь к каждому шороху, он осторожно обогнул рощицу и вышел на опушку; там следы исчезали среди множества отпечатков копыт; очевидно, здесь, возле большого дуба, человека ожидал конь. Далее конский след вел в сторону Абвиля. Неожиданно продрогший до костей Николя отчетливо осознал, что его пытались убить, и он чудом избежал смерти.

Вернувшись к себе в каморку, он увидел картину полнейшего разорения. Его чемодан валялся открытым, вещи в беспорядке раскиданы по полу, словно в них что-то искали. Несколько книг, взятых им с собой в путешествие, оказались изрезаны, а переплеты оторваны и валялись рядом с испорченной писчей бумагой с павлиньим глазом. Однако ничего не украли; мародер, явно успевший удрать подальше, видимо, искал что-то другое. К счастью, золото, векселя и верительные грамоты Николя всегда носил с собой. Попытка ограбления доказывала, что удар направлен не столько против него лично, сколько против его миссии, а посему нападавшие вряд ли отступят; скорее они продолжат вставлять ему палки в колеса. Вряд ли это обычные разбойники с большой дороги, гроза деревенского безлюдья. Увидев, что ставни распахнуты настежь, он высунулся из окна, однако ничего не смог разглядеть — ни на земле, ни в синеющей дали. Он вспомнил, что, возвращаясь, он обнаружил еще одну цепочку следов, уводивших в соседний лесок, где, видимо, ожидал второй конь. Он, как мог, свернул белье и фрак, уложил их в чемодан и рассчитался за ночлег и ужин с хозяином постоялого двора, чья физиономия сегодня показалась ему отвратительной. Кучер ждал его по соседству, в доме каретника. В карете сменили колесо, и он расплатился за оказанные услуги. Привели лошадей, и кучер начал запрягать. Как только Николя сел в берлину, кучер щелкнул кнутом, и кони, в облаке вздыбленного ими снега, вылетели на дорогу в Абвиль.

VI
ЛОНДОН

Мы единственная нация, которую англичане не презирают. Взамен они оказывают нам честь тем, что ненавидят нас от всего сердца.

Фужере де Монброн

Ветер гнал на восток утренний туман и тучи, освобождая дорогу медленно просыпавшемуся солнцу. Устремив взор к горизонту, Николя предавался невеселым мыслям, созерцая унылый плоский пейзаж, кое-где оживляемый купами деревьев. Решив больше не спать, он велел кучеру пускать лошадей в галоп при малейшем подозрении на погоню. Продолжая размышлять о том, какие причины двигали неизвестными, пытавшимися его убить, он вспомнил напутствия Сартина. В деле, невольным участником коего он стал, были задействованы столь могущественные интересы, что сохранить в секрете его миссию оказалось невозможно. Секрет, переставший быть секретом, висел над его головой, словно дамоклов меч. По роду своих занятий ему приходилось сталкиваться с некоторыми могущественными кланами, обладавшими тайным влиянием в государстве, но он не мог понять, какая связь существует между смертью Жюли де Ластерье и травлей, жертвой которой он стал. Отныне его жизнь и успех его миссии зависели от его способности предугадывать опасности и умения избегать их. Кто-то пытался навредить ему, обесчестить и бросить в когти правосудия, а правосудие, как он прекрасно знал, рубило с плеча и редко задумывалось над человеческими судьбами. Он чувствовал, что ловушка на улице Верней и попытка убить его в Айи являются звеньями одной цепочки, но не понимал, где кроется порочная связь причин и следствий.

Общая канва этих двух событий от него ускользала. В голове мрачным предупреждением прозвучали пророческие слова Ноблекура: «Подобно реке, вбирающей в себя воды впадающих в нее ручейков, в этом преступлении сходятся концы многих запутанных интриг».

В Абвиле он остановился сменить лошадей. Город удивил его своим замшелым обликом, ветхими покосившимися домами, деревянными или из саманного кирпича. Близилась ночь, однако он приказал ехать дальше; дорога пролегала вдоль торфяных болот, напомнивших ему окрестности его родного Геранда. На почтовой станции в Монтрее пришлось задержаться: какой-то путешественник, соривший золотом направо и налево, захотел забрать себе единственную свежую упряжку; чтобы получить этих лошадей, Николя пришлось пригрозить смотрителю. Незнакомец также не промолчал, но станционный смотритель решил уступить тому, кто требовал лошадей именем короля. От этого случая у Николя остался неприятный осадок: подобно цветку, теряющему при увядании свои лепестки, он, продвигаясь к цели, утрачивал свое инкогнито.

Пятница, 14 января 1774 года

С первыми предрассветными лучами вдалеке показалась Булонь. Николя приказал остановить карету, решив изменить маршрут следования. Теперь он велел кучеру не торопиться и не спеша править в сторону Кале, куда изначально лежал их путь. Он хотел показать невидимому противнику, что устал и болен. Плотно задернув занавески кареты, он, не желая привлекать к себе внимания на последней перед Кале почтовой станции, велел принести ему еду в карету. Добравшись до порта, Николя намеревался незаметно покинуть экипаж и пешком, окраинными кварталами добраться до Булони, где сесть на первое же судно, отходящее в Дувр. Он надеялся, что его уловка обескуражит преследователей.

Несмотря на обжигающий холод, Николя дожидался рассвета, прислонившись спиной к толстому стволу дерева, одиноко растущему на вершине холма. Его пригорок доминировал над местностью, и это придавало ему уверенности, что никто не нападет на него сзади. День обещал быть ясным, и Булонь, окруженная крепостными стенами, раскинулась перед ним как на ладони. Протекавшая поблизости река Лиан, расширявшаяся к устью и затоплявшая низменность возле города, подернулась слабым льдом и напоминала блестящее зеркальное покрывало. Перелетные птицы, сбившись в стайки, сидели, тесно прижавшись друг к другу в местах, где лед был прочен. Прячась между двух скал, река несла свои воды в море. Вдалеке угадывался пустынный берег, покрытый мелкой галькой, о который разбивались белесые барашки серых, словно устричные раковины, волн.

Пройдя через бедное предместье, он спустился в город, вошел в придорожный кабачок и попросил горячего вина с водкой; напиток согрел его. Предложив хозяину разделить с ним горячительное, Николя мгновенно завоевал его симпатии, и тот с удовольствием сообщил гостю, что, начиная с 1763 года, после того как обе страны подписали мир, между Булонью и Дувром регулярно ходят пакетботы. Эти суда не только перевозят пассажиров, но и на протяжении всего года возят в Англию французское вино в бутылках. Бутылки хранятся в Булони, в погребах, принадлежащих британцам, и те увозят их по мере продажи. Николя поинтересовался, отчего бутылки вывозят малыми партиями, и хозяин объяснил, что таким образом английский любитель вина платит пропорционально своему потреблению, а таможенные пошлины на французское вино в Соединенном Королевстве чрезвычайно высоки.

Получив точные указания, откуда отходят корабли, Николя одним из первых вступил в Булонь после открытия городских ворот. Беспрепятственно миновав кордегардию, он тем не менее сумел привлечь внимание часового: при виде прекрасно одетого господина, идущего

пешком, часовой от удивления открыл рот. Пакетбот отчаливал в девять, и Николя, избегая слишком людных улиц, отправился погулять. Несмотря на избранные им узкие улочки, он постоянно сталкивался с англичанами и удивлялся их многочисленности. Англичанки обращали на себя внимание своими нарядами. В отличие от жительниц Булони, щеголявших в крахмальных чепцах и длинных, ниспадавших едва ли не до земли накидках, островные дамы из приличного общества носили модные платья с коротким шлейфом, а на головах — маленькие шляпки. Какой-то горожанин, вышедший на улицу подышать воздухом, увидел вертящего во все стороны головой Николя и, недовольно пробурчав что-то о засилье англичан, пояснил, что Булонь издавна слывет пристанищем для тех подданных Соединенного Королевства, кто из-за расстройства дел или поведения, вызвавшего нарекания полиции, предпочитают жить за границей, а не в собственной стране. Час отплытия приближался, Николя добрался до порта и увидел, что контора, продающая билеты до Дувра, открыта.

Поднявшись на борт пакетбота, он ощутил неизъяснимое волнение. Он в первый раз покидал королевство, хотя давно лелеял мечту выйти в море. И наконец мечта осуществилась, причем без особых с его стороны усилий. В прошлом торговое судно, а нынешний пакетбот «Зефир», предназначенный для перевозки пассажиров, особым комфортом не отличался, особенно каюты, устроенные в трюме, где прежде складывали товары. Приветствуя Николя, капитан сообщил, что несколько дней из-за непогоды в английских портах стоят суда самых разных стран, ожидая, когда окончится ненастье. По его мнению, ветер еще не устоялся, но им он подходит, так что, подгоняемые попутным ветром, возможно, они через три часа будут у берегов Англии. Начались приготовления к отплытию. Несколько пассажиров спустились в нижнюю каюту, но большинство предпочло остаться на полуюте, чтобы, не мешая маневрам, посмотреть, как судно отчалит от берега.

Николя украдкой разглядывал немногочисленных попутчиков. Французский негоциант громко разговаривал со своим помощником; рядом с ними стояли два юных англичанина, чьи непринужденные манеры и разговоры свидетельствовали о том, что они возвращаются из «большого путешествия» по Италии, Германии и Франции, обязательного для каждого английского недоросля из приличной семьи, обладающей каким-никаким состоянием. В свое время пленный морской офицер, оставленный под честное слово в замке Ранрей, объяснил ему, что мир надо познавать во всем его разнообразии. Николя вспомнил мысль господина Вольтера, высказанную в «Этюдах о нравах»: «Человеческая природа, и все, что порождено ею, похожи везде и всюду, во всех концах света. Все, что связано с обычаями, различно, а если и имеет сходство, то исключительно случайное». Молодых людей сопровождали четверо слуг. В стороне от всех стояла почтенная матрона, прикрывавшая лицо черной вдовьей вуалью. Когда ветер приподнял вуаль, он заметил на лице ее толстый слой свинцовых белил и вспомнил физиономию Полетты, содержательницы «Коронованного дельфина» и его старой приятельницы. Еще, помимо членов экипажа, на борту были двое слуг. На первый взгляд, ничего подозрительного.

Суетившиеся возле лебедки матросы пытались вытащить якорь, но в результате медленно подтягивали к нему корабль. Наконец боцман крикнул: «В самый раз!», корабль остановился, и якорная цепь свободно заскользила по клюзу. Из рубки и с капитанского мостика разлетались приказы. Пока одни матросы выбирали якорь, другие начали выпускать брамселя. Николя с интересом наблюдал, как ловко они передвигались по реям. Шумно захлопали паруса. Корабль задрожал, оснастка заскрипела, паруса на мачтах наполнились ветром, и «Зефир» вышел в открытое море.

Наслаждаясь морским воздухом, Николя стоял на мостике, не намереваясь спускаться в душное помещение для пассажиров, откуда, видимо, не в силах долее дышать спертым воздухом, уже выбрались оба молодых человека, изрядно побледневшие. Через час после отплытия ветер переменился и теперь дул им прямо в корму. После недолгих наблюдений капитан приказал убрать паруса бизань и грот, дабы паруса на фок-мачте приняли на себя

больше ветра. Но скорость судна от этого маневра не слишком увеличилась; похоже, капитан переоценил судоходные качества своей посудины, ибо, когда вдали наконец показался берег, вздыбившиеся волны начали так раскачивать «Зефир» во все стороны, что в ожидании благоприятного момента капитан приказал отдать якорь. Теперь каждый, кто не боялся холодного ветра, мог выйти на палубу и любоваться скалистыми очертаниями побережья.

Положение пассажиров в каюте становилось все менее приятным: качка, мало ощутимая в открытом море, резко усилилась, когда корабль бросил якорь. Стоя на верхней палубе и с восхищением наблюдая за судами, группками отплывавшими от английского берега в сторону континента, Николя тревожился лишь об одном: как бы ветер не швырнул один из этих прекрасных кораблей на их утлую посудину. Но уверенный поворот румпеля — и вот уже матросы обоих судов громкими криками приветствовали друг друга. С наступлением темноты ветер стих, и капитан приказал сниматься с якоря. Усталый и замерзший от промозглого ветра, Николя стоял на корме возле планшира. Внезапно он почувствовал, как его схватили за ноги и швырнули в пустоту. Не успел он испугаться соленых объятий водной стихии, как встретил твердое препятствие — упал спиной на доски, вонявшие дегтем; никогда еще ни один запах не казался ему столь приятным. Сложенный бухтой канат смягчил падение, но все же он довольно сильно ушиб спину. Отлежавшись, он сообразил, что упал в подвешенный за кормой ялик, но в темноте нападавший не смог этого увидеть. Здравый смысл подсказал ему оставаться там, куда провидение решило его забросить. О багаже можно не беспокоиться: его заперли в шкаф, ключ от которого имелся только у капитана. Устроившись со всеми возможными в его положении удобствами, Николя стал ждать окончания плавания, надеясь, что морская болезнь, неведомая ему в детстве, когда он ходил в море с рыбаками из Круазика, внезапно не подкосит его и не свалит с ног.

Через два часа «Зефир» вошел в порт Дувр.

Николя выждал время и, зажав в зубах упавшую вместе с ним треуголку, начал выбираться из ялика, подтягиваясь на канатах и используя вместо ступеней рельефы и изгибы вырезанной на корме скульптуры. Хотя шпага основательно стесняла его движения, довольно скоро он на глазах у двух изумленных матросов спрыгнул на палубу. Не пускаясь в объяснения, он отправился за чемоданом, и обеспокоенный его отсутствием капитан с облегчением вручил ему вещи. Не отвечая на летевшие ему вслед вопросы, Николя спрыгнул на набережную и ощутил под собой почву старой доброй Англии.

Тотчас туча мальчишек и лакеев набросилась на него и, дергая за фалды, принялась наперебой предлагать извозчика, гостиницу и прочие услуги. Но стоило ему ответить им по-английски, как они тотчас потеряли к нему интерес. Какой-то дурно одетый человек подошел к нему и попросил дозволения осмотреть его багаж. Решив не ссылаться на свой статус полномочного представителя, он позволил обыскать его вещи, что и было сделано — если говорить честно — исключительно вежливо. Досмотр обошелся ему в одно экю — разумеется, в эквивалентном выражении; за эту сумму таможенник вручил ему бумажку, именуемую «право на пребывание». Покончив с формальностями, Николя направился в город на поиски приличной гостиницы, где можно пообедать и выспаться. Внушительный размер трактирных вывесок поразил его, равно как и украшавшее их обилие завитушек и прочих выкрутасов. Со всех сторон в одном с ним направлении двигались путешественники. Не без труда ему удалось раздобыть, а точнее, завоевать в борьбе, заплатив золотом, неказистую кушетку в посредственной гостинице. Чтобы получить ужин, ему пришлось самому идти на кухню и забирать с дымящихся угольев пару кусков говядины. Никакой другой еды не предлагалось, и все занятие трактирщика состояло в том, чтобы раздувать огонь, поддерживая горенье каменного угля, наполовину потухшего из-за жира, стекавшего с жарившихся кусков мяса, и класть новые куски на место тех, которые посетители его заведения расхватывали, как только они покрывались корочкой.

Не намереваясь раздеваться на ночь, Николя снял плащ и с удивлением заметил на высоте бедер, там, где чьи-то руки схватили его и приподняли на воздух, белые жирные следы. Поднеся свечу, он рассмотрел их поближе и даже обнюхал; несомненно, следы оставили свинцовые белила. Итак, вдова с сильно набеленным лицом, замеченная им, когда отдавали швартовые, оказалась переодетым мужчиной, совершившим на него очередное покушение. Николя с ужасом сознавал, что его преследователи располагали разветвленной сетью агентуры, и хотя на этот раз уловка их провалилась, тем не менее невидимый враг все время опережал его на шаг. И чем дальше, тем труднее будет ему проскочить в ячейку сети, все плотнее его опутывавшей.

Суббота, 15 и воскресенье, 16 января 1774 года

Около четырех часов утра лакей растолкал его и попытался убедить уступить кровать новоприбывшему путешественнику, шумно сопевшему и чертыхавшемуся под дверью. Николя устоял перед натиском и отказался вставать раньше шести часов. Проснулся он с трудом, у него сильно болела спина. Увы, будь здесь Катрина, она бы непременно выдала ему из своих запасов целебное средство, привезенное из ее родного Эльзаса и с одинаковым успехом ставившее на ноги и людей, и лошадей; но Катрина осталась далеко. С тоской вспомнив о доме на улице Монмартр, он немедленно задался вопросом, не рано ли у него проснулась ностальгия.

Выйдя из гостиницы, он поинтересовался у мальчишки, подскочившего к нему с воплем: «Один шиллинг, сэр!», как поскорее добраться до Лондона. От подхватившего чемодан сорванца он узнал, что Дувр отделяют от Лондона двадцать восемь лье, и лучше всего взять почтовую карету до порта Грейвзенд, что на Темзе, а потом на лодке подняться вверх по реке. Но если он хочет ехать, надобно поскорее заказать место в почтовой карете, так как ввиду наплыва приезжих не исключено, что карету придется брать штурмом. Решив, что среди обычных пассажиров ехать менее опасно, Николя последовал совету и не стал нанимать кабриолет. Устроившись на козлах рядом с кучером, он с удовольствием дышал свежим воздухом и любовался окрестными пейзажами. Погода обещала быть холодной, но солнечной.

В это зимнее время года залитые солнцем мирные поля казались на удивление зелеными, особенно по сравнению с французскими. Позавтракав говядиной в Кентербери, он пришел к выводу, что англичане питаются исключительно мясом, точнее, единственным его видом — говядиной. В Грейвзенде, куда почтовая карета прибыла вечером, он рассудил, что подниматься по реке на ночь глядя — вряд ли разумно, а потому решил снять комнату в гостинице из желтого кирпича, приятно поразившую его своей опрятностью, а особенно дощатым полом, чисто отмытым и до блеска натертым воском. Ему предложили маленькую комнату, обставленную кокетливой лаковой мебелью из акациевого дерева; на кровати сверкали белизной свежевыстиранные крахмальные простыни. Прислуга, вежливая и скромная, состояла из молодых людей обоего пола, с лиц которых не сходила почтительная улыбка. Он поужинал запеченной в хрустящей корочке говядиной и свиными почками, плававшими в густом соусе; блюдо сие, как ему подсказали, именовалось steak and kidney pie[27]. Проспав спокойно ночь, он ранним утром сел на баржу, отправлявшуюся в Лондон.

Погода стояла прекрасная, прибрежные пейзажи радовали глаз своим разнообразием. На склонах холмов стояли красивые дома, окруженные садами. Николя вспомнил, что Темза является одной из самых широких рек Европы, и в нее могут заходить даже большие океанские корабли. Чем ближе к английской столице, тем больше лодок сновало по реке; постепенно их стало так много, что для тех, кто поднимался вверх по реке, осталась лишь узкая полоска воды. Вокруг баржи вырос лес мачт, ветер надувал паруса, шелестел среди вант и рей. Прилив благоприятствовал продвижению баржи, и Николя не успел заметить, как очутился у подножия

Лондонской башни, где без труда нашел экипаж, дабы, согласно полученной инструкции, отправиться по указанному адресу. Он не знал, следили ли за ним по-прежнему, ибо не мог рассчитывать на свою бдительность: слишком много новых впечатлений рассеивало его внимание.

Беркли-сквер оказался красивой прямоугольной площадью, окруженной жилыми домами, построенными в едином стиле, приятном, однако излишне размноженном. Насколько он мог судить, в этих кирпичных домах высотой в три или четыре этажа, комнаты явно имели низкие потолки, а подвальные этажи, где располагались кухни и подсобные помещения, окнами выходили в ров шириной три фута, отделявший дома от улицы. Между рвом и тротуаром проходил чугунный забор. Николя без труда нашел нужный ему дом и, подняв дверной молоток, остановился: необходимость войти в чужое, незнакомое жилище угнетала его. Все же, несмотря на предчувствия, он постучал. Ему открыла пожилая женщина с седыми волосами, убранными под кружевную мантилью. Из-за своего строгого черного платья с косынкой на груди она походила на монахиню, а тяжелая связка ключей на поясе придавала ей сходство с сестрой-привратницей. Проницательные глазки, глубоко сидящие на полном лице и маленький рот с плотно сжатыми губами никак не вязались со складками на шее, обхваченной лентой с висящей на ней восхитительной камеей. Она смотрела на него так, словно видела перед собой ядовитую змею, с которой следует обращаться крайне осторожно. Но когда он приветствовал ее на английском языке, она изумилась, и на лице ее появилась гримаса, видимо, обозначавшая улыбку.

— Сударь, я должна задать вам вопрос.

— Я весь внимание, сударыня.

— Как зовут вашего портного?

— Мэтр Вашон, — ответил Николя, не ожидавший подобной проверки.

— Где находится его лавка?

— На улице Вьей-дю-Тампль, в Париже.

— С какого года он шьет на вас?

— С 1760-го.

Николя готов был поклясться, что тут не обошлось без Сартина. Ответы его успокоили женщину, и лицо ее постепенно приобрело приветливое выражение. Она даже кивнула ему, подавшись вперед всей грудью, отчего кивок ее вполне мог сойти за реверанс.

— Миссис Вильямс, к вашим услугам. Потрудитесь идти за мной, я покажу вам ваши апартаменты.

Поднявшись по лестнице, устланной суконной дорожкой, она поочередно провела его по трем комнатам: гостиной, объединенной с библиотекой, спальне и туалетной комнате. На предложение приготовить ему ванну он с радостью согласился и спросил, нельзя ли почистить и погладить его одежду. Госпожа Вильямс быстро унесла извлеченные им из чемодана вещи. Через несколько минут появился слуга с двумя кувшинами горячей воды. Он ходил до тех пор, пока не наполнил ванну, а потом вручил Николя халат из хлопчатобумажного ситца. Прежде чем удалиться, почтенная дама сообщила гостю, что после ванны ему подадут чай, а известная ему дама прибудет с визитом в шесть часов.

Николя с наслаждением погрузился в медную ванну с теплой водой. Ноющая боль, не покидавшая его со времени падения в шлюпку «Зефира» утихла. Возможность предаваться такому блаженству его отец, маркиз де Ранрей, наверняка назвал бы «комфортом», подумал он. Ему самому редко доводилось вкушать удовольствие вымыться в горячей воде: несколько раз в русских банях на улице Бельшас, да иногда в отдельных кабинетах «плавучих островов» на берегах Сены; все эти места находились под постоянным наблюдением полиции, ибо там царил безудержный разврат. Ароматные пары, поднимавшиеся над водой, убаюкали его, и он

проснулся, только когда вода начала остывать. Побрившись и причесавшись, он прошел в спальню, где нашел свою одежду вычищенной и выглаженной. Навощенные сапоги блестели в свете камина, где в железной корзинке горел каменный уголь, отбрасывавший отблески пламени на мебель из красного дерева. Некоторое время Николя любовался стенами, затянутыми хлопчатобумажным сиамезом с рисунком, изображавшим пагоды, напомнившие ему ткань, виденную им в Париже в лавке на улице Руль, где торговали модными китайскими штучками. Количество развешанных на стенах гравюр в рамках, изображавших либо сцены из сельской жизни, либо морские сражения, поразило его. Одевшись во все чистое, он прошел в гостиную, где на ломберном столике уже стояли чайник, масло, хлеб и несколько горшочков с вареньем. Хлеб поразил и одновременно разочаровал его. Нежный, белый, мягкий, из муки тончайшего помола, он оказался безвкусным и без хрустящей корочки. Когда часы над камином пробили шесть, на лестнице раздался шум шагов. Гостья поднималась без доклада и, если судить по громкому и тяжелому топоту, заставлявшему жалобно скрипеть паркет на лестничной площадке, она вряд ли принадлежала к прекрасному полу.

Наконец дверь бесшумно отворилась, и в гостиную вплыл ворох тканей, напоминавший небольшую башенку; жеманный пропитый голос произнес:

— Шарль Женевьева Луи Огюст Андре Тимоте де Бомон, девица д'Эон желает говорить с маркизом де Ранрей.

Вторжение без доклада, равно как и представление в третьем лице и весьма двусмысленное перечисление собственных имен, показались Николя неподобающими, и он несколько растерялся, не зная как вести себя с щеголем-андрогином. Обилие воланов, оборок и пышных драпировок делали вид д'Эона совершенно неестественным, не позволяя рассмотреть ни фигуру его, ни черты лица. Не ожидая ответа, пришелица удобно устроилась в кресле-бержер и обеими руками, затянутыми в шелковые перчатки, энергично прихлопнула оборки своего серого платья с широкими рукавами из валансьенских кружев. На корсаже, застегнутом на все пуговицы до самой шеи, закрытой широкой черной лентой, Николя увидел красную розетку креста Святого Людовика, означавшую, что сия воительница совершала подвиги под командованием маршала де Брольи. Лицо с нанесенным на него толстым слоем грима напомнило комиссару комедиантов, специально накладывающих яркий грим перед выходом на сцену, отчего черты их лиц становятся резкими и грубыми. На голове набеленной и нарумяненной особы возвышался трубообразный кружевной чепец. Повертевшись в кресле, д'Эон, нашел наконец удобное для себя положение и вытянул ноги, обутые в сапоги, какие обычно носят драгунские офицеры; впрочем, манеры его также мало пристали лицу женского пола.

— Не хотите ли чаю? — предложил Николя.

— Нет. Меня больше привлекают более крепкие напитки, но сейчас не место и не время для них. Честно говоря, мы с вами, вы и я, оказались в середке огромного клубка интриг, о которых, полагаю, мне незачем распространяться. Поэтому перейдем сразу к сути. Мне поручили ввести вас в курс здешних дел.

— Уверяю вас, господин де Сартин провел со мной подробный инструктаж.

— Вас отправили в Лондон по двум важным причинам. Первая требует принятия срочных мер. Речь идет о спасении нескольких несчастных недоумков и их идиота начальника, попавших в западню наших английских друзей. До меня дошел слух, что вас наделили правами полномочного представителя. Следовательно, вам следует убеждать, но не позволять убедить себя, а главное, стать ловчее самого ловкого…

И он громко и нарочито усмехнулся.

— Вам предстоит сразиться с сильным противником. Я начал игру и сыграл первую партию — смею вас заверить, весьма непростую. Сегодня вечером у вас состоится встреча с представителем Уайт-холла, правда, место встречи мне неизвестно. В девять часов пополудни

за вами приедет фиакр. Будьте осторожны: я много лет вращаюсь в обществе этих людей: они хитры и умеют виртуозно маневрировать.

И он принялся пространно и утомительно рассуждать о лицемерии англичан, время от времени прерывая свои тяжеловесные фразы саркастическими шуточками, грубыми и дурного вкуса.

— Короче, — заключил шевалье, — они будут с вами предельно холодны и вежливы, но никогда не дадут понять, что они думают на самом деле. Наши люди, ну, те несчастные, которых послал Эгийон, сейчас пребывают в комиссариате на Боу-стрит под двойным надзором — полиции, устроившей пародию на правосудие, и самой что ни на есть гнусной черни. Впрочем, здешняя чернь всегда готова устроить какую-нибудь пакость французам, причем при совершеннейшем попустительстве местных властей. В плену держат капитана Беранже, двух приставов и двух стражников. А теперь поговорим о Моранде.

— Вы хорошо его знаете? — спросил Николя.

Эон пошарил рукой за корсажем и поправил манишку.

— Каждый божий день этот мошенник забрасывает меня письмами, где назначает мне свидания. Я встречаюсь с ним, выслушиваю его и, не имея возможности согласиться, пытаюсь вразумить его. Должен сказать, до сих пор слова мои падали на неплодородную почву. Иначе говоря, я палил из пушки по воробьям. У него совсем нет чувств: отец его умер от горя, и он сделал все, чтобы отправить на виселицу собственную мать. Пробыв почти год под замком в обители Армантьера, он бежал в Англию, где и нашел удобное пристанище. Но, поверьте мне, его вздернут в Тайберне[28], и он станет благословлять своими короткими ножками лондонскую шваль, явившуюся полюбоваться, как его длинный и толстый язык вывалится у него изо рта и с него закапает яд.

— Что вы можете сказать о его характере?

— Он не получил должного воспитания, поэтому манеры у него дурные. Он в долгах, как в шелках, не знает, чего бы еще такое придумать, чтобы расплатиться с кредиторами. Ну, а в повседневной жизни это хороший муж и добрый отец. Его непомерное честолюбие и посредственные способности заставляют его копаться в грязи, и вольно или невольно нырять в нее с головой, не прислушиваясь ни к каким доводам. Он никогда не нападает в открытую, скорее жалит то тут, то там, словно пес, что бежит за вами и кусает вас за пятки…

Эон вытянул носок сапога и наклонился к нему, словно желая полюбоваться на свое отражение в начищенной до блеска коже.

— Он рассказал мне о похождениях мошенников, прибывших из Парижа убить его, — продолжал шевалье. — Я попытался внушить ему, что в этом повинен он сам. Я давно предупреждал его, что все неприятности, кои в любую минуту могут с ним случиться, он наживает на свою голову исключительно по собственной воле. Наконец я прямо предложил ему поискать других персонажей для своих статей, нежели нынешняя королевская любовница и ее предшественница, и на них упражнять свое мерзкое перо и изливать свой яд.

— И что он ответил?

— Увы, маркиз, он буквально облаял меня, словно бешеная собака. Не стану описывать подробности, вскоре вы сами во всем убедитесь. Прощаясь, он просил меня передать герцогу д'Эгийону и «всей его придворной клике», что ему наплевать и на них, и на их интриги, и на их клевретов. Мне удалось уговорить его подождать публиковать пасквиль, однако он не отказался от своих планов. Представляете, он накропал рассказец о коварных происках наших людей, и 11 января его напечатала «Морнинг Пост энд Дейли Адвертайзер». Стремясь привлечь на свою сторону правосудие, он хочет заставить его отомстить за причиненные ему неприятности. Я был вне себя, когда уходил от него и предупредил его несчастную жену, показавшуюся мне весьма обеспокоенной, дабы она предостерегла своего супруга от

неосмотрительных шагов, кои могут иметь бедственные последствия и для нее, и для их детишек.

— И вы считаете, что я смогу справиться с поставленной задачей? — усмехнулся Николя.

Хохотнув, шевалье звучно шлепнул себя по ляжкам.

— Как знать! Не отчаивайтесь. С птицей такого полета все возможно. К тому же другие тоже будут пытаться. Впрочем…

— Впрочем?

— Несмотря на неприглядный внешний вид, он отнюдь не сумасшедший. Хотя история с присланным отрядом французов и обеспокоила его, он предпочитает смеяться над этой жалкой эскападой. Поговорите с ним. Даже если вы не добьетесь результатов, по крайней мере, подготовите почву для дальнейшего наступления. Кроме того, мне поручили сообщить ему, что вы посланец короля, а не эмиссар герцога д'Эгийона, так что он об этом знает. У меня свои источники информации, у него — свои, и они иногда пересекаются. Кстати, маркиз, по слухам, за вами по пятам мчатся гончие, так что у вас есть основания снискать расположение Моранда! Но в Англии лисице иногда удается удрать от охотников. И я желаю вам того же. Кстати, вы вооружены?

— Да, шпага и пистолет.

— Если возникнет нужда, могу вас снабдить. У меня лучшие клинки во всем Лондоне. Вы знаете, что я был учеником Дюмоншеля и Руссо, лучших учителей фехтования в Париже?

И он гордо выпрямился во весь свой небольшой рост.

— Не доверяйте никому и ничему, — продолжал он. — Моранд будет с вами почтителен, но засыплет неудобоваримыми предложениями, не попадитесь на его удочку. Он игрок, азартный игрок, и сейчас ведет рискованную игру, которая поглощает все его мысли.

— Когда я смогу его увидеть?

— Завтра, разумеется. Госпожа Вильямс вам сообщит. Он намеревался принять вас у себя. Но это довольно опасно. Лучше я организую что-нибудь на нейтральной территории.

И он с затаенной жалостью посмотрел на Николя и сочувственно ему улыбнулся.

— Не рискуйте зря, страх иногда является прекрасным советчиком, и прислушаться к нему порой очень полезно. Нас, готовых бороться за интересы Его Величества, лучшего из королей и моего блистательного тайного покровителя, не так уж много…

Не сумев скрыть волнения, Николя изумленно взглянул на сидевшую перед ним загадочную личность.

— Ах! — воскликнул д'Эон, — я и забыл… Наше посольство сейчас увязло в некоем деле, коим мне тоже приходится заниматься, и я боюсь, как бы оно его не провалило. По возвращении из Лондона вы наверняка увидите короля. Передайте ему от меня, что господин Флинт, тот самый, что в 1736 году совершил путешествие в Китай, в 1759-м прошел по Великой Китайской стене, но не сумел попасть в Пекин, а потом долго сидел в китайской тюрьме, все еще размышляет над нашими предложениями. Он сообщил мне, что после того как он высадился на берег, английское судно водоизмещением в сто тонн и с экипажем в двенадцать человек, на котором он совершил свое плавание, словно растворилось.

— Я непременно все передам, — ответил Николя, пытаясь понять, о чем идет речь.

— Это еще не все, — молвил Эон. — Насколько я понял, сведения, собранные англичанами в Китае, крайне для нас важны. Но они утрачены — за исключением тех, что сохранились в голове господина Флинта, утверждающего, что он все запомнил, и прежде чем вернуться обратно на вышеупомянутом судне, досконально изучил те земли и моря.

— Но в чем суть ваших переговоров? — спросил Николя. — Простите, если мои вопросы кажутся вам излишне назойливыми.

— Мы должны оградить его и его семью от неприятностей, которые наверняка случатся, если узнают, что он согласился на переговоры с нами. А если мы не сумеем ему помочь, и его все же отправят в ссылку, нам надо компенсировать нанесенный ему ущерб. Лорды из Адмиралтейства глаз с него не спускают. В свою последнюю встречу с королем я намекнул Его Величеству, что такому великому государю, как наш, и такому просвещенному правительству, как наше, просто необходимо брать под свое крыло людей, обладающих выдающимися способностями и обширными познаниями. Я напомнил о временах Кольбера, когда мы искали таланты у всех народов и вознаграждали их соразмерно. Видите ли, мой дорогой, именно выдающиеся личности, окружающие трон, прославляют имя монарха для потомков, а не разные там заморанды и заморандочки. Маркиз, я вас приветствую и еще раз напоминаю: будьте осторожны. Берегите себя.

— Мадемуазель, — произнес Николя, — я крайне признателен вам за заботу; события последних дней убеждают меня последовать вашему совету.

Мадемуазель-шевалье протянула ему руку, и комиссар ощутил крепкое рукопожатие; затем широким торопливым шагом она удалилась.

За время беседы отношение Николя к Эону изменилось. Искренний тон, с каким он говорил о короле и славе государства, взволновали его. Хотя он точно знал, что Эон шантажировал своего повелителя с помощью неких документов, служивших ему охранной грамотой. Однако баланс оказался в пользу шевалье — или мадемуазель-шевалье, во что, впрочем, Николя так и не смог поверить. Думая о своей миссии, комиссар понимал, что судьба в любой момент может загнать его в ловушку. Слова д'Эона лишь подтвердили сложность стоящей перед ним задачи, где интересы государства и интриги частных лиц переплелись так тесно, что распутать их непросто.

Предстоящая беседа также не внушала ему доверия: англичане наверняка попытаются его обмануть. Ведь заманили же они в ловушку отряд капитана Беранже! А предстоящие переговоры с Морандом и вовсе обескураживали его. Как добиться согласия от столь порочного субъекта, если он и в самом деле таков, каким его описал Эон? Чего ожидать от человека, не имеющего ни совести, ни принципов? Какие рычаги использовать, чтобы повернуть его в сторону, желательную королю? Как, чередуя соблазны и угрозы, разрушить оборону противника, основанную на лжи и клевете?

Подводя итог беседе с Эоном, Николя с тревогой огляделся вокруг: он запомнил многократные предупреждения, высказанные ему шевалье, хотя они и были столь же двойственны, как и его посетитель. Или все же посетительница? Он не сомневался: кто-то жаждет убить его; вопрос в том, откуда исходят удары, и один ли конец у этой загадочной цепи событий. Он решил во всех подробностях вспомнить вечер 6 января, когда сцена ревности, больше похожая на супружескую ссору, нарушила мерное течение его судьбы и привела к ужасной гибели Жюли де Ластерье, а его самого опутала сетями подозрений и пустила по его следу неведомых убийц. И он вновь с горечью подумал о двусмысленной роли, сыгранной при нем Жюли.

Часы пробили половину седьмого. Появившийся слуга убрал со столика чайную посуду и поставил на ее место столовый прибор. Николя, ожидавший совсем другого визитера, уже вздохнул с облегчением, как в комнату, словно огромный крейсерский корабль, с возмущенным видом вплыла госпожа Вильямс.

— Сударь, какой-то человек утверждает, что вы обязаны принять его. Я сказала ему, что вас нет дома. Однако он настаивает, заявляя, что вы должны были с ним встретиться в девять часов, но он желает перенести час свидания.

— Как он выглядит? — спросил Николя.

— Как приличный джентльмен! А как же иначе?

— Хорошо, я приму его. Будьте столь любезны и пригласите его подняться, а также велите принести нам два стакана и какой-нибудь напиток, который принято пить в Англии перед обедом.

С недоумевающим видом почтенная дама выплыла из гостиной и вскоре вернулась в сопровождении низенького человечка лет шестидесяти, с выпирающим брюшком, без парика, с лысой макушкой, обрамленной венчиком коротких седых волос. Бледное лицо с кустистыми серповидными бровями, острый красный нос, длинная шея, окутанная тонким кружевом галстука, волнами ниспадавшего на отвороты зеленого фрака, обтягивавшего бесформенное туловище. Безупречно белые казимировые панталоны и черные шелковые чулки; башмаки с серебряными пряжками. Встав на цыпочки, человечек схватил двумя пальцами лорнет, висевший на черной ленте, и, окинув одобрительным взором комнату и обстановку, принялся лорнировать Николя. Не дожидаясь приглашения, он уселся напротив комиссара и, уставившись на него в упор, заговорил с выговором, характерным для английских аристократов.

— Господин маркиз, — без всякого вступления начал он, — а вы задумывались над тем, приятно ли нам встречаться с вами?

Николя не собирался сразу сдавать партию.

— Прежде всего, — начал он, — я хотел бы знать, с кем имею честь? Ибо если вы, похоже, знаете меня, то я не имею удовольствия знать вас.

— Я лорд Эшбьюри, Роберт Эшбьюри. Сегодня вечером вас должны были привезти ко мне, но я решил приблизить час нашего свидания. Мне, знаете ли, не хочется, чтобы столь славный посланец, как вы, исполнял бы неприятные для него обязанности. Добавлю, я не высоко оцениваю те развлечения, кои наш друг для нас приготовил.

На протяжении всей речи лорд, не переставая, покачивал лорнетом. Поднявшись с кресла, Николя направился к камину; помешивая угли и усмехаясь про себя, он подумал, что именно так всегда поступал Сартин, когда во время беседы хотел выкроить время для размышлений. От едкого дыма у него запершило в горле, и он закашлялся. Все же он выиграл несколько секунд, позволивших ему совладать с нараставшим раздражением.

— Милорд, имеются ли у вас бумаги, удостоверяющие, что вы на самом деле являетесь тем, за кого себя выдаете?

Гость расхохотался.

— Господин комиссар, вам придется поверить мне на слово. Я же не требую у вас писем, удостоверяющих ваши полномочия и подписанных вашим государем, кои, без сомнения, у вас имеются и…

И он пальцем указал на грудь Николя.

— …греют вам душу, Запомните, подобного рода дела делаются на доверии — или на недоверии, как вам будет угодно.

Вошла госпожа Вильямс с бутылкой ароматной жидкости и двумя стаканами и поставила принесенное на ломберный столик. Лорд Эшбьюри немедленно наполнил свой стакан, отхлебнул изрядный глоток и прищелкнул языком от удовольствия, что в представлении Николя никак не вязалось с английскими аристократическими манерами.

— Чудесный шерри! У вас отличный поставщик!

Удобно устроившись в кресле, он, насмешливо качая головой, произнес:

— Итак, господин полномочный представитель, что вы хотите мне сказать?

— Не стану ходить вокруг да около, — ответил Николя. — Лорд Стормонт, ваш посол в Париже заверил нас, что французская полицейская миссия, направленная на Британские острова для пресечения вредоносной деятельности господина Моранда, дерзающего

распространять непристойную клевету на Его Величество и тех, кто ему дорог, может действовать беспрепятственно.

— Вы, видимо, хотели сказать, ту, кто ему дорог.

Николя решил не поддаваться на провокацию.

— Но что мы видим? Миссия, направленная с согласия посла и, добавлю от себя, действующая весьма деликатно, с первых же шагов натолкнулась на непреодолимые препятствия и потерпела фиаско. Участников ее признали нарушителями законности, напустили на них чернь, и в результате наши люди оказались в тюрьме, где им грозит опасность стать жертвами вашего правосудия. Обязательства, взятые на себя вашим правительством, не выполнены, однако нам не хочется, чтобы это дело необратимым образом испортило отношения между нашими странами, вот уже одиннадцать лет пребывающими в состоянии мира. Поэтому мы хотели бы убрать stumbling block, как говорят у вас, или камень преткновения, как говорят у нас.

— Ваше знание нашего языка заслуживает большей похвалы, нежели ваша аргументация, — улыбнулся лорд Эшбьюри. — Я мог бы согласиться с вашими доводами, сударь, если бы ваши эмиссары соблюдали осторожность и потребную в деликатных делах ловкость, равно как и английские законы.

Надув щеки, он шумно выпустил воздух и вновь вздохнул полной грудью.

— А что мы имеем на деле? Жалкая группа людей почему-то доверяется какой-то Годвиль, француженке, давно забывшей, что значит честь. Таких женщин, вы, кажется, называете шлюхами. Полагаю, я правильно употребил это слово? Так вот, ее стараниями о секретной миссии растрезвонили повсюду, чего, прошу вас отметить, мы совершенно не хотели. Ваши люди повстречались с вышеуказанным памфлетистом, и в результате тот выкачал из каждого из них по тридцать луидоров, а потом поднял шум, обвинив ваших переговорщиков — если, конечно, подобное определение подходит к этому стаду — в том, что они гнусным образом попирают свободу. И справедливый, честный и преданный своим свободам английский народ возмутился и выступил в защиту журналиста. Моранд заклеймил их в нашей прессе, коя, как вам известно, также совершенно свободна. Гостиницу, где проживали ваши люди, осадили, одного из ваших поймали, вываляли в смоле и бросили в Темзу, откуда его выловила наша полиция и поместила в приют для умалишенных. Остальных отдали в руки правосудию, кое их защищает, но будет судить, в случае, если обвинения, выдвинутые против них, подтвердятся.

— Какими бы неловкими ни оказались наши люди, — произнес Николя, с трудом заставив себя проглотить надменный тон собеседника, — согласно договоренности ваше правительство обещало оказать им содействие, на деле же воспрепятствовало им, а теперь и вовсе удерживает их под стражей.

— Договоренности были бы выполнены, если бы все шло шито-крыто, без публичного оскорбления прав и обычаев английского народа. Поэтому смиритесь и вооружитесь терпением: если их не повесят, через несколько лет вы сможете увезти их обратно.

Он налил себе еще стакан шерри, после которого щеки его обрели цвет пламени. Николя размышлял. Наконец он встал:

— Милорд, — произнес он, — боюсь, нам с вами больше не о чем говорить. Я сообщу своему повелителю о провале миссии, кою ваше посольство в Париже обещало поддержать. Без сомнения, сей результат обрадует тех, кто в моей стране, видя ваши трудности, имеет твердое намерение ими воспользоваться. Фортуна переменчива. После такого оскорбления сторонник поддержания мира между нашими странами, герцог д'Эгийон, может изменить направление своей политики. А господин де Шуазель, как вам известно, мечтает вернуться к делам, дабы взять реванш, и, будьте уверены, он не замедлит использовать это дело в качестве предлога.

Лорд Эшбьюри покраснел от такого оскорбления.

— Трудности моей страны? Что вы хотите этим сказать?

— Я читаю вашу свободную прессу. В ней полно статей, рассказывающих о ваших затруднениях в Индии и в американских колониях.

Почувствовав, что собеседник не сумел отбить удар, Николя мысленно поздравил себя с тем, что внимательнейшим образом изучил документы, присланные ему Сартином.

— Так вы полагаете…

— Я ничего не полагаю, но как полномочный представитель утверждаю и заявляю, что вы отказались надлежащим образом урегулировать сей прискорбный инцидент, коего не произошло бы, будь столь одиозный субъект как господин Моранд поставлен в такие условия, в каких он не смог бы чинить нам вред. В вашей же стране он не только нашел убежище, но и поддержку и опору. Поэтому…

— Достаточно, господин маркиз, за вас говорит юношеский задор; вам необходимо приобрести флегматичность, здесь это наипервейшая добродетель. Прошу вас, садитесь.

Деваться некуда, и Николя неохотно подчинился.

— Правительство его всемилостивейшего величества, — продолжил лорд Эшбьюри, — не хочет превращать эту историю в casus belli[29]. Мы попробуем обойти нерушимые права нашего народа, свободу нашей прессы и независимость наших судебных инстанций. Через два дня, в шесть утра, можете забирать ваших недоумков; советую посадить их на тот самый корабль, который доставил их к нам. Инцидент исчерпан. Прощайте, сударь: уверен, больше мы с вами не встретимся.

Глядя, как, натужно улыбаясь, лорд Эшбьюри нервно приглаживает венчик своих седых волос, Николя заподозрил, что лорд сам выщипал часть собственной шевелюры. Похоже, англичанин действительно испугался, что заурядная история может стать началом кризиса в отношениях между странами. Ведь этот случай затрагивал честь обеих наций; если брызги грязи запятнают подножие трона Франции, найти приемлемое решение станет невозможно. Игра не стоила свеч. Но не исключено, что Лондон хотел получить что-либо взамен, и причину неожиданной уступчивости лорда Эшбьюри следовало искать в этом направлении.

Англичанин встал.

— Господин маркиз, господин комиссар, господин полномочный представитель, вы столь же разносторонни и неоднозначны, как и ваша кавалерственная дама. Засим я вас покидаю.

Не удосужившись протянуть Николя руку, он направился к двери. Неожиданно он остановился, обернулся и, вскинув лорнет, произнес:

— Главное, не задерживайтесь в Лондоне. Мои соотечественники зачастую мстительны и жестоки. Мне, например, известно, что неведомые заказчики назначили цену за вашу голову. Вопрос в том, кто даст больше. God save the commissioner[30]. Прощайте.

Лорд Эшбьюри засеменил к выходу. При его приближении дверь распахнулась, убеждая Николя, что госпожа Вильямс подслушивала их беседу. Ощутив приступ дурноты, он взял себя в руки и, поразмыслив, с грустью признал, что для неведомого ему мира дипломатических интриг он слишком простодушен и неопытен. Получается, англичанка является осведомителем французского шпиона (по крайней мере, считающегося таковым), который, в свою очередь, имеет некие отношения с английской секретной службой. Каким образом дама справлялась со своими непростыми обязанностями и на чем основано расположение к ней Эона, похоже, действительно ей доверявшего? Подводя итог своим печальным размышлениям, Николя пришел к выводу, что, видимо, и друзья его, и враги знали о грозящей ему опасности. Враг по-прежнему невидим, а опасность подстерегает повсюду и, скорее всего, появится там, где он менее всего ее ждет.

Ростбиф в сопровождении пудинга и бутылки превосходного бордо помогли развеять мрачные мысли. К концу ужина слуга с величайшим почтением водрузил на стол запыленную бутылку. Словно отвечая на вопросительный взор Николя, он объявил, что сие бесценное вино прибыло из Португалии, а потому называется порто, или портвейн; его принято подавать в конце трапезы и исключительно мужчинам. Светлая насыщенная жидкость отливала то малиновым, то янтарным блеском, в зависимости от мерцания свечей. Ощущать во рту сей нектар доставляло неизъяснимое удовольствие, пить — истинное наслаждение; его бархатистый вкус приятно согревал грудь. Орехи и ломтики сушеного сыра подчеркивали удивительные свойства напитка. Николя доставил себе удовольствие и опустошил бутылку, отложив на завтра распутывание клубка гипотез, гнездившихся в его голове.

Понедельник, 17 января 1774 года

Проснувшись с рассветом, Николя решил немного понежиться в постели, однако аппетитный запах побудил его встать. На столике рядом с поджаренным беконом он нашел своеобычную чашку с чаем. Едва он успел привести себя в порядок, как появилась госпожа Вильямс и доложила, что фиакр, который отвезет его в город, в указанное место, уже прибыл. И, сделав паузу, предупредила, чтобы он ничему не удивлялся, а особенно предпринятым для всеобщей безопасности предосторожностям, ибо цель его поездки — встреча «с известным ему лицом». Кучер объяснит ему, что нужно делать, он же должен понимать, что все делается для сохранения в тайне его демарша.

У дверей действительно ждал фиакр; как только он сел в него, лошадь рванулась с места. Движение по улицам Лондона оказалось столь же затруднительно, как и по улицам Парижа. Не сумев обнаружить ничего подозрительного, он положился на неведомых английских помощников, на меры, принятые Эоном, и на судьбу. Через полчаса экипаж остановился. Кучер неспешно спустился с облучка и пригласил Николя зайти в лавку парикмахера. Длинный ряд самых различных париков наверняка бы разжег вожделение Сартина. Молодая девушка взяла его за руку, завела за прилавок из черного дерева, обитый но углам полированной медью, и направилась в темный коридор, пригласив его следовать за собой. Он не заметил, кто открыл дверь, только почувствовал на лице освежающий ветерок, а под ногами каменистую почву. Наконец показался свет; открылась вторая дверь, и девушка передала его на попечение поджидавшего их мальчишки; лицо юного англичанина наполовину скрывал шерстяной колпак, явно рассчитанный на большую голову. Мальчишка схватил его за рукав и подвел к другому фиакру, где на козлах сидел незнакомый ему кучер.

С четверть часа экипаж петлял по улицам и наконец остановился. Дверца открылась, кучер попросил его выйти и направиться в церковь, названную им «Часовня королевы». Вложив в руку Николя католический молитвенник на французском языке, он прибавил, что раз господин знает свой адрес, то обратно он доберется собственными силами. Человек же, которого он разыскивает, сам подойдет к нему и предложит рассказать историю часовни, так что ему незачем обращаться с вопросами к кому бы то ни было.

Часовня поражала не столько своими размерами, сколько на удивление гармоничными пропорциями и резным кессонным потолком. Приблизившись к алтарю, Николя почувствовал, как кто-то возник у него за спиной. Обернувшись, он увидел мужчину среднего роста, закутанного в плащ с высоким воротником, в парике и с треуголкой в руках; на полном невыразительном лице сверкали нескромные бегающие глазки.

— Быть может, — начал по-французски незнакомец, — сударь желает узнать историю сей церкви?

Незнакомец взял молитвенник из рук Николя, открыл, словно что-то проверяя, а затем сунул к себе в карман.

— Охотно, — ответил Николя.

— Архитектор Иниго Джонс построил ее в 1627 году для принцессы Генриетты Французской, супруги Карла I. Советую вам обратить внимание на резной алтарь работы Аннибале Карраччи. Я удовлетворил ваше любопытство?

— Сударь, — произнес Николя, — вы знаете, кто я и кто меня к вам направил. Меня уполномочили предложить вам заключить выгодное для обеих сторон соглашение, дабы положить конец предосудительному для всех, и, первую очередь для вас, положению и свести все дело к досадному недоразумению.

— Однако не слишком ли вы скоры в своих суждениях — недовольно заметил незнакомец. — Хорошенькое недоразумение! Сначала подсылают ко мне наемных убийц, а потом хотят, чтобы я согласился на их предложения! Я намерен мстить, слово Моранда. И я буду жаловаться и добьюсь, чтобы мой голос жертвы деспотизма был услышан!

Неожиданно успокоившись, он произнес совершенно иным, сиропным тоном:

— Я ничего не имею против вас. Приходите, я познакомлю вас с женой и чадами. Прошу вас смиренно ко мне откушать заливное из головизны презентованного мне осетра, вкусом своим превосходящего все имеющиеся во Франции сорта рыб; к заливному прилагаются жареные устрицы. Что вы на это скажете? Есть чем порадовать даже самый изысканный желудок. Моя жена очень больна, она подвержена кровотечениям. Пожалейте ее, будьте умницей.

— В моем лице вы найдете человека, всячески желающего вам помочь, — ответил Николя. — Я проделал этот путь именно потому, что имею возможность предложить вам решение, кое, как мне кажется, удовлетворит обе заинтересованные стороны.

— Нет, — отозвался Моранд, — для переговоров вы прибыли слишком поздно. На меня нападают, и я отвечаю, отвечаю тем же…

Он топнул каблуком по полу.

— Я разговаривал с законниками, и готов подробнейшим образом рассказать — дабы затем опубликовать — историю мерзавцев из парижской полиции, которых Эгийон послал сюда, чтобы похитить меня или убить.

— Сударь, — промолвил Николя, — обвинять легко, но вы сами навлекаете на свою голову неприятности. Отчего бы вам не найти иное занятие, нежели чернить репутации известных лиц, до которых вам, в сущности, нет никакого дела?

— А о чем мне прикажете писать? Черт побери, докажите мне, что для зарабатывания денег можно найти лучший сюжет, нежели придворные шлюхи? Пиши я пьесы или романы, никто бы не стал меня ни читать, ни публиковать! А так я пишу о том, о чем знаю только я, а потому я твердо уверен, что найду и покупателей, и читателей во всей Европе. Субъекты, сидящие в Версале, ну, те, которые вас прислали, подсылают ко мне убийц. Мне наплевать на яд и на кинжал, ведь если я умру от одного из этих смертоносных орудий, значит, меня не повесят и весь позор падет на организаторов моего убийства.

Вцепившись в запале в плащ Николя, он затряс его, заскрипел зубами, и на губах его выступила пена.

— Но, сударь, — стал успокаивать его Николя, — я вам не угрожаю, напротив, я предлагаю вам достойный способ покончить с этим делом, снабдив вас средствами, дабы вы смогли кормить и лелеять вашу семью, позабыв о муках, вас терзающих. Я протягиваю вам руку помощи, а вы отказываетесь выслушать меня! Примите мои предложения и уничтожьте предосудительные листки, заставляющие проливать слезы женщину, чье нежное сердце всегда

смягчается при виде чужих несчастий… женщину, не раз доказавшую, что на великодушие она отвечает состраданием.

Николя показалось, что его сентиментальное вступление растрогало Моранда, и тот заколебался. Памфлетист долго мял треуголку, однако гордыня взяла верх.

— Я хочу подвергнуть их публичному наказанию! Я выставлю их на суд общественного мнения! О, вы не знаете, что такое английский суд! Беранже и его приставы попали в лапы здешних судейских и теперь сидят под замком на Боу-стрит. Я раздавлю этих мерзких гадюк, приплывших с континента, а вместе с ними и весь гадюшник, именуемый версальским двором! А вас я приглашаю воспользоваться моим гостеприимством, дабы вы по справедливости оценили мой вкус.

С тяжелым сердцем Николя отвесил ему поклон и вышел из часовни. Холодный воздух взбодрил его, и он решил пойти куда глаза глядят и взять экипаж, только когда устанет. Как и предсказывал Эон, охваченный неукротимой ненавистью памфлетист не уступил. Но, может, он сумел хотя бы поколебать его позиции? Поглощенный своими мыслями, он с размаху налетел на женщину в ярком алом платье и короткой накидке из кроличьего меха. Она воскликнула по-французски.

— Ох, ну, иди же ко мне, красавчик! Наконец-то мне попался не урод!

Внезапно на ее размалеванном лице появилось выражение крайнего удивления.

— Глазам своим не верю: это же господин Николя! Вот уж кого я в последнюю очередь ожидала встретить в Лондоне! Ты помнишь, кто я? Помнишь Президентшу, подругу Сатин, из заведения «Коронованный дельфин»?

Под толстым слоем белил и красок он наконец узнал девицу, работавшую некогда в галантном доме на улице Сент-Оноре.

— Разумеется, узнал! Что ты тут делаешь, красавица?

— Воспользовавшись тем, что наши страны заключили мир, я в 1770-м перебралась за Ла Манш. Француженки тут пользуются большим спросом. Ты можешь повстречать целые толпы наших соотечественниц из веселых заведений. Здесь все проще, да и полиция не сует нос тебе в задницу. Местные пивнушки служат нам будуаром, их задние комнатушки — альковами. Никто ни от кого не прячется, списки девочек свободно ходят по рукам. В списках указаны адреса и самые пикантные подробности об их росте, фигуре, ну, и о талантах, что их прославили. А с прибытием новой партии девочек списочек обновляется.

И она заговорщически ему подмигнула.

— Значит, местная полиция кажется тебе более снисходительной, — усмехнулся Николя.

— Разумеется, она не лучше, но от нее проще откупиться, конечно, если речь не идет о баньос. А флики, знаешь ли, они повсюду одинаковы. Прости, Николя.

— Я не обижаюсь. А что это за баньос?

— Такие специальные места, где устраивают галантные вечеринки. Содержательницы этих помещений не терпят шума и скандалов. Впрочем, те, кто пытается обижать девочек, имеют большие неприятности.

— Так ты счастлива в Лондоне?

— О! Я скучаю по Парижу, но здесь всегда есть работа для неленивых девочек. Я потихоньку коплю денежки, чтобы вернуться в предместье Сен-Марсель и открыть собственную лавочку; я пока еще в цене, но ведь мне уже немало лет. А как дела у Сатин?

— Хорошо. Она унаследовала место Полетты.

— О-ля-ля, вот это новость! Очаровательная Сатин на месте мамаши-сводницы! Никогда бы не подумала. А вы с ней все еще крутите шуры-муры?

Николя не ответил.

— Да что я спрашиваю, — продолжала она, — вы ж связаны с ней по жизни. А как дела у твоего сына?

— Моего сына?

— Ну да, у малыша Луи. Вылитый твой портрет. Уж этого ты не можешь отрицать.

Николя ощутил, как ледяная волна захлестнула его с головой, и он, чтобы не упасть от ее натиска, прислонился к стене. Кровь отхлынула от лица, и он так побледнел, что это заметила даже Президентша.

— Ох! Ну, не дура ли я? А все мой длинный язык! Да ты белый, словно покойник. Вот незадача, и кто меня за язык тянул? Ты же ничего не знаешь! Ах, я старая ослица… Она ж приказывала мне молчать. Я смылась в Англию, и она решила, что больше никогда меня не увидит.

Сорвавшись с места, Николя быстро зашагал вперед, и через несколько мгновений ошеломленная девица осталась далеко позади. Он шел, не разбирая дороги, и лихорадочно соображал. Когда в 1761 году Сатин сообщила ему о ребенке, он с тревогой спросил, не его ли это малыш. Он прекрасно об этом помнил, ее ответ по-прежнему звучал у него в ушах: «Ты очень осторожный, Николя. Я все подсчитала. К тому времени мы с тобой давно не встречались». Он поверил ей на слово, а ее смущение отнес на счет застенчивости и стыдливости. Он вел себя как последний дурак. В следующее мгновение он принялся убеждать себя, что этого не может быть, что Президентша все выдумала или просто пересказала очередные сплетни: пансионерки веселых домов всегда любили почесать языки. Когда он вернется в Париж, он прояснит эту новую загадку, а пока надо выбросить ее из головы.

Бродя по лондонским улицам, он убеждался, что они столь же грязные, как и парижские, хотя уборщики постоянно собирали мусор в большие тяжелые тачки и увозили его. Вечный туман вперемешку с дымом от каменного угля, единственного топлива, используемого как для приготовления пищи, так и для отопления, затруднял дыхание и затмевал солнце. Вскоре Николя взял фиакр, и тот быстро доставил его на Беркли-сквер, где госпожа Вильямс встретила его с таким удивленным видом, словно не ожидала его возвращения. Она передала ему запечатанный конверт, без гербов и подписи, где высоким наклонным почерком было написано, что его протеже выпустят сегодня вечером, а посему он обязан явиться в полицейский участок на Боу-стрит ровно в пять часов. Его и отпущенных на свободу французов немедленно препроводят на набережную Темзы, откуда баркас доставит их на борт французского корабля. Поднявшись к себе, Николя собрал чемодан и вручил несколько гиней ошеломленному слуге и госпоже Вильямс, долго жеманившейся, прежде чем принять их. Но благодаря своему обаянию комиссар сумел смягчить даже ее суровый прав; постепенно ее недовольный вид сменился приветливой улыбкой, и она угостила Николя еще теплым пирогом с изюмом и индийскими пряностями, ароматы которых немедленно наполнили дом. Расстались они добрыми друзьями.

Прием, оказанный английскими властями, возмутил Николя. Какой-то чиновник с бегающими глазками долго объяснял ему, как следует производить процедуру передачи задержанных, и настаивал на том, чтобы полицейская карета подъехала как можно ближе к крыльцу, дабы французы незаметно сели в нее, не успев пробудить гнев враждебно настроенной толпы, окружавшей участок. Но уже при подъезде Николя столкнулся с озлобленной, разъяренной массой портовой и уличной черни. Его появление вызвало бурю брани и проклятий, и он с трудом увернулся от пущенных в него комьев грязи.

Он нашел своих соотечественников в затхлой камере, истощенных, больных, в лохмотьях, заросших давно небритой щетиной. Капитана Беранже била дрожь, он плохо соображал, и Николя подумал, что подобным людям нельзя доверять деликатные поручения. Он стал вспоминать, что говорил ему Сартин об этом офицере, получившем в определенных кругах прозвище порочный фанфарон. Кажется, Беранже всегда был готов рискнуть всем, ибо терять

ему было нечего, а следовательно, ради солидного вознаграждения он без раздумий соглашался на все. Распластавшись на земле, один из приставов бредил, другой, увидев Николя, зарыдал, и все они, обнимая его колени, наперебой умоляли его вызволить их отсюда.

Бесшумно покинуть полицейский участок не удалось. Ненависть черни к французам оказалась поистине безграничной, и на карету обрушился град камней и комьев грязи. Николя подумал, что этот инцидент наверняка дурно отразится на отношениях между обоими королевствами. Отказавшись сесть в отдельный фиакр, он, несмотря на риск потерять свой багаж, втиснулся вместе с бывшими узниками. Прибыв на набережную, кучер, ехавший впереди, с улыбкой протянул Николя его чемодан. Сердечно поблагодарив помощника д'Эона, он протянул ему гинею, но тот от денег отказался, зато с радостью пожал протянутую Николя руку. Откуда такое бескорыстие? Почему англичанин проявил к нему столько заботы и симпатии? Но времени для размышлений не осталось, и Николя прыгнул в шлюпку.

Опасаясь пропустить прилив, владелец приземистого рыбачьего судна приказал немедленно готовиться к отплытию.

Попутный ветер сопровождал их до самого Кале. На протяжении всего перехода Николя пришлось слушать бессвязные рассказы полицейских, прерываемые криками несчастного безумца. Постаревший и обогащенный опытом причастности к закулисным политическим интригам, комиссар Ле Флок ранним утром ступил на французский берег. Мысль о том, что он, возможно, является отцом четырнадцатилетнего мальчика, носившего имя его отца, маркиза Луи де Ранрея, и также имя его повелителя, короля Франции, не давала ему покоя. Сдав неудачников-полицейских на руки их портовым собратьям, он отправился на почтовую станцию, потребовал лучшего коня, и, пришпорив скакуна, помчался в Париж, куда ему хотелось добраться как можно скорее.

VII
С НОГ НА ГОЛОВУ

Мы любим ложь с безумным пылом,

А к правде — льда мы холодней.

Лафонтен (Пер. О. Чюминой)

Вторник, 18 января 1774 года

Возвращение в Париж превратилось для Николя в настоящий кошмар. Лошади, которых он менял на почтовых станциях, обладали столь разными темпераментами, что он дважды вылетал из седла на дорогу, покрытую смесью жидкой грязи и ледяной крошки. Впрочем, коней он не винил, тем более что он всегда обходился с ними ласково и умел договориться с любой лошадью. Но из-за непрерывной череды дождей и туманов тракт превратился в призрачную тропу, скользкую и отливавшую льдистым блеском, слепившим уставшие глаза лошадей, и, те, испуганные, поскальзывались на замерзших лужах. Он останавливался только для того, чтобы слегка перекусить и поменять коня, и вновь пускался в дорогу, не думая ни о чем, отбросив все страхи, и сосредоточившись на одной только мысли — поскорее прибыть в столицу.

И вот в субботу утром он, добравшись до цели, свалился с коня во дворе дома на улице Монмартр, и мальчишки-подмастерья на руках отнесли его к нему в комнату. После долгих часов, проведенных в седле, он едва мог пошевелиться. Увидев, в каком он состоянии, все домочадцы пришли в движение: Чтобы стащить с него сапоги, Пуатвену пришлось их разрезать. Марион раздула огонь и поставила кипятить воду, а Катрина, бывшая маркитантка, много чего повидавшая на полях сражений, раздела его и, словно коня, обтерла жгутом, смоченным в шнапсе, а затем растерла одной только ей известной мазью, от которой по телу разлилось приятное тепло. Потом он заснул и, проспав двое суток, проснулся в понедельник

утром. Чувствуя себя полностью отдохнувшим, он, голый по пояс, промчался через кухню, выскочил во двор, быстрыми движениями привел в действие насос и долго стоял под струей холодной воды, распевая во все горло. Произведя на кухне подлинное опустошение, он успел беззлобно поддразнить пришедших в смятение Марион и Катрину и поболтать о пустяках с господином де Ноблекуром. Его переполнял восторг блудного сына, вернувшегося домой, где его встретили с распростертыми объятиями, и он решил отложить разговор о серьезных вещах на потом. Чисто выбритый, причесанный и в свежей одежде, он пешком отправился в Шатле, где, как он знал, в этот час всегда можно застать Бурдо. В нем пробудилась жажда жизни, желание наслаждаться каждым ее часом; возрождение свершилось.

Знакомые очертания королевской тюрьмы напомнили ему о мрачной действительности: он по-прежнему пребывал главным подозреваемым в деле об ужасном убийстве. Его друзья не верили в его виновность, однако все сделано для того, чтобы подтвердить подозрения тех, кто в нее верил; а таковых насчитывалось немало. Он по-прежнему терялся в догадках, почему и кто пытался убить его. Долгие размышления привели его к выводу о существовании сговора загадочных и могущественных лиц, злоумышляющих на его честь и жизнь. Какой меркой Сартин, а главное, король, станут измерять весьма скромный успех его миссии в Лондоне? И, добавляя еще один мазок к удручающей картине, он снова обращал взор в прошлое, откуда явился неведомый ему ребенок, подросток, чье будущее, возможно, касается его самым непосредственным образом. Впрочем, это дело могло и подождать: четырнадцать лет молчания оправдывали его нынешнюю неторопливость.

Сидя в дежурной части, Бурдо водил пальцем по строчкам, изучая отчеты о ночных происшествиях. От этого занятия веяло повседневной рутиной; однако она приободрила Николя, особенно когда инспектор, заметив наконец его присутствие, вскочил и с радостным возгласом хлопнул его по плечу.

— Черт побери, как я рад вновь видеть нашего таинственного путешественника!

Николя смутился: он не знал, как объяснить свое отсутствие, в причины коего Бурдо предполагаемо не посвящали.

— Знаю, знаю, — продолжал Бурдо. — Государственные дела! Господин де Сартин ясно дал понять, что мне не следует засыпать вас вопросами. А слухи…

— Мне так вас не хватало! — с облегчением воскликнул Николя. — Придет время, и я все вам расскажу. А что нового здесь, у вас?

— Прически постепенно становятся все выше и выше, — с нарочитой важностью отвечал Бурдо. — Но, возможно, вас более заинтересуют слухи. Говорят, экипаж графини дю Барри заметили на северной дороге, там у графини состоялась встреча с неким маркизом-комиссаром… Когда об этом доложили генерал-лейтенанту, он утратил присущее ему хладнокровие, сорвал с головы парик и пообещал подвергнуть самым страшным пыткам болтунов — он употребил более выразительное слово, — ставящих под угрозу жизнь его лучшего комиссара. Вот почему я столь волновался, а теперь столь рад вашему появлению.

— Я тоже очень рад, Бурдо. Но, скажите, как далеко вы продвинулись в наших делах?

— Adagio ma non troppo[31]. Коротко и по порядку: primo, вы являетесь наследником госпожи Ластерье; secundo, анонимное письмо обвиняет вас в каком-то непонятном поступке; tertio, Казимира, чернокожего раба вашей подруги, подвергли допросу с пристрастием, но безрезультатно, и мне очень хочется узнать ваше мнение об этом допросе.

— Тогда давайте по порядку.

— Я выяснил имя нотариуса госпожи де Ластерье. Как вы и предполагали, он живет хотя и не в ее квартале, но поблизости. Это мэтр Тифен с улицы Арп, его дом стоит как раз напротив улицы Персе. Когда я предъявил ему приказ подвергнуть его допросу, он согласился вручить мне хранившееся в одном из многочисленных ящичков собственноручное завещание вашей подруги, согласно которому вы являетесь законным ее наследником.

Он взглянул на Николя, удрученно взиравшего в пол.

— Но это еще не самое плохое, есть новости и похуже! Завещание составлено за три дня до смерти.

— Где и как? Она сама пришла к нотариусу? Или пригласила его к себе на улицу Верней? И в каком состоянии была печать?

— Хорошие вопросы! Она никуда не ходила, свидетелей нет, а завещание доставил в контору неизвестный посыльный.

— А подпись?

— Их несколько, и все они, похоже, подлинные; во всяком случае, так утверждает эксперт из Дворца правосудия; красная печать тоже нетронута. Вы не хуже меня знаете, как легко ошибиться, когда речь идет о почерке. Честно говоря, никогда нельзя быть полностью уверенным. Возможно, документ подлинный, но не исключено, что и подложный. Во втором случае подозрения надают на вас, ибо вам это выгодно… Впрочем, в первом тоже.

Николя размышлял.

— Одной только подлинной подписи недостаточно, — произнес он. — Весь документ должен быть написан рукой завещателя, равно как и проставлена дата. Эти три условия требуются для признания завещания законным. В Парижский кутюм 1581 года Парижский парламент сумел внести ряд изменений и уничтожить прерогативы королевских нотариусов составлять данного рода документы. Во всяком случае, дорогой мой Пьер, я советую вам вплотную заняться этим нотариусом, чье имя я, давний парижанин, сегодня слышу впервые.

— Вы правильно определили уязвимое место, — ответил инспектор. — Этот Тифен только что принят в Гильдию нотариусов, и все до сих пор пребывают в удивлении, как ему удалось собрать необходимую сумму для покупки этой должности, внезапно оставленной семьей, владевшей ею на протяжении нескольких веков. Случаи оставления должности крайне редки, и в основном происходят по причине матримониальных союзов. Состоять в Гильдии нотариусов — нелегкий труд, требующий немалой житейской сметки. Но откуда вам это известно?

— Вы забываете, что когда-то меня прочили в нотариусы, и я работал помощником нотариуса в Ренне, пока меня не отправили в Париж.

Они расхохотались, и Бурдо спросил:

— Что вы мне в таком случае посоветуете?

— Хорошо бы поговорить с мэтром Бонтаном, деканом Гильдии нотариусов; он наверняка что-нибудь знает об этом Тифене. Мы устроим с ним встречу через Ноблекура; они одного возраста и, насколько мне известно, добрые друзья. А что за анонимное письмо, о котором вы мне говорили?

Бурдо открыл реестр и извлек грязный клочок бумаги, испещренный печатными буквами.

— Этот листок обнаружили в карете господина де Сартина. Написано печатными буквами, измененным почерком, на обычной бумаге, обычными чернилами. Ничего, за что можно зацепиться.

И он прочел послание вслух.

«Спросите у Николя Ле Флока, что он бросил в реку на углу моста Руаяль, напротив улицы Бон, в ночь с 6 на 7 января 1774 года. И да свершится правосудие!»

— Записка не имеет никакого смысла, — произнес Николя, чувствуя, как бодрое настроение, посетившее его сегодня утром, окончательно испарилось. — Какой злодей ополчился на меня, на каком основании? Убийство Жюли, происшествия, о которых я пока не могу вам рассказать, завещание… Когда наступит конец всем этим тайнам?

— Когда мы арестуем виновного или виновных. Относительно виновных мне пришла в голову одна мысль. Во время вашего отсутствия господин де Сартин приказал мне отправиться вместо него на демонстрацию опыта, показанного неким изобретателем перед комиссией из Академии наук.

— А какое отношение имеет этот опыт к нашему делу?

— Сейчас поймете. Речь идет о новом механизме, с помощью которого, как утверждает изобретатель, можно оставаться под водой целый час, не поднимаясь наверх, чтобы подышать. Он утверждает, что может опуститься на глубину тридцать футов. Вы следите за моей мыслью? Сена не слишком глубока. Я опережаю ваш вопрос: мы уже прошлись драгами по дну, но безрезультатно. Полагаю, можно попросить провести эксперимент у моста Руаяль, и сделать это через два дня, то есть 20 января.

— Мне нравится ваша оригинальная идея, я хотел бы присутствовать при этом опыте.

— Нет ничего проще. Сартин, с согласия Его Величества, разрешил вам сопровождать меня во время следствия по нашему делу, и без маскарада, хотя карнавал уже не за горами.

— А что в-третьих? — вздохнул Николя.

Бурдо протянул ему листок бумаги, испещренный мелким, словно следы мушиных лапок, почерком судебного писаря.

— Это протокол допроса Казимира, чернокожего раба госпожи де Ластерье.

Николя со вздохом покачал головой.

— За рабами не признают прав свободных людей, зато с легким сердцем отправляют их на пытку, где они испытывают те же страдания, что и их хозяева. Только под пыткой их слушают, и слова их значат столько же, сколько слова их хозяев!

— Так говорит ваше доброе сердце, — произнес Бурдо, — и я полностью разделяю ваше мнение. Кстати, в этом деле нам пока удается не упоминать вашего имени. Но Казимир — иное дело. Кто-то сообщил о расследовании секретарю министра морского флота. Вокруг все строят догадки и требуют пролить свет на преступление, совершенное с неимоверной жестокостью. Подумать только, вдова интенданта финансов морского флота, белая женщина, — и убита рабом-негром! Да еще во Франции! Что начнется в колониях, если слух об этом придет туда раньше успокоительной новости о неизбежном и немедленном наказании? На Сартина оказывают давление, хотя вам прекрасно известны его взгляды и на рабство, и на применение пыток.

— О! Полагаю, он уступил, лишь бы отделаться от этой камарильи!

— Совершенно верно, он так и сделал, дав Сансону указания не усердствовать. Вы знаете, насколько гуманным может быть наш друг, а тут он даже перевыполнил указания Сартина, разыграв спектакль пыток, чтобы убедить подследственного сказать правду. Разумеется, он не намеревался замучить его до такой степени, чтобы тот начал нести любую околесицу, лишь бы прекратить страдания. Орудия пыток производят сильное впечатление, их вид сломил сопротивление несчастного раба, очутившегося за тысячу лье от своего родного острова и обвиненного в ужасном преступлении.

Николя взял протокол и стал читать его вслух.

— «В год 1774-й, пятнадцатого января, в королевской тюрьме Шатле, мы, Пьер Бурдо, инспектор полиции, по специальному поручению господина начальника уголовной полиции и в присутствии…»

— Пропускайте начало, — прервал его Бурдо, — он повторил все, слово в слово, что говорил прежде. Я подчеркнул свинцовым карандашом строки, где появляется кое-что новенькое.

Николя продолжил чтение.

— «… повторно привязать означенного Казимира к скамье и спросить, дабы узнать, не имел ли он желания отравить свою хозяйку. — Ответ: нет, потому что хозяйка никогда не делала ему ничего плохого. Однако он признает, что часто просил хозяйку отпустить его на свободу, его и его подругу, но хозяйка всегда отказывала, и он был этим очень недоволен. Был задан вопрос, не говорил ли он о своем желании третьим лицам. — Ответ: он не хочет называть имя того человека, который посоветовал ему вернуться на острова, сказав, что для этого нужны только деньги. Был задан вопрос, знал ли он, что, отбыв без спроса на родину, он совершает побег, а значит, его неминуемо станут искать, а когда схватят, сурово накажут. — Ответ: он это знал, однако за свободу он готов заплатить любую цену. Был задан вопрос, знает ли он, откуда взялись пряности, которые он положил в приготовленный им соус. — Ответ: да, это были семена гаитянского жгучего перца, привезенного им из Санто-Доминго; у него на родине все используют этот перец при приготовлении пищи. Был задан вопрос, как долго находился в доме в тот вечер, когда скончалась его хозяйка, некий господин фон Мальво. — Ответ: он не знает, так как в последний раз он видел этого господина, когда хозяйка увела его показывать духи. Был задан вопрос, зачем хозяйка позвала его именно тогда, когда она показывала духи господину фон Мальво, — Ответ: она приказала ему отнести на почту письмо, и он немедленно исполнил ее приказание, а так как он не умеет ни читать, ни писать, то он не знает, кому было адресовано это письмо. Был задан вопрос, состояла ли его хозяйка в плотской связи с господином фон Мальво. — Ответ: он уверен, что нет, ибо его хозяйка была по уши влюблена в господина Ле Флока, а потому не могла искать удовольствий на стороне».

Бурдо протянул ему еще один лист.

— Вот заключение прокурора.

— «Я ходатайствую перед Его Величеством, — продолжил чтение Николя, — чтобы, вследствие проведенного допроса и согласно занесенным в протокол показаниям, вышеуказанного Казимира, раба-негра, приговорили бы к сожжению живым на костре, который будет сложен и зажжен с этой целью для свершения вынесенного ему смертного приговора, на Гревской площади в настоящем городе. Искомого Казимира подвергнуть предварительно допросу, обычному и с пристрастием, дабы он назвал своих сообщников».

— Сами понимаете, обычная процедура, однако из этой бумаги явственно следует стремление некоторых поскорее увидеть наказание виновного! И хотя доказательств его вины нет, кому-то очень хочется поскорее казнить отравителя, пусть даже и предполагаемого. Кстати, вы знаете, что есть желающие ужесточить наказания? Один всем нам хорошо известный магистрат[32]пытается доказать, что приговоренного к смертной казни надобно возводить на эшафот, где его будет ждать котел с кипящей водой.

— Фу, какой кошмар!

— Что вы думаете о показаниях Казимира? — спросил Бурдо.

— Загадочный посредник, раздающий советы, неизвестный яд, неясность в отношениях между Жюли и Мальво, письмо, отосланное поздно ночью… кстати, почему так поздно и кому адресованное? Этот допрос еще больше запутывает расследование, нежели помогает ему! К тому же не забывайте, что Казимир туземец.

— Совершенно верно. Поэтому сегодня вечером я собираю военный совет. Семакгюс ждет нас у себя в Вожираре. Ввиду чрезвычайных обстоятельств Сансон принял его приглашение. Мы рассмотрим дело со всех сторон, на свежую голову, если, конечно, вы не возражаете. Катрина прибудет помочь Аве приготовить ужин, а значит, нас ждет настоящее пиршество! Господин де Ноблекур охотно бы присоединился к нам, наняв для передвижения почтовую карету, но он опасается, как бы его присутствие не испугало Парижского господина.

— Я нисколько не возражаю, напротив, я очень рад, ибо мне необходима ваша помощь. Не говоря уж об удовольствии вновь насладиться настоящей французской кухней.

Осознав, какая фраза вырвалась из его уст, он до крови закусил губу и мысленно назвал себя болтливой сорокой. Бурдо сделал вид, что ничего не понял, однако в его прищуренных глазах запрыгали насмешливые искры. Николя встал и принялся рыться в ящике, куда складывали письма и записки, поступавшие на его имя в Шатле. Сердце его заколотилось, когда на маленьком, сложенном квадратиком, послании, запечатанном красным воском, он узнал почерк Жюли де Ластерье. Однако чувство радости тотчас сменилось недоумением, ибо на листке значилось: «Господину Николя Ле Флоку, комиссару полиции Шатле, улица Монмартр, дом господина де Ноблекура, напротив пассажа Рен д'Онгри». Почему, несмотря на столь подробный адрес, письмо доставлено в королевскую тюрьму? Он распечатал письмо. «Николя, не желающий на нас жениться, рискует навлечь на себя неприятности, источником коих станет предмет его увлечения, ибо печаль наша от сего небрежения столь велика, что, право, иногда мы готовы желать ему зла. Я не нахожу нужным оправдывать свой проступок, равно как преуменьшать его. Поверьте, я презираю себя столь сильно, насколько может презирать себя женщина, поддавшаяся приступу дурного настроения и давшая вам повод сделать вывод, что она имеет слабость воспользоваться присутствием молодого человека, хотя оный юноша для меня никто и не мог послужить поводом для вашего недовольства, заставившего вас покинуть меня. Каковую бы участь вы мне не уготовили, уход ваш меня ужасно напугал, ибо для меня нет ничего важнее вашей нежности, в коей вы мне отказали, поэтому знайте, что я никогда не буду считать наказание свое достаточным, ибо признаю, что нет ничего более отвратительного и непереносимого, нежели ветреная кокетка. Приходите, умоляю вас, как только сможете, ибо для тех, кому вас недостает, вы, прощая их, поднимаетесь на недосягаемую высоту. Ваша Жюли, любящая и верная». Этот голос из могилы должен был взволновать его, но его смущала неуместная вычурность стиля. Без лишних слов он протянул письмо Бурдо. Пробежав его глазами, инспектор взглянул на адрес, повертел листок в руках и задумался.

— В самом деле, — наконец произнес он, — вопросы, требующие ответов, множатся с потрясающей скоростью. Столько предположений, и ни одного точного ответа! Будем говорить прямо и начистоту. Во время вскрытия тела госпожи де Ластерье наши друзья выявили следы плотских сношений. Впрочем, нет, в них тоже можно усомниться. Вспомним, что все время вашей с ней совместной жизни госпожа Ластерье обманывала вас, скрывая данное ей секретное поручение. Поэтому не исключено, что и в этом письме она тоже лжет. А если нет, тогда это письмо проливает на события вечера 6 января совершенно иной свет. Но скажите, разве можно написать такое письмо в присутствии Мальво и тут же вручить его Казимиру? Еще интереснее: какой путь проделало это письмо? Если верить чернокожему слуге, он в тот же вечер опустил его в почтовый ящик; значит, прежде всего следует выяснить, где расположен ближайший почтовый ящик.

Открыв ящик письменного стола, он быстро рассортировал лежавшие в нем бумаги, а затем извлек маленькую печатную афишку.

— Посмотрим… Это уведомление, напечатанное по распоряжению Сартина 13 октября 1761 года с целью известить публику, как пользоваться почтой. Так, почтовое отделение… Ага, вот оно! Почтовое отделение, расположенное рядом с местожительством госпожи де Ластерье, обслуживает предместье Сен-Жермен, почтовый ящик расположен на улице Бак, между улицами Юниверсите и улицей Верней. На каждом письме следует проставлять по три штемпеля. Первый — буква, присвоенная почтовому отделению и почтовым ящикам, которые к нему относятся.

Он указал на штемпель над адресом.

— Буква «Р», действительно, присвоена почте данного квартала. Следующий штемпель — цифра, указывающая номер почтальона, вынувшего письмо из ящика, она нужна прежде всего почтовым служащим для розысков, кои иногда приходится предпринимать, ибо, как вам известно, на почту валят все грехи, в том числе и те, которых она не совершала. Как, скажите,

попали на почту пригласительные билеты, доставленные адресату, когда церемония давно уже началась? Сколько человек, желая избежать неприятностей, говорят, что они послали письмо по почте, в то время как они не писали его вовсе? Сколько людей отрицает получение письма, тогда как они его получили?

Перегнувшись через плечо Бурдо, Николя разглядывал проштемпелеванный лист.

— А третий штамп?

— На письмах, адресованных в другие почтовые отделения, ставится число текущего месяца. Письма, вынутые из ящика и помеченные одной и той же буквой, в течение двух или немногим более часов — а иногда даже через полчаса — доставляются адресату. Другие письма сортируют, но и их время доставки не превышает четырех часов. А что мы видим здесь? «F» — квартал, к которому относится улица Верней, «7» — число, а «1» означает первую выемку писем из девяти, осуществляемых в течение суток. Первая выемка производится в шесть часов утра. Следовательно, письмо госпожи де Ластерье прибыло на улицу Монмартр не позже полудня. Но почему его не доставили в дом Ноблекура? Ваша подруга — полагаю, совершенно машинально — подчеркнула для вящей ясности ту часть адреса, где написано «комиссару Шатле». Не слишком внимательный сортировщик положил письмо в другую стопку, и его принесли сюда. Возмущаться бессмысленно. Тем более вы, как я полагаю, сгораете от нетерпения дать отчет Сартину. Поэтому я вас покидаю. Встретимся в пять часов. К нам присоединится Сансон, и мы вместе отправимся в Вожирар. Внизу вас ждет экипаж.

Николя взмахом руки остановил Бурдо.

— Нет, вы поедете без меня; пусть тайна остается тайной.

Приветственно помахав рукой папаше Мари, Николя спустился вниз и увидел ожидавший его экипаж. Снег повалил стеной; сверкающие хлопья падали на землю, где, смешавшись с темной грязью, быстро превращались в чавкающую снежную кашу, брызгами разлетавшуюся из-под ног прохожих. Его карета проехала мимо черной стаи служителей Фемиды, трусивших в сторону Шатле и Дворца правосудия. Люди в судейских мантиях с брыжами, зажав под мышками сумки с документами и подбирая полы, смешно скользили по ледяному крошеву, стараясь опередить преследовавшую их толпу жалобщиков, чьи вопли достигали последних этажей домов. Там и сям дюжие малые, всегда готовые подзаработать, несли, усадив на плечи, испуганных горожанок, дабы те не промочили ноги на улицах, превратившихся в сплошное грязевое болото. Работник, тащивший на спине огромное овальное зеркало, поскользнулся и чуть не упал; в полированной поверхности зеркала Николя увидел отражение везущей его кареты.

Потребовалось совсем мало времени, чтобы расследование вновь захватило его целиком. Дело настолько усложнилось, что стало невозможно рассматривать каждую его деталь в отдельности. Все сплелось в густую сеть, сотканную преступлением и недомолвками. Что ожидает их на дне Сены — если ожидает вообще? Что означает полученное им вычурное и жеманное письмо? Выражают ли витиеватые фразы истинные — последние — чувства, кои питала к нему его возлюбленная, или же… Он не осмелился сформулировать пришедшее ему на ум дерзкое предположение. А неизвестный советчик Казимира? Почему негр, столь красноречиво отвечавший на остальные вопросы, упорно, невзирая на риск навлечь на себя подозрения, ведущие прямиком на эшафот, молчал, когда его спрашивали об этом человеке?

Когда Николя прибыл на улицу Нев-Сент-Огюстен, его, как обычно, немедленно провели в кабинет начальника полиции, Сартин писал. В камине бушевало адское пламя: магистрату, как всегда, было холодно. Поглощенный процессом письма, он не сразу поднял голову, дабы обозреть вошедшего. Николя отметил, что утро, давно вступившее в свои права, видимо, выдалось хлопотным, и Сартину пришлось отказаться от обычного представления париков. Он пожалел, что ему не хватило времени приобрести для своего начальника новый экземпляр,

один из тех великолепных париков, промелькнувших перед ним в лондонской лавке, где он, к сожалению, не мог задержаться. Тут он почувствовал на себе пристальный взор.

— Сударь, — произнес Сартин, — мы вами довольны, но еще более мы довольны, что вы вернулись живым и невредимым; полагаю также, вы сумели оценить, насколько сложно быть причастным к государственным тайнам. Однако вы, кажется, о чем-то задумались?

Начальник говорил совершенно спокойно, в голосе не слышалось ни грана сарказма, а временами даже проскальзывали ласковые нотки.

— Честно говоря, сударь, — ответил Николя, — я сожалею о том, что в Лондоне мне всего лишь на минутку удалось заскочить в лавку с париками, и дела короля не оставили мне времени выбрать экспонат для вашей коллекции.

Генерал-лейтенант насмешливо сощурился.

— Слуга покорный, сударь! Сама мысль о вашей заботливости уже переполняет меня признательностью. Дайте мне адрес, и наш посол исполнит ваше желание.

— Увы, дела, о которых вы упомянули…

— Не оставили вам времени даже головы поднять. Шевалье д'Эон отыщет эту лавку. Расскажите мне лучше о ваших приключениях, и по порядку.

Сартин демонстрировал столь приятное расположение духа, что Николя отважился придать своему рассказу несвойственную сухому отчету живость, пробуждающую у слушателя неподдельный интерес. Он умел находить слова для изложения любых событий, и его талант рассказчика стал краеугольным камнем его карьеры, начавшейся в 1761 году в малых апартаментах Версаля, где он держал речь перед королем и маркизой де Помпадур. Совершенствуя свое мастерство рассказчика, он всегда помнил о первом своем выступлении, получившем одобрение короля, с тех пор именовавшего его не иначе как «наш дорогой Ранрей». Возможно, рассказчик зародился в нем еще в детстве, в родной Бретани, в долгие вечера, проведенные им на кухне, где он внимал старому сказителю, который, устроившись у огня, развлекал своими сказками слушателей, успевших подкрепиться бретонскими гречневыми блинами и доброй порцией сидра. Сартин слушал внимательно и терпеливо, упершись подбородком в кулак.

— Более всего я сожалею о том, что не сумел довести до конца дело Моранда, — заключил Николя.

— Не сожалейте, мой дорогой, вам удалось избежать гибели. В нашем ремесле больше опасностей, нежели успехов. К тому у нас есть хорошая новость: Моранд все-таки уступил.

— Неужели?

— Да, курьер, выехавший из Лондона примерно в одно время с вами, вчера доставил мне сообщение, где говорится, что этот каналья, впечатленный вашей твердостью и вашим умением не раскрывать напрасно карты — вы ведь ему ничего не предложили, не так ли? — сообщил о своей готовности начать переговоры. А ложь могла все испортить! Вы же были откровенны, и без уверток шли на приступ, как сделал бы ваш отец.

Взволнованный упоминаем об отце, Николя лишь кивнул.

— Наш субъект задумался, его охватили мрачные предчувствия, он представил себе… одним словом, ваши речи заставили его быстро найти общий язык с нашим агентом. Он заявил, что согласен встретиться с новым эмиссаром, дабы обсудить финансовые условия, и в частности, погашение его долгов и возможную выплату пенсии. Вдобавок после получения гарантий он обязался сжечь уже имеющиеся издания памфлета. Так что вскоре переговоры с этой щукой будут окончены!

— Я очень рад.

— Его Величество, с кем я разговаривал вчера вечером, поет вам хвалы, равно как и некая дама, которая, увы, оказалась столь любезна, что даже устроила с вами встречу в лесу

Шантийи. Ах, слава богу, наконец вы вернулись! Но не рассчитывайте, что я сообщу вам, кто вложил оружие в руки ваших убийц. Все, что случилось с вами во время поездки, надобно хранить в глубочайшей тайне, и я знаю немало людей, которым хотелось бы набросить на них поистине непроницаемый покров. Узнав о покушении на жизнь своего представителя, король рассердился и даже пригрозил — но, увы, в пространство.

— Будем надеяться, что те, кому надо, услышали его предупреждение, — вздохнул Николя. — Шевалье д'Эон поручил мне передать послание Его Величеству, касающееся господина Флинта и наших дел в Китае.

Сартин резким движением поправил парик. По этому жесту Николя понял, что, затронув вопрос, не относящийся к компетенции Сартина, он невольно разозлил своего начальника.

— Вы увидите короля, — произнес Сартин. — Его нужно развлечь, а вы это умеете. А теперь вернемся к улице Верней: как обстоят дела там?

Николя полагал, что начальник мог бы сообщить ему несколько больше относительно совершенных на него покушений, но, зная, что Сартину приходится бдительно следить за придворными интригами, дабы сохранить свой пост, зависевший от благорасположения вышестоящих особ, не стал на него обижаться. Не вдаваясь в подробности, он изложил ему последние события: начальник не любил копаться в мелочах следовательской «кухни». Значение имели только результаты. Упомянув в конце о письме Жюли де Ластерье, он, в подтверждение своих слов, протянул ему текст; но Сартин даже не взглянул на него.

— Это лишнее, я уже ознакомился с его содержанием.

— Инспектор Бурдо всегда был скор в принятии решений! — с горечью в голосе воскликнул Николя.

Сартин улыбнулся.

— Вы несправедливы к нему! Я получаю нужные мне сведения отнюдь не от него. Но кто бы ни был мой осведомитель, он исполняет свой долг, сообщая мне обо всем. Вы прекрасно знаете, что ради блага Государства и безопасности Его Величества, я, пребывая на своей должности, обязан быть в курсе частной переписки. И, поверьте, это мучительная привилегия.

Он вышел из-за стола и широким шагом заходил по кабинету; настроение его явно портилось.

— Мои служащие из департамента, именуемого глупым народом черным кабинетом, передали мне это вдвойне интригующее письмо. С одной стороны, оно написано платным полицейским осведомителем — госпожой де Ластерье, хотя на конверте и нет ее имени, а с другой, оно является важной уликой для следствия, ведущегося втайне, ибо на положении главного подозреваемого находится — хочет он того или нет — человек, пользующийся моим безграничным доверием. Мне вы не должны ничего доказывать, но я не могу сказать того же про судью уголовного суда, чью обычную… м-м-м… осторожность вы подвергли испытанию. Если бы вы по недосмотру или сознательно скрыли свои чувства, забыли сообщить об этом письме, ни я, ни король не смогли бы и дальше оказывать вам свое покровительство. Следовательно, мы правы, и ваши поступки подтверждают наши суждения. А господин Тестар дю Ли, принимая во внимание вашу должность, придал следствию по настоящему делу степень государственной важности и подал свое nihil obstat, то есть официальное прошение, где излагает свои соображения о необходимости вашего участия в расследовании. По крайней мере, — произнес он со смехом, — будем надеяться, что ваша искренность — не макиавеллев маневр виновного, почувствовавшего, что может послужить ему к выгоде. Ну же, не делайте такое унылое лицо, я шучу.

— Я сказал, не подумав, — вздохнул Николя.

— В этом-то и заключается ваше очарование! Я понимаю, две последние недели стали непростым испытанием для вашей верности и постоянства. И я очень рад, что вы проявили

себя достойно. Но еще больше я рад тому, что сумел заткнуть пасть судье по уголовным делам. Продолжайте вести расследование и время от времени приходите ко мне с отчетом.

Выйдя из кабинета начальника полиции, Николя увидел человека, весело поднимавшегося по лестнице, насвистывая арию из оперы, и узнал в нем Карона де Бомарше, модного персонажа и фактотума королевских дочерей. Они уже встречались у Мадам Аделаиды. Бомарше даже пригласил его на ужин, убеждая, что он может прийти, когда ему будет удобно. Стихийно возникшее чувство симпатии влекло комиссара к этому человеку с открытым и выразительным лицом. Николя направился к экипажу. Предвидя ужин у Семакгюса, он решил не обедать и попросил отвезти его к мэтру Вашону, портному с улицы Вьей-дю-Тампль. Путешествие отрицательно сказалось на состоянии его костюма, который, как он ранее предполагал, мог служить ему очень долго. Он привыкал к одежде и расставался с ней с тяжелым сердцем. Чтобы смягчить горечь расставания с любимым фраком, отныне он решил заказывать по две одинаковые пары.

Мэтр Вашон пребывал в своем репертуаре: согбенный в три погибели, худой до прозрачности и необычайно говорливый, он по-прежнему правил подмастерьями то окриком, то отеческим наставлением, а стайка насмешливых учеников при первом же хмуром взгляде мэтра с готовностью направляла иглу в нужную сторону. Снимая с Николя мерки и не преминув ехидно заметить, что размеры его несколько увеличились, портной, как обычно, рассказывал последние городские сплетни. Николя выбрал ткань для фрака — шелк цвета сухого листа с переливами красного золота, и темную коричневую шерсть для плаща. Оба цвета сочетались на удивление удачно. Потом мэтр Вашон увел его подальше от подмастерьев, в уголок лавки, где их никто не мог услышать.

— Господин комиссар, — начал он, — в последнее время умонастроения парижан меня тревожат. Народ все чаще выражает недовольство Его Величеством. Дурные люди распространяют о нашем короле ужасные слухи. О, я полагаю, вы догадываетесь, о чем идет речь. Но дело не в этом: народ привык к частной жизни короля, и она уже давно никого не возмущает. Всех интересует его сокровищница. Говорят, у него имеется особый сундук, откуда он черпает золото, дабы осыпать щедротами свою новую наложницу, а пополняет он этот сундук, играя на курсе акций как простой негоциант, только с меньшим риском, ибо, осведомленный о состоянии финансов, он легко предугадывает повышение или понижение курса. Еще говорят, что Его Величество спекулирует зерном, а вскоре и вовсе заберет под свое начало злосчастную монополию на торговлю зерном, из-за которой, по мнению народа, происходит нехватка хлеба и его дороговизна. Вот так! Сообщите об этом господину де Сартину. Я же, как добрый гражданин и верный подданный, полагаю себя обязанным рассказать об этом вам.

Николя поблагодарил портного, и тот с удрученным видом проводил его до дверей. Речи мэтра не удивили комиссара. Он лишь подтвердил слухи, о которых полицейские агенты и осведомители сообщали из месяца в месяц, не имея возможности ни пресечь их, ни добраться до их источника. Он вспомнил, как осведомители, потолкавшись в общественных местах и гостиных, доставляли в полицию очередные сведения о том, что занимает умы подданных, и полицейские, тщательно рассортировав полученную информацию, относили ее в потайной кабинет Сартина, составлявшего доклады для министров, коих данные сведения могли интересовать.

Плотная сеть улочек, расположенных между кварталами Марэ и Аль, куда с трудом мог втиснуться всего один экипаж, не позволила ему быстро проехать на улицу Монмартр. Некоторые улочки были настолько узки, что, не выходя из кареты, Николя не только мог коснуться рукой стен стоявших по обеим сторонам домов, но и прочесть объявления,

расклеенные кое-как, несмотря на ряд постановлений о правилах расклейки афиш на стенах домов. Налепленные на стены листки извещали о новых ордонансах правительства, содержали объявления шарлатанов, постановления Парламента, приговоры, вынесенные в Шатле, извещали о продаже с торгов имущества должников. Здесь же теснились увещевательные послания, объявления о пропаже собак и кошек, извещения о кончине, афишки «необыкновенного спектакля» по мотивам «Неистового Роланда» Ариосто, привезенного кукольным театром из Сицилии, а также десятки раз повторенный адрес фабриканта мягких бандажей для грыжи. Службы Сартина предписывали наклеивать объявления в определенных местах, и не долее, чем на один день; затем их срывали, освобождая место для новых сообщений, и следили за тем, чтобы обрывки их не усыпали улицы. В результате одна и та же рука сначала расклеивала афиши, а через несколько часов уже сдирала их со стен.

На фиакр обрушивались то потоки воды пополам со снегом, то снесенные с крыш сильным ветром куски черепицы, штукатурки или свинца. Возница в страхе вертел головой в разные стороны, уворачиваясь от падающих осколков. Николя забавлялся, глядя, как, невзирая на отвратительную погоду, парижане, побуждаемые природным любопытством, останавливались и пытались рассмотреть, что же сыплется на них с крыш. Стоило одному прохожему посмотреть вверх, как вокруг него тут же выстраивалось множество зевак, задиравших головы, дабы понять, что привлекло внимание их собрата. Несговорчивый и подозрительный, этот народ, невзирая ни на что, в глубине души чувствовал себя счастливым, ибо никогда не терял бодрости духа, думал Николя.

Внезапно его охватило искушение приказать кучеру свернуть на улицу Фобур-Сент-Оноре. Он уже представлял себе, как неожиданно заявится в «Коронованный дельфин» и, преисполнившись обиды за давнюю ложь, с видом оскорбленного достоинства задаст роковой вопрос перепуганной Сатин. По причине своего живого воображения, всегда готового представить ему любые картины, он часто заранее переживал то, что еще не произошло, а только могло произойти, но эти переживания никогда не шли ему на пользу. Вот и сейчас он уже слышал ответы своей подруги и внимал им. Воображаемый диалог настолько захватил его, что, побуждаемый истерзанным разумом, он начал выбирать варианты будущих реплик, тщательно их сортировать, словно раскладывая по полицейским досье, продумывать, как сменить тон, как придать разговору неожиданное для собеседника направление и какие выводы — счастливые или же плачевные — ждут его в конце разговора. Вымысел приобретал столь зримые очертания, что сцены уже чередовались вне зависимости от его настроения и неосознанных желаний. Встревоженный нараставшим в нем возбуждением, он неимоверным усилием воли заставил себя прекратить жестокую игру, бередившую его глубокую сердечную рану. И хотя он до сих пор не смел признаться себе, что случайная встреча с Президентшей нанесла ему удар прямо в сердце, рана, полученная на лондонской улице, причиняла ему неимоверные страдания, и чем дальше он откладывал неизбежный разговор, тем сильнее она кровоточила.

Прибыв на улицу Монмартр, Николя нашел господина де Ноблекура в библиотеке. Сидя в большом кресле, обитом гобеленом, он листал большую книгу в телячьем переплете, водруженную на ломберный столик. В сером фраке, с напудренной прической он выглядел помолодевшим. При виде комиссара он улыбнулся.

— Ах, какая досада, что я родился так поздно! — вздохнул он.

— Отчего столь неожиданное заявление? — спросил Николя.

— Родись я пятью десятками годов раньше, я бы смог увидеть Мольера в «Мизантропе»! Нынешние пьесы кажутся мне исключительно пресными, за исключением, пожалуй, сочинений Мариво. Только в его пьесах я нахожу верное изображение утонченных чувств, порожденных страстью. Но Мариво — это иное время, время моей молодости. Но даже его я оцениваю достаточно сдержанно, ибо он излишне склонен к сталкиванию возбуждающих мыслей,

порождая тем самым суетные помыслы и желания. Я согласен с господином Руссо, который не намерен являть на сцене жизнь, ибо в ней мы, в сущности, обретаем только слезы.

— И были бы разочарованы, — заметил Николя. — Позволю себе заметить, знаменитый Поклен исполнял роль в комическом ключе, с гримасами и буффонадой, и довольно быстро передал эту роль юному Барону.

— Ах, оставьте, — запротестовал Ноблекур, — не разрушайте моих иллюзий! Послушайте лучше, сколь совершенен сей союз формы и смысла:

Увы, моей любви нет меры, нет предела!

Чтоб ваша красота моею лишь была,

Я, право, иногда готов желать вам зла.[33]

Не кажется ли вам, что автор этих строк долго жил и много страдал? Искренность, звучащая в них, ведет к совершенству, воистину, это нравственность, положенная на музыку… Но что с вами? Вы так бледны! Садитесь.

Николя достал из кармана письмо Жюли де Ластерье, и вполголоса поведал старому другу о новом повороте дела.

— Это письмо, — начал он, — смутило меня: оно нисколько не соответствует характеру Жюли, по крайней мере, той Жюли, какую знал я, и вдобавок оно написано слишком вычурным языком. А сейчас я понял причину этой вычурности. Фраза «что, право, иногда мы готовы желать ему зла» беззастенчиво заимствована у Мольера.

— Не дайте ввести себя в заблуждение, — ответил магистрат. — Слова могут принять такой порядок случайно, ибо совпадения, как известно, существуют. Мысль, разумеется, высказана крайне изысканным образом, но ваша подруга — весьма утонченная особа и она могла сама употребить подобный оборот или же извлечь его из дальнего уголка своей памяти.

— Вы напрасно уговариваете меня: меня не переубедить. Ни одна женщина в порыве страсти не станет выискивать цитаты, чтобы написать своему возлюбленному. Либо это письмо — свидетельство коварства каменного сердца, либо это подделка, а предчувствие мне подсказывает, что это не последнее доказательство вероломства моих врагов.

И он рассказал о завещании, согласно которому он стал единственным наследником жертвы.

— Следовательно, — подвел итог Ноблекур, — по-вашему, и завещание, и письмо являются звеньями одной и той же зловещей цепи?

— В Париже немало умельцев, способных изготовить любой документ. Даже у короля есть секретари, которые пишут и подписываются за Его Величество. И надобно обладать особым даром, чтобы обнаружить разницу между подделкой и оригиналом!

— Если я вас правильно понял, — задумчиво промолвил Ноблекур, — вы хотите, чтобы я рекомендовал вас мэтру Бонтану, декану Гильдии королевских нотариусов, знаменитому «человеку с кошками».

— Что значит «человек с кошками»?

— Поймете, когда будете подниматься по лестнице его дома. Он большой оригинал. Мы старые приятели, хотя он значительно старше меня. Я сейчас же, без промедления, напишу ему записку, она послужит вам сезамом.

Вставая с кресла, Ноблекур разбудил беднягу Сирюса, спавшего у него в ногах; подойдя к секретеру, бывший прокурор достал из ящика лист бумаги. Бисерным почерком он споро написал записку, просушил чернила, бросив на них горсть песка, свернул листок, зажег свечу и, поднеся к ней кусочек красного воска, капнул несколько капель на сложенную вчетверо бумагу и запечатал своей печатью.

— Какой бы он ни оказал вам прием, не удивляйтесь: он любит подчеркнуть свои простецкие манеры. Что же касается вашего загадочного путешествия, — произнес он, вновь усаживаясь в кресло, — не бойтесь моего любопытства. Как бы мне ни хотелось услышать ваш рассказ, я не расположен проникать в государственные тайны. Бурдо предупредил меня.

Николя улыбнулся. Он успел убедиться, что все его друзья, от Сартина до Ноблекура, включая, разумеется, Бурдо, как могли старались снять груз с его души, наложенный обетом молчания, и дружно напоминали ему, что он вправе рассчитывать на их скромность и сдержанность.

— Однако, — продолжил почтенный магистрат, хлопнув ладонями по подлокотникам кресла, — я возмущен! Мои друзья — да что я говорю, мои дети! — оставляют меня в одиночестве на улице Монмартр умирать от скуки, а сами отправляются пировать! А мне остается лишь завидовать, представляя себе, какого роскошного пиршества я лишился сегодня вечером.

— О, разумеется, вам есть на что жаловаться! — рассмеялся Николя. — Вы окружены всеобщим почтением, ваши друзья заботятся о вашем здоровье, и, зная ваши природные гурманские наклонности, хотят избавить вас от искушения, кое обойдется вам в очередной приступ подагры, в то время как сейчас вы бодры, веселы, в прекрасном расположении духа, красноречивы и помолодели лет на двадцать…

— Умолкни, льстец!

— Нисколько, я говорю то, что вижу. Кроме того, мы не хотим спугнуть Сансона. Он относится к вам с таким благоговением, что в вашем присутствии лишится дара речи. А нам крайне необходимо его содействие.

— Принимаю сей двусмысленный комплимент, хотя от него издалека потягивает иезуитством, — улыбнулся Ноблекур. — Но когда настанет пост, я отомщу за себя, подав вам на ужин рыбу, пропахшую старой деревянной бочкой!

Николя рассмеялся, и, продолжая хохотать, выбежал из кабинета Ноблекура и поднялся в свою квартирку, чтобы привести себя в порядок. Он уже собирался уходить, как вдруг вспомнил о ключах. Но напрасно он рылся в карманах плаща, в котором он ездил в Англию. Его охватило беспокойство: на его связке висели ключи от дома Ноблекура и от квартиры Жюли де Ластерье; последние — на голубой ленточке, подаренной ему его возлюбленной. Быть может, они выпали из кармана, когда он после бешеной скачки въехал во двор и свалился на руки мальчишкам-подмастерьям? Спустившись по лестнице, он расспросил Пуатвена и Марион, а потом и мальчишек из булочной. Связки ключей никто не видел и никто не находил. Итак, если Катрина, уже отбывшая к Семакгюсу, тоже не сможет пролить свет на эту пропажу, то дело — в который раз! — запутывалось еще больше. Пропажа ключей встревожила его. Вспомнив о вынужденной остановке в Айи-ле-О-Клоше и о распотрошенном чемодане, у него внутри все похолодело. Тогда сгоряча ему показалось, что ничего не пропало. Он попытался вспомнить, когда в последний раз держал в руках ключи, но не смог. Возможно, после его последнего посещения улицы Верней? Он напряг память: когда в ту ужасную ночь он вернулся на улицу Монмартр, дверь, как обычно, когда Ноблекур принимал гостей, была незаперта. Ключи могли потеряться как во время его ночных скитаний, когда было совершено преступление, так и во время его падений по дороге из Кале в Париж. Внезапно он вспомнил, как в толчее на улице Нев-де-Пти-Шан, устроенной, чтобы он незаметно перебрался из одноколки в громоздкую берлину, он, опасаясь потерять ключи, сунул руку в карман и придержал их. Следовательно, скорее всего он потерял ключи в Англии. Он попросил Пуатвена положить ключ от черной лестницы, ведущей к нему в апартаменты, за уголок оконной рамы, где вряд ли его станут искать. Ему не хотелось будить старого слугу, когда он поздно вернется из Вожирара.

Экипаж доставил его в Шатле. Непогода улеглась, и городские фонари засияли как нельзя ярко. Сансон в зеленом фраке и Бурдо во фраке мышиного цвета ожидали его под портиком, коротая время в беседе с Рабуином. Агент продолжал поиски бесследно исчезнувшего Мальво, ибо ни в одном реестре не значилось, что молодой человек покинул пределы королевства. Карета развернулась и покатила в привычном направлении: со времени своего знакомства с Семакгюсом Николя по нескольку раз в месяц ездил в гости к корабельному хирургу. Проехали мост Руаяль, величественную громаду Инвалидов и заставу Вожирар. На небе, в просветах между тучами, загорались звезды. Вокруг Медонских холмов чернильной стеной клубились низкие темно-синие облака. Аспидно-черное небо простиралось до самого горизонта, постепенно захватывая западные предместья. Снег таял, из-под колес фиакра вылетали длинные черные струи грязи, и редким спешившим домой прохожим приходилось от них увертываться.

В тревожной мгле массивный дом Семакгюса выглядел оплотом спокойствия. Снаружи его освещали фонари. Судя по мельканию силуэтов в окнах, друзей ждали. В дверном проеме, ведущем в кухню, высилась фигура корабельного хирурга, сменившего фрак на передник. Лошадиное ржание известило хозяина о прибытии гостей. Сансон, встреченный с особой теплотой, наконец перестал хранить молчание, старательно оберегаемое всю дорогу.

— Я помогал Катрине и Аве, — заявил Семакгюс.

— И что же вы делали? — заинтересованным тоном спросил палач, с любопытством склоняясь над расставленными на столе тарелками.

— О! Меня привлекли для осуществления деликатнейшей операции: я фаршировал кишки фуа-гра и мясом каплуна! Ведь затем кишки надобно поварить в горячем молоке, ни в коем случае не давая ему закипеть, иначе разрушится гармоничное сочетание вкусов ингредиентов или — еще хуже! — кишка прорвется и начинка вывалится.

— Аромат многообещающий, — задумчиво произнес Бурдо, подняв голову и раздувая ноздри, словно охотничий пес, почуявший дичь. — И чем же вы нафаршировали сии хрупкие оболочки?

— Четверть фунта мелко нарезанного свиного сала, фарш из фуа-гра и мяса каплуна, взятых в равных долях, душистые травы, лук-татарка, соль, перец, мускатный орех, толченая гвоздика, шесть сырых желтков. Я смешал все, а потом осторожно начинил сей смесью свиные кишки.

Семакгюс повел друзей к себе в кабинет, куда принесли пиршественный стол. Они устроились возле большого камина из светлого камня, где весело потрескивал огонь. Комнату наполняли редкости, собранные хозяином во время его плаваний в далеких морях: чучела экзотических животных, минералы, ткани, произведенные туземцами, гербарии и прочие диковины. Каждый раз, войдя сюда, Николя погружался в мир дальних странствий, о которых он знал из записок путешественников и мореплавателей, пробуждавших в нем стремление выйти в море.

Катрина принесла бутылку ликера и сочла своим долгом лично наполнить рюмку каждого.

— Этот напиток напомнит нам доброе старое время в «Коронованном дельфине», — произнес Семакгюс. — Тогда Полетта угощала своих клиентов дивным напитком, присланным ее дружком с Антильских островов.

При напоминании о далеких островах у Николя вновь проснулись безответные вопросы. С щемящим сердцем он вспомнил, что корабельный хирург некогда стал случайным любовником Сатин, пансионерки веселого дома Полетты. Однако он быстро успокоился, сообразив, что ребенок, о котором он подумал, родился гораздо раньше.

— Господа, — произнес Бурдо, — мы собрались, дабы почтить нашу дружбу, а также помочь Николя разобраться в печальной истории, всем нам прекрасно известной. Каковы плоды ваших размышлений, и какие новые пути сии размышления перед нами открывают?

— Я, — начал Семакгюс, — совершил маленькое открытие, кое, как мне кажется, должно нас заинтересовать. Вы знаете, я начал работу над объемным гербарием, поэтому мне приходится часто посещать Королевский ботанический сад и знакомиться с его богатейшими коллекциями. Недавно я встретил там человека, почитаемого мною превосходным специалистом своего дела. Это господин Дюамель дю Монсо[34], гербарист и одновременно один из наших лучших кораблестроителей.

— По какому случаю состоялось ваше знакомство? — спросил Николя.

— Он написал труд, где дает советы, как сохранить здоровье моряков на кораблях королевского флота. Я совершил немало морских переходов, и он пожелал воспользоваться моим опытом корабельного хирурга. И вот, в одну из встреч я рассказал ему про наши знаменитые зернышки. Он тотчас ответил, что речь идет о гаитянском жгучем перце, чьи маленькие и круглые плоды, равно как и семена, никак не могут стать причиной отравления[35]. А еще он сказал мне, что, возможно, перец взяли для отвода глаз, чтобы скрыть другое вещество, неизвестное и ядовитое.

— Показания Казимира заставляют нас топтаться на месте, — заметил Бурдо. — Итак, он готовит курицу. Следовательно, яд не может попасть в курицу; яд находят в молочном напитке, предназначенном для госпожи де Ластерье. Николя видел Казимира и подтверждает это. Следовательно, Казимир лжет, что не заметил Николя. Казимир утверждает, что Мальво провел вечер на улице Верней, но отказывается отвечать на вопрос, могла ли его хозяйка питать слабость к этому хлыщу. Не слишком ли много противоречий?

— В самом деле, — подал голос Сансон, — мой скромный опыт, или скорее интуиция, уже во время допроса — а допрашивал его я — подсказала мне, что он лжет.

— Но зачем ему лгать? — спросил Бурдо. — Значит, есть кто-то, кто попросил или же заставил его скрыть истину.

— Подведем итог, — произнес Семакгюс. — Мне кажется, Бурдо задал своевременный вопрос. Кто заинтересован в том, чтобы при любом раскладе все подозрения падали на комиссара Шатле? Ревнивый товарищ по службе, соперник или преступник, разоблаченный некогда нашим другом?

От бессилия Николя кусал губы; он не мог направить друзей в нужную сторону, открыть им изнанку дела, то есть сообщить, что Жюли Ластерье являлась платным агентом тайной полиции. Без сомнения, Жюли испытывала чье-то давление или стала объектом отвратительного шантажа. А покушения на него самого? Он уверен, они каким-то образом связаны с преступлением на улице Верней, но доказательств у него нет. Какой невидимый враг столь яростно ненавидел его? Кто нагромоздил кучу фальшивых улик, чтобы не просто уничтожить его, а обесчестить и втащить на эшафот? И что бы с ним стало, если бы не помощь и не доверие друзей и начальника полиции, не говоря уж о короле?

Тройной раскат хохота отвлек его от грустных размышлений. Облачившись в костюм туземки, а именно: обернувшись красной с желтым тканью, с ярким платком на голове, хвосты которого торчали над ее широким курносым лицом, Катрина явилась объявить, что ужин готов. Из-за спины Катрины выглядывала Ава; увидев изумление на лицах собравшихся, она звучно расхохоталась, хлопая себя по бедрам. Гости заняли места за небольшим столом, поставленным возле окна. Семакгюс вытащил из кармана исписанный листок.

— Господа, — провозгласил он, — это меню. Заливное со щавелем и фасолью по-бретонски. В вашу честь, господин комиссар. Затем свиные ушки в соусе Барб Робер[36] и свиные кишки, фаршированные фуа-гра и мясом каплуна. И, наконец, на закуску, большой рыбный паштет, приготовленный дамой Катриной Госс, бывшей маркитанткой армии короля.

Затем, перед десертом — немного цветной капусты с пармезаном, а на десерт баварский пирог и бриошь с начинкой из желе шиповника.

Чтение завершилось под восторженные возгласы сотрапезников.

— А какой нектар оросит это великолепие? — поинтересовался Бурдо.

— Красные бордосские вина с виноградников Фронсака, подарок маршала Ришелье господину де Ноблекуру, который прислал мне несколько бутылок, дабы, благодаря столь деликатному и благородному поступку мысленно присутствовать на нашем ужине. Мы выпьем их за его здоровье, а также…

Он вытащил из ведерка со льдом бутылку удлиненной формы.

— …рейнское белое вино, eiswein, чаще всего именуемое ледяным вином. Представьте себе виноград, естественным образом замерзший на лозе в осеннем тумане. Собранный задолго до рассвета виноград тотчас помещают в traubendrucker, иначе говоря, в давильню, дабы скопившийся в ягодах лед не успел растаять и не разбавил бы вязкий и ароматный сахаристый сироп, выходящий из виноградного жома.

— И где изготовляют это чудо?

— В Германии, в области Рейнгау, возле Йоханнисберга.

— Я не знал, что вы говорите по-немецки, — произнес Николя.

— Вы еще многого обо мне не знаете, — загадочно ответил Семакгюс.

Ужин напоминал великолепно оркестрованную симфонию. Обычно молчаливый Сансон постепенно разговорился и, как отметил Николя, говорил гораздо больше, чем в присутствии супруги. Сладость ледяного вина и тонкость вина из Фронсака оживляли беседу. Снуя вокруг стола, Ава время от времени нежно опускала руку на плечо Семакгюса, отвечавшего ей понимающим заговорщическим взглядом. Неисправимый либертен, похоже, угомонился и остепенился. Николя полагал, что проблемы со здоровьем заставили корабельного хирурга упорядочить личную жизнь и научили находить очарование в том, что он имеет: в гостеприимном доме и давней связи, позволявшей дать выход его темпераменту. Последствия обращения либертена читались на его счастливом багровом лице, где на смену следам бурных бессонных ночей пришло достойное спокойствие довольного жизнью человека. Кульминацией ужина стало появление рыбного паштета. Тотчас призвали Катрину — поведать всем рецепт его приготовления.

— Итак, господа, надопно сделать фарш из угря и карба. Карба Ава кубила неделю назад, огромную такую чушку, и дерзала его в почке с вотой, чтопы ушел запах тины. Затем карба брибравили солью, берцем, мускатом, и шлеб — на фарш, а фарш поместили в маленький котелок с крышкой, который брежде изнутри намазали маслом, а зденки фыложили кожей карба. Потом боложили слой фарша толщиной в болдюйма, а сферху трюфеля, сморчки, щучью беченку, небо карпов, и фсе змешали с маслом. Потом снова боложили злой фарша, как делают баштет. Накрыли зерепряной тарелкой и поставили к огню, а ботом поворачивали его, помешивая его зодержимое. Ботом выложили готовый баштет на глупокое плюдо и болили зоком лимона и босыпали очищенными фисташками.

Раздались бурные аплодисменты, и лицо Катрины зарделось от гордости.

— Изысканный вкус, — заявил Николя, всегда отдававший предпочтение гастрономическим контрастам, — хрустящая корочка сверху и нежный фарш внутри!

— Самое прекрасное — это сочетание рыбьего неба и рыбьей печени, придающее блюду плотность, не отягощая при этом желудок, а также аромат, исходящий от всего сооружения, — добавил Бурдо.

— Спрыснем, спрыснем! — пропел Сансон, скинувший свой новый зеленый фрак и потрясая стаканом. — Вот он, подлинный непентес[37], он развеселит нас и прогонит мрачные мысли!

Они принялись наперебой обсуждать модные спектакли и городские сплетни. По словам Семакгюса, весь Париж говорил только об арестованных в Лондоне французских полицейских, которых якобы послали туда убить гнусного памфлетиста Тевено де Моранда. После ужина, когда, согласно заведенному в доме обычаю, настало время смаковать выдержанный ром из хозяйских запасов, напиток, который, по утверждению Семакгюса, по меньшей мере, дважды обогнул Землю, разговор вновь вернулся на улицу Верней. Ловко уйдя от прежней темы, Бурдо напомнил всем, с какой целью они здесь сегодня собрались.

— Господа, для внесения ясности в расследование и для безопасности комиссара Ле Флока мне бы хотелось уточнить одну маленькую деталь.

Торжественное вступление вернуло прежнее внимание, рассеявшееся под влиянием алкогольных паров и приятного дремотного состояния как следствие пиршества.

— Действительно ли госпожа де Ластерье, — продолжал инспектор, — вступила в плотское сношение в вечер своей гибели? После вскрытия ни один из вас не ответил мне четко на этот вопрос.

Сансон и Семакгюс, сразу протрезвев, переглянулись, но ни один не решился ответить.

— Это потому, — начал наконец корабельный хирург, — что в этом случае ничего нельзя сказать с уверенностью.

— Так все же: да или нет? — настаивал Бурдо.

— Честно говоря, возможны оба варианта.

— Состояние органов не опровергает ни одну из гипотез, — добавил Сансон.

— Уточните ради всего святого!

— Понимаете, — промямлил Семакгюс, — есть различные способы определить, произошло ли сношение; в нашем случае это подтверждается собранной нами вязкой жидкостью. Но, возможно, ничего и не было…

— И все же я настаиваю, — упорствовал Бурдо. — Это очень важно для следствия. Главная загадка вечера и последующих событий до сих пор не решена, а решение ее во многом зависит от того, поверят или нет некоему капельмейстеру, пытающемуся нас убедить в том, что Николя провел со своей любовницей часть той ночи.

— И все же, — повторил Семакгюс, видя поддержку Сансона, — мы не можем произнести безапелляционный вердикт. Ибо не исключено, что речь идет о розыгрыше…

В комнате повисло задумчивое молчание. Внезапно раздался глухой частый стук, вбежала Ава и объявила, что какой-то человек срочно желает видеть инспектора Бурдо. Инспектор встал и последовал за кухаркой. Вернулся он очень быстро.

— Господа, мрак сгущается. Казимир найден мертвым у себя в камере в Шатле. Его отравили.

VIII
ТУПИК

Несчастный случай, как сегодня, так и вчера,
Загадка,
И горести терзаний над разгадкой вздымают волны
Судеб океана.

Еврипид

Среда, 19 января 1774 года

Часы показывали чуть больше полуночи; они решили немедленно возвращаться в Париж. Семакгюс поехал с ними, дабы без промедления осмотреть жертву вместе с Сансоном. Сообщение о гибели Казимира произвело на всех гнетущее впечатление. По причине неожиданного потепления образовался туман, окутавший плотным одеялом сады предместий. В городе, где капельки тумана смешивались с дымом из тысяч каминных труб, видимости не было никакой, что крайне затрудняло продвижение вперед. Лошади фыркали, трясли мордами и отказывались двигаться в окружавшем их непроницаемом супе. Близость реки увеличивала риск; фонари и факелы, которыми пытались осветить себе дорогу запоздалые прохожие, меркли или гасли вовсе.

Наступила минута, когда кучеру пришлось спуститься вниз и, взяв лошадей под уздцы, наощупь двигаться вперед, осторожно ступая по земле и проводя руками по стенам домов, пытаясь понять, где следует свернуть. Желая развеять давящую тишину, Николя напомнил своим товарищам, что несколько лет назад, зимой, туман достиг такой густоты, что среди бела дня пришлось нанимать слепых из лечебницы Кенз-Ван для сопровождения пешеходов и экипажей в разных кварталах города. Вознаграждение слепых проводников доходило до пяти луидоров, ибо их знание парижских улиц превосходило даже знания рисовальщиков и картографов, составляющих планы города. Однако беседу никто не поддержал. После моста Руаяль ориентироваться в пространстве стало легче. Вернувшись на козлы, кучер свернул на набережную и ехал по ней до самого моста Менял, что возле Шатле.

В старой королевской тюрьме суетились приставы с серьезными лицами, сторожа и тюремщики. Николя и его товарищей проводили на второй этаж, где подозреваемый, содержавшийся, согласно предписанию, в одиночке, пребывал в сравнительно просторном помещении, резко отличавшимся от гнусных клетушек с гнилым воздухом, куда свет проникал только через крошечные отдушины на одном уровне с полом. Едва они вошли, как в нос им ударило зловоние; при свете факелов они увидели скорчившееся на соломе тело. Покойник лежал на боку, поджав ноги и сцепив руки на уровне живота; голова откинута назад, налитые кровью глаза вылезли из орбит, рот с кровавыми потеками открыт. Пока Сансон и Семакгюс хлопотали вокруг трупа, оба сыщика внимательно осмотрели камеру. Смерть подотчетного ему заключенного, а особенно самоубийство, всегда производили на Николя тяжелейшее впечатление, и он упрекал себя за недосмотр. В его практике бывали подобные случаи, и всякий раз немым укором пред взором его вставал образ старого солдата, которого нужда толкнула на путь преступления[38]. Недоеденное рагу из колбасок с фасолью в фаянсовой тарелке и глиняный кувшин с остатками хорошего вина нисколько не напоминали тюремную трапезу, и изрядно удивленный Николя, сообщив об этом Бурдо, велел узнать, откуда в камеру попали эти гастрономические изыски.

— Взгляните также на ложку, — произнес в ответ Бурдо. — Она из чистого серебра!

— А это значит, что наш заключенный содержался в платной камере! Мы приказали поместить его в секретную одиночку, чтобы избежать возможного общения с посетителями тюрьмы, нам доложили об исполнении приказа, а на деле… Главный свидетель, единственная нить из запутанного клубка — и та порвалась у нас меж пальцев.

Двое сторожей погрузили тело на носилки и в сопровождении Семакгюса и Сансона понесли его в мертвецкую. Николя и инспектор потратили больше часа, расспрашивая тюремщиков и сторожей. Оказалось, около восьми часов вечера какой-то мужчина, не старый, но и не слишком молодой, не высокий, но и не низенький, словом, без единой приметной черты, так что узнать его никто не брался, одетый, как обычно одевается кухонная прислуга, явился в тюрьму и заявил, что принес Казимиру обед. Тюремщики, разумеется, удивились, но ни у кого не закралось подозрений, ибо дело, по которому раб сидел в заточении, слыло исключительно загадочным. И обращались с ним не как с обычным преступником, и поместили

в просторную камеру. Но, главное, неизвестный сослался на комиссара Ле Флока, и, разумеется, его тотчас пропустили. Трапезу передали заключенному, а вскоре раздались жуткие стоны. Пока отпирали дверь, несчастный негр уже скончался.

— Какое самообладание, — подумал Николя, — и какая изобретательность! Хотя, в сущности, нет ничего проще: некто, скорее всего в гриме, прикрываясь именем служителя правосудия, принес, как это заведено для узников платных камер, еду, приготовленную за пределами тюрьмы. Обед передают тюремщику, тот проверяет, все ли счета оплачены, и относит тарелки в камеру. С узником он не разговаривает, а тот, ничего не заподозрив, радуется неожиданному подарку и с жадностью набрасывается на еду. Какая низость и какое коварство! Николя содрогнулся, представив себе, что и эту жертву могли бы приписать ему, если бы со вчерашнего вечера он постоянно не был на виду; следовательно, убийца этого не знал, а значит, по крайней мере на сегодня он потерял след Николя. Но комиссар был готов держать пари, что рано или поздно его неведомый враг вновь объявится.

Вскрытие тела Казимира состоялось ранним утром, как только оба анатома раздобыли необходимые инструменты и несколько крыс. Процедура прошла быстро, вывод сделан однозначный: узник отравлен неизвестным ядом, подмешанным в пищу. На этот раз присутствие яда не связывали с пряностями, и Николя заключил: толченые семена гаитянского перца добавили в молочно-яичный напиток Жюли Ластерье с целью навести подозрение сначала на Казимира, а потом и на него самого. Отравитель — наверняка тот же самый — снова безнаказанно совершил преступление. Только теперь он не пытался скрыть природу использованного им яда. К сожалению, как справедливо заметил Бурдо, поиски мнимого слуги из съестной лавки, проникнувшего в тюрьму, сведутся к поискам иголки в стоге сена. Если даже Мальво и молодые люди, присутствовавшие в тот вечер на улице Верней, бесследно растворились в воздухе, и многие уже сомневаются в их существовании, то убийцу Казимира найти и вовсе невозможно.

Николя попросил Бурдо вновь допросить Юлию, подругу покойного, пребывавшую после ареста в состоянии крайней подавленности. Наконец он приказал поднять на ноги всех парижских полицейских агентов и осведомителей, а особенно Сортирноса, чья ловкость и прозорливость творили чудеса. Координировать действия и доставлять донесения в дежурную часть Шатле поручили Рабуину. Пока он отдавал свои приказы, комиссар пытался поймать мелькнувшую у него мысль относительно гаитянского перца. Ему казалось, что некая важная деталь, о которой все почему-то забыли, постоянно напоминает ему о себе, но так как у него не хватает времени ее обдумать, она вновь скрывается в темных углах его памяти. Так ничего и не вспомнив, он решил, что в нужный момент она, как это часто случалось, сама напомнит о себе.

Выйдя из Большого Шатле, он направился к декану Гильдии королевских нотариусов. Поднявшийся ветер свистел меж речных берегов, разрывая плотную завесу тумана. Очищенные от туч квадратики неба сияли голубизной, словно над городом раскинулась огромная шахматная доска. Мэтр Бонтан, подобно многим старикам, наверняка вставал рано, но явиться к нему, когда он только что выбрался из кровати, Николя посчитал нарушением приличий. Чтобы не выглядеть излишне навязчивым, он, сдерживая свой порыв, медленно шел пешком, обдумывая предстоящую встречу и возлагая на нее большие ожидания. Под ногами хлюпала жидкая черная грязь, и он поздравил себя с тем, что не стал менять кавалерийские сапоги на башмаки. Пройдя набережные Бурбон, Межиссери и Эколь, он по улице Пули добрался до улицы Сент-Оноре. Впереди вырисовывались высокие дворцовые постройки с галереями, к ним вела улица Сен-Тома-дю-Лувр. Мэтр Бонтан проживал в зажиточном доме, расположенном напротив особняка Лонгвиль. В этом особняке, приобретенном Генеральным откупом, располагалось одно из управлений, занимавшихся сборами налогов. Сартин объяснил

Николя, каким огромным влиянием в государстве обладает финансовая компания, именуемая Генеральным откупом, и как она скупает все больше и больше зданий. Лаборд утверждал, что если не остановить генеральных откупщиков, то вскоре вершителями судеб королевства станут семьсот управляющих этой компанией, а вовсе не король и его министры. Тридцать тысяч служащих прямо или косвенно зависели от Генерального откупа, работая на него по всему королевству. Николя с удивлением узнал, что управляющих в Генеральный откуп набирали по конкурсу, а потом заставляли их проходить определенную подготовку, дабы они могли исполнять свои обязанности вплоть до самой старости. Служащие Откупа получали пенсию, гарантированную специально созданным для этого фондом, вкладчиками которого являлись как служащие, так и компания[39]. Народ не переставал возмущаться растущей властью откупщиков, считая их ответственными за налоговое бремя и суровые времена.

Войдя в контору, комиссар с удовлетворением отметил, что не забыл засунуть за обшлаг рукава рекомендательное письмо Ноблекура. Пока он лавировал между столов, в нем оживали воспоминания о годах юности, проведенных в нотариальной конторе в Ренне, где также пахло чернилами, пергаментом и плесенью, а молодые люди с нездоровым цветом лица, обливаясь потом, целыми днями скрипели перьями по бумаге, изготовляя копии для нотариального заверения. При его появлении несколько подростков робко подняли головы и повернулись в его сторону; глядя на них, он вспомнил себя в далеком прошлом. По мере того, как он поднимался по лестнице, едкий запах кошачьей мочи все сильнее ударял ему в нос и наконец стал настолько нестерпим, что ему пришлось прибегнуть к проверенному средству — понюшке табаку, спасавшей полицейских от запахов разложения во время вскрытий в подвалах мертвецкой. На втором этаже его встретил почтенного возраста лакей, одетый в черное, с круглым плоеным воротником, сменившим от многочисленных стирок белый цвет на серый.

Жилище мэтра оказалось просторным, мрачным и запыленным. Едва он вошел, как изо всех углов к нему устремились десятки кошек и принялись обнюхивать его, не давая двигаться дальше. Одни ластились к нему, другие, недоверчивые, держались на расстоянии и лишь шипели, недовольные вторжением незнакомца. Аккуратно, чтобы не наступить на чей-либо хвост, он прошел в прихожую, обставленную высокими шкафами из почерневшего дуба, бывшими в моде более полутора веков назад; тисненая кожа на стенах как нельзя лучше гармонировала со старинными шкафами. Николя провели в библиотеку, служившую одновременно рабочим кабинетом; на расставленных вдоль стен этажерках высились старинные фолианты. Помещение освещал большой церковный светильник; запах дешевого воска соперничал с ароматом кошачьей мочи.

В готическом стуле с высокой спинкой, устроившись среди подушек, сидел крошечный, закутанный в меха человечек с лысой головой и беззубым ртом. Глаза его за толстыми увеличительными стеклами очков взирали на посетителя с плохо скрываемой яростью. Из-под меха, из каждой складки, выглядывали кошачьи морды; рассмотрев посетителя, любопытные зверьки вновь исчезали в складках одежды своего хозяина.

— С какой целью вы нарушили мой покой? — спросил скрипучий голос.

— Мэтр — проговорил Николя, — ваш друг, господин де Ноблекур, поручил мне передать вам эту записку.

Он шагнул к нотариусу, и тут же огромный черный кот метнулся к нему навстречу и, ощерив пасть и вздыбив шерсть, зарычал; его изогнутый хвост плавно выгибался, напоминая рассерженную змею.

— Успокойся, Аякс, хороший котик!

С оскорбленным видом кот медленно ретировался. Нотариус взял письмо и принялся его читать.

— Старый разбойник вспоминает, что я еще жив, только когда ему от меня что-то нужно! — проворчал он. — Ладно, я буду паинькой и исполню его прихоть. Говорите, что вам угодно? Да садитесь же!

Оглядевшись по сторонам, Николя заметил табурет с гобеленовой обивкой, и уже было сел на него, как старый нотариус завопил:

— Не туда, несчастный! Это гнездо Фрикетты. Она прячется там со своими котятами, и если вы ее побеспокоите, она может выцарапать вам глаза.

Не зная, куда приткнуться, Николя остался стоять. Комната, насквозь пропитанная кошачьими запахами, казалось, ожила. Полчища кошек выскакивали из кресел-бержер, выглядывали из-под подушек, выбирались из-под книг и, царапая когтями бархат, спускались по шторам. Несколько котов затеяли потасовку, остальные бросились к зачинщикам, и в мгновение ока огромный клубок с шипеньем и мяуканьем покатился по комнате и катался до тех пор, пока хозяин дома, звучно щелкнув хлыстиком, не восстановил порядок. Обменявшись напоследок ударами когтистых лап, участники свары быстро попрятались по своим укрытиям. Наконец Николя смог приступить к объяснениям.

— Расследуя уголовное дело, — начал он, — я столкнулся с необходимостью подробно разузнать о блестящей и стремительной карьере одного из ваших собратьев, мэтра Тифена.

— Вируле, вы маленький негодяй! Идите и пачкайте вашими испражнениями иное место, нежели вашего хозяина!

С этими словами из складок меха на груди нотариус извлек за шкирку слепого котенка; поцеловав его в нос, он бросил котенка на ковер, подальше от себя, и вытер руки о меховую полость.

— Этот мех, — словно отвечая на вопросительный взор Николя, промолвил мэтр Бонтан, — когда-то красовался на их прабабушках и прадедушках; кошачьи шкурки прекрасно выделаны, и я с удовольствием их ношу. Они лечат мои больные суставы и хорошо греют, поэтому я могу экономить на дровах. Мэтр Тифен? А кто вам сказал, что я захочу о нем рассказывать? Не лучше ли вам расспросить ваших подсадных уток, а, господин пристав?

— Мне кажется вполне резонным, — смиренно начал Николя, — обратиться сначала к декану Гильдии. Убежден, господин декан сочтет подобный демарш как похвальным, так и должным и необходимым для служителя короля.

— Оставьте, господин медоуст, ваши расшаркивания. Поверьте, я прекрасно обойдусь без деканского титула. Это вопрос выживания; они следят за мной. К счастью, у меня есть кошки, и они меня защищают. Ах, как бы мне хотелось вновь вернуть то время, когда мы с Ноблекуром каждый вечер бегали к девицам…

Про себя Николя пообещал непременно передать своему старшему другу сие высказывание.

— Тифен… Гм! Разгильдяй, каких мало, ни к чему не способный, а главное, не способный к труду в нашей почтенной Гильдии. Есть основания полагать, что правила нарушили. Так как ему нет еще двадцати пяти, ему пришлось получать специальное королевское разрешение, что весьма непросто. Вдобавок он не проработал положенных пяти лет клерком у нотариуса. А ежели хотите узнать о жизни и нравах сего субъекта, предлагаю вам обойти бордели и игорные дома нашего города: думаю, тамошние сводни, маклерши и прочие прохвосты расскажут вам много интересного. Особенно в заведениях, где процветает гонорея! Не говоря уж о тех домах, где играют в фараон! О! Хорош нотариус, искушенный в карточных играх! Честно говоря, он не делает ничего, и, похоже, добивался этой должности исключительно ради развлечения.

Огромный кот, серый и пушистый, с упоением терзал носок сапога Николя; к счастью, носок надежно защищал толстый слой высохшей грязи.

— Мои собратья доверяют мне, — продолжал мэтр Бонтан, — и я позволю себе сказать…

Меховой клубок изогнулся и приблизился к Николя.

— …позволю сказать, что деньги, необходимые для покупки должности поступили от весьма высокопоставленной особы, пожелавшей иметь у себя под рукой нотариуса; похоже, своим возвышением Тифен обязан именно этой особе. Полноценные экю, образовавшиеся, поистине, чудесным образом, доставили в запечатанных мешках государственного казначейства.

— Так вы предполагаете, что…

— Ничего. Я ничего не говорил, ничему не удивляюсь, ничего не предполагаю. Таковы времена. Вы меня понимаете. Надеюсь, понимаете с полуслова. Забудьте меня и уходите, мне пора кормить моих детей обедом.

Вошел слуга, держа в руках огромное блюдо с разнообразными кусками мяса. Начались гвалт, визг и потасовки. Поклонившись, Николя удалился, не став более ни о чем расспрашивать. Уже сидя в экипаже, он пришел к выводу, что эта встреча всего лишь подтвердила предчувствия как его собственные, так и Бурдо. Должность, приобретенная темными путями, в обход принятых правил, являлась залогом верности мэтра Тифена и его готовности к любым компромиссам. Поэтому допрос нотариуса сейчас вряд ли даст желаемые результаты. Прежде следует показать рукописное завещание знатоку, дабы тот сличил почерк завещания с почерком Жюли де Ластерье и определил, подлинное оно или нет; или хотя бы намекнул на возможность подделки. А после имеет смысл установить за новоиспеченным нотариусом постоянное наблюдение и изучить маршруты его следования, дабы обнаружить того, кто стоит за ним. Тогда Тифена можно допрашивать, и, возможно, они сумеют вытянуть из него правду.

Николя прибыл в Шатле в надежде найти там инспектора и поручить ему заняться Тифеном. Глядя на усталую и расстроенную физиономию комиссара, Бурдо, выслушав приказание, посоветовал ему немедленно отправиться на улицу Монмартр. Возбуждение, охватившее утром Николя, прошло, уступив место усталости и потребности поспать; сказывались отголоски английского вояжа.

Как только Николя вошел в дом Ноблекура, как прибывшая из Вожирара Катрина сразу заметила, что от усталости он едва держится на ногах. Увидев, что господин де Ноблекур намеревается подробно расспросить Николя о его встрече с «человеком с кошками», достойная матрона попросила его отложить разговор, и старый магистрат удовлетворился кратким ответом, что его рекомендательное письмо достигло цели. В полусне Николя добрался до своей комнаты и рухнул на кровать: на колокольне церкви Сент-Эсташ пробило четыре часа пополудни.

Понедельник. 20 января 1774 года

Он задыхался: огромный черный кот ожесточенно царапал ему грудь. Когда же, сверкая зелеными, с золотыми искрами, глазами, которые, как он был уверен, уже у кого-то видел, котяра заговорил с ним человеческим голосом, он в ужасе закричал, хотя понимал, что его никто не слышит. Страх нарастал, урчащая речь кота становилась все более грозной, но он перестал понимать ее, и только дергался, пытаясь высвободиться из кошачьих лап. Внезапно пелена спала, он икнул, закашлялся, открыл глаза и увидел перед собой добродушное лицо Бурдо.

— Наконец-то, господин комиссар изволили пробудиться! Я уже отчаялся докричаться до вас.

— Никак не могу проснуться, — зевая, ответил Николя.

— Черт возьми, мне бы столько спать! С четырех часов дня вчерашнего дня до девяти утра дня сегодняшнего, семнадцать часов кряду! Надеюсь, вы хорошо отдохнули?

— Отлично, — заявил Николя, спрыгивая с кровати. — Я принял вас за кота.

И, оставив изумленного друга размышлять над значением брошенной ему фразы, он помчался приводить себя в порядок. Вскоре он присоединился к Бурдо, который в ожидании пил кофе вместе с Марион. Николя, предпочитавший горячий шоколад, в очередной раз отметил, что кофе завоевал все слои общества: его полюбили и рыбные торговки, и герцогини. Торопясь, Бурдо обжегся, и Марион посоветовала ему взять чашку с собой в карету, чтобы спокойно допить ее по дороге.

— Кофе хорош, когда его варят дома, — произнес Бурдо, усаживаясь в фиакр.

— Ноблекур, ярый приверженец этого напитка, рассказывал, что первую кофейню во времена его молодости открыли армяне на ярмарке в Сен-Жермен. Второе заведение обустроил какой-то перс на улице Бюси. Моду же на кофе, послужившую к широкому его распространению, установил венецианец, сделавший роскошную кофейню неподалеку от Французской комедии, на улице Фоссе-Сен-Жермен; венецианца звали Франческо Прокопио ди Кольтелли.

— Откуда и пошло название заведения. В «Прокопе» сегодня собираются истинные ценители кофе и любители игры в шахматы.

— Но еще больше — любителей поговорить, так что нам приходится держать там с полдюжины осведомителей!

— В самом деле, кофе там хорош; кстати, они продают его на вынос: мальчишки в специальных ящичках могут доставить его в любой уголок столицы.

— Я этого не знал, — произнес Николя. — Когда я прибыл в Париж, все пили баваруаз. И им тоже торговали мальчишки-разносчики.

— Полагаю, вы не забыли о нашем свидании на мосту Руаяль? — спросил Бурдо. — Интересно, что мы увидим, если эксперимент увенчается успехом?

— Увидим то, что увидим, — мрачно ответил Николя. — Честно говоря, погода не располагает к погружениям. А если принять во внимание отходы, выбрасываемые и сливаемые городом в реку, можно смело утверждать, что только летом вода относительно чиста, да и то не каждый день. В январе же вряд ли можно ожидать хоть какой-то видимости, так как к грязи, слякоти и снегу добавляется сильное течение, отчего вода становится и вовсе непроницаемой.

— Мне жаль изобретателя, вознамерившегося погрузиться в ледяную воду; боюсь, как бы он там не остался, — промолвил Бурдо. — Во всяком случае, я предусмотрел меры, чтобы в случае необходимости оказать ему помощь. Надеюсь, наши люди, выставленные в караул, смогут умерить любопытство вездесущих парижских зевак.

Когда карета пересекала мост Руаяль, вынырнувшее из скопления туч солнце забрызгало своим золотистым светом набережную Тюильри. На противоположном берегу, в тени, покачиваясь на волнах, стояли баржи и лодки, доставлявшие лес и строительные материалы для строек в предместье Фобур-Сен-Жермен; носильщики разгружали эти плавучие склады. Над мостом, на набережных Орсэ и Театинцев, высились светлые каменные фасады особняков Майи и Бель-Иль. В начале улицы Бон суетилась немногочисленная толпа. Возле лестницы, спускавшейся с моста к реке, выстроилась вереница экипажей; подле них, притопывая ногами, чтобы согреться, толпилась кучка должностных лиц. Внизу, на реке, несколько лодок, поставленных полукругом на якорь, огораживали пространство, предназначенное для испытаний. Караул пропустил новоприбывших. Молодой человек в плаще военного покроя протянул Николя горячую руку.

— Полагаю, я не ошибся, и имею честь видеть перед собой комиссара Ле Флока? Мое имя шевалье де Борда, капитан-лейтенант Морского флота, член Королевской академии естественных наук. Я здесь вместе со своими товарищами по академии.

И он, согласно протоколу, по очереди представил своих соратников: члена лондонского Королевского общества и философского общества Филадельфия господина Леруа, профессора анатомии господина Пети и тщедушного аббата, зябко кутавшегося в шубу из выдры.

— Господин аббат Боссю, экзаменатор из Инженерной школы. Мы представляем специальную комиссию Академии наук, созданную ввиду большого интереса, вызванного новым изобретением. Господин де Сартин попросил нас соединить науку с пользой для дела и во время испытаний заняться поисками, необходимыми для расследования. Мы с удовольствием окажем вам содействие.

— Мы крайне признательны вашему научному сообществу, — ответил Николя. — В свою очередь, разрешите представить вам инспектора Бурдо, моего помощника. И еще я хочу задать вам маленький вопрос: откуда вы меня знаете? Мы с вами встречались ранее?

— Я имел честь служить вместе с маркизом де Ранреем, вашим отцом, во время Семилетней войны, — ответил Борда, поднося руку к треуголке. — Морякам иногда приходится сражаться на суше. Вы очень на него похожи, и мне показалось, что я вновь увидел господина маркиза. Он был настоящий солдат и истинный философ…

При упоминании имени отца Николя охватило лихорадочное волнение. Его всегда удивляло, сколько людей были посвящены в подробности его личной жизни. Впрочем, ни при дворе, ни в городе не умели хранить секреты, любая тайна немедленно становилась достоянием гласности, особенно когда речь шла о людях, занимавших определенное место в обществе; каждый считал своим долгом интересоваться ходившими о них слухами. Интересно, как долго еще людей будут оценивать только на основании их происхождения и рождения? — подумал он.

Возле парапета, в грубой рубахе и старых холщовых штанах стоял, накинув на плечи овечью шкуру, человек с крестьянским лицом, напомнившим Николя суровых рыбаков его родной Бретани; весь облик его выражал полнейшее безразличие к окружающему. Только живые глаза свидетельствовали о его нетерпении, однако прервать разговор «господ» изобретатель не решался. Его помощник, такой же неотесанный, копался в загадочном снаряжении, напоминавшем бесформенную кучу кожи и металла.

— Мои дорогие собратья, господин комиссар, — произнес Борда. — прошу внимания. Присутствующий здесь наш друг-изобретатель — плохой оратор, поэтому он попросил меня представить вам его изобретение. Итак, я буду рассказывать и объяснять все, что вы сейчас увидите. Речь идет о новом устройстве, позволяющим пребывать под водой, по крайней мере, один час, ни разу не поднявшись на поверхность. Аппарат состоит из кожаной оболочки, точнее, футляра, сделанного по форме человеческого тела. Тот, кто намерен осуществить погружение, влезает в футляр в одной рубашке или ином легком наряде сквозь проем на шее. Когда он разместится в футляре, ему на голову наденут медный шлем…

Помощник протянул большой блестящий металлический шар, и вся ученая компания уставилась на него с нескрываемым изумлением.

— …этот шлем закрывает голову. С помощью воротника из такого же металла, проложенного смазанной жиром кожей, его плотно притирают к футляру, а затем притягивают винтами. Обратите внимание на стеклянные окошки, два — для глаз и третье — на лбу. На макушке шлема находятся две трубочки, одна выше другой; от каждой медной трубочки отходит кожаная трубка диаметром с толстую свечу. Эти две трубки, длиной примерно четыре фута, ведут в огромный медный шар. Шар, как мне объяснили, обладает пружиной, она сжимается и разжимается, когда ее приводят в действие с помощью специального ключа. Когда этот шаровой насос начинает работать, воздух, содержащийся в нем, выталкивает клапан и

движется по трубке в шлем. Посредством выталкивания второго клапана воздух по другой трубке поступает в шар из шлема, внутри шара происходит воздухообмен, и насос вновь выталкивает воздух в шлем.

— Но, дорогой мой, — вмешался господин Леруа, — кожаные трубки могут лопнуть или перегнуться под действием давления. Что тогда станет с нашим несчастным, закованным в броню?

— Все предусмотрено, — ответил Борда. — Кожаные трубки через определенное расстояние укреплены железными кольцами, позволяющими избежать неприятностей, о которых вы, дорогой собрат, совершенно справедливо напомнили.

— Скажите, — начал аббат Боссю, поправляя перчатки, — каким образом в медном шаре удается очистить воздух, отравленный дыханием, иначе говоря, содержащий двуокись углерода?

— Я вряд ли смогу ответить на этот вопрос. Наш друг прежде намерен доказать эффективность своего аппарата, а уж потом раскрывать тайну своего изобретения.

Послышался ропот. Изобретатель поднял голову, словно принимая вызов, но Николя показалось, что он сейчас все бросит и уйдет.

— Однако для чего создан сей аппарат? — спросил господин Леруа. — Послужит ли он прогрессу, столь необходимому человеческому роду в наш просвещенный век?..

Борда наклонился к уху Николя.

— Храни нас, Господь, от этого болтливого филантропа! Впрочем, он добрый малый, и, к счастью, никогда не доводит свои речи до конца…

Затем, повернувшись к присутствующим, Борда объяснил:

— Этот аппарат принесет большую пользу, ибо помимо того, что с его помощью можно осматривать обшивку наших кораблей, не вытаскивая их из воды, он поможет изучить морские глубины, их фауну и флору. И это только то немногое, что приходит на ум сразу, без долгих размышлений. Нет сомнений, откроются и иные перспективы, о которых мечтает наш друг.

Изобретатель, видимо, решил, что сказанное относится к нему, и глухим, голосом вступил в дискуссию:

— Я двадцать лет служил на флоте кузнецом, — торопливо заявил он. — И я начертил и создал свой аппарат не для того, чтобы просто так сидеть под водой. Но я вовсе не хочу натянуть нос таким ученым господам, как вы. Вот чего я вам скажу. Мы живем возле Шербура, на самом берегу, и там часто разбиваются корабли. И я подумал, ужасно глупо терять весь груз и оставлять столько сокровищ под водой. И когда, конечно, время позволяло, и чтоб не темно было, я нырял понемножку, ну, и вытаскивал кое-что, пустяки всякие. Но в наши тяжелые времена всему рад…

Господин Леруа нетерпеливо застучал тросточкой по земле. Сообразив, что надвигается буря, шевалье де Борда прервал корявую речь изобретателя.

— Полагаю, пора приступить к делу, — произнес он. — Вы знаете, чего ждет от вас полиция, и это, согласитесь, во многом является доказательством заслуженного интереса к вашему изобретению.

Изобретатель снял башмаки и панталоны. Кожаное облачение бесформенной кучей лежало на земле. При содействии помощника он натянул сначала нижнюю часть, упрятав в нее ноги, а потом, извиваясь словно змея, одна за другой втиснул в рукава руки. Теперь он походил на закованного в доспехи рыцаря, готового к бою. Оставалось опустить на голову медный шлем со стеклянными глазами; проделав эту операцию, помощник старательно закрутил винты на шее. Представив себя в этом панцире, Николя сразу стало душно. Не удержавшись, он спросил Борда:

— Быть может, я ошибаюсь, но мне кажется, что, погрузившись в воду, он рискует перевернуться на голову.

— Действительно, так могло бы быть, если бы не меры предосторожности: подошвы его костюма утяжелены балластом, чтобы он мог стоять прямо и удерживать равновесие, словно киль корабля.

С помощью небольшого ключа помощник плавно привел в движение пружину медного шара, вызвавшую громкое потрескивание, эхом разлившееся в холодном воздухе и заставившее умолкнуть разговоры и смех толпы на набережной; люди замерли, внимательные и молчаливые. Готовый к эксперименту, исследователь тяжелым шагом подошел к лестнице моста Руаяль, круто идущей вниз; последние ступеньки лестницы терялись в воде. Изобретателя обвязали вокруг талии веревкой, чтобы в случае опасности вытащить его: для этого ему следовало дернуть за веревку, и его помощник, поняв, что дело плохо, начнет его вытаскивать. Помощнику также предстояло наблюдать за веревкой от большой ячеистой сети, предназначенной для собранного на дне мусора. Экспериментатор медленно погружался в желтоватую воду, а зрители, бросившись к парапету, уставились в мутные волны, пытаясь разглядеть в их толще исчезнувшего изобретателя. Последующие мгновения показались ужасно длинными. Минут через пять после погружения веревка от сетки несколько раз дернулась, и помощник стал ее тащить. Николя вместе с инспектором поспешили к воде. На дне сетки в куче грязи они разглядели небольшой прямоугольный предмет. Бурдо вытащил его и протянул Николя; тот слегка обтер его с боков. Перед ними предстал металлический, сундучок, незапертый и пустой.

— Что интересного могло лежать в этой железной коробке? — недоуменно развел руками инспектор. — Вряд ли мы сумеем найти ее содержимое — только разве высушим всю реку!

— Совершенно с вами согласен, — ответил Николя. — Ибо в этом оловянном ящичке с выгравированными инициалами Жюли де Ластерье прежде хранились драгоценности…

Возмущенный их перешептыванием, Леруа постучал набалдашником трости по плечу Николя, и тот умолк. Эксперимент продолжался в полной тишине, нарушаемой лишь плеском волн. Прошло еще пять минут; внезапно спасательная веревка натянулась и задергалась так, что помощник едва не свалился в реку. Начав тянуть, он понял, что одному ему не справиться, и запросил помощи. Откликнувшись на призыв, Николя и Бурдо присоединились к нему и через пару минут общими усилиями вытащили безжизненное тело исследователя, напоминавшего недвижный манекен. Медный шлем раскачивался так, словно голова, кою он защищал, более не принадлежала живому существу. Испытателя подняли по лестнице на набережную, положили на землю и быстро отвинтили шлем. Он был без сознания и не подавал признаков жизни; лицо его приобрело синеватый оттенок. Вытащив из кармана маленький флакон, врач поводил им под носом утопленника; аромат солей вернул его к жизни; он задышал и открыл глаза.

— У меня бы все получилось, — икая, проговорил он, — если бы только чертова пружина не сломалась[40].

— Вы пробыли под водой целых десять минут, а это немало, — взглянув на часы, промолвил шевалье де Борда. — Конечно, эксперимент не слишком убедительный. Усовершенствуйте ваш аппарат, и мы снова придем посмотреть на вашу работу и оценить ее по заслугам. Не так ли, дорогие собратья?

Академики согласно закивали. Экспериментатор покачал головой и пробурчал:

— Ну и ладно, не убедительно, но я хоть сумел достать из этой грязищи коробку, в которую, вон, комиссар так и вцепился.

Николя извлек из нагрудного кармана несколько луидоров и протянул их испытателю.

— Комиссар очень вам признателен, — произнес он. — Пусть этот маленький вклад поможет вам усовершенствовать ваше изобретение.

Золото моментально исчезло в карманах, словно его и не было.

Распрощавшись с комиссией, сыщики сели в фиакр. Толпа, собравшаяся на мосту Руаяль, с недовольным ворчанием расступилась. Какая-то женщина, бросившись наперерез, вскочила на подножку и, ухватившись за ручку дверцы, прижалась к окошку перекошенным от злобы лицом с беззубым ртом.

— Спекулянты! — завопила она. — Все богатства принадлежат народу!

Плюнув на стекло, она соскочила с подножки и, ловко увернувшись от кнута кучера, растворилась в толпе.

— Какая муха ее укусила? — воскликнул Николя.

— Во всем, что от него скрывают, народ немедленно видит зло, — ответил инспектор. — Зрители видели, как мы что-то достали из реки. А слухи разлетаются в считанные секунды.

— Кажется, даже воздух успел пропитаться ненавистью.

— О! — насмешливо воскликнул Бурдо, — эта ненависть живет в народе уже несколько веков.

Он приготовился развить мысль дальше, но передумал. Не в первый раз Николя замечал у своего помощника приступы горькой иронии, вызванной недовольством существующими порядками. Разумеется, низкое происхождение и трагическая судьба отца, ставшего жертвой королевских забав (он был смертельно ранен кабаном во время охоты) способствовали его привычке критиковать не только язвы общества, но и причины, их порождающие, в определении которых он часто бывал солидарен с последним парижским нищим. Временами Николя чувствовал, как в его помощнике закипает ярость, и со страхом думал, что будет, если она когда-нибудь прорвется наружу.

— Почему они назвали нас спекулянтами? — спросил Николя.

— Вы же знаете, ходят слухи, что король пополняет свой сундук, спекулируя зерном.

Николя вспомнил об опасениях, высказанных ему мэтром Вашоном.

— Неужели вы верите подобным слухам?

Бурдо покачал головой, словно изумляясь его наивности.

— Я не верю ничему, я подчиняюсь и действую. Разве вы не читали «Королевский альманах» за 1774 год?

— Я никогда не читаю этот альманах, — ответил Николя, — а использую его как справочники, когда надо найти чье-либо имя, должность или адрес.

— Зато другие его читают. Так что, возможно, вас и удивит, если я скажу вам, что на 523-й странице упоминается некий Демирвало, управитель зернохранилищ, принадлежащих королю…

— Ну, и в чем тут зло? — раздраженно фыркнул Николя. — Это наверняка какая-нибудь должность, связанная с финансами. Одному Господу известно, сколько их у нас развелось!

— С финансами! Вот именно! Вы попали в точку. И неважно, продает он зерно от имени короля или от имени правительства: каждый понял сообщение по-своему, как ему показалось правильным; новость вспыхнула, словно фитиль, и искры, брызнувшие во все стороны, долетели до всех этажей общества. В королевстве смеются, тем более что…

— …что?

— … что приказано арестовать оставшиеся в продаже экземпляры, наложить штраф на типографию, а лавку книготорговца закрыть до проведения более тщательного расследования. Создается впечатление, что все эти нелепости совершаются по чьему-то злому умыслу, дабы народ убедился в продажности властей, а Альманах 1774 года стал редким изданием, за которым уже охотятся коллекционеры, готовые приобрести его по цене в сотню раз больше, нежели он стоил до конфискации. Об этом даже распевают куплеты:

Шептались прежде по углам, но вот прочли мы в Альманахе:

Дары Цереры на торги монарх наш выставляет смело.

Скрывал он от народа, что торговать горазд,

Но вот назвали имя счастливчика и адрес

Того, кто торг ведет от имени короля.

Вот почему, господин комиссар, слуги короля, коими являемся и мы с вами, заслужили почетную привилегию пробуждать гнев нашего доброго народа.

Николя в задумчивости поглаживал оловянную шкатулку, довольно тяжелую, несмотря на небольшие размеры. Брошенная с высоты моста, она камнем упала в воду. На что она натолкнулась, почему открылась, и куда подевалось ее содержимое? Скорее всего, она ударилась о камень на дне реки. Бурдо часто мыслил в одном с ним направлении, и они одновременно либо приходили к единому выводу, либо ставили одни и те же вопросы. Вот и сейчас инспектор спросил:

— Полагаете, это ящик для драгоценностей? Тогда где же драгоценности?

— Мне кажется, во время нашего обыска в комнате Жюли они кучей лежали на комоде. Я даже обратил на это ваше внимание.

— Действительно, припоминаю. И что вы по этому поводу думаете?

— Что в шкатулку положили что-то другое. Некую вещь, компрометирующую меня, потому что, по утверждению анонима, это я бросил шкатулку в реку. Однако шкатулка открылась, вещь выпала и теперь покоится на дне, зарывшись в ил; возможно, ее отнесло течением.

Бурдо повернулся к Николя.

— Вам, случайно, ничего не приходит в голову, какая это вещь?

— Зачем играть в загадки? Это меня не касается. Пусть объясняет тот, кто клевещет на меня. Тайный враг продолжает меня преследовать, но наветы и бездоказательные обвинения не должны вводить нас в заблуждение. Согласно уголовному законодательству мы обязаны идти от фактов к намерениям, а не наоборот. Мой враг начал повторяться; так и хочется сказать ему: «Сударь, вы злоупотребляете».

Мудреный ответ Николя напоминал попытку скрыть свои истинные мысли, но Бурдо сделал вид, что удовлетворен им. На самом деле комиссара неотступно преследовала некая идея, терзавшая его ум, но не позволявшая сформулировать ее. Словно обезумевшая птица, она металась у него в голове, и ему оставалось только надеяться, что в нужный момент он сумеет ее поймать.

В Шатле его ждал сюрприз: в коридоре старинной крепости вышагивал Семакгюс, на ходу беседуя с папашей Мари, с трудом следившим за его перемещениями.

— Я рад, что не пропустил вас. У меня для вас потрясающие новости.

Он взглянул на часы.

— Час, когда следует подкрепить силы, близок, а я склонен ублажить свой желудок. Мой дорогой Бурдо, не посетить ли нам неприметный трактирчик, где заправляет ваш земляк?

Сыщики ускорили шаг, ибо, с одной стороны, они сгорали от любопытства узнать новости корабельного хирурга, а с другой, предвкушали несколько часов отдыха за столом, где их ожидают блюда, изготовленные искусным поваром. Излюбленное заведение находилось на улице Пье-де-Беф. Хозяин нашел им уединенный столик в углу, не предполагавший вокруг соседей, и они шумно разместились за ним.

— Этот уголок, — произнес Николя, — напоминает мне о предосудительно неумеренном употреблении крепких напитков, в кое я был вовлечен присутствующим здесь инспектором полиции и Сортирносом.

— Вам не на что жаловаться: вас привели сюда едва живого[41], а отвар из растительных субстанций, коим вас угостили, поставил вас на ноги и сделал болтливым как сорока.

— Избавьте меня от ваших полицейских мемуаров, — оборвал приятелей Семакгюс, — лучше скажите, что мы едим на обед?

— Телячье филе, как его готовила моя матушка в Монсоро, — заявил трактирщик. — Кладем в кастрюльку свежее подкожное сало, мелко нарезанное, с тремя добрыми горстями лука и моркови, нарезанными кружочками. Потом, словно младенца в ясли, опускаем на эту перинку огузочек, плотно закрываем крышкой и ставим на сильный огонь; через полчаса мясо пустит сок. Тут мы поливаем его белым винцом из маленькой бутылочки и добавляем несколько ложек бульона, потом убавляем огонь и даем ему потомиться, а сами пока занимаемся делом. Надо сказать, за то время, что огузочек томится, можно успеть принять стаканчик, и не один, ведь только через пару, а то и через три часа огузочек призовет нас к себе своим восхитительным ароматом. Разрежем его и подадим с луковым пюре. И, как всегда, пару кувшинчиков шинонского. Ну, а чтобы все легко прошло, на десерт я принесу вам мармелад из сушеных слив, за который вы мне точно станете петь Аллилуйю.

— Иди же и неси все, что ты нам тут расписал, — произнес сияющий Семакгюс. — Иначе тебе не избежать обвинения в занудстве.

Подождав, пока трактирщик удалится, хирург, повысив голос, пропел тоном рыночного торговца:

— Всего шесть су, всего шесть су, вот портулак, а вот латук!

— Что привело вас в столь веселое расположение духа? — поинтересовался Николя, разливая вино, только что поставленное на стол.

Сделав первый глоток, все умолкли, отдавая должное напитку. Он оказался отменным, и стаканы немедленно наполнили заново.

— Итак, — начал Семакгюс, — я продолжил изучать растения в Королевском ботаническом саду, равно как и тамошние коллекции…

— Что это за коллекции? — спросил Бурдо.

— Огромные деревянные шкафы с множеством ящиков, где хранятся картонные папки с засушенными образцами растений и их семян, снабженные научными описаниями со всевозможными ссылками. Итак, я открывал ящик, изучал экспонаты, размышлял и ставил папку на место. Обследовав несколько ящиков, я неожиданно наткнулся на пустую папку. Она торчала невпопад, ее засунули явно впопыхах. Я полюбопытствовал, тем более что наклейка на папке извещала о том, что в ней содержатся образцы… Впрочем, предоставляю вам возможность самим назвать это растение.

— Гаитянский перчик, — выдохнул Николя.

— О! Как вы догадались?

— Мне кажется, иной образчик вряд ли привлек бы пристально ваше внимание, — скромно ответил Николя.

— Но это еще не все, — нетерпеливо продолжил Семакгюс. — Хранитель коллекций, господин Бишоп, исполняющий обязанности помощника господина Жюсье, заведующего Ботаническим садом, пылко влюблен во вверенные ему сокровища. Он завел специальный реестр, где на пронумерованных и завизированных, словно нотариальные копии, страницах указывает имена посетителей, пожелавших ознакомиться с коллекциями. Он приобрел эту привычку после того, как в кабинете случилось несколько мелких краж. Теперь он записывает не только имена, но и адреса посетителей, а также указывает причину, побудившую их обратиться за консультацией, и просмотренные ими гербарии и папки. Кстати, а знаете ли вы, что сад открыт для публики только по вторникам и четвергам?

— Черт побери, вот это номер! — воскликнул Бурдо, от возбуждения опорожняя третий стакан.

— Итак, — продолжал корабельный хирург, — последний любитель посетил кабинет… 4 января 1774 года, то есть ровно за два дня до интересующего нас вечера 6 января, когда отравили госпожу де Ластерье!

— Не частите, моя бедная голова не успевает за вашей мыслью, — простонал Бурдо. — Хотя, может, это вино из Шинона ударило мне в голову. Но какого черта, мы уже знаем, что ее отравили отнюдь не гаитянским перцем, ибо тот нисколько не ядовит…

— Разумеется, — вмешался Николя, — и благодаря Семакгюсу мы точно знаем, что толченые семена перца подсыпали в напиток Жюли, чтобы скрыть присутствие неизвестного и сильнодействующего яда.

— И все же, зачем красть перец? — снова спросил Бурдо.

— Без сомнения, у Казимира кончились запасы пряностей, привезенных с островов, — примирительным тоном произнес Николя, — а преступник хотел выдать за яд продукт, имевшийся в доме и доступный всем домочадцам, в том числе и мне. Какую роль отвели Казимиру? Теперь мы вряд ли узнаем; мертвые не говорят.

— Господа, господа, — вмешался Семакгюс, — погодите делать выводы, лучше послушайте дальше! Итак, во вторник 4 января 1774 года некто по имени Шарль дю Мен-Жиро попросил дозволения ознакомиться с коллекцией растений с Антильских островов. По словам господина Бишопа, это был молодой человек из хорошего общества, прекрасно одетый, очень вежливый и без каких-либо особых примет. После его ухода хранитель и обнаружил кражу.

— А его адрес? — спросил Бурдо.

— Вот оно, самое главное! Сей господин проживает в меблированных комнатах на улице Сен-Жюльен-ле-Повр.

— Полагаю, мы в состоянии нанести визит этой птичке, — пророкотал Бурдо.

— Непременно, — согласился Семакгюс, — тем более что, по сведениям Рабуина, уже разведавшего обстановку в квартале, он живет в доме, принадлежащем…

Все буквально впились взорами ему в рот.

— …господину Бальбастру, органисту из Нотр-Дам, и яростному хулителю господина Николя Ле Флока, комиссара полиции Шатле.

Когда трактирщик принес большое, только что снятое с огня глиняное блюдо, его клиенты сидели молча, с изумленными физиономиями. Ставя на стол блюдо с ароматной, тающей во рту телятиной, покоящейся на перинке из лукового пюре, он приписал сие восхищение своим талантам и чревоугодию клиентов.

IX
НА ОХОТУ

Живыми удалось нам выйти на берег ада.

Кребийон

Трапеза превратилась в военный совет.

— Итак, — заявил Николя, — вот что мы сделаем… Бурдо отправится в дом, где проживает молодой человек, и на месте все разведает. Если птичка в гнезде, он привезет ее в Шатле, где мы ее допросим. А я займусь завещанием Жюли. У меня есть несколько ее писем, и я хочу вместе с завещанием показать их специалисту по почеркам. Я знаю одного служащего из Министерства иностранных дел, умеющего ловко вскрывать запечатанные послания, купленные или похищенные у курьеров соседних держав; полагаю, он мог бы нам помочь. Для этого я отправлюсь в Версаль, где…

Он чуть было не сказал, что должен отчитаться перед королем за поездку в Лондон, но вовремя остановился.

— …где Лаборд, как обычно, протянет мне руку помощи. Вернувшись в Париж, я, вооруженный полученными результатами, отправлюсь к мэтру Тифену и постараюсь добиться от него правдивых показаний. На крайний случай, пригрожу арестовать его; полагаю, от этого он станет более сговорчивым. Что же до Бальбастра, то после разысканий инспектора у нас, уверен, возникнут новые вопросы к сему своенравному персонажу. Думаю, у него есть что рассказать; его фигура слишком часто всплывала во время расследования, и вряд ли случайно.

— Не следует забывать, — произнес Бурдо, — что Бальбастр, несмотря на всю свою надменность, не имеет алиби.

Поедая мармелад из сушеных слив, Николя размышлял, какая связь существует между ним и органистом из Нотр-Дам. В доме Бальбастра он впервые встретил Жюли де Ластерье. Органист знаком с таинственным Мальво. Его подозревали в принадлежности к двум тайным обществам. Когда его прижали к стенке, он обронил, что некая могущественная личность заставляла его поступать так, а не иначе и руководила его поступками. Не исключено, что он испытал влияние чар госпожи Ластерье: его частную жизнь окутывала завеса тайны. Во время допроса Бальбастра подле большого органа Нотр-Дам комиссара поразила одна деталь, природу которой он так и не смог определить. Теперь он надеялся, что придет время, и деталь эта, как в известной игре, где картинку разрезают на замысловатые детали, а потом собирают вновь, займет свое место в общей картине преступления.

Веселье, знаменовавшее начало трапезы, к концу ее полностью угасло. Казалось, за время, проведенное за столом, на друзей тяжким грузом навалились размышления. Николя вернулся в Шатле, чтобы просмотреть «Королевский Альманах» и выяснить имя чиновника из Министерства иностранных дел, которого он хотел отыскать в Версале. Не достигнув цели, он решил обратиться к господину де Секвилю, постоянному секретарю посольской службы сопровождения. Секвиль жил на улице Сент-Оноре, напротив улицы Сен-Флорантен. Николя захотел размять ноги, к тому же ходьба всегда способствовала работе мысли. Физическая нагрузка дарила ему забвение, обострявшее его интуицию. Суета, забавные сценки, коими богата уличная жизнь, мелькание лиц, разноголосый шум являлись для него своеобразным возбуждающим средством, необходимым для усиленной работы мысли.

Господин де Секвиль оказался дома. После обычного обмена любезностями он выслушал комиссара и, немного подумав, заявил, что выполнить просьбу может, но предпочитает обойтись без чиновников из Министерства иностранных дел, мало что смысливших в частной переписке. Понизив голос, он сообщил, что в недрах предместья Сен-Марсель проживает публичный писарь и отменный каллиграф, к которому уже обращались для проверки подлинности некоторых бумаг и кое-чьих подписей, голос Секвиля и вовсе стал еле слышен. И этот господин Родоле (так зовут писаря) наверняка может помочь Николя. Вполне понятно, писарь весьма недоверчив, поэтому следует заручиться рекомендацией, иначе проситель, скорее всего, получит отказ. Но Николя, разумеется, получит рекомендательное письмо, кое он, Секвиль, немедленно ему напишет. И изумленный Николя увидел, как на маленьком квадратном листочке секретарь набросал едва различимый рисунок, без какого-либо текста, быстро свернул его и запечатал. Добродушное, в мелких складочках лицо Секвиля удержало комиссара от дальнейших вопросов. Он лишь позволил себе уточнить адрес и получил его с безмятежной улыбкой впридачу.

Несмотря на страстное желание поскорей разобраться в главном для себя вопросе, ноги понесли Николя в совершенно ином направлении, и вскоре он уже стоял возле дверей «Коронованного дельфина». Он выбрал самый естественный предлог — поздравить ставшую

хозяйкой заведения Сатин. Окинув взором дом, с которым у него было связано множество воспоминаний как трагических, так и сладостных, он взялся за дверной молоток. Через минуту молоденькая служанка, кокетливо одетая, с улыбкой на устах открыла дверь и спросила, что ему угодно, напомнив, что заведение начинает работу ближе к вечеру. Однако она готова ответить на любые его вопросы, добавила она, склонившись в изящном реверансе. Николя спросил, на месте ли хозяйка. Хозяйка оказалась в отлучке; она отправилась к поставщикам и вернется только вечером. Он уже собрался уходить, когда послышались торопливые шаги, и чья-то рука нетерпеливым движением отстранила служанку. Молодой человек, точнее, мальчик-подросток, в черном костюме и белом галстуке, сжимая в руках треуголку, извинился и попросил позволить ему пройти. Николя замер; ноги словно приросли к крыльцу. В лице и движениях мальчика он, словно в зеркале, узнал себя двадцать лет назад. Он так разволновался, что остался стоять на месте, и мальчик, огибая его, ненароком задел плечом, ибо он загораживал ему проход. Юноша с любопытством взглянул на Николя, но тот стоял против света, и мальчик не смог разглядеть его лица. Видение исчезло, точнее, умчалось. Придя в себя, Николя не удержался и спросил служанку, как зовут видение.

— Это Луи, сын хозяйки, — ответила она, покраснев. — Он учится в коллеже и делает поистине выдающие успехи. Сюда он приходит очень редко…

Лицо ее стало пунцовым.

— Если хозяйка узнает, что он заходил сюда, она будет очень недовольна. У него прекрасные манеры, он усердно постигает науки, а потому она лелеет честолюбивые планы, надеясь, что когда-нибудь он займет достойное его место, место его…

И, чуть не плача, она умолкла.

Ну вот, в смятении подумал Николя, еще один юнец, за которым потянется шлейф разбитых сердец; его лицо является лучшим тому подтверждением. Он дал зардевшейся девушке луидор, и, словно в тумане, двинулся по улице. Если до сих пор его посещали сомнения, теперь от них не осталось и следа. Потрясенный до глубины души, он не замечал идущих ему навстречу прохожих, как не замечал, столкнувшись с ними, их брани и попыток толкнуть его. В нем шла борьба между страхом и неведомым ему счастьем. Как сложится судьба этого мальчика в мире, где все определяется рождением? Он сам долго страдал от своего положения подкидыша и преимущество его понял только со временем. Кем может стать внебрачный ребенок полицейского и проститутки? Истерзанная душа тотчас напомнила ему, что ребенок был зачат, когда мать его еще не ступила на пагубный путь. Так что ему теперь делать? И он снова отложил ответ на потом: он понимал, что как только в этом споре с самим собой будет поставлена точка, изменится не только его жизнь, но и он сам.

Поймав фиакр, он поехал в Шатле, где взял отобранное у нотариуса завещание Жюли де Ластерье и адресованное ему письмо; оттуда он направился на улицу Монмартр, где в задумчивости, не замечая никого вокруг, забрал письма Жюли и приказал кучеру ехать в предместье Сен-Марсель. Выехав за пределы центральных кварталов, экипаж свернул на улицу Муфтар, добрался до улицы Фер-а-Мулен и, проехав мимо дома Шипионе, по правую руку обнаружил поворот в узенькую улочку, носящую то же имя, что и дом, и выходящую на задворки монастыря Сен-Марсель.

В этом квартале монастырей и больниц, самом бедном во всей столице, в полном уединении проживали несколько ученых мудрецов и мизантропов, редко выбиравшихся в центральные районы города, как, впрочем, и местные жители, вспыльчивые и всегда готовые пустить в ход кулаки, отчего предместье пользовалось дурной славой. Когда приходилось усмирять очередные волнения, Сартин советовал проявлять умеренность в обращении с народом, напоминая, что бунт можно подавить, но не задушить. Опасаясь спровоцировать здешнее население, полиция вела себя обходительно, дабы ненароком не вызвать больших бесчинств. Во время расследований Николя и Бурдо приходилось посещать здешние курильни,

устроенные в грязных кабаках, где субъекты без определенных занятий коротали дни, глотая ядовитый дым и контрабандную водку, заменявшие им пищу. Там же собирались дезертиры, грузчики и мусорщики, к которым приставали потаскушки, занимавшие самую низкую ступень среди жриц продажной любви. Не удержавшись, он спросил себя, в чем разница между несчастными, опустившимися созданиями и разряженной в кружева и бархат Сатин, но ответ дать остерегся, понимая, что, задав такой вопрос, он мысленно поступил несправедливо по отношению к своей бывшей подруге. Он ехал мимо жалких саманных лачуг, где в дырах вместо окон мелькали грубые лица взрослых, смотрел на замерзших детей, шлепавших босыми ногами по холодной грязи. Все здесь напоминало о вырождении: бедняки страдали от лихорадки, оставлявшей на коже красные пятна, питались хлебом из жмыха, использовали прогорклое масло и пили прокисшее вино. Из-за дурной славы здешних мест многие забывали, что в этом предместье, в собственных домах, проживает немало скромных и искусных ремесленников — краснодеревщиков, ткачей, печатников и переплетчиков, чье мастерство высоко ценилось и оплачивалось.

Домик с заросшим плющом фасадом вплотную примыкал к мастерской господина Родоле, печатника. Застекленную наружную дверь обрамляла надпись, сообщавшая о занятиях хозяина дома. Комиссара провели в кабинет, служивший одновременно мастерской, где на натянутых поперек комнаты веревках на прищепках висели пергаментные иллюстрации и образцы почерков. В многочисленных ящичках с перегородками хранились образцы бумаги и перья. В углах теснились бутылки с запасами чернил и квадратные флаконы с растворителями для лака. Крупный мужчина неопределенного возраста, в сером колпаке, из-под которого торчали желтые пряди, недоверчиво посмотрел на незваного гостя и зачем-то потер руки. На вид Николя дал ему лет пятьдесят. Верхняя одежда его напоминала ризу без рукавов, безупречно белая рубашка была заправлена в черные штаны до колен; на ногах болтались растоптанные кожаные тапочки без задников.

Господин Родоле поймал его взор.

— Я ношу такую обувь, — произнес он, — чтобы в холодное время иметь возможность быстро поставить ноги на грелку. Чем могу быть полезен, сударь?

— Не могли бы вы оказать мне одну деликатную услугу, не требующую огласки? Я комиссар полиции Шатле и веду дело о подделке документов. Господин де Секвиль направил меня к вам, заверив, что вы являетесь выдающимся специалистом в этой области и можете устранить сомнения, существующие относительно одного завещания.

Писарь ничего не ответил, однако глаза его сузились, и он внимательно посмотрел на Николя.

— Наш общий друг, — продолжил комиссар, — передал для вас вот эту записку.

Он протянул крошечный бумажный квадратик Родоле, тот быстро пробежал его взглядом, поднес к пламени свечи и сжег дотла, подтверждая подозрения Николя о характере полученного им сезама. От сгоревшей печати по комнате поплыл черный дым, запахло смолой. Родоле повернулся к комиссару.

— Итак, господин комиссар, скажите, что бы вы хотели узнать?

Николя извлек письма Жюли и завещание. Родоле взял их и, вооружившись увеличительным стеклом, надолго погрузился в созерцание. Затем, расположив в ряд несколько свечей, он наложил завещание на одно из писем, повторил операцию со всеми врученными ему письмами и вновь углубился в изучение документов. Стоя рядом, Николя видел, как подробности его личной жизни становятся достоянием хозяина дома и с досады кусал губы. Только убедив себя, что данная процедура поможет ему отыскать убийцу его возлюбленной, острое чувство унижения постепенно отпустило его, и он успокоился.

— М-да! Однако… — проворчал Родоле, стягивая колпак и обнажая лысину, окруженную тоненьким нимбом седых кудряшек. — Разумеется, я могу ошибаться… вот, господин комиссар,

к какому выводу я пришел. Почерк любого человека, даже не обученного в школе, может очень много о нем рассказать. Из всех частей тела наиболее разнообразные движения совершают руки и пальцы. Представьте себе, сударь, картину мастера, скопированную сотней художников. Все работы будут походить на оригинал, но в глазах просвещенных ценителей живописи каждая копия будет обладать своим колоритом и мазком, и эти свойства станут ее отличиями.

— Значит, на ваш взгляд…

— На мой взгляд, у каждого из нас есть свой неповторимый и неподражаемый почерк; подделать почерк невероятно трудно, поэтому подделки, даже искусные, весьма несовершенны. Примеров, опровергающих это правило, крайне мало. Но есть еще одна важная особенность: у одного и того же лица почерк может меняться, ибо расположение духа влияет на написание букв. Одним и тем же пером можно написать и любовную записку, и важный юридический документ, каковым, например, является завещание, но написаны они будут по-разному. Почерк во многом зависит от эмоционального состояния пишущего.

— А что можно сказать про представленные вам документы?

Родоле сочувственно посмотрел на Николя.

— Прошу меня извинить, но скажу честно: я не могу понять, каким образом охваченный пламенем страсти автор пылких признаний может являться обладателем небрежного почерка, коим написан текст, где мысль бежит быстрее, чем перо, хотя автор его и накладывает на себя вполне определенные обязательства. Короче говоря, я уверен, что завещание поддельное, но тот, кто занимался подделкой, имел перед собой подлинники.

— А подпись?

— Поддельная, в этом у меня сомнений нет. На подлинниках есть несколько подписей, следовательно, они должны быть идентичны подписи на завещании. Но подвергнув их наложению, мы сразу видим, как они разнятся. Вот, господин комиссар, все, что я могу вам сказать.

Записку, полученную по почте, Николя приберег напоследок. Едва взглянув на нее, Родоле тотчас сказал, что она также фальшивая.

— Насколько я понимаю суть этого дела, — произнес он, — мои выводы сбросили у вас камень с души. Вы подозреваете, кто мог выполнить эти подделки?

— Пока нет, — ответил Николя.

— Быть может, мои соображения смогут вам помочь… О, это всего лишь предположения, но я хотел бы поделиться ими. Из своего опыта, а также из наблюдений я пришел к заключению, что люди по-разному начинают строку… Возможно, конечно, это не имеет никакого смысла, и мне не стоит омрачать вас…

— Все же скажите.

— Так вот, субъект, изготовивший эти фальшивки, скорее всего — заметьте, я говорю: скорее всего — имеет отношение к музыке. Возможно, это музыкант, композитор или же переписчик нот. Когда часто размещаешь ноты на нотном стане, приобретаешь привычку особым образом начинать строку, что отражается и на обычном письме. Передавайте мое почтение господину де Секвилю.

Писарь поклонился и вежливо отказался от предложенных Николя денег.

— Тысяча благодарностей, господин комиссар, но у нас с Секвилем свои счеты.

Пока Николя в одиночестве ехал в фиакре, мысль его работала столь бурно, что вскоре у него в висках застучала кровь. Итак, завещание, равно как и записка Жюли, оказались подделками. Значит, некая злая сила, преследовавшая его по пятам, по-прежнему изо всех сил и всеми возможными способами старалась бросить на него подозрения и оклеветать его. У него в голове вновь мелькнула еще не оформившаяся мысль. Последнее замечание Родоле означало, что возможный подделыватель почерка Жюли связан с музыкой. Николя тотчас

вспомнил Бальбастра, каждодневно музицирующего по роду своих занятий, и сидевшего за фортепьяно Мальво, чье исчезновение побуждало его питать относительно данного субъекта самые тяжкие подозрения. Когда же он сообразил, что Лаборд, большой поклонник музыкального искусства, также сочинял оперы, его охватила дрожь. Он вспомнил, сколь любезно Жюли де Ластерье обходилась с первым служителем королевской опочивальни. Среди его друзей никто более не пользовался ее расположением. Раньше он объяснял ее симпатию к Лаборду надеждами своей подруги когда-нибудь занять место при дворе; теперь же он в этом усомнился: будучи платным полицейским осведомителем, она не могла всерьез питать такие надежды. Неужели хорошенькую вдовушку с Гваделупы и его друга-либертена связывало нечто большее, чем дружба? И кто как не Лаборд мог знать во всех подробностях и о занятиях Николя, и о его секретной миссии? Все его существо противилось подобным подозрениям, к тому же разве в тот злосчастный вечер Лаборд не был в гостях у Ноблекура? Все смешалось самым ужасным образом. Николя ощутил, как он все больше запутывается в паутине интриг, сплетенных с целью лишить его не только жизни, но и чести. После такого заключения ему ничего не оставалось, как вообразить неведомую разветвленную организацию, зачем-то решившую его погубить.

К вечеру он вернулся на улицу Монмартр. Хозяин дома сидел в кресле с высокой жесткой спинкой и читал Овидия, разложив книгу на столешнице секретера. Ноблекур говорил, что не может читать в ином положении, объясняя свою привычку почтением и любовью к книгам, требовавшим, по его мнению, особого к себе обращения.

— А вот и вы, и снова в раздумьях, — произнес Ноблекур, разглядывая сквозь очки отрешенное лицо комиссара.

Рассказ о посещении общественного писаря старый магистрат выслушал, не отрывая взора от книги. Поникший в жидкий воск фитиль покоробился, глухо зашипел и погас, оставив после себя струйку дыма. Ноблекур осторожно закрыл книгу и, помолчав, произнес:

— Дорогой мой мальчик, вы никогда не задавали себе вопрос, что привело вас на службу в королевскую полицию?

— Цепочка случайностей и рекомендация маркиза де Ранрея, врученная господину де Сартину.

— Да нет, я не об этом! Послушайте, что скажет вам старый скептик, и постарайтесь не слишком удивляться. Вас, честного человека, поставило на пути преступления само провидение, ибо оно вам доверяет и намеревается через вас осуществить свои намерения.

— Очень любезно с его стороны, — повеселев, ответил Николя. — Однако оно почему-то не хочет мне подсказать, кто играет первую скрипку в оркестре, исполняющем для меня свою зловещую мелодию.

— Не торопитесь, в конце концов, все улики выстроятся в нужном порядке и укажут дорогу к истине. Но для этого вам придется пробираться сквозь дебри происков и интриг.

— Интересно, это сумерки или чтение сделали вас таким благодушным?

Наклонившись над книгой, он с трудом разобрал название.

— Метаморфозы Овидия… О, понимаю, ностальгия по амурным похождениям…

Ноблекур кивнул.

— Вы попали в самую точку. Когда вы вошли, я как раз вспоминал свою жену, женщину с благородной душой и верным сердцем. Какой унылой и бессмысленной была бы моя жизнь после ее утраты, если бы не друзья, не вы, Николя. Я долго ждал, но так и не дождался появления собственного ребенка. И все же судьба решила вознаградить меня: появились вы, и моя жизнь перестала быть выморочной, ибо вы заняли в моем сердце место сына, любимого и долгожданного.

Неслыханное заявление. Никогда старый магистрат не раскрывал Николя свою душу. Неужели его растерянность, вызванная блужданиями в потемках в поисках неведомого врага, настолько растрогала Ноблекура? Доверие, оказанное ему бывшим прокурором, стало последней каплей, переполнившей чашу страданий, и Николя, тяжело дыша и перебивая самого себя, заговорил. Сумев, несмотря на рвущиеся наружу чувства, умолчать о поездке в Лондон, он подробно поведал старому другу о своей любви к Сатин и о предполагаемом отцовстве, приводившем его в волнение и замешательство. Он признался, что боится ребенка, свалившегося на него буквально с неба, и не уверен, что сможет полюбить его, равно как и не знает, как отнесется к нему мальчик, четырнадцать лет не ведавший о своем истинном происхождении.

— Умерьте ваше неуемное волнение, — ласково произнес Ноблекур. — Вы лучше, чем кто-либо иной видите путь, которым следует идти, ибо сами обрели отца лишь после его смерти. Зло кроется скорее в отсутствии доверия, нежели в непосредственности чувств, толкающих вас навстречу неизвестному пока вам мальчику. Не торопитесь, поразмыслите, а когда примете решение, верните сыну отца, а себе сына. И, пока не поздно, подарите сыну любовь и поддержку, коих он вправе ожидать от вас. Отбросьте сословные предрассудки, вы же отбросили их для себя. Думается, не за горами тот день, когда эти предрассудки перестанут существовать. Дайте ребенку все то, что каноник Ле Флок, маркиз де Ранрей, и смею надеяться, я сам, дали вам. Действуйте решительно. Но, простите, я слишком взволнован… Мы с вами еще поговорим об этом.

Встав с кресла, он стал на ощупь шарить в секретере.

— Сегодня после полудня на ваше имя пришло письмо из Версаля.

Николя взял сложенный вчетверо лист, запечатанный гербом Франции, вновь зажег потухшую свечу и распечатал письмо.

— Ответственный секретарь Его Величества шлет мне приглашение на охоту, которая состоится завтра утром, на прудах Сатори. Значит, надо приготовить зеленый фрак, единственно допустимый при охоте на тяге. Да, холода заставили пернатую дичь собраться на водоемах.

— Вы владеете охотничьей премудростью, — произнес Ноблекур, — она выдает в вас дворянина по рождению. Прекрасный повод передать ее к сыну.

Мысленно Николя согласился с Ноблекуром: сейчас самое время обучать мальчика охотничьим премудростям. Постепенно беседа приняла более отвлеченное направление; хозяин дома иногда играл на флейте, и друзья завели разговор о разных типах этого инструмента. Николя рано отправился к себе: он хотел немного отдохнуть перед охотой, ведь отбыть в Версаль следовало задолго до рассвета.

Пятница, 21 января 1774 года

Солнце еще не проснулось, когда его карета с авеню Пари выехала на площадь Арм. Холодный рассвет и отсутствие тумана обещали ясный день. Всюду лежал иней, в лужах хрустел лед. Прозрачные сосульки свисали с позолоченных решеток, окружавших Лувр[42]. Мостовая под сапогами Николя скрипела и скользила. Он добрался до парка, где перед флигелем принцев выстроилась длинная вереница карет, предназначенных доставить короля и охотников на берега озера, к затопленным полям, где егеря заметили стаи перелетных птиц. Пытаясь согреться, Николя прошел шагов сто. На ходу он обменялся приветствиями и любезностями со знакомыми придворными и снисходительным взором окинул нескольких новичков. Их юношеские лица покраснели от холода и волнения; туго затянутые в костюмы начинающих охотников, они важно смотрели по сторонам. Паж из малой конюшни потянул

Николя за рукав, напомнив, что его место — возле дверцы королевской кареты; король же скоро прибудет: утренняя месса подходит к концу. Комиссар почувствовал на себе любопытные взоры и шелест речей придворных, обсуждавших распоряжение, переданное ему достаточно громко, чтобы его мог услышать каждый. Отдав приветствие офицерам из королевского эскорта, он стал ждать.

Скрип колес по гравию предупредил его о приближении монарха. Король, в охотничьем костюме и в плаще под цвет фрака, украшенного большим меховым воротником, опирался на руку угловатого юноши, на голову выше Его Величества; в юноше Николя узнал дофина. Лаборд дружески помахал рукой Николя. Улыбнувшись, король с видимым усилием поднялся в карету. Дофин намеревался последовать за ним, но король велел ему уступить место Николя.

— Садитесь к себе в карету, мне надо поговорить с моим дорогим Ранреем.

Дофин покраснел и, приветствуя Николя, вразвалку направился к своему экипажу. Николя занял место напротив монарха. Эскорт окружил карету, взявшую курс на большой парк. Подперев рукой подбородок, король молча созерцал проплывавшие за окном пейзажи. Прикрыв глаза, Николя наблюдал за ним. С каждым днем монарх выглядел все более постаревшим, раскидистые брови поседели, нос заострился, щеки свисали дряблыми складками, и лицо, некогда столь гармоничное, окончательно утратило четкость контуров. Из черных глаз, исполненных бесконечной меланхолии, исчез прежний блеск, а из-за синеватых мешков под глазами глазницы казались безобразно большими.

— Холодно и солнечно, — произнес наконец король. — Дичь будет хорошо видна. Вы охотились на водоплавающих птиц вместе с маркизом де Ранреем?

— Да, сир. В болотах Бриера.

— Каких собак использовал маркиз?

— Легавых, сир. А еще болотных спаниелей; они хорошо плавают и нечувствительны к холоду.

— Хороший выбор. Мне сказали, на Сомме очень много водоплавающей дичи. Вы заметили это по дороге в Лондон?

— По дороге, сир, я пытался сам не стать дичью.

Король рассмеялся.

— Давайте, рассказывайте, ваш рассказ меня развлечет.

Желая развеять уныние короля, Николя уснастил свой рассказ устрашающими и причудливыми подробностями. Когда же он дошел до появления на дороге в Шантийи графини дю Барри, которую от неожиданности он едва не принял за сказочную фею, король расхохотался. Искусно используя свой дар рассказчика, Николя, не будучи навязчивым, с легкостью рассказывал обо всем, не упуская ничего важного, равно как и повода посмеяться над собой. Зная недовольство короля нарастающей англоманией, он представил Англию и англичан не в лучшем свете, а описывая Лондон, ни разу не похвалил его архитектуру. Продолжая повествовать, он думал о том, что, сложись обстоятельства по-иному, он смог бы сделать блестящую придворную карьеру. Рассказом своим, состоявшим из цепочки сценок, коротких, пикантных и остроумных, где он сам часто представал в карикатурном облике, ему удалось развеселить короля, и тот то и дело принимался хохотать, как дитя, отчего лицо его молодело на несколько десятков лет. Подъехав к прудам Сатори, кортеж остановился посреди вересковой поляны, окруженной березами и тополями; неподалеку виднелся покрывшийся тоненькой корочкой льда водоем. Король опустил окно и подозвал одного из офицеров.

— Я еще не закончил беседовать с моим дорогим Ранреем. Передайте господину дофину, что он может начинать без меня.

И вновь повернулся к Николя.

— Я должен сердиться на самого себя, сударь, ведь это по моему приказу вам пришлось рисковать жизнью, а я едва не лишился преданного слуги.

— Вашему Величеству прекрасно известно, что этот приказ спас меня от иной опасности.

— И, полагаю, вам удалось разобраться в этом запутанном деле?

— Утверждать не могу. Но Ваше Величество должны знать, что все улики подобраны так ловко, что обвинение падает прежде всего на меня; вместе с тем нагромождение подлостей подтверждает мою невиновность.

Король задумался, а потом так тихо, что Николя не понял, задал он вопрос или же просто делился своими соображениями, произнес:

— В самом деле, столько подозрительных совпадений, что, кажется, против вас выступает целая шайка злодеев. Как вы думаете, может ли быть связь между вашим делом и той миссией, кою я вам доверил?

Николя покачал головой, полагая, что в самом вопросе уже содержится ответ. Тут со всех сторон послышались выстрелы.

— Свидание с водоплавающими началось, — промолвил король своим хрипловатым голосом. — Надо поблагодарить Менара за его работу. Интересно, сколько ему лет? Герцог де Пантьевр помнит этого егеря с раннего детства. Ах, какое знание птиц! Почти такое же, как у Людовика XIII, отца моего прадеда… Теперь скажите, какое впечатление произвел на вас шевалье?

— Шевалье д'Эон приветил вашего посланца как нельзя лучше. И если мне будет позволено высказать свое мнение, я бы сказал, что у Вашего Величества нет более верного и преданного слуги.

Король неопределенно хмыкнул.

— М-м-да, именно преданного… и верного… Если неподчинение моим приказам является признаком вышеуказанных добродетелей, тогда, разумеется, да. Но, оставив в стороне его недостатки, готов признать, он искренне старается услужить мне. Но если бы он использовал в наших интересах свои многочисленные знакомства, я был бы от него просто в восторге. Впрочем, он оказал нам важную услугу, поспособствовав завершению дела, которое вы успешно начали, ибо именно вам удалось уговорить Моранда принять наши условия. Мы вам весьма признательны за это, Ранрей.

Николя показалось, что за королевским «мы» промелькнула тень очаровательной фаворитки.

— Вы в очередной раз доказали свою способность решать любые деликатные и рискованные задачи. Сартину очень повезло, что вы всегда у него под рукой!

— Сир, шевалье д'Эон просил меня переговорить с вами по поводу дела сьера Флинта.

Король отозвался не сразу. В последнее время Николя все чаще отмечал, насколько тяжело дается ему принятие решений. Его постоянно терзали сомнения, он не доверял никому, за исключением горстки тщательно отобранных и проверенных людей. Вместе с тем он по-прежнему одновременно занимался сотней разных дел, сохраняя при этом хладнокровие и не выказывая ни дурного настроения, ни нетерпения; когда же речь заходила о решении государственных вопросов, он всегда старался действовать открыто и прямолинейно. Почему же народ не хотел замечать достоинства своего повелителя, а видел одни только недостатки?

— Как вы думаете, можно положиться на этого англичанина? — спросил король.

Николя отвечал с обычной для него непосредственностью, часто удивлявшей людей, привыкших к осмотрительности и лукавству царедворцев.

— Как можно доверять человеку, предавшему своего короля и свою страну? Полагаю, не имея твердых гарантий, не следует на него полагаться; хорошо бы также проверить его сведения или хотя бы сделать вид, что проверили.

— Вот она, истинная мудрость! — воскликнул король. — Я так и сделаю.

Король опустил окошко.

— Принесите моему дорогому Ранрею мои ружья. Позовите Лаборда. А вы, Ранрей, идите охотиться и поговорите о господине Флинте с дофином. Мне хочется, чтобы мой преемник полюбил вас. Настанет день, когда ему понадобятся ваши услуги.

Он протянул Николя руку, тот поклонился и поцеловал ее, а потом, пятясь задом, выбрался из кареты, провожаемый просветленным взором короля. Один из пажей проводил его к месту охоты дофина. Дофин расположился на просторной площадке, и прибытие Николя его не стеснило.

— Хорошая погода, сударь.

Николя никак не мог придумать, с какого конца подойти к вопросу.

— Его Величество желает, чтобы я изложил вам одно дело, с которым я ознакомился во время своей секретной поездки в Лондон.

Молодой человек постарался сохранить бесстрастность, однако радостный блеск, мелькнувший у него в глазах, не ускользнул от Николя.

Отдав ружье пажу, дофин устало прислонился к березе. Его серо-голубые глаза приветливо смотрели на Николя. Предельно сократив детали, Николя быстро перешел к сути, и, зная увлеченность принца географическими картами, сразу подчеркнул преимущества, кои приобретет наш флот — как военный, так и торговый, получив возможность нанести на карту точную береговую линию великой китайской империи; зная реальные очертания берегов, суда смогут вставать на якорь в безопасных бухтах. Преклонив колено, дофин по памяти щепочкой нарисовал на земле очертания Азии. Оживившись, он принялся развивать глубокие и продуманные аргументы в пользу покупки предлагаемых англичанином сведений, чем немало удивил Николя. И хотя решение осталось за королем, теперь Николя был уверен, что к его просьбе присоединится и наследник престола.

— Сударь, — молвил дофин, — я рад, что сумел побеседовать с вами на тему, касающуюся первоочередных интересов государя. Надеюсь, я сумею отблагодарить вас, сообщив вам новости о Наганде[43], вожде племени микмак, которого вы мне представили несколько лет назад. Его донесения по-прежнему вызывают живой интерес. Племена, с которыми он нашел общий язык, расценивают его как посланца, прибывшего помочь им в борьбе с англичанами. Вы знаете о волнениях в американских колониях, об их выступлениях против метрополии… Наганда расширяет связи; он установил контакты с тускарорами, онондагами, сенеками, могавками, онейда и кайга. Этот подданный — настоящее сокровище! Мы благодарны вам за него!

Восхищенный памятью и познаниями принца, впрочем, всегда его восхищавшими, Николя почувствовал, как паж дернул его за рукав. В небо поднялась очередная стая. Взяв ружья, оба — и дофин, и комиссар — с удовольствием предались охоте, требовавшей исключительной меткости: охотники выстрелами встречали летящих на большой скорости птиц, а потом наблюдали, как те, разлетевшись во все стороны, затем снова соединяются в стаи. Не имея ничего общего с благородной охотой на лесного зверя, когда рискуешь встретиться лицом к лицу с хищником, охота на пернатую дичь напоминала безобидное развлечение; азарт порождался количеством подбитых птиц. Добродушный дофин с почтением заметил, что меткость Николя подстать королевским ружьям, и наш герой убедился, что удостоился исключительной милости, предоставляемой тем, кого Его Величество хотел отличить. Птицы падали одна за другой, так быстро, что запыхавшиеся спаниели не успевали их подтаскивать. Швейцарцы заряжали ружья, передавали их пажам, а те протягивали их охотникам. Собранную дичь считали, и первый паж из малой конюшни раскладывал ее на специальных досках, а потом отправлял в кабинет короля; Его Величество лично распределял трофеи. Большая часть

дичи обычно доставалась пажам, вместе с традиционными двенадцатью бутылками шампанского.

В этот раз король не покинул своей кареты. Ему принесли грелку, и он провел время в разговорах с Лабордом. Дофин любезно пригласил Николя к себе в карету. Беседа, протекавшая плавно и без запинок, коснулась охоты: на эту тему принц мог говорить вечно, а комиссар, в свою очередь, являлся поистине кладезем познаний охотничьего дела.

Затем Николя присутствовал при церемонии снятия сапог, и король поблагодарил его счастливой улыбкой. Лаборд возвращался в Париж, он предложил другу отвезти его. Едва очутившись в придворном экипаже, первый служитель, несмотря на холод, немедленно опустил окна.

— Вам, похоже, пришлось изрядно попотеть?

— Ох, дорогой мой, чума побери маршала Ришелье! Я очутился вместе с ним в кабинете у короля. Этот старый кокетник уверен, чем сильнее от него несет козлом, тем моложе он выглядит, поэтому он выливает на себя флаконы чистого мускуса, так что от него разом несет самцами барсука, оленя и кабана во время гона и в брачный период. В Париже сложили песенку:

Вот Ришелье пришел, и тотчас запахло так, что берегись!

Ты сердце прячь подальше сразу и затыкай покрепче нос.

Он приказал сшить себе штаны из испанской кожи, вымоченной в его любимых мускусных духах, и теперь в театре от него исходит такой резкий запах дичи, что зрители из соседних лож мгновенно исчезают. Как вы нашли короля?

Николя отметил, что ближайшие и наиболее преданные служители монарха на протяжении нескольких лет неизменно задают друг другу этот тревожный вопрос.

— Если говорить честно, он еще немного постарел…

Лицо первого служителя королевской опочивальни сморщилось, из груди вырвался вздох, словно он желал избавиться от страха, сжимавшего ему сердце.

— Однако, когда он забывает о своих заботах и оживляется, он выглядит получше.

— Жаль, что он не может видеть вас чаще! — воскликнул Лаборд. — Достаточно произнести ваше имя, и лицо его немедленно светлеет. У вас воистину, дар развлекать его; многие стараются сделать то же самое, но у них не получается. Но стоит вам побыть наедине с Его Величеством, как он тотчас молодеет на глазах! Ах, сколь печально видеть, как он, зябко кутаясь в плащ, сидит, забившись в угол своей кареты. А ведь когда-то он так любил охоту!

На мгновение придворный умолк, словно о чем-то размышляя.

— Во времена маркизы де Помпадур, — вздохнул он, — после охоты всегда устраивали изысканные обеды для узкого круга, и все очень веселились. Теперь все по-другому… Прекрасная вакханка доставляет нам немало тревог и вызывает беспокойство у врачей короля. Его Величество обязан соответствовать ее пламенному темпераменту… Старый волокита, воняющий мускусом, поставляет ей опасные афродизиаки, и король не только употребляет их, но и злоупотребляет ими — по ее наущению. Впрочем, приближающаяся старость пугает его не меньше. Он ежеминутно проверяет, готов ли он по-прежнему к любовным битвам, и для этого употребляет истолченные в порошок рога оленя и пастилки с кантаридами[44].

— Семакгюс всегда предостерегал меня против подобного рода возбудителей.

— И совершенно правильно. Увы, престарелый механизм короля все чаще отказывается работать, пружины перенапряжены от слишком частых усилий, и с этим ничего не поделаешь. Хуже всего, что, когда слабость его становится очевидной, он, вместо того чтобы следовать мудрым советам, увеличивает число попыток, чем окончательно себя истощает.

— Но, — заметил Николя, — ведь Его Величество продал Олений парк[45] господину Севену, привратнику опочивальни Мадам Виктуар?

— Да, но искушения остались, и кое-кто заинтересован искушать его по-прежнему; как известно, самые желанные одалиски в гареме султана — те, кто попал туда впервые.

Интересно, подумал Николя, а следует ли сам Лаборд, либертен и давний поклонник плотских наслаждений, тем же мудрым советам? Ввиду надвигающегося возраста осмотрительность и умеренность ему явно не помешают. Каждый устраивал собственную жизнь по своему разумению, но, глядя на отбросившего прежние привычки Семакгюса, можно было с удовлетворением отметить, что в случае корабельного хирурга верх одержало благоразумие.

— Увы, друг мой, как неустанно повторяет председатель Сожак, «не мы меняем наши привычки, это наши привычки меняют нас».

Николя решил пойти в наступление и спросил в лоб.

— Какие чувства пробуждала в вас госпожа де Ластерье?

Используя обращение «госпожа», он хотел смягчить резкость поставленного вопроса. С печальной грустью Лаборд серьезно посмотрел в глаза Николя, отчего стала заметна разделявшая их разница в возрасте.

— Не сердитесь на меня, — промолвил он, вкладывая в ответ весь свой человеческий опыт, — но я считал ее кокеткой, совершенно не подходящей для такого человека, как вы. Очень жаль, что именно смерть освободила вас от нее; однако не случись этой трагедии, вы, без сомнения, вскоре с ней расстались бы. Не отрицаю, она питала к вам определенную склонность и утверждала, что любит вас. Но я не могу с уверенностью сказать, была ли ее привязанность основана на симпатии к вам или на желании подняться наверх. Я склоняюсь ко второму предположению. В наши дни мало ухватить Фортуну за пальчик, мы хотим держать ее за руку. Насколько верно мое впечатление? Не знаю. Она, похоже, удостаивала меня особым вниманием: мое присутствие тешило ее гордыню. Ее жеманство служило приманкой и подчеркивало ее прелести.

— И вы полагаете…

— …в моем лице она пыталась очаровать придворного. Ей так хотелось отыскать тропинку ко двору…

Искренность Лаборда обезоружила Николя, полностью развеяв закравшиеся в его голову подозрения, а многолетний опыт полицейского комиссара напомнил, что при расследовании чувства следует убирать подальше. Приятели надолго умолкли; Лаборд нарушил тишину первым.

— Это я пригласил вас на королевскую охоту. Его Величество изволил напомнить, что вам приглашение не требуется, ибо вы раз и навсегда получили его во время вашей первой встречи. И добавил, что, к сожалению, видит вас гораздо реже, чем ему того хотелось бы. Ради бога, приезжайте чаще на охоту, ради него и ради меня!

Лаборд высадил Николя возле Шатле. Едва он поднялся наверх, как взволнованный папаша Мари сообщил, что на улице Сен-Жюльен-ле-Повр случилось что-то ужасное. Инспектор Бурдо отправился туда, попросив передать Николя, чтобы тот, как только вернется из Версаля, немедленно к нему присоединился. Полицейский фиакр доставил Николя на другой берег Сены. Дорога оказалась не слишком длинной, однако из-за заторов, обычно возникавших в конце рабочего дня при выезде из Сите, экипаж комиссара надолго встал на улице Марше-Палю. В конце концов Николя вылез из фиакра и, наказав кучеру ехать на место происшествия, как только движение будет восстановлено, отправился пешком. Пройдя по улицам Пти-Пон и Бушри, он очутился в узкой улочке Сен-Жюльен-ле-Повр, где тотчас увидел взбудораженную и стрекочущую без умолку толпу, окружившую полицейскую телегу.

Стражники удерживали народ на расстоянии от двери старого дома, фасад которого кренился от старости. Назвав себя, Николя прошел к дому. В одном из окон показался Бурдо и, завидев комиссара, окликнул его. В парадном Николя пришлось протискиваться через компанию кумушек, немедленно обрушивших на него град ругательств. На лестничной клетке пятого этажа он увидел инспектора и пристава. Взяв комиссара под руку, инспектор отвел его в сторону и объяснил, что случилось.

— Рабуин, наблюдавший за этим домом со вчерашнего вечера, не заметил ничего необычного, разве что сегодня утром, ровно в полдень, прибыл Бальбастр и, проведя в его стенах несколько минут, с растерянным видом удалился. Не раздумывая, Рабуин поймал одного из здешних мальчишек и направил его ко мне, наказав передать, что Рабуин отправляется следить за органистом. Пока новостей от него нет. Меня отыскали на Монмартре, где я занимался делом о контрабанде вина, и я как мог заторопился сюда. В комнате, оказавшейся незапертой, мы нашли тело молодого человека, пронзенного шпагой, закрепленной между перекладинами спинки стула. Расположение тела и оружия указывают на самоубийство. Я ничего не трогал, надеясь, что вам удастся первым осмотреть место печальных событий.

Николя молча толкнул дверь и вошел в просторное помещение, поначалу показавшееся ему пустым, так мало в нем было мебели. Шкаф из светлого дерева, кушетка с тюфяком, покрытым стеганым одеялом из потертого дамаста, колченогий стол, дырявый плетеный стул и ширма из промасленной бумаги, отгораживающая туалетный столик с тазиком, составляли всю ветхую обстановку. Напротив двери располагалось окно, открытое, без сомнения, Бурдо, дабы изгнать разлитый в воздухе запах смерти. В углу взору предстало устрашающее зрелище; рухнувшее на спинку стоящего в углу стула тело в белой окровавленной рубашке, из спины которого торчало лезвие шпаги. Волосы убитого свисали слипшимися прядями, закрывая лицо.

Николя осторожно, словно собака, которую не пускает поводок, приблизился к жертве. Конец клинка блестел под левой лопаткой. Он внимательно оглядел испачканный кровью пол, стараясь запомнить каждую деталь. Изучил корешки расставленных на полке книг. На гвоздях висела одежда, внизу стояла пара сапог. Вновь склонившись к полу, он заметил на нем несколько царапин. Его внимание привлекли также рассеченные в нескольких местах обои в цветочек; разрезы были совсем свежие, из них на пол высыпалась штукатурка. Подойдя к телу, он взял его за руку: трупное окоченение еще не настало, значит, трагедия произошла всего несколько часов назад. После соответствующих подсчетов у него получилось, что время смерти молодого человека совпадало с визитом в дом Бальбастра. Он подозвал Бурдо и пристава. Высвободив из стула эфес шпаги, они вместе подняли тело и уложили его на бок: Николя решил не извлекать оружие до вскрытия. Увидев выражение ужаса, застывшее на юном, почти детском лице жертвы, и комиссар, и его помощники почувствовали себя не в своей тарелке. Внезапно Николя содрогнулся: в искаженных чертах несчастного он узнал одного из молодых людей, игравших в карты в тот злосчастный вечер в гостиной Жюли де Ластерье. Пока труп укладывали на носилки и выносили из комнаты, Николя зарисовал царапины на полу. Прежде чем покинуть помещение и наложить печати, они с инспектором обшарили его с пола до потолка. Впрочем, задача оказалась несложной — по причине скудости обстановки. Указав комиссару на сапоги, Бурдо выразил уверенность, что эта пара, принадлежавшая некогда Николя, перекочевала сюда с улицы Верней, откуда она таинственным образом исчезла во время известных всем печальных событий. Гвоздь, торчавший в одной из подметок, подтверждал его уверенность. Следовательно, царапины, оставленные на здешнем полу, имеют то же происхождение, что и царапины на полу комнаты Жюли.

Придя к такому выводу, оба сыщика покинули улицу Сен-Жюльен-ле-Повр. Прибыв в Шатле, Николя распорядился произвести вскрытие как можно скорее. Разумеется, ему было неловко снова прибегать к помощи Сансона и Семакгюса, но он не мог доверить столь важную

для результатов расследования операцию тюремным хирургам, познания коих оставляли желать много лучшего. Сам Николя отправился на улицу Арп, в контору мэтра Тифена, нотариуса Жюли Ластерье, где обнаружил озадаченных клерков и заплаканную супругу нотариуса, со слезами сообщившую, что муж ее после визита незнакомого ей субъекта покидал в чемодан вещи, сел в карету и отбыл в Голландию. Правда, он оставил ей адрес своего банкира в Гааге, наказав ей писать на этот адрес до востребования и пообещав, что будет регулярно забирать поступившую на его имя корреспонденцию. Разочарованный и удрученный новым ударом судьбы, комиссар вернулся в дежурную часть, где нашел Рабуина, составлявшего отчет для Бурдо. Агент сообщил, что во время наблюдения за домом, где проживал господин дю Мен-Жиро — так звали погибшего молодого человека — никаких особенных событий не произошло. В дом входили только женщины из простонародья, они же и выходили из него. Единственно подозрительным субъектом оказался монах, который в дом, несомненно, вошел, но вот вышел ли он оттуда — Рабуин поручиться не мог.

— Из какого ордена? — спросил Николя.

— Похоже, капуцин, — ответил Рабуин. — Лицо его прикрывал капюшон.

— Дальше можете не рассказывать! — усмехнулся Бурдо. — Однако, Рабуин, им удалось провести даже такого хитреца, как ты!

Агент опустил голову.

— Потом, — продолжил он, — из дома вышел молодой человек со свертком под мышкой; я принял его за мальчишку из прачечной. Наконец час спустя появился известный мне господин Бальбастр. Он казался очень взволнованным и все время озирался по сторонам, словно боялся слежки.

— Он тебя видел?

— Никак нет, господин Николя. Он выскочил через пять или шесть минут, после того как зашел.

— У него было что-нибудь в руках?

— Какой-то сверток.

— А дальше?

— А дальше я решил, что надо бы за ним проследить. Он взял фиакр и поехал к себе, а живет он возле церкви Сен-Жерве. Дома он не задержался, вышел на улицу и быстро зашагал, на ходу читая письмо, которое он потом разорвал и выбросил на ветер.

— А ты не догадался подобрать клочки?

— О, я еще не научился бегать и подбирать бумажки одновременно!

Ничего не поделаешь, подумал Николя, если сразу не повезло, значит, не повезет и дальше. Придется смириться с целым рядом неудач.

— Но ты хотя бы сумел проследить, куда он пошел? Или ты потерял его след?

Рабуин гордо вскинул голову, являя свой орлиный профиль.

— Разумеется, господин Николя, мы вместе прибыли туда, куда он ехал.

— И куда же?

— Его экипаж покатил по улице Университе и остановился возле Бурбонского дворца. Бальбастр вышел из кареты и исчез под порталом особняка монсеньора герцога д'Эгийона.

— Вот это называется «приехали»! — воскликнул Бурдо.

— И ты не остался покараулить?

Рабуин подмигнул.

— Похоже, сегодня здесь все сомневаются в моих способностях! Да будет вам известно, что во всех приличных домах у меня есть свои люди. Чтобы делать мое дело, надобно знать человеческую натуру и уметь пользоваться ее слабостями.

И он выразительно пошевелил пальцами.

— Короче, — не выдержал Николя, — никто не умаляет твоих достоинств, но время не ждет.

— Короче, — ответил Рабуин, — я поговорил со своим человеком, и он сказал, что после того как наш подозреваемый побеседовал с лицом, приближенным к министру, последовало распоряжение подготовить небольшие апартаменты под кровлей особняка и проводить туда органиста. Так что сейчас он скорее всего спит и, как мне кажется, даже во сне продолжает трястись от страха.

— Браво, брависсимо! — воскликнул Бурдо. — Рабуин, ты самый лучший наш агент, и твой последний подвиг искупает предшествующую ему небрежность!

Оставшись вдвоем, Николя и Бурдо подвели итоги. Налицо новая смерть, явно связанная с гибелью Жюли де Ластерье. Следует как можно скорее определить, каким образом дю Мен-Жиро удалось совершить самоубийство. С этим событием наверняка связан визит таинственного монаха и визит Бальбастра, покинувшего дом покойного со свертком в руках. Чего испугался органист? Почему помчался искать защиты у первого министра герцога д'Эгийона, в чьем доме его приняли как своего? И почему мэтр Тифен столь поспешно отбыл за границу?

Оба сыщика вновь поделили обязанности. Николя отправился на вскрытие, назначенное на сегодняшнюю ночь, а его помощник — обыскивать жилище Бальбастра, что возле церкви Сен-Жерве. А потом, чтобы получить дозволение на продолжение расследования, придется поспешить с докладом к начальнику, пока тот, как обычно по субботам, не отъехал в Версаль, на еженедельную встречу с королем.

Суббота, 22 января 1774 года

Беседа с Сартином началась в непривычно благостной атмосфере. Поглощенный своими игрушками, генерал-лейтенант сообщил Николя, что благодаря полученному от него лондонскому адресу, чемодан, набитый париками, уже на пути во Францию, и он сгорает от нетерпения ознакомиться с его содержимым. Зная характер своего начальника, комиссар при каждом слове проникался уверенностью, что за благодушным началом последует нечто неприятное; и скоро убедился, что предчувствие его не обмануло: раздражение в голосе Сартина нарастало с каждой минутой.

Коротко и сухо Николя изложил недавние события, внимательно следя за тем, чтобы нечаянно не открыть шлюзы, откуда хлынет поток упреков. Напрасные надежды. О смерти Казимира, об открытии Семакгюса, сделанном им в Королевском ботаническом саду, и о подделке завещания Жюли де Ластерье его выслушали спокойно, хотя и с признаками нетерпения. Известие о смерти Мен-Жиро и возможной причастности к ней Бальбастра пробудило явное неудовольствие. Узнав же о бегстве органиста в особняк Эгийона, Сартин даже подскочил. Во время обыска у Бальбастра нашли запятнанные кровью башмаки и вытащили из шкафа рясу капуцина, также с пятнами крови. Вскрытие, проведенное в Мертвецкой Семакгюсом и Сансоном, показало, что речь шла не о самоубийстве, а об убийстве. Дю Мен-Жиро, без сомнения, убили. Первый же удар шпаги задел печень, вызвав обильное кровотечение, повлекшее за собой смерть; потом кто-то выстроил сцену самоубийства. Тело нанизали на шпагу, зажатую между перекладинами спинки стула, и повторно вонзили клинок в рану. Однако второй раз лезвие пошло по иному пути, нежели в первый, уничтожив таким образом все возможные сомнения. Кровь, забрызгавшая комнату, и оставшиеся на полу царапины от сапог, подошвы которых старательно отмыли, прежде чем поставить их под

вешалку, также убедительно доказывали, что произошло внезапное нападение. Жертва, увидев угрозу, оказала сопротивление, а возможно, даже попыталась отразить роковой удар. В заключение Николя попросил начальника полиции разрешения на арест Бальбастра, который скорее всего убийцей не являлся, но, без сомнения, обладал сведениями, необходимыми для продолжения расследования. Этот вывод, несмотря на всю его обоснованность, вызвал у Сартина приступ ярости, и он, как обычно, чтобы дать гневу вырваться наружу, размашисто зашагал по кабинету.

— Отличное продолжение расследования! Какой вздор вы намереваетесь нагородить дальше, господин комиссар? Когда же наконец настанет ясность в этом темном деле, куда вы вовлекли нас своей неразумной связью?

Неприкрытая непорядочность Сартина возмутила Николя.

— А как вы полагаете, сударь, мог бы я ее разорвать, когда вы, будучи в курсе всей подоплеки, сами навязали мне ее?

Сартин изо всех сил хватил кочергой по сложенной в камине пирамиде из поленьев, и она с шумом рухнула.

— Замолчите! Когда вы наконец избавитесь от несносной привычки сеять вокруг трупы! Убита ваша любовница, ее слуга, неизвестный молодой человек… кто на очереди? Из-за вас в городе учинили хаос, и я задаюсь вопросом, а стоит ли и дальше оказывать вам покровительство, коим вы до сих пор пользовались.

Он перевел дух.

— В конце концов, что вы себе вообразили? Насколько мне известно, ваша должность предполагает знание тех процедур, которых вам удалось избежать. Не забывайте, что — к сожалению или нет — когда вы еще повесничали у иезуитов в Ванне и, уверен, также сеяли хаос в этом прекрасном учебном заведении, я уже исполнял обязанности судьи по уголовным делам. Поэтому… о чем я говорил? Так вот, цель нашего правосудия — обеспечить успех обвинения, истинного или ошибочного. И если следователь кропотливо ищет мельчайшие улики, стараясь собрать как можно больше доказательств для обоснования своих выводов, то судья уверен, что следствие проводится исключительно для того, чтобы выдать суду его добычу, и в очередной раз дать наглядный пример народу, приговорив осужденного к образцово-показательной казни. Поэтому лицо, представшее перед судьей, заранее считается им повинным в преступлении. Сколь бы честными и неподкупными ни были наши судейские, они не в состоянии противиться не ими установленной процедуре. Вы, надеюсь, понимаете, о чем я говорю?

— Но что общего, сударь….

— Черт возьми, да он просто идиот! — в сердцах воскликнул Сартин. — Ладно, продолжайте и дальше валять дурака. Но все же попробуйте себе представить, что некий гражданин имеет опасного врага, и тот, желая погубить его, облыжно обвиняет его в убийстве. Догадываетесь, с какими кошмарами придется столкнуться нашему ни в чем не повинному бедняге? Согласно распоряжению от 1670 года начнется процесс по делу, и, заметьте, процесс чрезвычайный, ибо речь идет о самом тяжком преступлении. А представляете, что будет, когда наш несчастный начнет оправдываться? Ведь враг донес на него тайно, и несчастный не знает, кто доносчик. Разумеется, судья по уголовным делам допросит свидетелей, но как вы, господин вольнодумец, догадываетесь, только тех, кого ему представит доносчик. Набранных доносчиком свидетелей судья допросит сам, в обстановке полной секретности, не опасаясь, что кто-то осмелится противоречить ему. И может статься, хотя я и не хочу этому верить, но всякое бывает… В общем, судья может оказаться либо подкуплен, либо предупрежден кем надо. Увы, этого нельзя исключать! Несчастный обвиняемый! Протоколы допросов движутся своим путем, а нашего беднягу невиновного в лучшем случае со скандалом доставляют в темницу, а в худшем — запирают в одиночке и надевают кандалы. Если же дело хуже некуда,

его швыряют в жуткий сырой подвал с охапкой гнилой соломы возле стены и держат на хлебе и воде; и, естественно, никаких сношений с внешним миром.

— Но…

— Никаких «но». Его выводят из камеры только на допросы. Ему запрещено обращаться к адвокату и вообще к кому бы то ни было. Судья постоянно оказывает давление на обвиняемого, ибо закон считает его виновным. Судья пытается любыми способами — подчеркиваю: любыми способами — вырвать у него признание в преступлении, которое ему вменяется, ибо, чем больше улик трактуется не в пользу обвиняемого, тем меньше закон дает ему возможностей оправдаться. Во время очных ставок обвиняемый не имеет права напрямую обращаться к свидетелям. Такова, сударь, уголовная процедура, вызывающая множество нареканий и неоднократные требования сделать ее более гуманной, процедура, не раз повлекшая за собой роковые ошибки и часто идущая на компромисс вместо восстановления справедливости. И этой процедуры, сударь, вы сумели избежать только благодаря оказанному вам доверию и могуществу защищающей вас длани. Взгляните на вещи здраво и скажите мне, стоит ли упорствовать, искушая судьбу?

— Сударь, — запротестовал Николя, — я упорствую в поисках истины, как вы мне и приказали.

— Ага! Тоже мне, праведник нашелся! Неужели вы не понимаете, бретонский вы упрямец, что правосудие осуществляется в той мере, в какой ему это дозволено той силой, в руках которой оно находится?

— Неужели Его Величество возражает против того, чтобы…

— Не впутывайте в ваши дела короля! Раз вы упорно делаете вид, что ничего не понимаете, тогда хотя бы слушайте. Сегодня утром меня вызвал к себе герцог д'Эгийон и тоном, прекрасно вам известным, уведомил меня, что господин Бальбастр пребывает под его покровительством, а посему он (герцог) желает, чтобы его (Бальбастра) оставили в покое. А если кто-то дерзнет презреть его советы, этот кто-то обязан знать, что сие означает презреть его самого, герцога, а этого он никогда не допустит, равно как и не позволит начальнику полиции оказывать покровительство — я цитирую — «какому-то незаконнорожденному комиссаришке, в которого втюрился наш король». Таковы его слова, и мне жаль, что пришлось передать их вам. Поэтому я приказываю вам оставить это дело.

Николя не верил своим ушам. Он долго стоял молча, пока наконец не рискнул заметить:

— Однако, сударь, без показаний Бальбастра и понимания его действий наше расследование не сможет выйти из тупика, и я полагаю, что господин де Сен-Флорантен…

— И не думайте, не смейте думать! Вы что, надвинули на уши ночной колпак и решили его не снимать, чтобы ничего не слышать? Вспомните, Сен-Флорантен, коего я настоятельно вас прошу называть герцогом де Ла Врийер, является дядей супруги герцога д'Эгийона. К тому же, господин вольнодумец, ваш Бальбастр, вокруг которого вы с легкостью разбрасываете трупы, не только известный музыкант, талантливый композитор, органист собора Нотр-Дам, органист королевской часовни в Версале, но и вдобавок учитель игры на клавесине нашей дофины. Так что советую вам заняться работой. Да, да, именно работой, текущими делами комиссара Шатле. И можете себя поздравить с тем, какой оборот это дело не приняло…

Молча поклонившись начальнику, Николя направился к двери. Когда он взялся за ручку, Сартин с болью в голосе выкрикнул ему вслед:

— Николя, простите, я зол не на вас. Честно говоря, мне самому нечем гордиться…

Закрывая дверь, комиссар испытывал как радость, так и смятение от полученных им известий. Спускаясь по ступеням особняка полицейского управления, он вспомнил первые наставления Сартина, и в частности, определение, данное Кольбером почетной и ответственной должности начальника полиции: «Удостоенный сей высокой должности обязан

носить и тогу, и шпагу; плечи его украшает горностай магистрата, а на ногах его звенят рыцарские шпоры; бесстрастный как судья, и бесстрашный как солдат, он не отступит при наводнении и не испугается эпидемии чумы, он возвысится над сплетнями простонародья и презрит угрозы придворных».

Николя с тоской подумал, что времена изменились, и королевская власть давно уже не поддерживает руку магистрата.

X
КОРОЛЬ

Здесь похоронен наш Бурбон,
Монарх, весьма приятный с виду,
Платил он честно за свой уголь,
Тем, что украл он на муке.

Аноним

Четверг, 28 апреля 1774 года

В суете повседневных дел прошло два месяца. Сартин, снова пребывавший в безмятежном настроении, был с Николя особенно предупредителен, словно желал заслужить прощение за вынужденное прекращение расследования убийства на улице Верней. Николя делал вид, что согласен с его доводами, втайне надеясь, что настанет день, когда обстоятельства сложатся более благоприятно, и правосудие вновь пойдет прямым, а не окольным путем. Король все чаще приглашал его в Версаль, и эти приглашения успокаивали его и заставляли забыть о поражении. Помимо поездок на охоту, он постоянно присутствовал на приемах, устраиваемых исключительно для узкого круга приближенных к монаршей особе, что свидетельствовало об особой королевской милости, подтверждаемой любезной доброжелательностью графини дю Барри. Графиня охотно внимала Лаборду, внушившему ей, что «наш дорогой Ранрей» как никто иной умеет отвлекать короля от грустных мыслей, и его присутствие гарантирует улыбку короля.

Действительно, король все чаще пребывал в унынии. Ему исполнилось шестьдесят три года, он изрядно потолстел и плохо переносил любые излишества. Он редко появлялся при дворе, и его отсутствия, напоминавшие запои, порождали противоречивые слухи, питавшие иностранные дворы. В свое время, когда все ожидали кончины его прадеда, в Лондоне заключали пари, как долго протянется царствование престарелого монарха. Но, разумеется, никто не говорил об этом вслух. Король часто падал с лошади, однако, несмотря на мольбы врача прекратить верховые прогулки, не велел «распрягать» своего коня. Гурман и ценитель женской красоты, он наконец подчинился режиму, стал пить воду из Виши и отменил поздние ужины. Неожиданно несколько человек из его близкого окружения один за другим покинули этот мир, сильно опечалив короля, которому повсюду стал мерещиться призрак смерти. Каждое королевское слово мгновенно обсуждалось придворными; говорили, что Его Величество хочет начать соблюдать церковные обряды. Отмечали его участившиеся посещения Мадам Луизы, его дочери, принявшей постриг в монастыре кармелиток в Сен-Дени.

В Святой четверг в Версале проповедовал аббат Бовэ, епископ Сенеза. Николя долго вспоминал об ужасных минутах, оставивших глубокий след в сердцах всех присутствующих. Темой проповеди оратор выбрал смерть. Начав с развенчания утверждений, что в нынешний век люди стали жить дольше, чем в век минувший, он красноречиво описал несчастия народа, переставшего должным образом любить своего монарха, а затем с негодованием описал образ жизни царя Соломона, прозрачно намекая на короля. Николя вспомнил его слова: «И вот монарх сей, пресытившийся сладострастием и исчерпавший себя в плотских усладах, желая пробудить увядшие чувства, предался блудодеянию с девицами знатными, а затем стал искать

блудниц среди отбросов общества». При последних словах прелата король побледнел, а придворные пришли в ужас. «Еще сорок дней, и Ниневия падет во прах». Сраженная в самое сердце и обуреваемая мрачными предчувствиями, фаворитка сумела скрыть тревогу и лишь пожелала поскорее пережить «этот чертов апрель», в котором, если верить продаваемому из-под полы «Льежскому альманаху», следовало ожидать «падение некой вознесенной наверх особы, играющей двусмысленную роль при одном из чужеземных дворов».

Получив накануне записку Лаборда, Николя, заинтригованный, прибыл в Версаль: в записке сообщалось о сюрпризе, но ничего не говорилось о том, что это за сюрприз. Во время охоты Лаборд хранил молчание. Король не покидал своей кареты и, несмотря на весеннее потепление, жаловался на холод. Он плохо выглядел: после осмотра зубного врача у него болели десны. Проведя ночь в апартаментах первого служителя королевской опочивальни, Николя на следующий день к трем часам пополудни отправился в Малый Трианон. Там он узнал, что король, почувствовав себя плохо, принял болеутоляющее средство, но лучше ему не стало, и он, сыграв обычную партию в карты, отправился спать, надеясь исцелить недомогание сном.

В ожидании новостей Лаборд и Николя прогуливались в маленьком французском саду, служившим продолжением отапливаемых оранжерей, где король пытался выращивать ананасы, кофейные и фиговые деревья. За разговором они подошли к небольшому павильону работы Габриэля, где король обычно перекусывал клубникой со сливками и разбирал гербарии. Неожиданно на верхних ступеньках лестницы возник чей-то силуэт; приглядевшись, Николя не поверил своим глазам: улыбаясь, на него смотрел Наганда[46].

Лаборд оставил друзей, обрадованных нечаянной встречей. Не видевшиеся с 1770 года, когда Николя проводил молодого индейца микмака в Нант, откуда тот отплыл в Канаду, они то и дело возвращались к общим воспоминаниям. Выспросив, как дела у Бурдо и Семакгюса, индеец рассказал, как после смерти отца он стал вождем племени и теперь правит своим народом. Затем он объяснил, что за истекшее время ему удалось собрать множество интересных сведений как о своих сородичах, так и об американских поселенцах, и в Версале пожелали выслушать его лично; также его попросили сделать картографические наброски, выделив необходимые департаменту стратегические точки. Обманув английский крейсер, рыболовное судно тайно приняло его на борт в устье реки Святого Лаврентия и доставило на острова Сен-Пьер и Микелон, где его ждал корабль королевского флота. Наганда с гордостью продемонстрировал Николя свой офицерский мундир. Благодаря недавней беседе с дофином Николя был неплохо осведомлен о положении в Америке, но рассказ Наганды существенно дополнил сложившуюся у него картину. Пребывание Наганды во Франции заканчивалось; он ждал приема у короля и министра морского флота, дабы, получив новые инструкции, тотчас отбыть к себе на родину. Индейца разместили в Версале, в гостинице «Чудный образ», что на площади Дофина. Николя сумел уговорить его съездить с ним в Париж, к господину де Ноблекуру, ибо тот до сих пор сожалел, что не смог познакомиться с «человеком из Нового Света». Беседу их прервал дежурный офицер: он пришел за индейским вождем. Когда Наганда удалился, Лаборд поведал Николя, что ему удалось узнать.

— Король дурно провел ночь, — сказал он. — К головной боли добавились боли в пояснице. Пришлось разбудить королевского лейб-медика, господин Лемонье. Он нашел у короля лихорадку. По приказу Его Величества послали за графиней дю Барри. Во всем, что касается здоровья, король проявляет редкостное малодушие, поэтому Лемонье не стал пугать Его Величество и просто сказал, что у него несварение желудка. Дворяне, несущие службу при особе Его Величества, решили, что речь идет о легком недомогании.

— А графиня? — поинтересовался Николя.

— Она опасается, как бы страх перед дьяволом, пробудившийся с недавнего времени у Его Величества, не побудил его призвать исповедника. В целом же она придерживается общего мнения и желает самостоятельно ухаживать за королем. По ее приказу никто не стал сообщать в Большой дворец родным Его Величества…

— Но при дворе все всегда становится известным…

— Разумеется, дорогой Николя, так что можете себе представить, как обеспокоена королевская семья. Не осмеливаясь тревожить Его Величество, она направила к нему первого королевского хирурга Ла Мартиньера. Он только что прибыл, так что поспешим.

Лаборд взял Николя под руку и увлек его за собой. На ступенях лестницы, ведущей на второй этаж, где находились приемные, ждали служители. В прихожей, прислонившись к одной из двух фаянсовых печей, стоял Гаспар, лакей в голубой ливрее. Увидев друзей, он приветствовал их поклоном. Вокруг толпились придворные, среди которых Николя узнал господина де Буажелена: в юности они вместе с отцом, маркизом де Ранреем, ездили охотиться к нему в лес Бретеш, что возле Геранда. В королевские апартаменты, располагавшиеся на аттическом этаже, вела небольшая лестница; по утрам король имел обыкновение пить кофе у себя. Когда же вечером он поднимался в себе в спальню, на первом этаже приводили в движение хитроумный механизм, закрывавший зеркалами оба окна королевской спальни. В соседней комнате часы пробили пять. Из королевских апартаментов вышел принц Конде.

— Сударь, — обратился он к Лаборду, — хирург предписал королю покинуть Трианон и перебраться в Большой дворец. Герцог д'Эгийон распорядился подать экипажи. Его Величество сейчас спустится.

Тотчас все бросились в разные стороны. Лаборд поспешил в королевские апартаменты. Вскоре на вымощенном плитками дворе раздался топот копыт и громыхание колес, положившие конец гнетущей тишине, воцарившейся с той минуты, когда отдали приказ к отъезду. Все устремились вниз. Николя увидел, как с лестницы спускается первый министр; заметив Николя, министр внимательно посмотрел на него и проследовал дальше; за ним шел человек в черном костюме горожанина — королевский хирург Ла Мартиньер. Следом, опираясь на руку Лаборда, вышел король, в халате и небрежно наброшенном на плечи плаще. Лицо его было красное и припухшее. Спустившись вниз, он высмотрел в толпе придворных Николя и устремил на него призывный взор, и Николя, не раздумывая, подбежал к нему и поддержал его за руку. Король схватил его за запястье; прикосновение показалось Николя столь горячим, словно его обожгли кипятком. Поддерживаемый Лабордом и Николя, король проследовал к своей карете и, с трудом забравшись внутрь, крикнул прерывистым голосом: «Гони! Да поживее!» Король не отпустил своих провожатых, оба сели в карету следом за королем. От быстрой езды кузов раскачивало во все стороны, скрежетали колеса, храпели лошади, кучер щелкал кнутом и громогласно понукал лошадей. Король дрожал и кутался в плащ. В какое-то мгновение он с удивлением посмотрел на Николя, словно видел его впервые. Голова короля раскачивалась при каждом толчке кареты. Через три минуты бешеной скачки они прибыли в замок.

Карета остановилась под сводами апартаментов Мадам Аделаиды. Оба друга довели короля до порога гостиной дочери, усадили его в кресло, и слуги бросились готовить ему постель. Король предполагал провести эту ночь в Малом Трианоне, поэтому в Большом дворце его не ожидали. Вскоре прибыли принцы и маршалы. Как только король лег, к нему допустили его семью, однако родственники пробыли у него не более минуты. Привилегии провести ночь в его покоях удостоились только графиня дю Барри и герцог д'Эгийон. Фаворитка упрямо твердила всем, что речь идет всего лишь о несварении желудка. В половине десятого король принял министров кабинета, графа де Люзаса, послов Неаполя и Испании, а затем, как обычно, сообщил пароль для караула. На вопрос, как здоровье короля, первый служитель королевской опочивальни отвечал, что у короля сильный жар и головная боль.

Николя долго сидел на банкетке в большой галерее. Часов около десяти к нему подошел Лаборд и сказал, что надо обеспечить безопасность и спокойствие больного. Так как кровать короля установили в его личной спальне[47], не отличавшейся большими размерами, пришлось сократить количество аудиенций, а также число придворных, на них присутствовавших. Лакеям в голубых ливреях и французским гвардейцам приказали ограничить доступ в прихожую «Бычий глаз»[48], а одну из комнат, отведенных для торжественных церемоний, занять под парадную спальню. Лаборд сообщил Николя, что в промежутках между приступами боли Его Величество выказал желание, чтобы «наш дорогой Ранрей» находился подле него и помогал первому служителю опочивальни. Герцог д'Эгийон попытался возразить, но король резко заставил его замолчать. Графиня, напротив, благосклонно отнеслась к этому распоряжению и задалась вопросом, отчего министр открыто проявляет враждебность к преданному слуге Его Величества. Часть ночи Николя продремал на банкетке в зале совета.

Пятница, 29 апреля 1774 года

Ранним утром Лаборд разбудил Николя. Ночь прошла тяжело, в непрерывной суете. Ни опиум, ни пиявки на виски, ни иные средства не смогли успокоить страдания короля. Утро встретили в тревожном ожидании. Около девяти часов Лемонье, в согласии с первым хирургом, решил пустить королю кровь. Процедура производилась публично, и любой мог видеть на столике три лотка, наполненных королевской кровью. Присутствовавший при кровопускании Николя отметил, что больной не испытал облегчения. Оба врача удалились в комнату совета обсудить дальнейшие шаги. Лемонье, еще вчера высказывавший предположения исключительно оптимистические, счел необходимым прибегнуть к мудрости собратьев. Сопровождавший высокоученых медиков Николя выслушал длиннейшую дискуссию по вопросу, кто будет иметь честь консультировать Его Величество. Назначили Лори, врача герцога д'Эгийона, и Борде, врача фаворитки. Судя по словам, нечаянно вырвавшимся у графини, Николя понял, что Борде, считавшийся одним из светил медицины, излечивал одни лишь недомогания; когда же речь заходила о тяжелых заболеваниях, он присоединялся к решениям товарищей по высокоученому ремеслу. На консилиум призвали также врача дофина Лассона и еще несколько медиков. Неожиданно появился Гаспар и сообщил Николя, что его требуют в спальню к королю.

Из-за толпившихся придворных спальня казалась тесной, и вдобавок в ней не хватало воздуха; необходимо было срочно проветрить комнату. Обливаясь потом, король лежал на узкой походной кровати и своим хрипловатым голосом что-то безостановочно говорил. Иногда он прерывался и подзывал Лаборда, а потом потребовал послать за графиней дю Барри. «Нашему дорогому Ранрею» он велел оставаться здесь; «да, да именно здесь», несколько раз повторил он, ища глазами Николя. В полдень к королю с важным видом и сокрушенными лицами явились доктора из Парижа.

Они долго осматривали Его Величество, расспрашивая, какие страдания он испытывает, и король, с налитым кровью лицом, жаловался на головную боль. На протяжении всего консилиума светила медицины рассуждали о возможности возникновения воспаления легких, но ни разу не поставили вопрос об определении природы терзавшей короля болезни. Монарх нервничал, и после долгих колебаний врачи решили сделать повторное, а возможно, и третье кровопускание. В Версале тотчас принялись перешептываться, обсуждая решение врачей.

— Третье кровопускание! — воскликнул король. — Третье! Значит, я серьезно болен. Вот увидите, эта болезнь сведет меня в могилу.

И, ужаснувшись этой мысли, обвел присутствующих вопросительным взглядом.

— Мне бы не хотелось, чтобы мне третий раз пускали кровь. Зачем нужен этот третий раз?

Ошеломленный Николя наблюдал, как в комнатах, расположенных на подступах к спальне больного, мерный шепот, шелестящий во всех углах, постепенно нарастал, превращаясь в голос свыше. О кровопускании заговорили как о государственном деле. Атакуемые со всех сторон, испытывая давление противоборствующих лагерей, врачи колебались. Обстановка накалялась; ни одна диспозиция не удовлетворяла всеобщим интересам; вердикта, которого боялась услышать фаворитка, жаждали ее противники. Одни утверждали, что король, удрученный предложением врачей, окончательно почувствует себя больным, ибо для такого слабого человека, как он, мрачное настроение может оказаться роковым. Многие потихоньку перебирали возможные последствия третьего кровопускания, не исключая и самого худшего, за которым последуют причащение святыми дарами и отставка графини дю Барри. Не будучи ни в чем уверенными, придворные не хотели рисковать и превращать фаворитку и нынешнего министра в своих непримиримых врагов. Тревожась за своего повелителя и питая искреннюю дружбу к дю Барри, Лаборд протянул руку клану фаворитки. Многие, ссылаясь на неизбежное примирение короля с церковью, маскировали под необходимостью исполнения требований религии свое желание взять реванш над фавориткой и герцогом д'Эгийоном. Николя не знал, что и думать. Доктора решили второй раз пустить кровь только к вечеру. Королю стало хуже, и он потребовал уксуса. Обеспокоенный, он каждую минуту просил измерить ему пульс.

— Вы все твердите, что мое недомогание не опасно и скоро я встану на ноги. Но вы так не думаете. Вы должны сказать мне правду!

В пять часов дочери короля, призванные Лабордом, уверенным, что им следует явиться одновременно с фавориткой, посетили отца. Николя в отчаянии взирал на толпившихся в спальне короля людей. Принцы, палатные дворяне, прислуга, врачи, хирурги, аптекари и просто любопытные беспрестанно сновали туда и сюда, невзирая на запреты. В комнате вновь стало душно. Около десяти часов Ла Мартиньер подал королю питье, а затем, осматривая язык, заметил на лице Его Величества подозрительные красные пятнышки. Не выказывая удивления, он попросил слуг посветить ему, сказав, что больной может не увидеть стакан с водой. Присутствовавшие при этом врачи с удивлением переглянулись, видимо, посчитав его слова проявлением ужасающего невежества. Однако виду никто не подал, и врачи отправились в соседнюю комнату на очередной консилиум. Николя тенью следовал за ними.

Никто не дерзал говорить открыто, все высказывались обтекаемо, с намеками и недомолвками, опасаясь прямо назвать болезнь, наличие которой, похоже, подозревали все. Кое-кто говорил, что, возможно, они имеют дело с кожной сыпью, другие — с ветряной оспой, но никто не произносил рокового слова. Слово взял Ла Мартиньер.

— Мы видим сильный жар, сильные головные боли, боли в поясничной области, сухость кожных покровов и высыпание на лице. Какое будет заключение?

В ответ раздались невнятные слова. Тогда первый хирург в отчаянии воскликнул:

— Однако, господа, похоже, вы все напрочь забыли нашу науку! Что ж, тогда заключение сделаю я: у короля оспа, с крайне нежелательными осложнениями, и, по моему мнению, ему уже не выбраться.

Он умолк, и воцарилась мертвая тишина.

— Ваши речи слишком дерзки, — произнес присутствовавший на консилиуме Дюра, первый дворянин королевской опочивальни.

— Сударь — ответил Ла Мартиньер, — я вижу свой долг не в том, чтобы льстить Его Величеству, а чтобы говорить правду о его здоровье. А мои слова не сможет опровергнуть ни один из присутствующих здесь господ. Все думают так же, как и я, но я один осмелился произнести это вслух, ибо считаю делом чести называть вещи своими именами.

Среди собравшихся послышался глухой ропот.

— Значит, король больше не встанет? — произнес герцог де Дюра. — Но в таком случае что мы можем сделать?

— Ухаживать за ним и продолжить его жизнь настолько, насколько это окажется возможным, ибо своих сил у него больше нет; он хотел пойти против природы, но природа ему не позволила.

— Неужели все уверены, что речь идет именно об этом заболевании? — подал голос Лемонье. — Я слышал, король переболел оспой в 1728 году. Но теперь, в его возрасте!

— Возраст Его Величества дела не меняет, — вздохнул Лори. — В прошлом январе господин Дубле, канцлер королевы Испании, дядя маркизы де Монтескье и графини де Вуазенон, умер от оспы в семьдесят восемь лет.

— На каком основании вы считаете, что болезнь приняла столь серьезный оборот? — спросил Лоссон, личный врач дофины.

— Увы, — ответил Ла Мартиньер, — симптомы говорят о самой опасной форме заболевания. Пятна сыпи начинают сливаться в единую поверхность. Вы заметили, что пустулы возникают не отдельно, а кучками? Все тело, а особенно голова, вскоре распухнет и начнется непрерывное слюнотечение. Подобная форма заболевания, часто осложненная покраснением кожных покровов и гнойниками, обычно уносит больного через одиннадцать дней.

Ответом на выступление хирурга стала испуганная тишина.

— Я уверен, мы сможем исцелить короля, — произнес Лемонье.

— Можно попробовать, — ответил Ла Мартиньер, — но мы не можем изменить природу, ибо ей мы обязаны больше, чем усилиям тех, кто пытается нас исцелить!

— О методах лечения много спорят, — вновь подал голос Лассон, — и мнения в этой области разделились. Немцы считают, что пускать кровь следует крайне редко, в то время как Абу-аль-Касим аз-Захрави предписывает кровопускания вплоть до полной потери сил.

— Говорят, — робко промолвил аптекарь, съежившись под гневными взорами, устремившимися на непрошеного советчика, — когда больного надо заставить пропотеть, безотказным средством является конский навоз. А еще навоз исцеляет горло.

— Плевать на навоз! — воскликнул Ла Мартиньер. — Чтобы облегчить состояние больного и удалить содержимое пустул, надо поставить вытяжные пластыри и промывать язвочки целебными отварами, дабы начался процесс заживления. Мы обязаны любыми средствами прекратить образование гноя, а затем начать подсушивать гнойники. Нельзя допустить, чтобы гной проник внутрь организма. Надо поить больного очищающими настоями, смазывать кожу ароматическими маслами и мазями на основе розового масла. Замедлить высыпание посредством отваров козельца, чечевицы и лекарственного ласточника. Увеличить объем напитков, разжижающих кровь, а для поддержания сил давать светлый нежирный бульон, не провоцирующий лихорадку.

По окончании консилиума Николя отыскал Лаборда и шепотом сообщил ему заключение светил медицины. Лаборд побледнел. Врачи запретили членам королевской семьи входить в комнату к монарху. И во всеуслышание объявили, что у государя оспа. Началась паника: все боялись заразиться. Слов о том, что болезнь хоть и заразная, но «Его Величество переносит ее мужественно и вскоре пойдет на поправку», никто не слушал. Среди царствующих домов Европы семья Людовика оказалась единственной, отвергшей оспопрививание; правда, пока никто из ее членов не болел этим недугом. Поэтому первой заботой стало удалить из покоев короля дофина; супруга сумела увести его. Принцы отбыли сами, остались только герцог Орлеанский, граф де Ла Марш, герцог де Пантьевр и принц Конде, заявившие, что они переболели оспой, а потому намереваются по-прежнему видеться с королем. Королевские дочери — Аделаида, Виктуар и Софи — твердо решили стать отцу сиделками и расположились в личном кабинете короля и гостиной с часами.

Среди придворных началось своеобразное соревнование — кто быстрее сбежит из Версаля. Смущенно улыбаясь, Лаборд подошел к Николя и попросил его как можно скорее покинуть дворец. Однако тот заявил, что несколько лет назад, по дружескому совету Семакгюса, ему сделали прививку. Так как эпидемия оспы вспыхивала периодами, корабельный хирург уговорил всех обитателей дома Ноблекура, включая и его хозяина, подвергнуться профилактической процедуре. Комиссар согласился сразу: его отец, маркиз де Ранрей, всегда выступал ярым сторонником всяческих новшеств; вдобавок он помнил, как английский офицер, живший пленником в Геранде, убеждал его в действенности вакцины. Теперь, к великой радости его друга, он мог остаться. Остался и Гаспар, лакей в голубой ливрее, убедивший всех, что переболел оспой в детстве. Когда явилась графиня дю Барри, дочери короля встретили ее приветливо: болезнь монарха сблизила их. После тревожной ночи Николя отправился в апартаменты первого служителя королевской опочивальни; там он привел себя в порядок и написал две записки — Сартину и Ноблекуру, где сообщал им о болезни короля и извещал, что задержится в Версале.

Суббота, 30 апреля, воскресенье, 1 и понедельник, 2 мая 1774 года

Болезнь развивалась своим чередом, гнойники никуда не уходили. Однако день прошел без заметного ухудшения. Дочери короля исполняли роль сиделок днем, а вечером, после множества поклонов и обменов любезностями, уступали ее фаворитке. С наступлением ночи жар у короля усиливался, и он тяжко страдал. На следующий день, в воскресенье, вновь встал вопрос о принятии святых даров. Из любви к отцу Дочери Франции выступили заодно с партией д'Эгийона, понимая, что принятие святых даров может стать для короля слишком сильным потрясением с непредсказуемыми последствиями. Назревал скандал, и вскоре брожение умов настолько обострилось, что главный сборщик милостыни — кардинал де ла Рош-Эмон приказал послать за Кристофом де Бомоном, архиепископом Парижским, чьей обязанностью являлось подготовить короля к последнему причастию.

Во время долгих совместных бдений Лаборд ознакомил Николя с различными сторонами проблемы. Архиепископ приезжал в Версаль со святыми дарами. Это означало немедленное и бесповоротное удаление фаворитки. Однако, будучи человеком совестливым, прелат в тайне питал признательность к графине дю Барри за оказанные ею услуги партии святош, и в частности, за ее активное участие в свержении Шуазеля, возвышении д'Эгийона и в роспуске парламентов. Союзники архиепископа и друзья графини высказывались против принятия святых даров. С другой стороны, «партия Шуазеля» открыто требовала провести церемонию соборования, дабы удалить из Версаля «девку Бекю», свергнувшую их кумира. Треволнения, охватившие всех по поводу вопросов совести Его Величества, привели к довольно странному размежеванию: партия нынешнего министра и партия святош делали все, чтобы помешать причащению Людовика XV, в то время как партия Шуазеля, объединившись с партией философов и неверующих, пыталась уговорить монарха принять святые дары. Среди всеобщих интриг Лаборд держался в стороне, полностью посвящая себя службе королю; покидать оказавшийся под угрозой корабль графини он не собирался.

Николя в отчаянии бродил по просторным апартаментам. Невидящим взором он смотрел на окружавшую его роскошь и внезапно услышал за спиной плач. Обернувшись, он увидел Мадам Аделаиду с распухшим лицом и красными от слез глазами; словно единственную панацею, способную утешить ее горе, она запихивала себе в рот скомканный платочек. Он приветствовал ее почтительным поклоном. В этой постаревшей женщине он с трудом узнал надменную красавицу, встреченную им четырнадцать лет назад на охоте в большом парке; при виде его морщинистое лицо дочери короля осветилось радостью.

— Ах, мой дорогой Ранрей, как говорит наш отец!

И она снова залилась слезами. Пока Николя стоял, не зная, как поступить, она схватила его за руки, словно цеплялась за ветку спасительного дерева.

— Сударь, — умоляющим тоном произнесла она, — что нам делать? Вы всегда были верным и преданным слугой Его Величества, скажите нам, что мы должны делать?

— О чем вы, сударыня?

От неожиданности он выругался, но возбужденная до предела Мадам Аделаида не заметила его оплошности.

— Как вы считаете, господин маркиз, должны ли мы уговаривать короля принять святые дары? Герцог Орлеанский торопит меня с решением. Он полагает необходимым посоветоваться с врачами.

Николя только что прочел последнюю сводку о здоровье короля и не мог сказать ничего утешительного.

— И что они вам ответили, сударыня? — на всякий случай спросил он.

— Что они с первых минут болезни короля предложили высшим должностным лицам доставить королю святые дары. Но те не рискнули отдать такое распоряжение…

Рыдания прервали ее речь.

— …Они боялись не угодить герцогу д'Эгийону, который следит за всеми. Они уверены, король находится в таком тяжелом состоянии, что этот мрачный волнительный обряд может оказаться для него роковым…

— Следовательно, сударыня, не стоит действовать поспешно.

— Да, мне тоже так кажется. Нельзя рисковать и подвергать отца опасности. Полагаю, архиепископа надо взять под наблюдение. Нельзя оставлять его в комнате наедине с королем, дабы он не сказал чего-нибудь такого, что напугает Его Величество.

— Сударыня, мне кажется, надо положиться на Бога. Уверен, Его Величество сам поймет, когда настанет момент для принятия святых даров.

Она поблагодарила его вымученной улыбкой и потрусила в соседнюю комнату, где ее ожидали сестры. Николя заметил, что она прихрамывает при ходьбе, и, приглядевшись, увидел, что у одной из ее туфель без задника сломан каблук.

На следующий день в сопровождении многочисленной свиты прибыл архиепископ Парижа. Говорили, он страдает от мочекаменной болезни и накануне у него вышли два больших камня. Не исключая возможности нового приступа, он привез с собой собственную ванну. Несмотря на то, что архиепископа мучили боли, его, к великому его неудовольствию, заставили проторчать в зале кордегардии, откуда его извлек маршал Ришелье, обрушивший на него поток слов, надолго задержавший его в зале «Бычий глаз». Зажатый в угол комнаты и вынужденный вдыхать ароматы герцога, жаждавшего отвратить архиепископа от выполнения долга, святой отец выдержал атаку, проведенную по всем правилам воинского искусства. Громкий голос первого дворянина королевской опочивальни не мог не привлечь внимания любопытных, желавших собственными глазами убедиться, сколь непристойная комедия разыгрывается вокруг недужного короля; любопытные немедленно сбежались и заняли первые ряды.

— Господин архиепископ, — говорил маршал, — если вам так хочется принять исповедь, идите сюда, ко мне, в уголок, и клянусь вам, вы многое узнаете, особенно если вам любопытно послушать о моих излюбленных прегрешениях! Не стоит вести бесед о таинствах с Его Величеством, вы убьете его столь же верно, как если бы выстрелили в него из пистолета, и тем самым проложите дорогу тому, кто отнюдь не намерен оказывать поддержку вашей церкви.

Высвободившись наконец из цепких объятий герцога, ошарашенный Кристоф де Бомон отправился к королю; возле дверей его ожидали собравшиеся вместе Мадам[49]; войдя в спальню, он увидел склоненную над кроватью женщину. При виде архиепископа графиня дю

Барри испуганно вскрикнула и, метнувшись в альков, исчезла за потайной дверью, скрытой в деревянной обшивке. Когда в комнате остался один герцог Орлеанский, король поинтересовался у прелата, как тот себя чувствует, не было ли новых колик, а затем отвернулся и умолк. Обескураженный Кристоф де Бомон удалился. Проходя через кабинет короля, он споткнулся о ковер и чуть не упал. Николя поспешил поддержать его. Со времени их последней встречи архиепископ сильно постарел: кожа на лице приобрела сероватый оттенок, вокруг ввалившегося рта залегли глубокие горестные складки. Он узнал Николя.

— Господин комиссар, — произнес он, глядя на него своими покрасневшими глазами, — когда я вас вижу, мне тотчас кажется, что где-то неподалеку бродит дьявол. Однако Господу угодно сделать вас крепостью и оплотом….

Всю дорогу до кареты он говорил, не переставая, но Николя так и не смог понять, была ли эта речь адресована ему, или же он оказался невольным слушателем внутреннего монолога, случайно вырвавшегося наружу. Прелат вещал без перерыва и не ответил ни на одно приветствие.

— Он неустанно стережет нас, а когда видит нас на пороге смерти, удваивает свою бдительность и беспрерывно строит козни. Но разве тот, кто не заботится о собственном доме, может заботиться о Церкви Господней?

Приветствуя архиепископа, маршал Ришелье украдкой рассмеялся. Когда прелат удалился, маршал, прыснув от смеха, повернулся к Николя.

— Еще один неудачливый актер, выскочивший на подмостки во имя веры! Он уезжает с понурой головой, увозя с собой свою ванну, и возвращается в Париж, чтобы вновь писать кровью, вспоминая, как в Версале он писал чистой водой!

Вторник, 3 и среда, 4 мая 1774 года

Регулярные бюллетени врачей о здоровье короля отличались монотонностью и неопределенностью. Писали исключительно о внушающих надежды симптомах, о действии вытяжных пластырей, об ослаблении лихорадки, о более спокойном сне, об удачно проведенном очищении организма и о побледнении высыпаний. Николя, знавший истинное положение дел, видел, что король очень ослабел. Прислонившись к подушке, подложенной под спину, он сидел молча, пугая всех, кто к нему приближался, отекшим лицом, распухшим и побагровевшим, словно медный чан. Эгийон и Ришелье, пряча глаза от убитых горем Дочерей Франции, по-прежнему дергали за веревочки придворных интриг и скрывали от монарха тяжесть его состояния. Король редко задавал вопросы относительно своей болезни; однажды он сказал, что, кажется, в восемнадцать лет он все же переболел оспой; впрочем, если он запамятовал, значит, он заболел ею сейчас. Он просил Мадам Аделаиду осушать его гнойники, а фаворитку отирать ему лоб, чтобы успокоить кожный зуд. Придворные из ближайшего окружения готовились к плачевному исходу.

На следующий день несмотря на болезнь архиепископ появился снова, и, как и прежде, герцог де Ришелье принялся усиленно заговаривать ему зубы, дабы отвратить его от исполнения обязанностей. Версальского кюре герцог пригрозил вышвырнуть в окно, если он осмелится намекнуть королю на необходимость исповедаться. После полудня в присутствии герцога де Ноайля, Лаборда и Николя король внимательно осмотрел высыпания, покрывавшие его руки.

— Это, несомненно, оспа.

И, повернувшись к собравшимся, воскликнул:

— Однако это удивительно!

Врачи попытались переубедить его, но безуспешно: собственный диагноз прочно засел в голове короля. Вечером Его Величество вел себя, как обычно. В комнате открыли окна, и свежий весенний ветерок из парка принес ароматы весны, изгнав миазмы болезни. Больной, укрытый легким одеялом, все время высовывал наружу руки, в то время как врачи упорно просили его этого не делать. Поддерживая ровным тоном беседу, он, как обычно, свел ее на похоронные темы. Тем не менее его разговорчивость пробудила у Николя надежду. Неожиданно король обратился к оберкамергеру, герцогу де Лианкуру.

— Скажите, в этом году, во время празднования Рождества, вы видели монаха, игравшего на скрипке посреди реки?

— Да, сир, — ответил герцог.

Придворные переглянулись, взволнованные столь резкой сменой темы, причиной коей вполне могло быть помутнение рассудка. Заметив всеобщее замешательство, герцог улыбнулся.

— У Его Величества отличная память. Мои предки сделали богатый дар монастырю, однако поставили странное условие: каждый год, на Рождество, кто-нибудь из монахов должен был сесть в лодку, выплыть на середину реки и сыграть на скрипке или флейте какую-нибудь песенку. Если бенефициар нарушит традицию, владения вернутся к дарителю.

Король на минутку задремал, потом оживился и о чем-то долго шептался с Лабордом. Потом первый служитель королевской опочивальни подошел к герцогу де Лианкуру и жестом показал ему, что король устал и всем следует покинуть помещение. Когда высшие должностные лица, а следом за ними и лакеи разошлись, Лаборд сделал знак Николя остаться. Король окинул взором комнату, убеждаясь, что все вышли, и пригласил обоих друзей подойти к кровати.

— В какой фазе сегодня Луна? — спросил он.

— Сегодня последняя четверть, одиннадцатого будет новолуние, Ваше Величество.

— Черная луна, как написано в «Альманахе»?

— Да, сир, — ответил Лаборд.

Несмотря на расстройство, причиненное болезнью, король по-прежнему ничего не говорил напрямую.

— Меня пытаются убедить, что у меня не оспа, — вздохнул он. — Уверяют все хором. Поэтому от вас двоих я хочу услышать правду. Я приказываю вам сказать мне правду.

Король говорил тоном монарха, горделиво восседающего на троне; слова, вылетавшие из раздувшейся красной головы, звучали речью истинного короля. Взглянув на Лаборда, Николя увидел, как тот опустил голову и лицо его сморщилось, словно он вот-вот заплачет.

— Сир, — проговорил Лаборд, — болезнь вышла наружу, и теперь осталось заживить ее следы.

Король весь обратился в слух.

— Спасибо Лаборд. Ранрей, вы готовы оказать последнюю услугу своему королю? Подойдите.

Король долго и внимательно смотрел на Николя, потом достал из-под простыни небольшую шкатулку маркетри. Неловкими движениями он пошевелил одну из бронзовых накладок на углах и привел в действие пружину. Крышка открылась; внутри лежал бархатный кошелек и запечатанное письмо.

— В этой шкатулке лежат камни, оцененные весьма и весьма высоко; для той же, кому предназначены эти камни, они представляют еще большую ценность. Если я умру…

— Сир!

— Если я умру, — закрывая шкатулку, твердым голосом повторил король, — вы любыми способами, пусть даже с риском для жизни, передадите эту шкатулку графине дю Барри. Это ее пропуск в новое царствование, и ее гарантия, если ее начнут преследовать. Если Господь позволит мне исцелиться, вы вернете мне шкатулку. Проверьте, чтобы у дверей никто не подслушивал.

Осмотрев зал совета и гостиную с часами, Николя вернулся к кровати короля, и тот передал ему шкатулку.

— А пока положите ее в надежное место…

Неожиданно король начал задыхаться, речь его моментально стала бессвязной и непонятной. У него вновь началась лихорадка, и он устремил взор на гнойники, покрывавшие все тело. Испытывая приступ удушья, он часто задышал, рубашка на груди приоткрылась, обнажая усеянное язвами тело.

— Ваш король в реках крови/ Он видит перед собой Смерть/ Которая летает от шеренги к шеренге… — неожиданно стал напевать он. — Ах, этот Вольтер… Да, господин маршал, здесь командуете вы, и я первым готов подать пример послушания.

Встрепенувшись, он прокричал:

— Королевский дом идет вперед… Сабли наголо! Ранрей в первой шеренге… Мы были счастливы, очень счастливы. Ты помнишь, Ранрей?

Лаборд шепнул Николя, чтобы тот ответил: король бредил, и в бреду принимал Николя за его отца.

— Да, сир. Тот день под Фонтенуа[50] забыть нельзя.

— Да, да, это был чудесный день!

Король умолк и, казалось, заснул. Когда же через два часа он пробудился, то был в полном сознании, и речь его прозвучала четко и осмысленно.

— Лаборд, я понял, в какой стадии моя болезнь, и я не хочу повторения скандала в Меце[51]. Теперь я принадлежу Господу и моему народу. Прикажите позвать графиню дю Барри. Она должна покинуть Версаль.

Согласно указаниям Лаборда Гаспар постарался, чтобы Николя посреди ночи получил лучшую лошадь из большой конюшни. Комиссар хотел поместить в надежное место доверенную ему королем шкатулку. По дороге он постоянно оглядывался, пытаясь понять, не едет ли кто-нибудь за ним. Занималась заря, когда он галопом вывернул на улицу Монмартр. От его кобылы, жадно глотавшей свежий утренний воздух, шел пар, и она радостно била копытами. Бросив поводья восхищенным мальчишкам-подмастерьям, Николя вбежал в дом Ноблекура. Поднявшись одним прыжком в свою квартирку, он подбежал к книжному шкафу и, выдвинув две книги на полке, засунул за них шкатулку. Кому придет в голову искать ее здесь? Скрытая книгами, она пролежит здесь до тех пор, пока не решится исход болезни короля. Вымывшись во дворе под струей воды, он побрился и переоделся. Когда он завершал свой туалет, в дверь тихонько постучала Катрина; она сказала, что господин де Ноблекур, пробудившись и узнав о его возвращении, хочет видеть его как можно скорее. Сопровождаемый тявканьем Сирюса, он последовал за кухаркой. Закутавшись в персидский халат и обвязав голову ярким платком, старый магистрат восседал в кровати. При виде комиссара он улыбнулся.

— Как дела? Что нового? Наконец-то вы вернулись! Когда вас нет, в доме становится ужасно грустно.

— Увы, — ответил Николя, — король тяжко болен, и мне нужно немедленно возвращаться в Версаль.

— Черт возьми, до нас доходят самые разные слухи. Но что говорят врачи?

Тайна диагноза тяжким бременем давила на Николя, но он не мог обманывать Ноблекура.

— Они ни в чем не уверены.

— Как так — не уверены? Оспа — легко распознаваемое заболевание, особенно когда им заболевает человек в таком возрасте. Его надо усиленно лечить.

И Николя с изумлением узнал, что народ давно знает о болезни короля, в то время как он, пребывая в четырех стенах замка, верил, что только близкое окружение и семья короля в курсе его истинного заболевания. В опубликованных бюллетенях, посвященных здоровью короля, ни разу не упомянули роковое название, однако описанные симптомы не оставили ни у кого сомнений.

— Не волнуйтесь, — промолвил Ноблекур. — Разве вы не знали, чем болен король?

— Разумеется, знал, но я удивлен, что об этом знают все!

— На улице только об этом и говорят, скандал разгорается с новой силой. Архиепископ приказал всех диоцезах читать молитвы сорокового дня, выставить святые дары и читать молитву pro infirmo[52]. Однако…

— Однако?

— Народ, который заставляют молиться, не может понять, почему король уклоняется от исповеди. Брожение умов достигло высшей точки. Ободряющие бюллетени, составленные королевскими врачами, больше не вызывают доверия. Вчера арестовали и бросили в тюрьму некую особу, подвергшую критике содержание такого бюллетеня. Париж буквально нашпигован вашими доносчиками из Шатле и их прихвостнями, они подслушивают всех и вся и пытаются заставить людей выражаться более сдержанно.

— Они исполняют свою работу, господин прокурор, — возразил Николя с вымученной улыбкой.

— Я их не упрекаю, но эта работа преумножает тревогу и усиливает брожение умов. Не говоря уж о том, какие слухи ходят о причинах этой болезни. Скабрезная история, которую, честно говоря, мои уста отказываются повторять[53]. Но, увы, в ней все правда… Я благословляю небо, благодаря которому нашим другом стал Гильом Семакгюс, чья предусмотрительность, без сомнения, спасла вас. Вакцина защищает нас, а особенно вас. Ведь вы еще так молоды! А теперь бегите, исполняйте вашу службу и поскорее возвращайтесь.

Николя попрощался, пообещав давать о себе знать, и, стянув на кухне несколько бриошей, отправился седлать кобылу, которую Пуатвен успел побаловать, добавив в овес немного хорошего вина. Обратно он ехал неспешной рысью, не желая утомлять верховое животное. Неспешное возвращение способствовало размышлениям, коим он по причине ответственности переживаемого момента не имел возможности предаваться. Он вновь ощутил кошмар нынешних дней, проходящих в бесконечном ожидании, когда все вокруг зашаталось и со дня на день должно рухнуть. Он с болью сознавал неизбежность кончины короля; невидимая связь, установившаяся много лет назад между ним, простым подданным, стоящим далеко от трона, и Его Величеством, не могла оборваться безболезненно, не оказать влияния на его собственную жизнь. Вдалеке вырисовывались очертания нового мира, где ему придется заново строить свою жизнь; сумеет ли он обрести прежние спокойствие и безмятежность?

На дороге, ведущей в Версаль, царило небывалое оживление. Севрский мост загромождали разномастные экипажи; словно сбившееся в кучу стадо, они выстроились при съезде с моста и на въезде в королевский город. Только спустя три часа Николя наконец добрался до замка и отдал кобылу конюху. Когда он вошел под аркаду, ему навстречу выехала карета, запряженная двумя лошадьми, и с лакеем в серой ливрее на запятках; когда экипаж, едва не задев его, проезжал мимо, внутри он разглядел заплаканное лицо графини дю Барри; ее сопровождали две ее родственницы и герцогиня д'Эгийон, Из-за угрозы заражения

версальские апартаменты опустели, а зловонный воздух добрался до зала «Бычий глаз». Вышедший к нему навстречу Лаборд сжал его в объятиях.

— Графиня только что уехала в Рюэйль; она разместится в доме герцога д'Эгийона.

— Я встретил ее экипаж, когда он проезжал под аркадой. Как самочувствие короля?

— Он молчит, говорит только когда хочет что-нибудь попросить. Он спросил, уехала ли прекрасная дама, и ему ответили, что она уехала сегодня утром, чтобы не слишком беспокоить его. «Как, уже?» изумился он.

По щекам Лаборда сбежали две слезы, он отвернулся и замолчал. И сказал, что король принял архиепископа.

Томительное ожидание возобновилось. Вечером король почувствовал себя лучше и пожелал встать. Врачи дали согласие. На короля надели панталоны, но когда он захотел дойти до кресла, боль от язвочек на подошвах и вытяжных пластырей оказалась такой острой, что он не смог идти. Его вернули в кровать.

С пятницы, 6 мая по вторник, 10 мая 1774 года

Ночь прошла тревожно: король бредил. Мадам Аделаида взяла на себя обязанности, раньше исполнявшиеся графиней дю Барри. Лаборд и Николя сменяли друг друга подле нее, протягивая ей намоченные салфетки. Днем король допустил к себе кардинала де ла Рош-Эмона и архиепископа Парижского, но говорить с ними отказался, сославшись, что ему трудно выговаривать слова. К вечеру лицо его почернело, а голос стал прерывистым, словно горло и нос у него забились зерном или мелкими шариками. Когда с ним начинали заговаривать об исповеди, он повторял, что боится, как бы гной из его язвочек не смешался со святым причастием; отказ от исповеди приводил его дочерей в отчаяние. Суббота прошла без особых изменений.

Седьмого числа ранним утром король попросил герцога де Дюра послать за аббатом Моду, его исповедником, который все эти дни молился в часовне. В обществе аббата он провел не менее четверти часа, ввергнув в изумление все свое окружение. Потом, переговорив с д'Эгийоном, он попросил дочерей разбудить и привести его внуков, строго указав черту, которую родственникам запрещалось переступать. Отдав надлежащие распоряжения, он вновь уединился с исповедником. В семь часов дофина и графиня д'Артуа дожидались в комнате совета, Мадам стояли возле двери королевской спальни, дофин — у подножия лестницы. Слуги, а также Лаборд и Николя разместились позади святых отцов, окруживших постель короля, дабы даровать ему последнее причастие.

— Господа, — произнес первый сборщик пожертвований, епископ Санлиса, — король поручил мне сказать вам, что он просит прощения у Господа за свои грехи перед ним и за прегрешения свои перед народом, и если Господу будет угодно вернуть ему здоровье, он покается, станет опорой Церкви и облегчит страдания народа.

С кровати раздался хриплый голос.

— Мне бы хотелось иметь силы сказать это все самому.

Восьмого числа, в воскресенье, здоровье короля резко ухудшилось, участился пульс и поднялся жар; лицо Его Величества выглядело совершенно ужасно. Николя понял: конец близок. В одиннадцать часов прибыл знаменитый английский инокулятор Саттон, обладавший чудодейственным порошком для прививания против оспы. Но англичанин отказался назвать состав порошка, и консилиум отверг его; придворное врачебное сообщество не пожелало

отдавать дело исцеления государя в руки неизвестно кого; инокулятора изгнали как шарлатана.

В понедельник, девятого мая, король едва проявлял признаки жизни. Лаборд из последних сил дежурил подле него, и Николя прилагал все усилия, снабжая друга всем необходимым, дабы тот не упал от истощения. Короля поили крепкими целебными настоями, но они не действовали. Около десяти часов приняли решение соборовать монарха. Распахнули все двери, разрешили всем вход, и в спальню хлынула толпа, где, как с возмущением отметил Николя, преобладали любопытные, чье присутствие оправдывал этикет, но никак не чувства. Тело короля разлагалось, из спальни, несмотря на открытые окна, исходил омерзительный запах. Короля окружали свечи, освещавшие его темное, как у мавра, раздувшееся лицо, напоминавшее бронзовую маску; ко всеобщему удивлению, черты лица не деформировались, а всего лишь увеличились; веки покрылись струпьями, рот не закрывался. Всю ночь первый сборщик пожертвований и исповедник читали молитвы по преставляющемуся. Время от времени король отвечал на обращенные к нему мольбы и произносил несколько бессвязных слов. Сильный жар держался до 10 часов утра. Тело короля, содрогаясь в конвульсиях, оказывалось то вдоль, то поперек поставленной возле окна кровати. Врачи усиленно трудились, заставляя Его Величество беспрерывно глотать лекарства. К полудню началась агония. Чуть позже трех часов пополудни, в ту минуту, когда кардинал де ла Рош-Эмон произнес слова отходной молитвы Profiscere anima Christiana[54], Людовик XV испустил дух на руках у Лаборда. Свечу, стоявшую на окне, выходившем в мраморный дворик, погасили. У дверей зала «Бычий глаз» герцог де Бульон торжественно сообщил о смерти короля. В ответ вдали раздался громкий рокот, словно целый полк заряжал ружья: толпа придворных спешно покидала апартаменты покойного, дабы засвидетельствовать свое почтение новому монарху.

Николя спустился в парк. Легкий ветерок, напоенный цветочными ароматами, шевелил верхушки деревьев. По аллеям во множестве гуляли люди. По мере того как новость распространялась среди гуляющих, разговоры и смех звучали все громче. Он услышал, как двое рабочих говорили один другому: «А мне что с того? Хуже, чем нам сейчас, все равно быть не может». У Николя сжалось сердце, словно из-за всеобщего безразличия переживаемое им горе не могло вырваться наружу. Он так сильно сжал кулаки, что ногти до крови впились в ладони. Когда около пяти часов он вернулся в замок, королевская семья готовилась к отъезду; король и королева отправлялись в Шуази, а дочери короля — в Мюэтт; на улице их ожидали шестнадцать карет, запряженных восьмерками лошадей. Народ, толпившийся на площади и на прилегающих улочках, уже позабыл о смерти своего короля и провожал королевские экипажи злобными выкриками и проклятиями.

В опустевших апартаментах герцог де Ла Врийер составлял опись вещей, найденных в королевской спальне и в рабочем столе короля. Герцог де Виллекье, первый дворянин королевской опочивальни, приказал господину Андуйе приступить к вскрытию и бальзамированию тела. Николя услышал хохоток хирурга.

— Я готов, господин герцог. Но с условием, что вы, согласно обычаю, будете держать голову, пока я буду производить вскрытие. И через сорок восемь часов мы оба отправимся на тот свет.

Впрочем, никто не настаивал на вскрытии. Последующие два дня стали для Николя настоящим восхождением на Голгофу. Тело короля обернули в пропитанный ароматами саван и положили в свинцовый гроб, покрытый изнутри специальной мастикой, составленной из извести, уксуса и камфарной настойки. Затем гроб запаяли и опустили во второй гроб, дубовый. Священники, миссионеры, реколлекты и фейяны читали молитвы в огненной часовне вплоть до часа, когда тело повезли в Сен-Дени.

Четверг, 12 мая 1774 года

Траурный кортеж намеревался выехать к вечеру, около половины седьмого. Наганда попросил Николя разрешения сопровождать его: он хотел отдать последний долг своему государю. Оба сели в экипаж Лаборда. Первый служитель казался постаревшим на несколько лет. Все трое молчали. Гроб поместили в большую карету, затянутую черным бархатом. Две другие траурные кареты сопровождали дворяне, допущенные в королевские покои, собиратель пожертвований и кюре церкви Нотр-Дам в Версале. Кареты были те самые, в которых король обычно ездил на охоту. Французские гвардейцы и швейцарцы приветствовали кортеж барабанным боем. Группа пажей с факелами, прижав к носам платки, старались держаться подальше от гроба. На протяжении всего пути траурный кортеж являлся мишенью для шуток праздношатающегося люда, то кричавшего: «Ату, держи его! Ату!», как обычно кричал Людовик XV на охоте; то напевавшего: «Вот угодник дамский, до чего дошел!». Только в этот печальный вечер стало ясно, насколько прав оказался король, предусмотрительно построивший дорогу Револьт, соединившую Версаль и Сен-Дени в обход Парижа. К одиннадцати часам кортеж прибыл к старинному собору, где после нескольких благословений гроб опустили в склеп Бурбонов, и тотчас соорудили вокруг него кирпичный саркофаг.

Вскоре у подножия алтаря остались только несколько монахов, молившихся в угасающем пламени свечей. Лаборд, Николя и напоминавший статую отчаяния Наганда молча стояли возле колонны, предаваясь невеселым размышлениям. Неожиданно подле себя они услышали плач. Плакал господин де Секвиль; никто не заметил, как он здесь появился. Стоя на коленях, церемониймейстер, всхлипывая, монотонно декламировал протокол воображаемой похоронной процессии со всеми прописанными подробностями.

— Увы, мой повелитель, как они с вами обошлись! А ведь к последнему этапу похорон приступают только после того, как отслужили мессу! Двенадцать гвардейцев из личной охраны поднимают гроб и опускают его в склеп. Герольдмейстер снимает с себя куртку с гербом, шапочку и вслед за своим кадуцеем бросает их на гроб; затем, отступив на три шага, восклицает: «Герольды Франции, идите и исполните ваш долг!» Придворные служители подходят к отверстой могиле и тоже бросают свои кадуцеи, куртки с гербами и шапочки. Затем слово вновь берет герольдмейстер, он приказывает лакеям опустить королевские украшения, регалии покойного, корону, скипетр, руку правосудия, флажок, шпоры, щит, накидку с гербом, шлем и кожаные перчатки для соколиной охоты. Оберкамергер, откликаясь на зов герольдмейстера, преклоняет к могиле знамя Франции и трижды восклицает: «Король умер!», а затем говорит: «Помолимся Господу за упокой его души». Все преклоняют колена в безмолвной молитве. Оберкамергер поднимает свой жезл и трижды восклицает: «Да здравствует король!» и добавляет, увы, увы…

С этими словами Секвиль выпрямился и, воздев руки к сумрачному своду, закричал так сильно, что разбуженное им эхо спугнуло залетевших в некрополь голубей, и те в страхе заметались по собору.

— «Да здравствует Людовик, шестнадцатый, носящий это имя, Божьей милостью наихристианнейший, августейший и могущественный король Франции и Наварры, наш почитаемый сеньор и добрый господин, и да дарует ему Господь долгую и счастливую жизнь».

И, вторя этому крику, в древних стенах собора зазвучали горькие слова, наивные, словно причитания осиротевшего ребенка. Это индеец алгонкин, стоя возле преданного монарху Франции бретонца оплакивал своего умершего короля.

XI
ПРОБЛЕСКИ

Мы для них словно сосуд разбитый,

Отбросили его и никак не используют.

Святой Бернар

Пятница, 13 мая 1774 года

Печальная ночь завершилась возвращением в Версаль. Лаборд, чьи обязанности завершились с кончиной короля, пригласил Николя и Наганду поужинать в его апартаментах: вскоре ему предстояло их покинуть. Затем все трое, в сопровождении заплаканного Гаспара, поехали в Париж. Огромный замок напоминал опустевший фрегат, отданный во власть мойщиков и полотеров: им предстояло привести помещения в полный порядок, ибо по истечении сорока дней сюда прибудет новый король со своим двором. Лаборд сообщил, что накануне графиню дю Барри проводили в аббатство Пон-о-Дам, в Шампани, подле Бри, в десяти лье от Парижа. Не прерывая разговора и выразительно глядя на Николя, он подчеркнул, что местопребывание ее хранится в строжайшей тайне, и на настоящий момент она не имеет права принимать посетителей.

— А что собираетесь делать вы? — спросил Николя.

— Окончательно обосноваться в Париже, вернуться к своим штудиям и музыкальным занятиям и наконец разобрать бумаги. Повседневные заботы помогут мне забыться и пережить неминуемое. Стану слушать музыку, писать и ухаживать за женщинами. И полагаю, этих занятий мне хватит с лихвой. Надеюсь, вы, как и я, понимаете, что очень скоро нас зачислят в «бывшие», и наша преданность и верность покойному королю не будет значить ничего. На нас станут смотреть невидящими взорами, редко кланяться, а перед собой мы будем видеть в основном спины!

— Мне кажется, вы настроены слишком мрачно и горько.

— Вы еще молоды, а я уже не очень…

— В прежние времена, — сказал Наганда, — когда умирал вождь нашего народа, племя убивало всех его воинов, чтобы они продолжали служить ему в потустороннем мире.

— Поблагодарим Господа, что мы не родились среди народа микмак, — ответил с печальной улыбкой Лаборд. — Еще…

— Наша верность королю, — заявил Николя, — состоит в том, что мы должны служить его внуку.

— Разумеется. Однако пока это нам вряд ли удастся. Травля истинных слуг Людовика, месть, ревность, схватка за почести и должности, изгнание и высылка всех неугодных — вот чем в ближайшее время станут заниматься люди благородного происхождения. Мне сказали, что Шуазель вернулся в Париж, ибо приказ о его высылке аннулирован. Он покинул свою пагоду в Шантелу и примчался в столицу, а теперь намерен отправиться обхаживать короля в замок Мюэтт.

— Итак, — промолвил загадочным тоном Николя, — надо как можно скорее совершить небольшое путешествие.

— Полагаю, Шуазель ни под каким видом не согласится ни на малейшее ущемление интересов нового короля; на дофину, то есть, я хотел сказать, на королеву, также надежды никакой, ибо своим браком она обязана Шуазелю. Ни на кого нельзя рассчитывать. А каковы ваши планы, сударь?

— Завтра я еду в Брест, — ответил Наганда, — а оттуда возвращаюсь в Америку. Позавчера курьер сообщил мне, что предсказанные мною волнения начались. 28 февраля в Бостоне выбросили в воды залива груз чая. Англичане решили начать блокаду, а поселенцы намерены защищаться с оружием в руках. Говорят, в нескольких портах Великобритании уже готовы к отправке суда с солдатами.

— Надеюсь, — произнес Лаборд, — эти события не повернут в свою пользу сторонники Шуазеля, записного противника Англии; он до сих пор мечтает взять реванш за наши прошлые поражения.

Экипаж Лаборда высадил Николя и Наганду на улице Монмартр. Войдя в дом, друзья нашли его обитателей в сильнейшем волнении, близком к панике. Два дня назад Катрина, страдавшая бессонницей и часто проводившая ночи, подремывая возле плиты, была разбужена громким лаем Сирюса. Последовав за грозно рычащей собакой до самых апартаментов Николя, она обнаружила там незнакомца в маске, копавшегося в вещах и одежде комиссара. Вспомнив, как ей, маркитантке королевской армии, приходилось исполнять солдатскую работу, она вооружилась чугунной сковородкой и, застав негодяя на месте преступления, обратила его в бегство, обрушив на его голову град отменных ударов. Ей активно помогал Сирюс: он яростно тявкал и даже ухитрился выдрать клок одежды неизвестного. Злоумышленник прыжками спустился по черной лестнице, выходившей во двор, и скрылся. Узнав об этом, Николя показалось, что на него вылили ушат холодной воды. Он бросился к себе в комнату и дрожащей рукой смел с полки книги. Шкатулка стояла на месте. Открыв крышку и убедившись, что ни кошелек, ни письмо не пропали, он с облегчением рухнул на кровать. Поразмыслив, он решил больше не расставаться с коробочкой, и засунул ее поглубже во внутренний карман фрака, а затем вернулся к озадаченным его стремительным исчезновением Наганде и Катрине.

— Ну и как, — спросила кухарка, — он что-нипудь зтянул? Бо мне, так у него бремени не пыло. Ручаюсь, у него голова до сих бор свенит от моей сковоротки!

Ноблекуру представили Наганду; индеец очаровал прокурора в отставке своими манерами, познаниями и изысканными речами. Старый магистрат с энтузиазмом школяра расспрашивал индейца о его народе и обычаях. К сожалению, молодому вождю микмаков следовало вернуться в Версаль, и, осыпаемый комплиментами, он распрощался с гостеприимным домом. К великому удивлению Николя, Ноблекур подарил Наганде на память «Дух законов» Монтескье. Заядлый книголюб, Ноблекур относился к своей библиотеке как скупец к мошне и не имел привычки расставаться с книгами, о чем Николя шепотом не преминул сообщить своему индейскому другу. В свою очередь, Наганда презентовал Ноблекуру мешочек с вяленой медвежатиной, отвар из которой слыл великолепным лекарством против ревматизма, и два превосходно отполированных медвежьих клыка, немедленно занявших место среди экспонатов кабинета редкостей. Пуатвен привел карету, и Наганда, в окружении домочадцев и под любопытными взглядами мальчишек-подмастерьев, сел в карету и, сопровождаемый дружным хором напутствий и пожеланий, покинул улицу Монмартр.

— Этот человек оказывает честь тому, кто вправе называть себя его другом, — произнес Ноблекур. — Ах, какой могла бы стать Новая Франция с такими талантливыми людьми!

Ноблекур захотел услышать рассказ Николя о кончине монарха. Рассказ получился подробный, хотя наиболее тягостные моменты рассказчик опустил. В его изложении кончина монарха предстала исключительно благостной, а сам король до последнего дыхания сохранял поистине королевское величие. Бывший прокурор задумчиво слушал, никак не выдавая своих чувств, так что Николя даже испугался, не слишком ли он опечалил его. Разумно ли столь долго рассказывать о смерти старому человеку?

— Мне следует поведать вам еще кое о чем, — добавил он. — Налет на мою комнату не является случайным. Мне доверен секрет…

Ноблекур отрицательно замахал рукой.

— …который принадлежит вам, и который я не хочу знать.

— Секрет, — повторил Николя, — и предметы, способные навлечь на меня множество неприятностей. Я потерял ключи, точнее, их украли во время моего недавнего путешествия, и

у меня есть основания подозревать в краже моих неведомых врагов. Я распоряжусь сменить замки на входной двери и двери на черной лестнице. Этого требует осторожность, и вдобавок я не хочу подвергать опасности вас и всех обителей этого дома.

— Все будет сделано, как вы сказали. Надеюсь, вы побудете с нами немного?

— Увы, пока нет. Мне надо сдержать слово, данное королю, и выполнить его последнее поручение.

Он поднялся к себе и, пока приводил себя в порядок, размышлял о запретах, коими окружили изгнанную фаворитку в аббатстве Пон-о-Дам. Сможет ли он добиться встречи с ней? Впрочем, отступать некуда, ничто не может его остановить, даже если придется лгать и принимать чужой облик: исполнение последней воли монарха оправдывает любые средства. Сообразив, что, быть может, ему придется вспомнить о своих официальных регалиях, он взял с собой судейскую мантию и символ власти комиссара — жезл, выточенный из слоновой кости. Он редко ими пользовался, только во время церемоний в Шатле или в Парламенте. Когда он собрался, часы показывали около одиннадцати. Перед уходом Николя забежал на кухню, где успел проглотить два поджаренных свиных уха с горчицей, наскоро приготовленных для него Катриной и Марион. Чтобы приготовить ему перекусить, обе матроны дружно оторвались от важного занятия — приготовления террина к ужину, ежегодно устраиваемому Ноблекуром для членов церковного совета прихода Сент-Эсташ, старостой которого он являлся. Отдав Пуатвену распоряжения о замене замков, Николя вышел из дома и сразу свернул в тупик, приведший его в церковь, где он пробыл добрых четверть часа. Вновь вернувшись к дому Ноблекура, он углубился в мрачный пассаж Рен-д'Онгри, откуда вывернул на улицу Монторгей и там сел в экипаж. Вряд ли принятые им предосторожности полностью обезопасили его от преследователей, тем не менее он был готов держать пари, что если за ним кто-то и следил, на время он точно сумел от него оторваться. Кучеру он приказал везти себя в управление полиции: не вдаваясь в подробности, он намеревался предупредить Сартина о своем отъезде. Но оказалось, начальник полиции только что покинул особняк на улице Нев-Сент-Огюстен и отправился в замок Мюэтт, куда призвал его новый король. Наняв свободный экипаж, Николя доехал до Венсенна, а там, желая поскорее добраться до Мо, свернул на дорогу на Ланьи.

Когда он, погрузившись в дремотное оцепенение, проезжал через лес, громкий сухой щелчок разбудил его. Карету резко занесло в сторону, и она остановилась. Выскочив, он увидел, что кучер сидит, уронив голову на колени. Неужели, приняв перед поездкой горячительного, малый заснул прямо на облучке? Николя собрался потрясти его, как раздался выстрел, и возле его левого уха просвистела пуля. Времени на раздумья не оставалось, и он, притворившись убитым, рухнул на землю. Треуголка вместе со спрятанным в ней подарком Бурдо — карманным пистолетом, с которым он старался не расставаться, осталась лежать в карете. Николя не мог даже вытащить шпагу. Упав в канаву под ноги лошадям, он напряг мускулы, готовясь в случае продолжения стрельбы откатиться по траве. Из-под полуприкрытых век окружающий его мир представал как в тумане. Теперь все зависело от намерений противника. Если тот выстрелит в него еще раз, он недорого даст за свою жизнь. Если, напротив, враг решит взять в руки шпагу, у него есть шанс выиграть поединок. Прислушавшись, он услышал неспешный стук копыт: лошадь шагом продвигалась вперед. Затем воцарилась тишина, нарушаемая только биением его сердца. Николя испугался, как бы враг не услышал этот лихорадочный стук. Потом лошадь всхрапнула и нетерпеливо забила копытом. Запряженные в карету кони ответили громким ржанием. Снова воцарилась тяжелая тишина, сменившаяся скрипом гальки, усыпавшей дорогу: всадник, похоже, спешился. Очевидно, он хотел убедиться в смерти своего противника. Николя слушал, как шаги медленно приближаются к нему. Неожиданно рядом прозвучал второй выстрел, за ним последовал сдавленный крик и шум падающего тела. Потом кто-то бегом помчался к нему.

— Николя, Николя!

Голос принадлежал Бурдо. Он открыл глаза, и перед ним возникла коренастая фигура инспектора. Николя вскочил на ноги, и они обнялись.

— Вы второй раз спасаете мне жизнь, Пьер. Я по-прежнему ваш должник.

Они обозрели поле сражения: кучер был мертв, равно как и незнакомец, упавший лицом вниз возле своего коня. Из отверстия на затылке тоненькой струйкой вытекала кровь.

— Мои поздравления, Бурдо. Какой выстрел!

— Я старался, хотя у меня не было времени прицелиться, — скромно ответил инспектор.

— Что ж, приступим к осмотру места происшествия, — промолвил Николя. — Но сначала, ради всего святого, скажите, как вы здесь оказались?

— О, — насмешливо протянул Бурдо, — это долгая история. Сами понимаете, нам только и не хватало, чтобы комиссара Ле Флока убил какой-нибудь проходимец! Сами подумайте, как бы я стал отчитываться перед господином де Сартином? Да я уже видел, как он, сухой и желтый, глядит на меня своими ледяными глазами и, раздирая парик, вопрошает, как это я мог такое допустить. А если говорить серьезно, то встревожился я еще тогда, когда Ноблекур послал за мной после попытки обокрасть вашу квартиру. И он, и я понимали, что вор забрел к нему не случайно. Вокруг вас происходит слишком много непонятных событий. С благословения Сартина за улицей Монмартр установили наблюдение. Кроме того, сегодня утром меня переполошил Лаборд: он умолял меня последовать за вами, ибо вам доверено чрезвычайно опасное поручение… Однако и пришлось же мне покрутиться: повороты, развороты, исчезновения… словом, весь наш обычный арсенал!

— С вами я прошел хорошую школу! — улыбнулся Николя.

— К вашим услугам! — усмехнулся Бурдо. — В общем, до Венсенна из-за множества карет определить, кто следит за вами, было совершенно невозможно. Потом, когда вы выехали на большую дорогу, я наконец заметил всадника, чье поведение показалось мне подозрительным. Самым трудным оказалось соблюдать расстояние; чтобы он меня не заметил; приходилось держаться в отдалении, однако не настолько, чтобы не иметь возможности прийти к вам на помощь. Его первой жертвой стал несчастный кучер. В этот момент ваш покорный слуга, предчувствуя развязку, пустился бегом. Я мчался вдоль дороги под прикрытием деревьев и прибыл как раз вовремя, чтобы пристрелить негодяя. Опасаясь, что вы ранены или еще хуже, я мчался так, что теперь мокрый, хоть выжимай. Но давайте посмотрим на нашего приятеля поближе.

Они принялись осматривать труп. Плотного сложения, около пятидесяти лет, с седеющими усами. Бурдо с любопытством склонился над телом.

— Черт побери, готов поклясться, что знаю мерзавца. Уверен, это Кадильяк.

— Кадильяк?

— Да, известный висельник; он давно находится под подозрением, но никогда не оставляет улик. Когда-то он обчищал карманы удачливых игроков при выходе из игорных заведений. Говорят, у него до сих пор имеется покровитель. Раньше он являлся креатурой комиссара Камюзо, того самого, что надзирал за игорными домами. Это его махинации вы разоблачили четырнадцать лет назад. Кадильяк работал в паре с Мовалем, мерзавцем, которого вы отправили на тот свет в «Коронованном дельфине».

— Смотрите, какое совпадение! — воскликнул Николя. — И, полагаю, не одно: у него на лбу видны ссадины.

Он сдернул белый шерстяной парик. Лысую голову мертвеца усеивали зеленоватые синяки и ссадины, несомненно, имевшие отношение к недавним событиям.

— Однако шишки весьма примечательные. Не являются ли они, судя по их цвету, следами от ударов сковородкой, нанесенных ночью отважной Катриной моему непрошеному гостю?

Удовлетворительно пробурчав что-то себе под нос, Бурдо принялся осматривать одежду трупа и вскоре указал на полу каштанового фрака с выдранным кусочком подкладки.

— А это отметина Сирюса! Для старого пса у него отменные зубы!

Продолжая осмотр, они обыскали карманы фрака, где нашли дагу, клетчатый носовой платок, кусочек плитки жевательного табака, рожок для пороха и несколько пуль. Пистолет упал на землю. Николя, часто использовавший обшлага рукавов для хранения своей черной записной книжечки, обыскал обшлага Кадильяка и извлек оттуда сложенный вчетверо клочок бумаги с адресом: «Улица Дуз-Порт, напротив дома пергаментщика, четвертый этаж».

— А вот это уже интересно! — промолвил Николя. — Наконец-то хоть какая-то зацепка!

— Согласен, но с этим что нам делать? — спросил Бурдо, широким жестом обводя раскинувшуюся перед ними картину, более всего напоминавшую поле битвы.

— Я, как вы догадываетесь, исполняю поручение. Впрочем, я не намерен ничего от вас скрывать: я должен как можно скорее добраться до некой дамы, отправленной в изгнание.

Он минутку помедлил.

— Самое простое, дорогой Бурдо, что можно сделать — это усадить вас на козлы и попросить отвезти оба тела в Париж. Сейчас мы вместе затащим их в карету. Я возьму лошадь Кадильяка, а ваш конь побежит за вами. Окажите помощь семье несчастного кучера. Другой труп отвезите в мертвецкую и оставьте там, соблюдая надлежащую секретность. Я хочу, чтобы пославшие Кадильяка считали его пропавшим. А еще лучше — что он их обманул и, успешно исполнив поручение, забрал себе плоды, полученные в результате нападения на меня. Для вящего правдоподобия наши осведомители могут распустить слух, что какой-то бандит напал на меня и ограбил. Слух дойдет до кого нужно, и покровитель негодяя попадется на нашу удочку. Мой бедный Пьер, мне жаль, что приходится возлагать на вас столь неприятную задачу.

— Уж лучше я доставлю в город эту парочку, чем комиссара в саване! — фыркнул Бурдо. — Из ваших слов я делаю вывод, что вы везете нечто очень ценное.

— От вашей прозорливости ничто не укроется, — произнес Николя, поднося палец к губам.

Они положили оба тела на сиденья и плотно задвинули шторки на окнах. Лошадь Бурдо привязали за недоуздок к раме кареты. Затем, попрощавшись, они расстались, и пока Бурдо выводил экипаж с обочины на дорогу, Николя направился к лошади Кадильяка, белому красавцу-мерину, приземистому и спокойному и дружелюбному. Николя немного пошептал ему на ухо, одновременно поглаживая нежную кожу ноздрей. Уши коня поднялись торчком, и Николя почувствовал, что он не станет ему сопротивляться. Он вскочил в седло и галопом помчался по дороге в Мо, с удовольствием принимая в лицо свежий ветер, вздымавший с полей вихри белых летучих семян одуванчиков и разносивший во все стороны здоровые сельские ароматы. Он чувствовал, что его коню тоже нравится эта скачка, и он целиком отдался удовольствию быстрой езды, выбросив из головы мысль о том, что еще час назад жизнь его — в который раз! — висела на волоске. Прибудь Бурдо на несколько минут позже, и сейчас в Париж везли бы его тело. Странное ощущение давно забытого, но внезапно воскресшего прошлого не давало ему покоя, напоминая о новых угрозах и заставляя задаваться тревожными вопросами. Что даст им адрес, найденный у напавшего на него бандита? К каким открытиям приведут поиски на этот раз?

Он объехал Мо стороной, посчитав, что если на пути его ждут новые наемные убийцы, они наверняка устроят засаду при въезде в город. Он не верил, что неизвестные враги узнали о его поездке только потому что следили за ним. Кто-то знал о поручении, доверенном ему покойным королем, и поведал об этом его врагам. Возможно, не обошлось без предательства, и темные силы, словно рептилии обвивавшие подножие трона, выбрали его на роль дичи и начали его травить; сигналом к травле стало убийство на улице Верней.

Цель его путешествия, а именно монастырь с серыми массивными стенами располагался в крошечной долине возле Мо; отправлялась в Реймс, особы королевской крови имели обыкновение останавливаться в нем на отдых. Въехав под своды небольшой рощи, Николя спешился и облачился в судейскую мантию; на всякий случай он взял с собой подписанный королем документ, в котором тот на время поездки в Англию назначал Николя своим полномочным представителем. После смерти короля эта бумага не значила ничего, однако если смотреть издалека, подпись и королевская печать производили достойное впечатление. Вскочив на лошадь, он медленно въехал в открытые ворота монастыря и очутился на просторном дворе, окруженном хозяйственными постройками: амбарами, дровяными сараями, давильнями и конюшнями. Конские копыта заскользили на редких крупных плитах, покрывавших двор. Окинув взором царящие вокруг грязь и запустение, он живо представил себе, сколь ужасное впечатление произвели они на графиню, привыкшую к роскоши Версаля и Лувесьена. Очевидно, никто не заботился о содержании аббатства: его мрачный облик более напоминал тюрьму, нежели Господню обитель.

Привязав мерина к кольцу, он взял в руки тяжелый дверной молоток. На отозвавшиеся глухим эхом удары никто не ответил. Из стены торчало маленькое кольцо, возможно, соединенное с висевшим во дворе колоколом. Он потянул за него, и где-то в глубине раздался звон. Спустя немного времени окошечко в двери открылось, и темный силуэт, наполовину скрытый переплетением ветвей, спросил, что ему угодно.

— Сестра моя, — ответил Николя, — у меня срочное послание для госпожи де ла Рош-Фонтений, вашей матери-настоятельницы.

По дороге Лаборд снабдил его всеми необходимыми сведениями.

— Как вас представить, сударь?

— Николя Ле Флок, секретарь короля в его советах, комиссар полиции Шатле и магистрат по особым поручениям.

Комиссар не поскупился на должности.

— Кто вас послал?

— Господин Габриэль де Сартин, от имени короля.

Уточнение, не лишнее в этом аббатстве, являвшемся не столько обителью, сколько государственной тюрьмой, находящейся в ведении начальника полиции; сюда заключали женщин на основании королевских «писем с печатью», то есть без суда и следствия.

— Пойду доложу, — ответила сестра-привратница.

Окошко с глухим стуком закрылось. После недолгого ожидания массивная дверь отворилась. Монахиня с белым нагрудником и в накинутом на голову полупрозрачном покрывале жестом пригласила его следовать за собой. Изнутри монастырь выглядел еще мрачнее, чем снаружи. Старинные готические своды, стены, покрытые темным зеленоватым мхом, вода, капающая с потолков. Николя вздрогнул, вспомнив свое первое посещение Бастилии. Монахиня толкнула тяжелую дверь и посторонилась, пропуская его вперед. Просторная комната казалась пустой, только огромное распятие из черного дерева нависало над прямоугольным дубовым столом, за которым высилась тощая фигура матери-настоятельницы. Он подошел поближе и поклонился. Его приветствие осталось без ответа.

— Могу я узнать, господин комиссар, что привело вас в наши стены?

— Преподобная мать-настоятельница, господин начальник полиции поручил мне срочно переговорить с графиней дю Барри.

На увядшем лице монахини появилось выражение отвращения.

— Известно ли вам, сударь, что я получила четкий и ясный приказ содержать названное вами лицо под охраной и никого к нему не допускать? Приказ исходит свыше и требует

безоговорочного исполнения. К тому же я уверена, не стоит более тревожить бедную молодую женщину, обретшую здесь спокойствие.

Николя подумал, что графиня наверняка пустила в ход все свои чары, чтобы завоевать расположение суровой настоятельницы

— Сударыня, я повинуюсь королю и не могу не исполнить его волю.

Он широким театральным жестом развернул письмо, где король именовал его своим полномочным представителем, и, подняв его двумя пальцами, на вытянутой руке протянул монахине. То ли она не могла себе представить, что он говорит неправду, то ли — это предположение показалось ему наиболее правдоподобным — чтобы прочесть бумагу ей требовались очки, а она, несмотря на всю свою святость, не носила их постоянно, то ли его властный жест ввел ее в заблуждение… словом, она уступила.

— Сударь, я не могу не подчиниться королевскому приказу. Но, полагаю, вы не станете возражать, чтобы беседа протекала в моем присутствии?

Он согласился, довольный быстрой победой. Открылась дверь, и сестре-привратнице велели пойти и пригласить графиню. Через несколько минут в облаке черных траурных кружев, с черной мантильей на голове, появилась дю Барри. За то, что она не выбрала белый цвет — цвет траура королев Франции — Николя был ей искренне признателен. Ее покрасневшие глаза стали еще больше, а печальное лицо без румян и белил казалось помолодевшим и вновь обретшим юную свежесть, в свое время столь прельстившую короля. Она ответила на приветствие, и Николя сразу понял, что она обо всем догадалась, и, изощренная в придворных интригах, что-нибудь придумает.

— Сударыня, мать-настоятельница позволила мне побеседовать с вами.

Он отвел ее подальше от стола, но госпожа де Ла Рош-Фонтений ни словом, ни жестом не воспротивилась этому и не сделала попытки приблизиться, чтобы услышать, о чем они станут говорить.

— У меня совсем нет времени. Король поручил мне, графиня, передать вам шкатулку.

Повернувшись спиной к настоятельнице, он широкой мантией магистрата закрыл от нее королевский подарок. Получив коробочку, дю Барри без труда открыла ее, доказав тем самым, что видит ее не впервые. Вытащив содержимое, она вернула ящичек Николя и дрожащими руками сломала печать на письме… Взглянув на лист, она изменилась в лице и, скомкав бумагу, судорожно высыпала содержимое кошелька на ладонь: пять серых камней. Дю Барри гневно сжала кулаки, так что ему показалось, что сейчас она бросит эти камни ему в лицо.

— Сударь, — зловеще прошипела она, — это недостойно! Чистый лист и серый галечник! Вы смеетесь над женщиной, впавшей в немилость, и усугубляете ее горе предательством.

— Сударыня, умоляю вас, выслушайте меня! Неужели вы считаете, что, замыслив нарушить слово чести, я бы явился к вам? Стал бы разоблачать самого себя? Знайте, я прибыл к вам с риском для жизни, дабы сдержать обещание, данное моему умирающему повелителю. Я солгал, принес ложную клятву и обманул настоятельницу только для того, чтобы исполнить свой долг и передать вам шкатулку. Как вы могли такое вообразить? Разве я когда-нибудь давал вам повод сомневаться в своей преданности и верности? Я предпочту пронзить себя шпагой, нежели позволю вам поверить в подобную низость.

Он невольно повысил голос, и настоятельница закачала головой, пытаясь понять странное поведение комиссара и графини.

— Сударь, — ответила дю Барри уже более спокойно, — я склонна верить вам. Ваши слова звучат искренне, и ваше прошлое на службе короля свидетельствует в вашу пользу. Но поймите и мое смятение…

— Обещаю вам, сударыня, разобраться в этой истории и отыскать содержимое шкатулки. Король положил туда алмазы и документ, который, по его словам, «явится для его обладательницы пропуском в новое царствование».

— Хорошо, сударь. Я буду ждать, и вместе с этими святыми сестрами молиться, чтобы ваши поиски увенчались успехом.

Поколебавшись, она протянула ему руку для поцелуя.

— Мне хочется вам верить, — прошептала она, и словно тень, выпорхнула из комнаты.

Пока госпожа де Ла Рош-Фонтений пыталась понять, что означала сцена, свидетельницей которой она стала, Николя, не желая задерживаться, поблагодарил ее и распрощался. На почтовой станции в Мо ему пришлось реквизировать лошадь: несмотря на покладистость, белый мерин истощил свои силы и не мог довезти седока до Парижа.

Поздно вечером Николя наконец миновал городскую заставу. На протяжении всего пути он лихорадочно соображал, пытаясь понять, что произошло, но в голову ничего не приходило, а взор застилало огромное черное пятно, брошенное на его честь. Он знал, что никогда не простит себе, если не сможет оправдаться в глазах графини. Следовало срочно расспросить Лаборда, единственного, кто видел, как покойный король давал ему это поручение, и кто, возможно, был в курсе его подоплеки.

Первый служитель королевской опочивальни временно проживал в доме с бельэтажем на улице Фейяд, возле площади Виктуар. Когда Николя посмотрел на часы с репетицией, пробило одиннадцать. Не без труда ему удалось убедить слуг впустить его в дом; друг принял его в ночном наряде. Николя рассказал ему о своих приключениях по дороге в Мо и о муках, терзавших его с той минуты, когда обнаружилось исчезновение содержимого шкатулки. Лаборд заверил, что ему известно ровно столько, сколько и Николя. Пока они ломали голову, пытаясь понять, куда делись камни и письмо, слуга доложил хозяину дома о приходе священника. Лаборд попросил друга извинить его и удалился в прихожую. Отсутствовал он довольно долго, а когда вернулся, на лице его читалось полнейшее уныние.

— Николя, — произнес он, рухнув в кресло-бержер, — приготовьтесь к худшему. Что вы думаете о Гаспаре?

— Ловкий малый, исполнительный, услужливый и старательный, однако слишком любит золото, чтобы ему можно было полностью доверять.

— Вы, как всегда, правы, и ваша проницательность — укор мне, ибо я считал его преданность искренней и, положившись на его скромность, рекомендовал его королю.

— А что он такого натворил, что вам приходится раскаиваться и спрашивать мое мнение?

— Он предал нас, и предал давно. Священник только что принял у него исповедь. После нашего возвращения из Версаля Гаспар заболел и сейчас лежит в каморке на чердаке, где проживают мои слуги. Врач, осмотревший его, нашел у него оспу, причем в злокачественной форме.

— Мне кажется, когда мы удалили из спальни короля всю прислугу, он сказал, что ему бояться нечего, ибо он переболел оспой.

— Он нас обманул. Потрясенный зрелищем смерти Его Величества и поняв, что спасения ему нет, он решил облегчить свою совесть. Он попросил исповедника привести меня к нему, я поднялся в его комнатушку, и он во всем мне признался. Негодяй шпионил за королем и докладывал обо всем, что видел. Стервятник по натуре, он, как вы верно заметили, ел из всех кормушек. Ему приплачивали сторонники и Шуазеля, и д'Эгийона, а может, и еще кто-нибудь. Он всегда был готов наушничать тому, кто больше заплатит. На его несчастье, его тайные хозяева приказали ему остаться подле короля несмотря на опасность заражения.

Внезапно Николя ясно вспомнил аудиенцию в зале совета, когда король в присутствии Сартина подробно объяснял ему его задачи перед отбытием в Англию. Насколько он помнил,

лакей в голубой ливрее стоял неподалеку, ведь именно он пришел за ним после мессы. Теперь ему понятно, откуда стало известно, что он едет в Англию и по какой дороге.

— Когда король передавал вам шкатулку, — продолжал Лаборд, — он, без сомнения, находился рядом, спрятавшись в алькове за занавесками. Как только король заснул, он выбрался оттуда. Помните, мы с вами в ожидании пробуждения короля расхаживали по гостиной с часами, а потом Его Величество попросил меня послать за графиней дю Барри?

— Все точно, — произнес Николя. — Но я не понимаю, зачем подменять содержимое шкатулки. И зачем покушаться на мою жизнь по дороге в Мо, если содержимое шкатулки уже подменили?

— Возможно, существует несколько интриг, развивающихся параллельно, и те, кто замешан в одной, не в курсе существования другой. Во всяком случае, Гаспар просит вас простить его и сожалеет, что причинил вам вред, ибо вы всегда были очень добры к нему.

— Надеюсь, он выкрутится. И можете его успокоить: я никогда не доверял ему полностью, а потому зла на него не держу. А вас я попрошу оказать мне любезность и распустить слух о том, что Гаспар скончался. Так безопаснее и для него, и для вас, тем более я пока не знаю, каким образом мы сможем воспользоваться его признаниями.

— Все исполним, как вы сказали. А что вы сейчас собираетесь делать?

— Избавлю вас от своего присутствия и дам вам возможность отдохнуть. А завтра утром обо всем доложу Сартину и попрошу у него совета. Как вы считаете, могу я посвятить его в тайну, связывающую нас с вами?

— Король умер. Его смерть не освобождает нас от исполнения долга по отношению к нему, но позволяет изложить суть дела, чтобы исполнить его последнюю волю. Начальник полиции пользовался безграничным доверием своего повелителя и знал все его тайны. Но, возможно, кроме этой.

Хотя Николя поздно вернулся на улицу Монмартр, Катрина не спала; открыв дверь, она тотчас вручила ему новые ключи от поставленных в тот же день новых замков. В ожидании она затеяла пироги с ранней вишней, собранной с маленького деревца из крохотного садика при доме Ноблекура; вишня была мелкая, но на удивление сладкая и душистая. Войдя на кухню, Николя рухнул в кресло, и Катрина, видя, как он устал, решила побаловать его и быстро приготовить что-нибудь вкусненькое. Замесив крутое тесто, она раскатала его и, разрезав на треугольнички, бросила в раскаленное масло; уголки треугольничков тотчас закрутились и стали раздуваться, словно в них пробудилась неведомая сила. Как только хворост начинал золотиться, она шумовкой вынимала его, опускала на решетку, чтобы стекло масло, а потом посыпала сахаром. То ли от нервного напряжения, то ли потому что он, действительно, проголодался, Николя съел больше дюжины треугольничков, и, по привычке, запил бутылкой сидра. Поднявшись к себе, он в изнеможении упал на кровать.

Суббота, 14 мая 1774 года

Рано утром Николя прибыл в особняк Грамона, что на улице Нев-Сент-Огюстен. На лестнице он встретил Дюрфора де Шеверни, прежде представлявшего иностранных послов, а теперь губернатора Блезуа; Дюрфор принадлежал к друзьям Сартина. Он высоко ценил Николя, с которым не раз встречался на малых королевских обедах; однажды Николя помог ему, разобравшись в запутанной истории с подложными векселями, причастным к которой оказался Дюрфор.

— Господин комиссар, — произнес граф, — надеюсь, ваш визит улучшит настроение нашего друга. И позвольте мне сообщить вам, что близкие Его Величества оценили вашу преданность: пребывая с королем до последнего мгновения, вы являлись для него истинным утешением. Увы, в кончине своего повелителя бесчувственный народ увидел повод для песен и веселья. Когда заканчивается одно царствование и начинается другое, мы точно знаем, что мы потеряли, но не знаем, что приобрели. Вы найдете Сартина не в лучшем настроении.

— Не означает ли это, что в Мюэтте, куда он ездил повидаться с королем, произошло нечто серьезное?

— Можно сказать и так. Но какое бы положение он ни занял, уверен, он не потеряет присутствия духа. Дофин — теперь уже новый король — лучший из людей. Но тяжесть короны пугает его. Он толком не знает, кому можно доверять, и в результате не доверяет никому, особенно тем, кто давно сидят на своих местах. Поэтому он и решил обратиться к начальнику своей полиции.

— Похвальное решение.

— Разумеется; Его Величество поразил нашего друга, придвинув ему кресло и заставив его сесть. Сначала он задавал ему вопросы, относящиеся к его должности, а потом, с легкой душой, попросил Сартина указать ему людей, способных вести дела. Так вот…

— Так вот?

— Так вот, господин де Сартин не сумел отбить мячик. Если бы он заранее подготовился к беседе о недостатках, имеющихся в нашем правительстве, а не обещал дать ответ завтра, то готов держать пари, он стал бы доверенным лицом нового короля и его первым министром. Но так как Его Величество не нашел в нем ожидаемой поддержки, он обратил взоры в другую сторону.

Николя понял, что настроение начальника оставляет желать лучшего, и прием ему скорее всего окажут дурной. Его опасения оправдались: в ответ на приветствие комиссара генерал-лейтенант с отсутствующим видом пробормотал нечто невразумительное. Он не проявлял интереса даже к ивовым корзинам, перевязанным множеством веревочек и опечатанных облатками и печатками; корзины, без сомнения, прибыли со всех концов Европы и содержали изделия лучших мастеров-постижеров. Сартин сидел, не поднимая головы, и изучал собственные руки. Николя не стал ждать вопросов. Коротко рассказав о последних минутах короля, свидетелем которых он стал вместе с Лабордом, он без лишних подробностей изложил суть возложенного на него поручения, поведал о событиях на улице Монмартр, о происшествии по дороге в Мо, о встрече с впавшей в немилость фавориткой и о предательстве королевского лакея в голубой ливрее.

Во время рассказа он заметил, что у Сартина постепенно пробуждается интерес, и вскоре, не выдержав, он вскочил с места и зашагал по комнате. Потом снова сел, взял лист бумаги, написал на нем несколько слов, свернул его и запечатал.

— Благодарю, Николя, — произнес он, — вы были там, где я быть не мог, ибо исполнял свои обязанности в охваченной брожением умов столице. Я ценю вашу преданность. Отныне ее надобно проявлять по отношению к новому королю. Он оказал мне честь, выслушав меня… или, по крайней мере…

Прервавшись на полуслове, он с натужной улыбкой промолвил:

— Впрочем, я полагаю, он вас знает. Вот письмо, с его помощью вы беспрепятственно получите аудиенцию. Не теряйте ни минуты. А когда вернетесь, немедленно доложите мне, даже если вам придется меня разбудить. У меня есть основания полагать, что речь идет об интересах королевства. Мы об этом еще поговорим. Интрига плетется в поле, где произрастают лилии. Впрочем, как всегда.

Сбежав по лестнице, Николя велел подать себе экипаж и приказал немедленно везти его в замок Мюэтт, расположенный на краю Булонского леса. По дороге он перебирал малейшие детали своей встречи с Сартином. Долгая совместная работа под его началом позволила Николя осознать всю глубину потрясения и расстройства отлаженного механизма мыслей и чувств генерал-лейтенанта. И все же он не понял, что подействовало на Сартина больше: горе, вызванное смертью монарха, с которым у него на протяжении еженедельных бесед установилась тесная незримая связь, или же постоянная забота чиновника во власти, чье влияние, до сего дня неоспоримое, с наступлением нового царствования могло уменьшиться или исчезнуть вовсе. Подумав, Николя решил, что эти мысли наверняка одолевают всех приближенных Людовику XV. Лаборд выражал те же опасения, только иными словами.

Подъезжая к замку Мюэтт, он изумился атмосфере веселья, царившей в праздной толпе, прогуливавшейся под сенью Булонского леса. Вокруг продавцов вафель и лакричной настойки толпились покупатели. Торговец водой, закрепив на спине «песчаный источник», как именовали сосуд для фильтрования воды с помощью песка, гордо вышагивал в сверкающем медными бляшками колпаке, украшенном перьями цапли. В белом переднике и с двумя серебряными стаканчиками, прикрепленными цепочками к поясу, он шествовал, выкрикивая: «Свежая вода, чистая вода! Кому чистой водички?» Какой-то субъект решил утолить жажду, но внезапно стаканчик выскочил у него из рук и полетел, поливая водой всех вокруг: кто-то наступил на цепочку, и она натянулась, став причиной этого маленького происшествия. Чуть поодаль зеваки толпились вокруг волшебного фонаря. Желая привлечь публику, его владелец обещал показать то, «что нигде и никогда не увидишь, а именно девственницу из кордебалета Оперы». Рядом с ним колоритная толстуха, пользуясь стечением любопытных, бойко торговала ароматными миндальными бисквитами с висевшего на груди лотка. Попав в людской круговорот, экипаж вынужден был остановиться. Несмотря на все свои неприятности, Николя, как всегда, с удовольствием наблюдал за веселой и добродушной толпой, нередко собиравшейся на подступах к королевской резиденции в надежде — зачастую напрасной — поглазеть на ее обитателей и громкими криками выразить им свои чувства.

Стены Мюэтта, или Мета, как говорили коренные парижане, помнили те времена, когда в замке постоянно проживал капитан королевских охот; видели они и смерть герцогини Беррийской, любимой дочери регента Филиппа Орлеанского. В 1747 году покойный король перестроил замок, превратив его в загородный дом, где останавливались на отдых во время охоты. Людовик XVI и Мария-Антуанетта разместились там с несколькими придворными. Николя без труда проник в замок. Капитан отряда личной охраны короля передал письмо Сартина господину Тьерри, прежде исполнявшему обязанности первого служителя опочивальни дофина, а после возвышения своего повелителя получившему должность Лаборда. Скромный и обходительный, Тьерри, взяв письмо, удалился и скоро вернулся, чтобы проводить посетителя в гостиную. Там уже находились двое. В одном, одетом в траурный костюм, на фиолетовом шелке которого выделялась лента ордена Святого Духа, он узнал того, кого до сих пор в глубине души называл дофином, а в другом — господина де Лаферте, интенданта, заведующего королевскими развлечениями.

— Кто вы? — произнес король себе под нос, обращая свой вопрос к Лаферте и усиленно подмигивая то правым глазом, то левым.

— Сир, мое имя Лаферте, и я прибыл для получения приказаний.

— Каких приказаний? Зачем?

Николя отметил, что тон короля был довольно жестким.

— Но как же… сир, я отвечаю за ваши удовольствия.

— Какие такие удовольствия?

— Сир, я являюсь интендантом, отвечающим за королевские развлечения.

— Наше самое большое развлечение — совершать пешие прогулки по парку. В ваших услугах мы не нуждаемся[55].

Король повернулся к нему спиной и наконец заметил Николя. Он не сразу узнал его. Его светлые глаза, полные кротости и неуверенности, свидетельствовали о сильной близорукости, из-за которой он, будучи без очков, погружался в расплывчатый мир теней, отчего его взгляд терял уверенность. Николя вспомнил выразительный взор черных глаз покойного монарха и вновь поразился росту нового короля, выше его на целую голову. Фигура молодого Людовика не отличалась гармоничностью: ноги слишком мускулистые, лицо излишне одутловатое, зубы неровные, скорее даже кривые. Недовольный визитом Лаферта, король отвернулся от него и, вплотную приблизившись к Николя, прищурился, и лицо его осветила любезная, хотя и неловкая, улыбка.

— Ах, сударь, мы так долго беседовали с вашим другом алгонкином! Очень интересный разговор!

Он достал из кармана помятое письмо Сартина.

— Господин де Сартин, коему я полностью доверяю, убедительно просит меня немедленно выслушать вас.

Он повернулся и выразительно посмотрел на Лаферте. Поняв, что он тут лишний, интендант, пятясь задом, выскользнул из комнаты.

— Мы бы и без письма Сартина приняли вас без промедления, — продолжал король. — Наш дед относился к вам с особым уважением, что позволяет вам получить аудиенцию в любое время. Мы вас слушаем, сударь.

Эту коротенькую речь он произнес без запинки, с истинным величием, усиленным употреблением местоимения «мы», создававшим дистанцию, впрочем, несколько искусственную. Король сел и пригласил Николя последовать его примеру; тот заколебался, однако после второго приглашения, сделанного энергичным жестом, он подчинился и коротко изложил суть дела, объяснив, в чем заключалось поручение покойного короля. Сообщив, в каких условиях ему в присутствии Лаборда передали шкатулку, он упомянул об исповеди Гаспара. Король не перебивал его и лишь время от времени вытаскивал из кармана изящные часы, но скорее, чтобы проконтролировать их ход, нежели проявляя нетерпение. Николя предположил, что происшествие может оказаться продолжением того самого дела, из-за которого покойный король посылал его в Англию. Не произнося ни слова, Людовик XVI молча дернул за крученый шнур, вызывая своего первого служителя. Явился Тьерри, и ему приказали отправиться за герцогом де Ла Врийером, по-прежнему исполнявшим обязанности Министра королевского дома. Герцог, походивший на маленького безликого человечка, согнулся в поклоне перед королем и рассеянно взглянул на Николя. Тот уже привык к небрежной вежливости министра.

— Господин герцог, — произнес король, — комиссар Ле Флок только что мне все рассказал. Вас это не удивляет, не правда ли?

— Отлично, просто превосходно. Честное слово, это наш человек, и всегда был нашим человеком. Иначе и быть не могло.

Из его слов Николя не понял ничего. Король расхохотался, отчего одутловатые щеки его мелко затряслись. Его смех неприятно поразил комиссара, ведь он, словно кровоточащую рану, носил в сердце траур по покойному государю. Но он быстро вспомнил, что дофину всего двадцать лет, и горечь разочарования прошла.

— Сударь, — молвил король, — наш дед вас очень ценил. Но он любил устраивать проверки, желая удостовериться, что те, кого он посвятил в свои секреты, способны преодолевать человеческие слабости ради сохранения тайны; и зачастую поступал вразрез с моральными принципами, забывая, что таким образом он, сам того не желая, наносит обиду. Но продолжайте, господин герцог.

— Конечно, конечно, — заторопился Ла Врийер, разглядывая потолок. — Так вот, король сам приказал положить в доверенную вам шкатулку камешки и чистый лист. Ловко, однако, придумано — заставить тех, кто хотел захватить шкатулку, броситься по вашим следам. Надеюсь, неудача их основательно обескуражила.

— Но господин герцог, — произнес ошеломленный Николя, — каким образом Его Величество мог предвидеть, что со мной случится?

— Каким образом? Не воображайте, сударь, что вы являетесь целью придворных интриг и единственной жертвой козней. Мы несколько раз обнаруживали непонятную утечку секретных сведений, хранителем которых являлся сам король и несколько приближенных к нему лиц. И мы подозреваем, что шпионом является кто-то из королевских слуг: тот, кто постоянно пребывал подле короля, а потому его перестали замечать, как не замечают стоящий в углу стул. Но кто этот предатель, мы вряд ли когда-нибудь узнаем.

— Вот тут вы заблуждаетесь, — произнес король. — Господин де Ранрей только что назвал нам виновника. Это Гаспар, лакей в голубой ливрее.

— Отлично, отлично, — промолвил Ла Врийер, — вот мы и закрыли эту главу. Комиссар Ле Флок остается у вас на службе, сир, я вам его рекомендую. Это дело еще раз доказало — хотя он в этом и не нуждается — его исключительную преданность.

Николя почувствовал, что сейчас история со шкатулкой будет окончательно предана забвению. А его честь? А слово, данное павшей с высот власти женщине? Он же обещал найти шкатулку, доверенную ему королем! Неужели он так и не выступит в свою защиту и навлечет на себя презрение графини дю Барри? Нет, с этим он не мог согласиться.

— Сударь, — без колебаний обратился он к министру, — я могу понять предосторожности, предпринятые королем, но, с вашего разрешения, сир, мне бы хотелось знать, куда исчезло содержимое шкатулки.

— Гм, гм, — промычал де Ла Врийер, — я должен был передать его даме после смерти короля.

— Но…

— Но, господин любопытный, я этого не сделал, принимая во внимание, что раз мой повелитель умер, значит, моя служба ему прекратилась, и его приказы более не имеют силы. Теперь его преемнику решать — отменить этот приказ, отозвать его или же отдать вновь.

— Я дал слово помочь несчастной женщине! — взорвался Николя. — Что я теперь ей скажу?

— Тише, тише! Не нужно ей ничего говорить, — сухо отметил Ла Врийер. — Пусть радуется, что король отнесся к ней снисходительно.

От охватившего его возмущения у Николя закружилась голова. Король с неослабным любопытством смотрел на него, и лицо его становилось все жестче. Интересно, он или министр стал причиной облака, затянувшего чело юного монарха? Насколько можно доверять добродушному виду этого увальня, чьи познания и чей здравый смысл Николя успел оценить по достоинству? И чья карьера сейчас рискует подойти к концу?

— Господин Ле Флок прав, — наконец ответил Людовик XVI. — Благородная кровь не может лгать. Держите, сударь.

Король извлек маленький кошелек из алого бархата, где, видимо, лежали алмазы, и с улыбкой протянул их Николя.

— Проверьте содержимое, сударь.

— Ваше Величество смеется надо мной. Вы же знаете, я всегда подчиняюсь королю с закрытыми глазами.

— И правильно делаете, сударь. Вот письмо для аббатисы. Мы доверяем вам, а потому предвидели ваш приезд. Что касается искомой дамы, передайте ей от нашего имени — а мое

слово стоит больше, чем клочок бумаги — что уважение, питаемое нами к памяти деда, исключает какие-либо козни с нашей стороны. Со своей стороны, она должна успокоиться, набраться терпения и постараться сделать так, чтобы о ней забыли. Эта несчастная гораздо больше достойна сочувствия, нежели многие из тех, кто покинули ее.

И он искоса посмотрел на Ла Врийера.

— Во всяком случае, она может быть уверена, что никогда — мы подчеркиваем: никогда Шуазель, чьей мести, насколько мне известно, она опасается, не получит прежнего портфеля. А теперь, сударь, мчитесь отмывать свою честь; она мне очень дорога.

Николя преклонил колено перед королем, но тот поднял его. Стоя поодаль, министр бесстрастно взирал на эту сцену.

На обратном пути Николя постарался сосредоточить свое внимание на уличных сценках. Повинуясь первому побуждению, он хотел понять, зачем королю понадобилось вводить его в заблуждение, ибо он точно знал, что искренность была бы значительно более эффективной и вдобавок позволила бы ему соразмерить риск, неотъемлемый от королевского поручения. Скажи ему король всю правду, он бы с легким сердцем согласился стать приманкой. Получается, жизнь его ничего не стоила. Предназначавшаяся ему пуля только случайно пролетела мимо, и если бы не Бурдо, его труп сейчас гнил бы где-нибудь в непроходимых зарослях Бри. Честно говоря, он не знал, что думать. Ему припомнились слова Лаборда, сказанные в те ужасные дни, когда всем стало ясно, что агония короля является предшественницей его кончины. В силу характера их повелитель постоянно вынашивал тайные планы и, к великому удивлению первого служителя опочивальни, скрупулезно, неуклонно и последовательно осуществлял их, все самостоятельно просчитывая и устраивая. Собственно, и святые дары он потребовал, только когда сам убедился, что надежды больше нет.

Невольно он вспомнил насмешливые и горькие речи Бурдо. Инспектор, всегда честно исполнявший свой долг, давно уже не питал иллюзий относительно власть предержащих и не испытывал к ним ни признательности, ни уважения. По его мнению, признательность являлась единственным достоянием бедняков, а уважение — иллюзией тех, кто полагал, что они им пользуются. «Таковы сильные мира сего…», добавлял он, возводя очи горе. Тем не менее он отлично справлялся с обязанностями, хотя и не вкладывал в них душу. Николя давно обещал себе последовать его примеру. С годами пришло неизбежное разочарование. Уроки, полученные им, накапливались, а он не делал из них выводов. Неужели распущенность нынешних нравов сделали преданность и верность синонимами наивности? Несмотря ни на какие доводы, он не мог себя в этом убедить. Значит, придется по-прежнему придерживаться собственных правил и не ссылаться на пороки века. С этими мыслями он вошел в особняк Грамона.

Так как срочные дела долгое время не отпускали господина начальника полиции, то, несмотря на поздний час, он только что завершил обед[56]. Когда Сартин появился с салфеткой в руках, Николя слово в слово передал ему свой разговор с королем; его выслушали с ледяным лицом. Затем последовала долгая тишина.

— Итак, — наконец произнес Сартин, — значит, герцог де Ла Врийер знал о поручении, доверенном вам королем… знал с самого начала?

Вопрос повис в воздухе. Генерал-лейтенант заговорил, но, похоже, с самим собой: Николя с трудом разбирал его слова.

— Я слишком хорошо его понимаю… Я был глуп, ибо, недооценивая его, успел к нему привязаться… Тщеславие подтолкнуло меня смешать чувства и дела… О, как мы далеки от совершенства! Двадцать лет моя гордыня питалась низостями, а сегодня я еще удивляюсь, отчего меня тошнит! В эту решающую минуту… Долой деликатность, и пусть истина заменит нам разум.

Подняв глаза, он, похоже, изумился, обнаружив, что находится в комнате не один, и лицо его быстро обрело обычную бесстрастность.

— Раз так, — продолжил он, — значит, пора известить короля. Вот мои инструкции: съездив в аббатство Пон-о-Дам, комиссар Ле Флок — да, именно вы, Николя — немедленно возвращается в Париж. И в тот же день вновь приступает к расследованию дела госпожи Ластерье; в помощники ему отряжается инспектор Бурдо, а также вся наша полиция. Ему предписывается поместить в надежное место тех немногих свидетелей, которым до сего времени покровительствовали некоторые власть предержащие. Их следует арестовать и надлежащим образом допросить, дабы получить показания. Сопоставив и обобщив материалы первого расследования, надобно сделать вывод о необходимости формального и — я требую этого во имя интересов Его Величества — тайного рассмотрения дела. Я вместе с судьей по уголовным делам и еще одним достойным лицом, назначенным королем, составим комиссию, которая соберется выслушать вас и вынесет приговор по этому делу. Я намерен внести полную ясность в плачевные события, без сомнения, связанные между собой тайными политическими происками. Сударь, полагаю, вам все понятно. Идите…

Кровь вновь прилила к лицу Сартина, и оно обрело присущую ему живость. Шлепая себя салфеткой по икрам, словно в руке он держал охотничий хлыст, коим стегал охотничьи сапоги, начальник покинул кабинет.

Воскресенье, 15 мая 1774 года

Утреннее солнце ласково освещало дорогу и окрестности Мо. Через открытые окошки кареты доносился птичий гомон, а легкие дуновения ветерка приносили ароматы мокрых от росы трав и цветов. Небо без единого облачка вносило ощутимую лепту в состояние безмятежности, охватившее Николя во время поездки в аббатство, куда на этот раз он ехал с легким сердцем, радуясь, что ему наконец удастся завершить свою миссию и начать действовать. Вот уже много месяцев, как судьба перестала подчиняться ему, и теперь он надеялся вновь взять ее в свои руки.

В аббатство Пон-о-Дам он прибыл незадолго до начала воскресной мессы. На этот раз ему оказали совершенно иной прием. Явно предупрежденная о его приезде, мать-настоятельница была сама любезность и пригласила его послушать мессу; он согласился. Во время службы он заметил склонившуюся над молитвенником госпожу дю Барри; по-прежнему в трауре, она казалась небесным видением, сошедшим с одного из церковных витражей. Несмотря на предписанную им скромность, многие юные монахини бросали в его сторону отнюдь не благочестивые взоры, невзирая на укоризненные взгляды сестер почтенного возраста. Госпожа де Ла Рош-Фонтений рассыпалась в похвалах «бедной молодой женщине», похвалила ее кротость, очарование, хрустальное звучание голоса, живость ее характера и даже пылкое благочестие. После службы все трое проследовали во внутренний дворик. Весенний воздух изгнал из-под сводов галереи сырой запах гнили. Притулившись в уголке, аббатиса с благостной улыбкой смотрела на них. Николя поведал дю Барри о замысле короля и передал бархатный кошелек; она не стала проверять его содержимое, лишь со вздохом прижала его к сердцу.

— Господин маркиз, как я могу выразить вам свою признательность?

Он вспомнил о другой фаворитке; в минуту опасности она тоже называла его господином маркизом.

— Мне бы хотелось, сударыня, чтобы вы помнили обо мне как о верном и преданном слуге короля, — ответил он.

— Я буду просить Небо, сударь, чтобы мне довелось вновь прибегнуть к вашей помощи.

— И вы не встретите отказа.

Попросив его немного подождать, она удалилась и, вскоре вернувшись, протянула ему маленькую золотую табакерку, украшенную замысловатым орнаментом; на крышке красовался миниатюрный портрет Людовика XV.

— Вот все, чем бедная женщина может выразить вам свою признательность.

Кланяясь, он усмехнулся про себя, услышав, как графиня, чье поистине колоссальное состояние он только что увеличил на пять бесценных алмазов, последнее свидетельство привязанности старого любовника, говорит о своей бедности.

— Сударыня, надеюсь, вы не усомнитесь, что этот подарок я всегда буду носить с собой.

Поклонившись обеим женщинам, он, сгорая от нетерпения, помчался в Париж. Пора наконец покарать преступление и предательство, плетущие вокруг него свои сети. Он поразит гидру, чьи когти терзали его с самой гибели Жюли. Как солнце рассеивает тени, так свет и справедливость сдернут маски с виновных. Солнечные лучи заполнили кузов кареты, придав покрывавшему скамьи старому потертому бархату муаровый блеск. В дни, когда прежнее царствование окончательно ушло в прошлое, а новое еще только набирало силу, он неожиданно ощутил себя счастливым и свободным от печалей и страхов.

XII
ТЕРМЫ ЮЛИАНА

В природе каждое явление — запутанный клубок…

Нет ничего беспримесного, ничего обособленного.

Шамфор (Пер. Ю.Б. Корнеева и Э.Л. Линецкой)

Воскресенье, 15 мая 1774 года

Ночной сон без сновидений восстановил силы Николя и вернул ему ясность разума. Вместе с Марион и Пуатвеном он отправился к мессе в церковь Сент-Эсташ и с удовольствием вслушивался в умиротворяющие слова молитв и песнопений. Вокруг струился аромат благовоний, воскуряемых, дабы почтить Господа, а также чтобы в наступивший период майских гроз рассеять ядовитые испарения, проистекавшие из часовни, где продолжали хоронить жителей прихода. В этой часовне несколько лет назад он присутствовал на похоронах композитора Рамо; он думал, что там же похоронят и маркизу де Помпадур, которую крестили в этой церкви. Сообразив, что мысли его унеслись слишком далеко, он, по привычке, укоренившейся еще с коллежа, укорил себя за рассеянность и принялся читать молитву, а потом попросил Небо помочь ему добиться правосудия. С кафедры зачитали пастырское послание архиепископа Парижского о смерти короля, завершившееся красочным слащавым рассказом о благородном поступке дофина, приказавшего раздать милостыню бедным, дабы они помолились Господу за продление дней его деда. По толпе прихожан пробежал ревностный шепот.

Вернувшись на улицу Монмартр и почувствовав запах горячего хлеба, исходящий из булочной, он понял, что ужасно голоден, и вспомнил, что вчера не ужинал. Вольнодумица Катрина всегда скептически относилась к мессам и прочим церковным обрядам; вот и сейчас она встречала их в дверях, уперев руки в бока и насмешливо улыбаясь. Ее небрежение религиозными обязанностями приводило в отчаяние старую Марион, безуспешно пытавшуюся вернуть бывшую маркитантку в лоно Церкви, что, впрочем, не мешало ей любить Катрину как дочь, посланную ей Господом на старости лет. Николя устроился за столом перед большой плошкой дымящегося шоколада и целой горой бриошей.

Несмотря на священный характер воскресного дня, он решил отправиться в Шатле и изучить полицейские записи, сравнить их со своими заметками из черной записной книжечки

и попытаться отыскать незримую нить, соединявшую между собой разрозненные на первый взгляд события. Хотя воздух вновь стал наливаться влагой, он пошел пешком, по дороге поздравив себя с тем, что надел светлый фрак из легкой бумазеи и теперь не будет ходить весь день мокрый от пота; когда на улице становилось тепло, он старался одеваться как можно легче. Папаша Мари встретил его без всякого удивления: он давно привык к неожиданным появлениям своих начальников. В дежурной части Николя с радостью обнаружил Бурдо, корпевшего над отчетом.

— Превосходно, — произнес инспектор, — ваш приход избавит нас от написания целого листа отчета. Я трудился за вас, ибо не знал, что вы уже вернулись из Мо.

Николя коротко рассказал ему об аудиенции у Сартина и о встрече с новым королем, а в заключение сообщил, что, к его полной неожиданности, им приказано вернуться к известному делу и собрать воедино разрозненные улики против неведомого противника.

— Вот наконец разумное распоряжение, — одобрил Бурдо. — Отныне наши тайные желания пришли в согласие с волей генерал-лейтенанта. И никаких сантиментов! Я привез в Париж оба трупа; тело кучера, приведенное в надлежащий вид, передали его семье вместе с солидной суммой, которая, надеюсь, утолит естественную жажду объяснений. Второе тело подвергли вскрытию в мертвецкой. Синяки и ссадины, действительно, происходят от ударов, нанесенных сковородой Катрины. Однако после битвы при Фонтенуа она не утратила ни силы, ни ловкости! Не желая тревожить обитателей улицы Монмартр, я потихоньку прошел в сад, где за кусочек бисквита получил показания Сирюса. Я поднес отважному псу одежду Кадильяка под самый нос, и он тотчас ощерился, шерсть на спине встала дыбом, а с клыков закапала слюна. Я никогда не видел его в такой ярости.

— Значит, мой непрошеный гость — Кадильяк?

— Без сомнения. А еще я послал на улицу Дуз-Порт целый отряд осведомителей под руководством Рабуина. Мышеловки расставлены, и сейчас я жду Сортирноса с докладом; его снаряжение безошибочно указывает на его занятие, и заподозрить в нем осведомителя невозможно.

— Отлично, — промолвил Николя. — Но этого мало. Чтобы довести дело до конца, необходимо, соблюдая строжайшую секретность, посадить под замок в Шатле Бальбастра и мэтра Тифена, нотариуса госпожи Ластерье. Еще я подумываю обсудить с Семакгюсом вот какую мысль: не могла бы Ава поговорить с Юлией, подругой скончавшегося Казимира? Быть может, в отличие от нас, она сумеет убедить несчастную девушку дать правдивые показания?

— Ваша мысль мне очень нравится, — промолвил Бурдо. — Показания Юлии помогут нам понять действия Казимира, не укладывающиеся в общую картину фактов. Вы правильно решили начать все сначала. Возможно, новый непредвзятый взгляд поможет нам обнаружить ниточку, потянув за которую, мы размотаем весь клубок.

Достав из шкафа связку бумаг, Николя разложил их на столе и, открыв черную записную книжечку, углубился в чтение. Бурдо занялся составлением некоего списка, из которого он, морща от напряжения лоб, временами что-то вычеркивал. Когда вошел Сортирнос, оба сыщика были полностью поглощены делом. Следом за осведомителем появился возмущенный папаша Мари; из его гневных тирад быстро стало ясно, что привратник безуспешно пытался преградить дорогу наглецу, имевшему дерзость вторгнуться в храм правосудия вместе с вонючими приспособлениями своего низменного занятия, иначе говоря, с двумя ведрами на коромысле и в огромном плаще из вощеной ткани, под покровом которой любой прохожий, заплатив несколько лиаров, мог пристроиться к ведру и справить нужду. Желая подразнить привратника, Сортирнос зычным хрипловатым голосом выкрикивал, словно призывая клиентов: «У кого нужда — беги сюда!»

— Спокойно, ягнятки! — ворчливым тоном произнес Бурдо, стараясь не рассмеяться. — Чем ты, каналья, так не угодил папаше Мари, что он разносит тебя на все корки?

— Да вы только послушайте, господин Пьер! Он решил не пускать меня вместе с моими ведрами, утверждая, что от них воняет. Черт побери, да я ими себе на жизнь зарабатываю! Я охрип объяснять ему, что прекрасно понимаю оказанную мне честь, а потому опорожнил их и как следует прополоскал водой на берегу реки. Они теперь такие чистые, что впору в них суп варить. И вообще, я оставил свой переносной нужник у подножия лестницы. Сегодня воскресенье, и он там никому не помешает.

— Довольно, — вступил в разговор Николя, — успокойтесь! Папаша Мари, принесите четыре стаканчика и вашу заветную бутылку, дабы мы, как подобает добрым бретонцам, скрепили нашу дружбу.

Выпустив порцию дыма из своей носогрейки, привратник задумался.

— Это, конечно, правильно, потому что Сортирнос у нас тоже бретонец, из Понтиви…

И он отправился за стаканами.

— Итак, что новенького? — наконец спросил комиссар, повернувшись к Сортирносу.

— Новостей столько, что Рабуин сильно волновался, как бы я их все не забыл, — ответил тот. — Он взял с меня обещание ничего не пропустить. Так что давай слушай, я тебе сейчас их передам еще тепленькими. Я всю дорогу их повторял.

— Я тебя слушаю.

— На улице Дуз-Порт, напротив жилища пергаментщика, стоит дом, ни бедный, ни богатый. На пятом этаже живет одинокий господин; у него служанка преклонного возраста, она приходит утром и уходит обычно около часа пополудни. Постоянных привычек господин не имеет. С тех пор как мы наблюдаем за ним, он приходит и уходит в любой час дня и ночи; он часто ест в соседней таверне, а иногда подолгу сидит там и пьет, но никогда и ни с кем не заговаривает. И каждый раз он ходит кружными путями, словно опасается, как бы его не выследили. Да, проследить за ним оказалось труднее, чем поймать угря в траве. Правда, все его запутанные тропки каждый раз приводили в одно место: в особняк д'Эгийона.

— Ого, вот это да! — воскликнул Бурдо.

— А куда же еще? — явно отвечая самому себе, произнес Николя; сгорая от нетерпения, он одним махом проглотил содержимое стакана, налитого ему папашей Мари. — Но ты забыл сказать нам главное. Кто этот тип? Удалось ли вам установить его личность?

— Вы его знаете не хуже меня, — ответил Сортирнос, — и я… В общем, это Камюзо, бывший комиссар полиции, надзиравший за игорными заведениями, тот самый, что якшался с Полеттой, и которому ты, Николя, тогда сумел утереть нос. Надо думать, эта скользкая гадюка до сих пор помнит, что это ты прихлопнул его Моваля[57], ведь именно ты тогда вышвырнул его из «Коронованного дельфина».

— Его уличили в должностном преступлении и заподозрили во множестве проступков, — ответил Николя. — Он вложил оружие в руки Моваля. Но, несмотря на многочисленные провинности, его всего лишь лишили должности. Честно говоря, я думал, что он убрался в деревню.

— А вот и нет, — ответил Сортирнос. — Рабуин поручил мне передать вам, что первый министр использует его для своих темных делишек. Кроме того, он открыл лавочку и помогает клиентам решать любые проблемы, лишь бы за них хорошо платили.

— Да, Камюзо на все способен, — проговорил Бурдо. — И прекрасно знает наши порядки и повадки.

— Вот и Рабуин так считает, — промолвил Сортирнос. — Поэтому ему пришлось внести кое-какие новшества в методы слежки. Он удлинил расстояние между агентом и этим типом и стал реже подсылать к нему навстречу безобидных прохожих, по большей части стариков и детей. Улица Дуз-Порт кончается на углу улицы Сен-Пьер, на ночь ее перегораживают и запирают цепями. Выходы на улицы Сен-Луи и Нев-Сен-Жиль постоянно находятся под

наблюдением наших людей, они расселись на разных этажах тамошних домов. Подкупленный нами лакей из особняка д'Эгийона постоянно держит нас в курсе всех визитов. Так что зверь в капкане, хотя сам он уверен, что бегает на свободе. Осталось только накинуть на него петлю.

— Отлично, — промолвил Николя. — Жан, я тобой доволен.

— Чего ни сделаешь для столь щедрого земляка!

И, лукаво подмигнув, он просительно скорчил рожу и от усердия высунул язык. Комиссар понял его мимику как намек и, порывшись в карманах, вытащил оттуда несколько луидоров и положил их в протянутую руку.

— Ступай и окончательно помирись с папашей Мари, а мы пока обдумаем послание к Рабуину, — произнес он. — Главное, чтобы он не проявил излишнего рвения и не навредил нашим планам; вели ему от моего имени точно соблюдать инструкции. Мы с Бурдо приступаем к разработке плана кампании.

Сияя от удовольствия, Сортирнос вышел из комнаты. Некоторое время Николя и Бурдо сидели молча. Первым заговорил инспектор.

— Я думаю, — начал он, — бандит с дороги в Мо связан с Камюзо. Кадильяк работал с ним раньше, по-моему, лет пятнадцать назад. Судите сами: он пытается вас убить, и при нем находят адрес Камюзо. Надеюсь, Камюзо еще не знает, что его прихвостень мертв.

— Давайте попробуем встать на место Камюзо, — предложил Николя. — Без сомнения, узнав от Гаспара о миссии, возложенной на меня покойным королем, он пускает по моим следам своего человека. Между получением мною шкатулки и моим отъездом в Париж проходит немало часов. За мной устанавливают слежку и, соответственно, пытаются ограбить, но вмешивается Катрина и спасает комнату от разгрома. За мной вновь следят. Дальнейшие события нам известны: дорога в Мо, выстрел, осечка и смерть Кадильяка. Но Камюзо не в курсе и продолжает ждать известия от своего прихвостня. Известий нет, и он начинает строить предположения. Если он не знает, что Кадильяк мертв, у него нет оснований подозревать, что наемник не выполнил поручение. Значит, он думает, что его сообщника перекупили за более высокую цену или же он, оценив стоимость находки, бежал, чтобы самому воспользоваться добычей. У Камюзо наверняка есть свои осведомители, следовательно, до него дошел распущенный вашими заботами слух, что меня ограбили по дороге в Мо.

— Кадильяк далеко не дурак, — согласился Бурдо, — ведь он столько лет участвует в махинациях Камюзо и вполне мог присвоить алмазы, предназначенные для графини дю Барри, а также…

— …а также сообразить, — продолжил Николя, — что попавший к нему в руки документ также обладает немалой стоимостью и среди высокопоставленных лиц всегда найдется желающий приобрести его. Полагаю, вы понимаете, к чему я подвожу. Несмотря на всю свою осведомленность, Камюзо не мог знать, что Кадильяк записал его адрес на бумажке, и мы эту бумажку нашли. Значит, если бы кто-то от имени Кадильяка написал Камюзо письмо и назначил встречу, то Камюзо клюнул бы на это приглашение, а мы бы сделали подсечку и вытянули рыбку.

— Неплохо, — задумчиво произнес Бурдо. — Но на какую наживку он клюнет? Это не какая-нибудь мелюзга. К тому же он крайне осторожен: ему прекрасно известна ваша заинтересованность в раскрытии этого дела.

Прикрыв глаза, Николя задумался. Потом встал и вышел за дверь размяться. Вернувшись через несколько минут, он сел напротив инспектора.

— Нам нужно поставить себя на место Кадильяка, — заявил он. — Что сделал бы Кадильяк, если бы он, действительно, забрал себе добычу и решил сам ею распорядиться. Разумеется, он мог бы удовольствоваться алмазами. Однако ему мало, ибо он понимает, что такую удачу жизнь ему больше не подбросит. Но чтобы воспользоваться ею, надобно проявить

хитрость. Он мог бы, например, дать объявление в «Меркюр» или в «Газетт»: «Предмет, потерянный на дороге в Мо, вернут за вознаграждение». К несчастью, помещая текст объявления, он рискует выдать себя.

— Более того, — поддержал его Бурдо, — никто ему не гарантирует, что объявление прочтут те, кого оно должно заинтересовать.

— Тогда… тогда… — нервно заговорил Николя, — тогда предположим, что Кадильяк, дождавшись, пока Камюзо отправится в город, посылает кого-нибудь к его служанке и тот вручает ей письмо для хозяина. Нам надо составить письмо по всей форме, чтобы Камюзо понял, что его подручный взбунтовался и, несмотря на их давнее сотрудничество, собирается с ним торговаться, а если не сторгуется, то отправится стучаться в другую дверь, а именно в дверь некой пагоды, хозяин которой, впрочем, уже вернулся в свой парижский особняк. Господин Шуазель, без сомнения, с радостью приобретет документ, способный стать козырной картой в его партии.

— Уже лучше, — одобрил Бурдо. — Но давайте подумаем о последствиях. Чтобы нанести удар без промаха и не подвергать опасности нашего подставного Кадильяка, следует прежде выработать приемлемые условия. А также подчеркнуть, что оригинал документа находится в надежном месте вместе с письмом, адресованным тому, кто, в случае если Кадильяк не вернется в условленный час, заберет его бумаги.

— Неувязка, — произнес Николя. — Того, кто придет на встречу, Камюзо должен непременно принять за Кадильяка. Если он не увидит своего бывшего сообщника, то заподозрит неладное, и пропал наш замысел.

— Мы немедленно его арестуем и решим вопрос.

— Возможно, — ответил Николя, — но у меня другая идея. Кадильяк не хочет вести переговоры напрямую и посылает своего приятеля. Встречу можно назначить где-нибудь в не слишком светлом месте, например в церкви.

— Камюзо не станет разговаривать с посредником.

— Погодите, дайте мне изложить свой замысел до конца. Он станет вести переговоры с посредником, если Кадильяк будет находиться рядом, в нескольких шагах, а мы должны сделать так, чтобы добраться до подставного Кадильяка не оказалось никакой возможности. Например, можно оставить его на хорах возле органа, где его прекрасно видно. Мне кажется, он даже сможет помахать Камюзо рукой.

— А вы сумеете воскресить мертвого?

— Ну, что вы! Но прекрасно зная вас, дорогой Пьер, я уверен, что вы сохранили одежду Кадильяка. В полумраке и на расстоянии любой из наших осведомителей или вы, или я, сможем сыграть роль Кадильяка.

Удовлетворенно потирая руки, Бурдо произнес:

— Ваш экспромт заслуживает внимания. Остается написать текст и выбрать сцену.

— Надо придумать нечто, возбуждающее любопытство, что-то вроде: «Распиленные камни сильно потеряют в цене. Бумага тоже кое-что стоит, особенно если попадет в щедрые руки. Если хотите узнать больше, приходите во вторник, 17 мая в семь часов вечера…»

Николя надолго задумался, а потом завершил:

— … «в Термы при дворце Клюни, один и без оружия. И помните, мы примем надлежащие меры…»

Бурдо с сомнением покачал головой.

— Суть изложена верно, но форма явно страдает. Это предложение в стиле комиссара Шатле, но не в стиле Кадильяка. Надо все переписать.

Он взял перо и лист бумаги и, делая ошибки, стал писать.

— Вот. И пусть черт меня заберет, если вам это не подойдет. «Я вам так скажу: ежели камни из Мо распилить, то навару с них не шибко будет. А цена на бумажку растет. И я уступлю ее тому, кто не поскупится, потому что желающих много, а из самых верхов и подавно, особенно из пагоды. Приходите во вторник, семнадцатого мая, в семь часов вечера в большой зал Юлиановых терм. Да помните: мы всегда начеку».

— Ах, — с умилением воскликнул Николя, — настоящий шедевр! Остается только найти подходящий клочок бумаги и руку с корявым почерком.

— И колченогой орфографией, — добавил Бурдо. — Папаша Мари вполне подойдет.

— Увы, он не подойдет! Камюзо работал здесь и может узнать его почерк.

— Вы правы. Что ж, найдем другого. А письмецо отправим по почте.

— Где его вскроют или не доставят вовсе. Нам надо точно знать, что адресат его получил. Конструкцию мышеловки следует хорошенько продумать. Ведь речь идет не о задержании преступника, а о попытке добраться до конца цепочки. Надо тщательно осмотреть место будущего свидания, желательно вечером, в тот самый час, на который назначена встреча. В нашем театре играют марионетки, и они должны сыграть хорошо.

— Кому достанется роль Кадильяка?

— Мне, — ответил Николя.

— Это неправильная мысль, и я не позволю вам осуществить ее. Хоть вы и будете вдалеке, наш собеседник вполне может выстрелить в вас. Как я потом буду объясняться с Сартином? К тому же только вы держите в голове полную картину дела. Наконец, ваша фигура нисколько не напоминает телосложение Кадильяка, а это, на мой взгляд, аргумент решающий и бесповоротный.

— Похоже, Бурдо, сегодня вы отвели себе роль критика. Не беспокойтесь, вы все узнаете… когда новый план расследования сложится у меня в голове. Ваши возражения я принимаю, хотя и крайне неохотно. Но тогда кто? Вряд ли наши люди смогут как надо сыграть эту роль. Если только Рабуин?

— Нет, — отрезал Бурдо, — Камюзо его знает. В нашем деле нельзя пренебрегать мелочами. Наш актер должен быть лет пятидесяти, плотного сложения, с седыми усами. Если приклеить накладные усы, я вполне справлюсь с этой ролью. И не волнуйтесь, я надену кирасу под камзол, она придаст мне полноту и усилит сходство.

Николя задумался.

— Нет, это мне категорически не нравится, — наконец произнес он. — Но признаю, что, похоже, придется согласиться. Главное, чтобы ни одна мелочь не ускользнула от нашего внимания, ибо этого требует безопасность. Надо пойти и осмотреть местность, но пойти в гриме. Полагаю, у нас в шкафу мы найдем все необходимое для маскарада, в том числе и какие-нибудь лохмотья. Честно говоря, идти на встречу должны мы вдвоем, вы и я. А место действия следует окружить плотным кольцом и выставить посты на улицах Сен-Жак, Фуэн, Лагарп и Матюрен. Надо следить за всеми, кто проследует в термы, а за теми, кто выйдет из дворца Юноны, немедленно пускаем агентов. Сейчас я напишу пару слов Пельвену, бывшему моряку, а теперь привратнику в театре Итальянской комедии. Он мой старый приятель, и он проведет вас за кулисы, где кто-нибудь из актеров поможет вам загримироваться и уподобить вашу фигуру фигуре Кадильяка.

— Ох, — вздохнул Бурдо, — но все театры закрыты на месяц по случаю траура по королю.

— Он найдет выход, можете на него рассчитывать. Отнесите ему сверток табачных листьев и бутылку водки от моего имени.

— Не стоит забывать, — задумчиво протянул Бурдо, — не мы одни намерены обезопасить себя от неожиданностей. После встречи наши противники вполне могут пустить за мной слежку. Надо подумать и об этом.

— Ваш экипаж направится по улице Де-Порт в сторону улицы Отфей, и как только вы тронетесь, повозка с сеном случайно опрокинется и перегородит преследователям дорогу.

— А вы сами?

— Я буду там, чтобы в случае необходимости помочь вам; я приду заранее, за несколько часов, не вызвав ни у кого подозрений. Еще я намерен отследить, не посадили ли наши противники кого-нибудь в засаду, ведь Камюзо может и не появиться. Он вступит в переговоры, только если будет уверен, что Кадильяк — это действительно Кадильяк. А чтобы убедиться в личности шантажиста, он может подослать кого-нибудь, кто знает Кадильяка.

— Не нужно приходить слишком рано, вы рискуете столкнуться с теми, кого хотите вывести на чистую воду.

— Это маловероятно, но возможно, — задумался Николя. — Пожалуй, я останусь там ночевать с понедельника на вторник.

Бурдо озадаченно молчал.

— Не слишком ли мало времени мы им даем?

— Надо разозлить их. Помехой нашим замыслам может стать отсутствие Камюзо; но тогда придется отложить всю партию. Я уже вижу, как в ожидании новостей он подпрыгивает от нетерпения, словно под ноги ему набросали раскаленных углей. Скорее всего он зайдет домой. Мы найдем ловкого малого, из тех, кто не намозолил глаза в Шатле, и отправим его с запиской к Камюзо, намекнув, что потом ему лучше бы несколько дней носа на улицу не показывать. Впрочем, если малого поймают, он всегда может сказать, что на улице его остановил какой-то субъект с седыми усами и за хорошую плату велел доставить письмо по указанному адресу. Итак, я ничего не забыл? Тогда не пойти ли нам пообедать?

Как обычно, они направились в свое излюбленное заведение на улице Пье-де-Беф, в нескольких шагах от Шатле, дорогой обсуждая последние новости, главной из которых явилось опубликованное в печати письмо нового короля господину де Морепа. Язвительный, как обычно, Бурдо насмехался над тоном послания, называя его «простодушным». Зачем новый государь признается, что ему «не хватает знаний, кои необходимо иметь в его положении»? Николя находил подобную скромность трогательной, и они надолго заспорили. В конце концов победа осталась за Николя: его помощник, никогда не упускавший случая раскритиковать абсолютную власть монарха, не стал выдвигать против молодого короля свои убийственные доводы.

При виде блюда со сладким мясом, которое трактирщик торжественно водрузил на стол, их голоса слились в единый хвалебный хор. Друзья потребовали рассказать, как готовилось это чудо, ибо они давно убедились, что описание кухонного священнодейства преумножало удовольствие, получаемое от еды и доставляло приятность хозяину таверны. Подсев к ним за столик и приняв поднесенный стаканчик охлажденного белого вина, хозяин с чувством поведал гостям о том, как после долгого вымачивания зобная железа фаршируется салом, обвалянным в смеси сухих душистых трав, заворачивается в ломтики свежего шпика, слегка обжаривается и заливается равными частями белого вина и двойного бульона, куда затем добавляется соль, перец, букет гарни[58], нескольких кружочков кожицы лимона, и наконец, горсть давленого крыжовника, разбавленного уксусом, а для полного совершенства — немного карамельного кулера. Все вместе тушится на медленном огне не меньше трех четвертей часа. Затем зобная железа извлекается, а соус выпаривается до тех пор, пока на донышке не останется лишь тонкий, блестящий слой. Тогда, и только тогда в нем обваливают зобную железу, дабы карамелизировать ее, а потом подать на постельке из щавеля, припущенного в остатках соуса. Пиршество завершилось несколькими стаканчиками домашней настойки, изготовленной хозяином заведения из водки, шафрана, корицы, горького миндаля, гвоздики, лепестков

померанцевых цветов и сахара. Нахваливая свою настойку, хозяин подчеркивал, что она особенно способствует пищеварению.

Николя расстался с Бурдо возле рынка Апор-Пари, что раскинулся на площади перед Большим Шатле. Бурдо отправился составлять письмо к Камюзо и заниматься своим костюмом, для чего ему предстояло забрать из мертвецкой одежду Кадильяка. Они договорились встретиться в четыре часа и отправиться изучать обстановку в термах Клюни.

Понедельник, 16 мая 1774 года

Все прошло, как хотел Николя. Мальчишка передал письмо старой служанке Камюзо, и та пообещала сегодня же вручить его хозяину. Привратник из театра Итальянской комедии, в восторге от того, что Николя вспомнил о нем в столь важном деле, сделал все для превращения Бурдо во вполне узнаваемого Кадильяка. Сортирнос передал инструкции комиссара Рабуину, и тот привлек к наблюдению целую армию осведомителей. Николя и Бурдо, совершенно неузнаваемые, в воскресенье вечером исследовали место предстоящих событий и самым тщательным образом продумали ход операции. Дом на улице Дуз-Порт и особняк д'Эгийона пребывали под неусыпным надзором многочисленных соглядатаев, среди которых числились священники, кумушки и даже пара десятков мнимых слепых, инвалидов и прочих, жаждущих подзаработать.

Николя безоговорочно заявил, что явится на место события задолго до назначенной встречи. Он так хорошо загримировался, что Рабуин, пришедший за получением дальнейших инструкций, принял его за сумасшедшего, бежавшего из Шарантона или Бисетра, и не вмешайся умирающий от хохота Бурдо, он бы с презрением вышвырнул комиссара за дверь. Николя решил провести ночь в термах, чтобы обнаружить засаду и вовремя вмешаться, если что-нибудь станет угрожать жизни инспектора.

Итак, когда пробило семь, в меру оборванный субъект, прихрамывая, двинулся в сторону улицы Лагарп, мрачной и узкой, где хватало двух тележек, чтобы полностью преградить проезд. Бесстрашному пешеходу, свернувшему на эту улицу, приходилось выбирать между сырыми стенами и колесами экипажей, пролетавших мимо и грозивших раздавить его. Оглядевшись, дабы понять, не является ли он объектом чьего-либо любопытства, оборванец толкнул железную решетку дворца Клюни и проследовал в большой зал Юлиановых термов. Термы, пользовавшиеся дурной славой, являли зрелище запустения, а потому притягивали к себе всех, кому хотелось поболтать без свидетелей. Висячий сад, устроенный над массивными римскими сводами по образцу вавилонского, все еще увенчивал зал; второй сад рухнул в 1737 году вместе с удерживающим его сводом. Николя ощутил величие огромного зала, дерзко вздымавшего свои стены из далекого прошлого.

Несмотря на обшарпанный вид, высокие своды с изящными арками, опиравшимися на колонны, где место капителей занимали выточенные из камня круглобокие корабли, искусно выполненные архивольты, аркады и ниши вызывали трепет и восхищение. Со всех сторон Николя обступал недоступный его воображению мир. Вверху он заметил настил, куда вела прислоненная к стене лестница. Когда-то там, видимо, устраивали сеновал, поэтому до сих пор кое-где громоздились подгнившие копны сена. Решив, что сверху наблюдать удобнее всего, он поднялся по лестнице. Площадка наверху оказалась устланной толстым слоем соломы, рядом валялись обломки сундука и рассохшийся бочонок для засолки рыбы. С площадки он отлично видел не только весь зал, но и кусочек улицы перед входом и даже стену аббатства. Разумеется, здесь он отрезал себя от выхода, зато занял позицию, удобную для обороны. Они договорились, что как только Бурдо отъедет от дворца Клюни, Николя покинет термы. А если он не выйдет, Рабуин отправит нескольких полицейских ему на помощь.

Убедившись, что вокруг никого нет, комиссар принялся мастерить укрытие, используя валявшиеся вокруг него обломки; созданное им сооружение напомнило ему засыпанную дерном дровяную кучу углежога. В своем пристанище он сделал два выхода и оставил незакрепленной одну доску; она поворачивалась во все стороны, и получалось своеобразное окошко для наблюдений. Такое окошко он видел в охотничьей избушке маркиза де Ранрея, где маркиз караулил перелетных птиц во время лёта. Набросав на крышу немного веток и сена, он остался доволен своей работой. Катрина снабдила его солидной порцией паштета в хрустящей корочке и бутылкой сидра. Он взял с собой подаренный Бурдо маленький потайной фонарь, маленький пистолет, тоже подарок инспектора, и шпагу. Подыскивая книгу, чтобы скоротать время, он выбрал нравственные размышления Мариво, озаглавленные «Французский наблюдатель». Он ценил стиль автора, его глубокое проникновение в потаенные закоулки чувствительной души и тайные движения сердца; свою философию автор подавал настолько живо и приятно, что Николя любил дегустировать ее в любом порядке. Мариво умел представить добродетель как развлечение, которое нельзя не любить, а порок как соединение самых худших качеств, которые способны ужаснуть любого. Итак, взяв книгу, Николя с удобством устроился на набитом джутом мешке.

На колокольне аббатства пробило девять. Николя наслаждался чтением, когда до его уха долетел глухой звук тяжелых шагов. Какой-то человек, явно из простых, в черном шерстяном колпаке и куртке из плотной шерсти, позвякивая связкой ключей, направлялся к ограде, видимо, намереваясь покинуть дворец и запереть вход. Спустя немного времени Николя услышал скрип калитки и скрежет поворачиваемого в замке ключа. Итак, на ночь вход в термы закрыли, и он мог надеяться спокойно провести ночь. Однако он забыл о коварстве самых мелких тварей. Скоро к нему в укрытие стройными колоннами прибыли муравьи, и, несмотря на устроенную Николя гекатомбу, ему в конце концов пришлось скормить им остатки пиршества. Что ж, такова цена, которую город платил обитателям деревни. В термах присутствие деревни ощущалось особенно остро. Привлеченные запахом остатков трапезы, следом за муравьями явились мыши; мышей сменили крысы; когда их натиск стал всерьез беспокоить Николя, появилась маленькая черная с белым кошечка; сделав лапкой просящий жест, она сопроводила его нежным застенчивым мяуканьем. Соблазнив ее кусочком мясного паштета, он сделал ее союзницей в борьбе с грызущей и кусающей армией.

И снова раздались шаги. Появился сторож с фонарем; рядом с ним шла парочка; взяв мзду, он оставил им фонарь, а сам удалился. Термы Юлиана служили местом тайных свиданий: здешние чичероне извлекали из влюбленных изрядную прибыль, ибо обычно им поручали стоять на страже. Николя пришлось выслушать томные речи, клятвы, мольбы, кокетливые отказы девицы, и, наконец, продолжительные сладострастные стоны. Бурная любовная сцена повторилась несколько раз, потом парочка решила забраться на сеновал, и их амурные баталии едва не разрушили шаткое сооружение Николя, с трудом сдерживавшего смех. Кошечка же, напротив, испугалась непрошеных гостей и забилась в его лохмотья. Когда парочка угомонилась, Николя заснул.

Его разбудил птичий хор, где ведущую партию исполнял дрозд, а арию тенора — соловей; но вскоре воркование влюбленных голубей, гулким эхом отозвавшееся под сводами зала, заглушило все остальные звуки. День прошел спокойно. Монотонное бдение иногда нарушалось случайными посетителями: робкой влюбленной парочкой, крестьянином, подобравшим остатки хвороста, праздным бродягой. Постепенно ожидание стало угнетать его. Он принялся составлять анаграммы имен своих друзей: Бурдо, Сартина, Ноблекура, Лаборда и Семакгюса, а затем и врагов: Бальбастра, Камюзо, Мальво и Кадильяка. Усилия оказались не слишком успешными, однако когда очередь дошла до Мальво, он сначала не поверил и долго сидел в изумлении, пытаясь понять, как он раньше до этого не додумался. Неужели нужно было прийти сюда, в термы Юлиана, чтобы наконец понять, кто с начала года активно

стремился не только убить его, но и унизить и опозорить. Не веря самому себе, он вновь и вновь проделывал ту же самую операцию, и всегда с одинаковым результатом. Размышляя о своем открытии, он сознавал, что пока не решится сообщить о нем никому. Если его предположение верно, недостающее звено цепочки, подобно знаку свыше, появится само собой. Попытавшись собрать остальные элементы конструкции, он внутренним взором увидел, как они становятся на свои места, словно он сам заранее разрезал бумажную фигурку на кусочки, а теперь собирает ее обратно… Наконец-то многие события прояснились; а если…

Встряхнувшись, он подумал, что томительное ожидание может привести его к неверным выводам, поэтому радоваться рано, а лучше подождать, пока новые доказательства подтвердят возникшую у него гипотезу. Как говорят в Бретани, не стоит «искать слив в терновнике». И он вернулся к своим наблюдениям.

День тянулся долго, нетерпение наблюдателя нарастало. Дети, прибежавшие поиграть в прятки, едва не обнаружили его; спасла его маленькая кошечка: она вышла из их общего укрытия и, выгнув спину и вздыбив шерсть, с фырканьем испустила такое грозное мяукание, что дети в страхе убежали. Решительно, очень полезное животное, подумал Николя. Он устал от своего затворничества. Запасы, поделенные с новой подружкой, были съедены до последней крошки. Появилось еще несколько визитеров, в основном влюбленные парочки, но ввиду светлого времени дальше разговоров они не пошли.

Когда же наконец около шести часов он увидел Бурдо в обносках Кадильяка, то испытал подлинное потрясение: инспектор выглядел большим Кадильяком, чем сам оригинал. Бурдо занял пост на помосте напротив Николя. В семь часов появился человек в черной одежде. Николя был виден только его профиль. Неожиданно человек повернулся, и Николя узнал одного из молодых людей, посещавших Жюли де Ластерье; в роковой вечер 6 января этот человек сел играть в карты. Бурдо подошел к парапету, незнакомец заметил его, и в эту минуту появился агент, которому поручили провести переговоры. Состоялся краткий обмен приветствиями. Внимательно следя за движениями губ, Николя догадывался, о чем идет разговор: размер выкупа за шкатулку, советы быть осторожным и не зарываться, день и час следующего рандеву. Потом полицейский агент долго объяснял, что ежели Кадильяк или он сам после встречи случайно не доберутся до своих, об этом сразу станет известно кому надо и шкатулка перейдет в другие руки. На этом темы для беседы исчерпались, и, распрощавшись, посланец Камюзо удалился, бросив выразительный взгляд на загримированного Бурдо. Полицейский ускользнул в сторону внутреннего дворика аббатства, где ему предстояло отсидеться до тех пор, пока его сотоварищи не выяснят, ждут его на выходе или нет. Представив себе, сколько сейчас собралось вокруг термов агентов полиции и наемных убийц противника, Николя усмехнулся; к счастью, агенты знали друг друга в лицо.

Бурдо-Кадильяк покинул наблюдательный пост и поспешил на улицу, где его ждал экипаж. Все было предусмотрено, чтобы в случае погони экипаж инспектора смог бы оторваться от преследователей. Николя же в своих отрепьях намеревался раствориться в толпе простонародья. Труднее всего оказалось расстаться с кошечкой, которая после проведенной вместе ночи решила, что нашла себе хозяина, и теперь демонстрировала все свои таланты, желая убедить в этом Николя. Но он полагал, что Сирюс не потерпит присутствия юного создания, а потому считал ее усилия напрасными. Вытряхнув из мешка крошки паштета, он, пользуясь тем, что внимание лакомки переключилось на еду, тихо удалился. Однако когда он подошел к решетчатой калитке, кошечка уже поджидала его; в ее глазах прыгали задорные искорки, и она, наклонив головку, смотрела на него лукавым вопросительным взором. Он попытался обойти ее, но ее растерянный взор сломил его сопротивление. Не в силах долее противиться, он быстро схватил кошку за шкирку и сунул ее в заплечный мешок, где она, вполне довольная, моментально устроилась со всеми удобствами.

Выйдя на улицу, Николя с облегчением вздохнул и, чувствуя, как его одолевает усталость, на минутку прислонился к стене под портиком. Но передохнуть ему не удалось: в углу так

сильно пахло застарелой мочой, что даже Мушетта, как он решил назвать кошечку, высунула свою изящную головку из мешка и принялась поводить носиком, с явным неудовольствием вдыхая окружающие ароматы. Сначала он направился в сторону, противоположную Шатле, затем улочками добрел до набережной Грандз-Огюстен, где нанял лодку, высадившую его на покрытый вонючим липким илом берег неподалеку от рынка Апор-Пари. По дороге в Шатле он с удовольствием созерцал привычную толчею вокруг прилавков с зеленью, над которыми зеленщицы и торговки фруктами водрузили зонтики. Несмотря на грязь, оживление, царившее на рынке, раскинувшемся возле мрачного театра правосудия, заставляло забыть о страхах, источаемых, подобно зловонию, толстыми тюремными стенами, смотревшими своими подслеповатыми глазами-бойницами на мост Менял.

Добравшись в толпе до готического портика, он незаметно скользнул под своды старой крепости. В дежурной части никого не было, и он смог спокойно переодеться. Пока он завершал свой туалет, Мушетта исследовала помещение, осторожно перепрыгивая с одного места на другое; обойдя всю комнату, она с видимым неудовольствием отряхнулась, вскочила на стол, потянулась, свернулась клубочком и заснула. Устроившись поудобнее на стуле, Николя вознамерился последовать ее примеру, но тут явились полицейские агенты, обеспечивавшие безопасность Бурдо.

Внезапно его осенило, и он удивился, почему эта мысль не пришла к нему раньше. Неужели лихорадочное желание поскорей распутать клубок интриг вытеснило у него привычку к анализу? Ведь появление в термах Юлиана в роли посланца Камюзо молодого человека, приглашенного в тот злополучный вечер к Жюли, бесспорно, доказывало связь между преступлением на улице Вернель и политическими интригами вокруг покойного короля и графини дю Барри. Вписав этот запоздалый вывод в канву своих рассуждений, Николя убедился, что он вполне укладывается в зародившуюся у него в голове гипотезу, последствия которой он пока не осмелился сформулировать.

Громкий топот прервал его размышления. В комнату в одежде Кадильяка, но без усов бодро вошел Бурдо, а следом за ним несколько приставов, доставивших троих арестованных.

— Три крупных рыбы, и все из последнего улова! — жизнерадостно сообщил инспектор.

— Расскажите все по порядку.

Бурдо плюхнулся на стул.

— Как вам известно, после непродолжительной, я бы даже сказал, краткой беседы в термах, когда наш агент предложил цену, назвал условия и предупредил о последствиях недружественных шагов, я покинул развалины. Стоило моему экипажу двинуться, как за ним тотчас увязался кабриолет, следовавший за мной вплоть до улицы Де-Порт. К счастью, телега с сеном прекрасно сделала свое дело, позволив мне удрать и сохранить свое инкогнито.

— А как же посланец Камюзо?

— Погодите! Вы слишком торопитесь. За ним следили, все как положено. Я занял позицию возле источника Самаритен, то есть в самом центре, откуда все хорошо видно. Гонцы, сменявшие друг друга с потрясающей скоростью, сообщали мне о передвижениях противника. Таким образом, мы смогли постепенно очертить границы интересующей нас части города. Наш подопечный вошел в Нотр-Дам незадолго до закрытия дверей. Наши люди незаметно проскользнули за ним и, скрываясь в темных приделах, наблюдали за тем, что он делал и куда ходил. А мы пока окружали храм…

— «Нас двинулось пятьсот, но воинство росло…»[59]

— Смейтесь, смейтесь! Через полчаса из боковой двери вышли три человека, в одном из которых узнали Камюзо. Я приказал проследить за ним, желая знать, куда он направится, чтобы, получив адрес, арестовать его. Что и сделали возле особняка д'Эгийона. А те двое

заперли дверь, выходившую во внутренний дворик и улицу Шануанес, и сели в фиакр. «Замерли дверь на ключ», прошу вас отметить эту деталь!

— Бальбастр?

— Именно. Скорее всего это он раздобыл им ключ. Кто, если не органист Нотр-Дам, вправе владеть ключами от собора? Но вернемся к нашим птичкам; они добрались до улицы Пан и вошли в дом; вскоре туда подкатил и я. Отдав приказ приставам перекрыть оба конца улицы, один из которых упирается и улицу Сен-Виктор, а другой — в улицу Траверсин, я решил, что они от нас не уйдут. Так и получилось. Мы поднялись на чердак, ворвались к ним в комнату и надели на них наручники. Надо сказать, сопротивлялись они недолго.

— Кто «они»? — посерьезнев, спросил Николя.

— О! Ночные птицы.

— А подробнее?

— Некий молодой человек, нам неизвестный; второго вы знаете.

— Мальво?

Бурдо даже подпрыгнул от изумления.

— Николя, вы опять меня удивляете!

— Нашли какие-нибудь улики?

— Почти ничего. Полагаю, им приходилось часто менять квартиры. Пистолеты, шпаги и какое-то кольцо на ленте.

Бурдо протянул кольцо Николя, тот взял его и, внимательно оглядев, сунул в карман.

Он вышел в коридор взглянуть на арестованных. Изрядно постаревший Камюзо вызывающе смотрел на комиссара. Неизвестный из термов опустил голову. Мальво равнодушно закрыл глаза и не открыл их, когда, приблизившись, Николя долго вглядывался в его лицо. Время было позднее, допрос отложили на завтра, а всех трех арестованных заперли в одиночные камеры. Николя объяснил тюремщикам, как следует обращаться с новыми заключенными. Мысль о таинственных смертях, случившихся в Шатле и не имевших ничего общего с самоубийствами, не покидала его ни на минуту. Недавнее отравление Казимира лишь усугубляло его тревогу. Поэтому он приказал отобрать у арестованных все предметы, с помощью которых можно лишить себя жизни, и строго-настрого запретил им любое общение с внешним миром. Затем Николя отправился на улицу Монмартр. Поднявшись к себе в комнату, он уложил спящую Мушетту на подушку, сам лег рядом и погрузился в сон.

Вторник, 17 мая 1774 года

Представление кошечки обошлось без Николя: она прекрасно владела искусством соблазнения, и ему оставалось лишь восхищаться ею. Сирюс, явившись утром приветствовать старого друга, наткнулся на пробудившуюся ото сна Мушетту. Нисколько не испугавшись, кошечка грациозно потянулась и с обворожительным мяуканьем коснулась бархатной лапкой носа заинтригованного Сирюса. Растрогавшись, старый пес взял ее под свое покровительство и, деликатно схватив зубами за шкирку, понес вон из комнаты. Нежно урча, киска болтала лапами: она явно не возражала против такой любезности.

Завершив утренний туалет, Николя спустился в кухню, где Сирюс внимательно наблюдал, как смиренница лакала молоко, налитое ей Катриной и Марион. Его засыпали вопросами, и ему пришлось подробнейшим образом рассказать, откуда взялась кошка. Обе кухарки пришли в восторг: они давно хотели завести кота или кошку для помощи в повседневной борьбе с мышами и крысами. Предупрежденный Николя, господин де Ноблекур пошел на компромисс и принял самозванку к себе в дом с условием, что она не станет забегать на его половину; однако

уже через несколько часов плутовка прочно заняла привилегированное место на коленях строгого магистрата. А Сирюс, казалось, помолодел в обществе новой приятельницы.

Последующие дни прошли в трудах по возобновленному расследованию. Камюзо грозил Николя гневом могущественного вельможи, но имени его не называл. Молодой человек отказывался говорить, равно как и Мальво: из него не удалось навлечь буквально ни единого вздоха. Будучи противником допросов с пристрастием, Николя намеревался воздействовать на виновных не столько силой, сколько проницательностью суждений. Арестовали также Бальбастра и мэтра Тифена. Таинственный голос предупредил мэтра о грозящем ему аресте, так что его задержали уже на выезде из города. Признавшись, что получил завещание, но не проверил в установленном порядке подлинность документа и подписей, он отказался отвечать на дальнейшие вопросы. Из напуганного до смерти органиста вытянуть не смогли ничего. Явку узников перед комиссией под председательством Сартина назначили на 31 мая.

Вторник, года 24 мая 1774 года

Возвращаясь из Вожирара в Париж, Николя размышлял о сведениях, полученных от Семакгюса во время долгой застольной беседы: друзья поужинали под большой липой, наполнявшей вечерний сумрак своим сладким ароматом. Попутно он вспомнил о завтрашнем заседании следственной комиссии в составе Сартина, Тестара дю Ли и Ленуара, государственного советника, которому, если верить слухам, предстояло занять место интенданта Лимузена вместо Тюрго, призванного в правительство Морепа. В комиссию Ленуара назначил сам король. Сартин, утверждавший, что они с Ленуаром давние друзья, сообщил Николя, что сей магистрат удостоился особого доверия покойного короля. Назначению Ленуара Николя не обрадовался, ибо тот пользовался покровительством стремительно набиравшего влияние и вес Морепа, связанного родственными узами с герцогом д'Эгийоном и герцогом де Ла Врийер.

Следовало поступать осмотрительно: обвинять, не сказав ничего; разить, никого не скомпрометировав; не называть громких имен и примирять непримиряемое. Все эти увертки раздражали Николя; сражение предстояло нешуточное, а среди высокого ареопага он мог найти опору и поддержку только у своего начальника. Тестар дю Ли, разумеется, ценил его заслуги, однако имел обыкновение присоединяться к мнению большинства. Если собранные Николя улики не убедят комиссию вынести приговор виновным, заседание завершится ничем, дело выведут из производства, и он никогда не сможет оправдаться от павших на него подозрений. Любое упоминание об убийстве на улице Верней продолжит порождать порочащие его слухи, и они рано или поздно дойдут до нового короля.

Разумеется, он припас несколько козырей. Семакгюс рассказал ему о встрече Авы, его кухарки-негритянки, с Юлией, бывшей рабыней госпожи де Ластерье, и теперь ему осталось только убедить Юлию повторить свои признания на суде. Корабельный хирург ответил и на еще один вопрос, давно занимавший комиссара. Не найдя ответа в книгах, озадаченный Семакгюс наконец извлек старую записную книжку, куда он заносил путевые наблюдения, описания проведенных им операций и заметки о фауне и флоре далеких стран. Книжка сопровождала его в путешествиях, и для сохранности, дабы защитить от попадания морской воды, он заворачивал ее в навощенную ткань. Среди записей он нашел упоминание о том, как в 1755 году в Мадрасе он целую ночь беседовал с буддистскими жрецами, индусским целителем и арабским лекарем. С помощью собственных заметок и тормошившего его своими вопросами Николя Семакгюс вспомнил поразившие его рассказы, и Николя получил подтверждение своим

выводам. Впрочем, он не был уверен, что ему удастся убедить в своей правоте высокое начальство.

XIII
ПЕЧАТЬ ТАЙНЫ

Ты знаешь, Цезарь, я не суеверен,
Но я теперь боюсь.

Шекспир

Вторник, 31 мая 1774 года

Заседание комиссии назначили на десять утра. Николя отправился в Шатле пешком. Подобные заседания всегда являлись для него испытанием, и перед началом он ощущал потребность подышать свежим воздухом. По прибытии генерал-лейтенант представил его Ленуару, плотному господину невысокого роста; его приземистая фигура являла разительный контраст с худощавой и сухой фигурой Сартина. Полное румяное лицо с чуть кривоватым носом и мягкими губами, свидетельствовавшими о пристрастии к изысканной еде, кроткий взор темных глубоких глаз. Но если как следует присмотреться, открывалась любопытная асимметрия: с одной стороны профиль являл лицо добродушное, а с другой — строгое, и даже суровое, а левый глаз, запавший и неподвижный, и вовсе пронизывал собеседника насквозь. Зачесанные спереди собственные волосы открывали высокий лоб, а по бокам были завиты в букли и уложены тремя рядами. Речь его текла плавно и спокойно.

Для заседания отвели зал еженедельных аудиенций начальника полиции. Бочком, вдоль стены проскользнувший на свое место Тестар дю Ли приветствовал коллег и бросил одобряющий взгляд на Николя. К его природной робости добавилось неподдельное смущение, ибо и Ленуар, и Сартин успели побывать в должности судьи по уголовным делам, так что он невольно оказался в окружении двух своих предшественников.

Прежде чем взять слово, Сартин приказал закрыть дверь.

— Заседание чрезвычайной королевской комиссии объявляю открытым. В задачу сегодняшнего разбирательства и ходит пролить свет на убийство дамы Жюли де Ластерье, чернокожего раба Казимира, прибывшего с Антильских островов, и господина дю Мен-Жиро, а также на злоумышления и покушения на жизнь господина Николя Ле Флока, комиссара полиции Шатле, секретаря в королевских советах, коему мы поручили расследовать вышеуказанные преступления. Документы, сведения, свидетельства и прочие доказательства, собранные нашими комиссарами, инспекторами и приставами, останутся и будут храниться в совершеннейшей тайне, ибо они затрагивают интересы короны. Господин комиссар, вам слово; мы все готовы вас выслушать.

Николя поклонился и глубоко вздохнул. В одно мгновение он пережил все предыдущие месяцы, проведенные в тревоге и поисках ответов на бесконечные вопросы, и осознал, что впервые он выступает не только как следователь и обвинитель. Он должен не только раскрыть преступление, но и отомстить — в память о женщине, с которой несколько лет его связывали нежные узы. А еще он обязан защитить собственную честь и невиновность. Уличные крики и шумы, долетавшие из раскрытых окон, вернули его к действительности.

— Господа, — начал он, — вам может показаться странным, что человек, невольно оказавшийся замешанным в интригу с трагическими последствиями и подозреваемый как главный виновник печальных событий, по велению короля провел расследование и теперь предстает в роли обвинителя. Я не добивался этой чести, она выпала мне по причине доверия, питаемого ко мне Его Величеством, а также господином генерал-лейтенантом. После этих слов я приступаю к изложению фактов, кои намерен поведать вам во всех подробностях и в соответствующей последовательности.

Сартин теребил кудри своего парика, Ленуар что-то записывал, Тестар дю Ли уставился на оратора.

— 6 января 1774 года, в четверг, — продолжал Николя, — после размолвки со своей подругой Жюли де Ластерье я в расстроенных чувствах покинул улицу Верней около половины седьмого пополудни. В квартире оставались сама Жюли, двое ее чернокожих слуг, Казимир и Юлия, органист собора Нотр-Дам господин Бальбастр, уроженец Швейцарии господин фон Мальво, и четверо неизвестных мне молодых людей. Я отправился во Французский театр, где встретил комиссара Шоре: он может это подтвердить. Успокоившись, я взял фиакр и к десяти часам вернулся на улицу Верней. Я дал кучеру столь щедрые чаевые, что, полагаю, он меня запомнил. Имея собственный ключ, я поднялся и вошел в квартиру Жюли. Теперь следует кое-что пояснить. Увидев, что гости продолжают веселиться, я почувствовал себя обиженным и решил уйти окончательно, но прежде мне захотелось забрать с кухни бутылку вина. Когда я шел на кухню, меня увидел фон Мальво, а когда я возвращался — Казимир, которого я нечаянно толкнул. Покинув улицу Верней с желанием более туда не возвращаться, я около полуночи добрался до дома Ноблекура где, почувствовав себя больным, потерял сознание. На следующий день, 7 января, в два часа пополудни, я проснулся и узнал о смерти госпожи де Ластерье. Признаю, я не могу сказать, ни что я делал, ни где бродил в беспамятстве 8-го числа между десятью часами с четвертью и полуночью.

— То есть, признаетесь, что никаких доказательств вашего времяпрепровождения в эти часы у вас нет? Хорошо, пока меня все устраивает, — промолвил Ленуар.

— Сударь, я вернулся весь в грязи, и от моей одежды несло водкой. На следующий день господин де Сартин приказал мне отправиться в Версаль к господину де Лаборду, дабы тот с помощью Гаспара, лакея в голубой ливрее помог мне скрыться. Но мое место занял мой двойник, а сам я, загримировавшись, вместе с инспектором Бурдо отправился на место происшествия.

— Полагаю, — произнес судья по уголовным делам, — вряд ли начальник полиции мог поощрить подобный маскарад своего подчиненного, замешанного в убийстве. В противном случае я бы его не понял.

— Придется понять, дорогой мой, — вмешался Сартин. — Поразмыслите и поймите, что это был единственный способ проверить правдивость и искренность утверждений нашего комиссара. Я поручил Бурдо тщательно проанализировать его поведение и высказать свои предположения относительно его виновности или невиновности.

— Чего вы только ни придумаете! — воздохнул Тестар дю Ли, воздевая руки к небу.

— Эта уловка, — продолжал Николя, — позволила мне присутствовать на предварительном осмотре места преступления на улице Верней, оставленном в том состоянии, в каком его нашел квартальный полицейский. Труп являл собой картину мучительной смерти…

При этом воспоминании он невольно умолк, но, быстро справившись со своими чувствами, продолжил:

— Мы нашли тело Жюли на кровати в ночной рубашке. Окна оказались плотно закрыты, несмотря на привычку хозяйки постоянно держать их раскрытыми. Мы с Бурдо обнаружили тарелку с кусочком курицы в антильском соусе и наполовину опорожненный стакан с беловатой жидкостью. К этим находками прибавились палочки зеленого воска и грязные следы на полу. Бурдо заметил, что следы в точности соответствовали следам моих сапог.

— Означает ли это, сударь, что указанные отпечатки оставили именно ваши сапоги? — поинтересовался Ленуар.

— Сударь, у меня было две пары одинаковых сапог, и одна из них хранилась в доме на улице Верней, равно как и кое-какая одежда.

— И где находилась эта пара? — поинтересовался Сартин.

— Она исчезла из шкафа, куда я обычно ее ставил. Кто-то явно хотел убедить следствие, что в тот вечер я возвращался повидаться с Жюли. Я помню, тогда шел снег, и на улицах было грязно. О существовании этой пары сапог знали только Жюли и двое ее слуг. Вскрытие тела жертвы показало, что она была отравлена. Вскоре выяснились любопытные подробности: в тот вечер, по своему обыкновению, Жюли ничего не ела. Тогда кому предназначалось куриное крылышко? Очевидно, кто-то еще раз хотел подчеркнуть мое присутствие, ибо курица по-антильски была моим любимым блюдом из тех, что готовили Юлия и Казимир. Исследовав жидкость, заподозрили, что она отравлена. Дополнительные исследования подтвердили подозрение. То есть дичь оказалась безвредна, а питье, напротив, отравлено. Но даже при таком положении вещей я оказывался главным подозреваемым, ибо я имел обыкновение смешивать для Жюли желтки с молоком для ее любимого напитка. Именно из-за этого напитка у нас в тот вечер и произошла размолвка.

— Известна ли вам природа использованного яда? — спросил судья по уголовным делам.

— Увы, неизвестна! Найденные частички толченых зернышек заставили предположить растительное происхождение яда. Но, как оказалось, эти частички подмешали для отвода глаз, желая скрыть присутствие сильнодействующего яда, определить природу которого следствие так и не смогло.

— А какова цель столь сложного маневра? — спросил Ленуар.

— Выставить в качестве обвиняемого одного из тех, кто является своим человеком в доме и знает, где хранятся пряности, используемые слугами при приготовлении пищи. А так как я имел доступ на кухню и знал, где хранились пряности, эти частички в очередной раз указывали на меня как на убийцу. Таким образом, улики против меня накапливались и становились все более тяжкими. А вскоре было получено письмо господина Бальбастра, где четко говорилось, что в тот вечер я заходил на кухню. Но кто рассказал ему об этом, если не Фридрих фон Мальво? Сам Бальбастр на кухню не ходил и не мог меня там видеть. Далее господин де Сартин поведал мне о неизвестной мне роли госпожи де Ластерье, являвшейся креатурой особого отдела полиции; устраивая у себя приемы, Жюли собирала нужные сведения, а при случае даже проверяла честность некоторых добрых слуг короля.

Магистраты выслушали разоблачение с каменными лицами, и только Сартин еще сильнее сжал свои тонкие губы.

— Бурдо допросил Бальбастра, и тот, загнанный в угол, признался, что ему приказали познакомить меня с Жюли; однако назвать имя высокопоставленного лица, отдавшего сей приказ, он отказался, ибо испытывал перед ним поистине священный трепет.

Из осторожности Николя не стал упоминать о возможной принадлежности Бальбастра к одной из масонских лож.

— Не вы ли, дорогой, подтолкнули Бальбастра к сему демаршу? — обратился Ленуар к Сартину.

— Никоим образом, — сухо ответил начальник полиции. — Речь идет об инициативе совершенно неизвестного лица.

— Тем временем, — продолжал Николя, — господин фон Мальво бесследно исчез. Но прежде чем исчезнуть, он направил судье по уголовным делам письмо, где сообщил ряд подробностей, на основании которых меня можно было обвинить в убийстве.

— Верно, — подтвердил Тестар дю Ли. — А так как другого подозреваемого у нас не было, вы вполне подходили на эту роль. И если бы нам удалось вас арестовать, посадить в камеру и как следует допросить, то, возможно, вас бы осудили и…

— … приговорили и повесили! К счастью, дорогой мой, — прервал его Сартин, — покойный король рассудил иначе, иначе бы сегодня на вашей совести, коя, насколько мне

известно, весьма чувствительна, камнем лежала бы судебная ошибка и смерть невиновного. Я помешал этому ради величия правосудия и блага государства.

Шумно вздохнув, судья пробормотал нечто невнятное.

— Добавлю, — произнес Николя, — новоявленный разоблачитель стал для нас полнейшей загадкой. Начав поиски, мы обнаружили, что он бесплотным духом въехал в королевство и так же выехал из него. Единственной зацепкой явилось упоминание Бальбастра о том, что он интересуется ботаникой, и также мой собственный вывод, что он недурно играет на клавесине. Прошу вас, господа, запомните эти детали. Словом, персонаж исчез, а мы продолжили расследование. В то время один мой старый друг, всегда помогающий мне добрым советом, сказал, что «убийство Жюли — это прикрытие для каких-то иных, неведомых нам деяний, и оно скорее всего будет не единственным». Слова его оказались пророческими.

Подняв руку, Сартин взял слово.

— Господа, комиссару Ле Флоку придется изложить некоторые события, непосредственно затрагивающие интересы короны и покойного государя, поэтому мне кажется нелишним напомнить вам о сохранении в строжайшей тайне всего, что вы сейчас услышите. Мы все внимание, господин Ле Флок.

Николя откашлялся и заговорил вновь:

— Когда меня попросили удалиться со сцены, то есть из расследования гибели Жюли де Ластерье, покойный король дал мне секретное поручение в Лондон. Госпожа дю Барри, каким-то образом узнавшая об этом, встретила меня на дороге в Шантийи. Затем по пути в Лондон меня несколько раз пытались убить и украсть у меня бумаги полномочного представителя Его Величества. Чудом избежав расставленных мне ловушек, я вернулся в Париж, где узнал, что, согласно завещанию госпожи де Ластерье, я являюсь единственным ее наследником. Кроме того, письмо Жюли, написанное в ночь с 6 на 7 января и тогда же отнесенное ее слугой Казимиром на почту, свидетельствовало, что примирение между нами возможно.

— Замечу, — произнес Сартин, — мне это письмо не кажется странным. Ведь если предположить, что против вас существовал заговор, и участники его хотели заставить нас поверить в вашу ревность, этот документ оправдывал вас и снимал подозрение об убийстве из ревности.

— Разумеется, если бы я получил его вовремя! Вы правы, сударь, аргумент вполне приемлемый, я сам долго его обдумывал. Однако письмо оказалось фальшивым. Знаток, умеющий отличить подделку от оригинала, готов подтвердить это перед судом. И получается, что тот или те, чья месть преследует меня неотступно, подложным письмом намеревались причинить мне вред. В самом деле, кто лучше меня знал почерк Жюли де Ластерье? Кто, кроме меня, располагал образчиками ее почерка? Все, вплоть до цитаты из Мольера, вставленной настолько неуместно, что она не могла не привлечь к себе внимание, указывало на меня как на автора поддельного письма. А если к подделке письма мы добавим еще и поддельное завещание, составленное без соблюдения надлежащих правил, тогда обе бумаги с легкостью оборачиваются против меня: эти фальшивки вполне могли меня раздавить.

— Так вы хотите сказать, — начал Ленуар, — что послание госпожи де Ластерье и ее завещание — фальшивки, и цель их — обвинить вас?

— Совершенно верно, сударь. Из разысканий доктора Семакгюса в Королевском ботаническом саду явствует, что ящик, содержавший образец пряного растения, именуемого гаитянским жгучим перцем и произрастающего на Антильских островах, оказался пуст, а опустошил его некий посетитель, явившийся в Сад незадолго до смерти Жюли де Ластерье. Этот человек по имени дю Мен-Жиро, жил на улице Сен-Жюльен-ле-Повр, в меблированных комнатах, принадлежащих господину Бальбастру, одному из участников расследуемой нами трагедии. Когда о наших открытиях узнали наши противники, они убили молодого человека и инсценировали жуткую сцену самоубийства. В совершении этого преступления подозреваются

двое. Один, переодевшись капуцином, вышел из дома в светском платье, другой, в котором узнали Бальбастра, вошел в дом и спустя некоторое время вышел из него, дабы затем скрыться в особняке…

Тут Сартин так грозно сверкнул глазами, что ожидаемое всеми имя мгновенно умерло на устах оратора.

— … некоего могущественного вельможи. Да, господа, не забудьте, у органиста из Нотр-Дам найдены запятнанные кровью башмаки и плащ капуцина. Наконец, некогда принадлежавшие мне и вышеупомянутые сапоги, следы которых мы потеряли на улице Вернель, чудом возникли в комнатке на улице Сен-Жюльен-ле-Повр.

Трое магистратов переглянулись. Похоже, поворот, какой принимало дело в устах Николя, удивил их.

— Мне выпала печальная честь оказаться среди тех, кто был рядом с Его Величеством, покойным королем, во время его болезни, — рассказывал тем временем комиссар. — Незадолго до смерти король доверил мне еще одну миссию. Я должен был доставить шкатулку с драгоценностями и письмо в аббатство Пон-о-Дам и передать их графине дю Барри. Эту шкатулку, господа, я оставил на хранение на улице Монмартр, в доме Ноблекура; когда же ее попытались украсть, я вспомнил, что во время моей поездки в Англию у меня украли ключи. С одной стороны, эта кража объясняла странное послание, заставившее нас шарить по дну Сены возле моста Руаяль, отыскивая там принадлежавший Жюли сундучок для хранения драгоценностей, а с другой стороны, кто-то чужой сумел проникнуть ко мне в квартиру на улице Монмартр. В первом случае некто хотел убедить всех в том, что я избавился от ключей от дома Жюли де Ластерье, а во втором — что попытался незаконно завладеть шкатулкой нашего умирающего повелителя.

— Ваш рассказ, сударь, начинает напоминать сказку, и чем дальше, тем больше, — подняв голову, произнес судья по уголовным делам.

— Полагаю, сударь, главные чудеса еще впереди, — бодро ответил Николя. — По дороге в Мо на меня вновь было совершено покушение, и я обязан жизнью только инспектору Бурдо: он предусмотрительно поехал за мной и пристрелил напавшего на меня негодяя. Им оказался Кадильяк, мошенник самого низкого пошиба и сообщник бывшего комиссара Камюзо: у него мы нашли бумажку с адресом комиссара. Не могу передать вам изумление графини дю Барри, когда она обнаружила в королевской шкатулке придорожную гальку и чистый листок бумаги. Но король, господа, наш новый король, рассказал мне, что его дед предусмотрительно отвел мне роль зайца, пущенного впереди собак. Письмо и камни остались у Его Величества.

— И чем же эта история закончилась? — осведомился Ленуар.

— Мы разыграли небольшой спектакль, желая заставить высокопоставленного вельможу, пожелавшего перехватить королевскую шкатулку, поверить в то, что его обманул его собственный клеврет, то есть Кадильяк. От имени Кадильяка мы стали шантажировать заказчика и организовали засаду в термах, позволившую нам арестовать трех подозрительных личностей: комиссара Камюзо, Фридриха фон Мальво и молодого человека, который до сих пор упорно отказывается назвать свое имя.

— Доказательства, сударь, доказательства! — воскликнул Сартин, подавшись к комиссару.

— Я постараюсь привести вам самые убедительные доказательства. Но прежде вам предстоит выслушать свидетелей, чьи показания подтвердят мои выводы, сделанные в процессе расследования. Затем я намерен допросить подозреваемых и с Божьей помощью убедить вас в их виновности, а самих подозреваемых — в неправедности их поступков, и привести веские доказательства совершенных ими преступлений.

В зал, один за другим, ввели и подвергли допросу: нотариуса Жюли де Ластерье — мэтра Тифена; декана Гильдии парижских нотариусов мэтра Бонтана и общественного писаря Родоле. Затем настала очередь свидетелей из Шатле: Бурдо, Рабуина, Сортирноса, и наконец, доктора Семакгюса. Допрос вели Николя и все три магистрата. Показания свидетелей полностью подтверждали рассказ и рассуждения комиссара. Мэтр Тифен рассыпался в извинениях, однако умолчал о причинах своей поездки в Голландию, равно как и своего второго, неудавшегося, путешествия. Мэтр Бонтан, облаченный, несмотря на жару, в манто из кошачьих шкурок, в нескольких едких словах обрисовал репутацию своего собрата. Господин Родоле столь подробно излагал свои соображения относительно представленных ему на рассмотрение документов, что чуть не усыпил почтенную комиссию. Бурдо коротко изложил результаты своего расследования. Рабуин и Сортирнос рассказали о слежке за подозреваемыми и о препятствиях, встретившихся на их тернистом пути. Наконец настал черед Юлии, подружки Казимира, низкорослой негритяночки, закутанной в пестрые шали. Подойдя к ней, Николя ласково произнес:

— Юлия, не могли бы вы повторить нам…

Тут вмешался Тестар дю Ли.

— Мне кажется неуместным допрашивать чернокожего раба в нашем присутствии. Сей поступок именуется навязыванием свидетеля, что является нарушением судебной процедуры, в чем лично я участвовать не намерен.

Стараясь не повышать голос, магистраты начали пререкаться, но вскоре господин Сартин принялся сопровождать каждый свой аргумент ударом кулака по столу, за которым сидели члены комиссии.

— Извольте продолжать, — наконец обратился он к Николя. — Большинство желает выслушать свидетеля.

— Юлия, — начал Николя, — мне хотелось бы, чтобы вы повторили все то, что месяц назад рассказали Аве.

Негритянка, в чьих устах французский язык звучал на удивление мелодично, начала нараспев:

— Казимир очень сердился на госпожу Жюли. Когда мы приехали во Францию, она не сдержала обещания и не дала нам свободу. Она больше не хотела отпускать нас на свободу. Казимир не знал, какому святому молиться. Он даже хотел пожаловаться господину Николя, потому что тот всегда был с нами очень добр. Гораздо добрее, чем госпожа: та часто отчитывала нас.

— И почему он не пожаловался? — поинтересовался Ленуар.

— Ну, он считал, что пока голубки воркуют на один лад, нечего и пытаться. А вот другому молодому человеку, который стал часто бывать в доме…

— Господину фон Мальво?

— Да, ему Казимир пожаловался. Слово за слово, и этот господин предложил ему сделку. Господин был влюблен в нашу госпожу и хотел, чтобы мы дали ей напиток, чтобы она… ну, вы понимаете. Он пообещал заплатить золотом, очень много золота, достаточно, чтобы мы могли бежать. Казимир долго не мог решиться, но потом подумал, что ничего плохого в этом нет. В ночь смерти госпожи он приготовил напиток из молока с желтками и подмешал туда порошок, который дал ему господин Мальво. Еще этот господин попросил тарелку с кусочком курицы, а затем, ничего не объясняя, потребовал от Казимира среди ночи отнести письмо на почту. Той же ночью в дом явился еще один человек и, пригрозив Казимиру, велел ему всем говорить, что в тот вечер он видел на кухне господина Ле Флока. Мы ничего не поняли. А когда увидели, что хозяйка мертва, то испугались, а Казимир заставил меня дать обещание молчать и сказал,

что сам он никогда не скажет, что встретил господина Николя. Мне кажется, он и вправду никому ничего не сказал.

— Значит, в тот вечер в доме побывал еще один человек? — переспросил Николя. — Мужчина?

— Да, в широком плаще для защиты от дождя и в сапогах.

— Вы смогли бы его узнать?

— Нет, я его не видела, только слышала, но, судя по голосу, это немолодой мужчина.

— Господин Бальбастр?

— Нет, у него визгливый голос.

— Что еще вы можете добавить?

— Деньги, которые мы получили, спрятаны в нашей комнатушке под ковром.

— Довожу до сведения комиссии, — заявил Николя, — что найденные нами свертки луидоров заклеены контрольной полосой государственного казначейства.

По его знаку два пристава, выйдя из угла, подошли к столу и выложили перед членами комиссии четыре тяжелых свертка с золотыми монетами. Тестар дю Ли, чья мысль, по мнению Сартина, всегда следовала за словами, а не наоборот, воскликнул, глядя на эту кучку:

— Что, по-вашему, это означает? Луидоры завернуты в бумагу государственного казначейства и оклеены контрольной полосой!

Сартин уставился на Николя.

— Сударь, я расспросил кассиров вышеуказанного казначейства. Золотые монеты, завернутые в специальную бумагу и заклеенные контрольной полосой, обычно поступают в крупные правительственные департаменты.

— И какой вы из этого делаете вывод?

— Вывода я не делаю, я всего лишь констатирую факт. Деньги, переданные неизвестным Казимиру, происходят либо непосредственно из казначейства, либо из одного из правительственных департаментов, не более и не менее.

Юлию увели, а ее место занял Бальбастр. Николя с трудом узнал его. От расфуфыренного человечка в пудреном парике и не осталось и следа. Без парика, небрежно одетый и плохо причесанный, с посеревшей кожей, он являл собой живое воплощение растерянности: казалось, кто-то резко столкнул его с привычной жизненной колеи, и он до сих пор не оправился от случившихся с ним перемен.

— Господин Бальбастр, намерены ли вы со всей искренностью поведать все, что вам известно об убийстве госпожи де Ластерье, о последствиях этого убийства и об убийстве вашего жильца, господина дю Мен-Жиро? — начал Николя. — Обращаю ваше внимание, что ваши показания слушают трое магистратов, назначенных королем вынести решение по данному делу.

Подняв голову, Бальбастр затуманенным взором обвел комиссию.

— Я не знаю, — пробормотал он, — что привело меня в этот зал. Позвольте мне выразить свое удивление, что подозреваемый в совершении отвратительного преступления намерен допрашивать меня в вашем присутствии. Я протестую… Я органист собора Нотр-Дам, известный композитор и виртуоз, и обучаю игре на клавесине…

Сартин поднял руку.

— Приказываю вам, сударь, избегать упоминания громких имен, обладателей которых нет нужды вызывать сюда. Господин Ле Флок выведен из числа подозреваемых и по решению Его Величества полностью оправдан. Он расследует дело об убийстве, и я буду вам признателен,

если вы станете отвечать на заданные вам вопросы честно и со всеми известными вам подробностями.

— Что вы делали, — задал вопрос Николя, — после того как вечером 6 января сего года покинули дом на улице Верней?

Сначала Бальбастр словно оцепенел, а потом наотрез отказался отвечать на любые вопросы, в том числе и на вопрос, что привело его на улицу Сен-Жюльен-ле-Повр в тот день, когда было инсценировано самоубийство дю Мен-Жиро. Николя чувствовал, что музыкант продолжает жить в постоянном страхе и неведомая угроза по-прежнему висит над его головой. Интересно, смогут ли они в конце концов узнать, чего так боится Бальбастр?

— Прошу временно удалить подозреваемого, — произнес он, — ибо я пока не завершил его допрос. Понадобится еще одна формальность. А теперь введите комиссара Камюзо.

Человек, представший перед комиссией, нисколько не походил на того комиссара Камюзо, которого Николя встретил в самом начале своей карьеры в парижской полиции. Они никогда не сталкивались один на один, но он точно знал, что Камюзо руками своего ближайшего приспешника Моваля несколько раз пытался убить его. Некогда высокого роста, сейчас бывший комиссар горбился, редкие пожелтевшие волосы обрамляли проступившую скуфейкой лысину, но лицо, несмотря на избороздившие его глубокие морщины, по-прежнему оставалось бесстрастным. Николя предстояло разыграть чрезвычайно трудную партию. Никаких серьезных улик против Камюзо у него не было. Адрес в кармане наемного убийцы, встреча в Нотр-Дам и его постоянные визиты в особняк Эгийонов не являлись преступлениями. Вряд ли Камюзо удастся запутать перекрестными вопросами. Следовало применить иную стратегию, которую он обдумывал вот уже несколько дней.

— Сударь, — вымолвил Николя, — я слишком хорошо и давно вас знаю, чтобы даже на секунду предположить, что вы скажете мне правду; я на это не рассчитываю.

— Черт возьми, столь наглое вступление заранее ставит препоны невиновному, — вскинув голову, произнес Камюзо. — И хотя я не пророк, но готов поручиться, что вы и те, кто за вами стоят, скоро поплатитесь и за мой арест, и за незаконное и немотивированное задержание.

— Сударь, — произнес Сартин, — следите за своими словами. Для бывшего комиссара оскорблять советников короля — непростительно.

— Зачем вы встречались в соборе Нотр-Дам с господином фон Мальво и молодым человеком, назвавшимся вашим посланцем? — продолжил Николя. — Почему мы нашли ваш адрес за обшлагом рукава Кадильяка, пытавшегося убить меня?

— В собор я, представьте себе, зашел помолиться и не услышал звонка, извещавшего о закрытии дверей. Но в этом повинна только моя искренняя молитва. Никакого Кадильяка я не знаю, а потому требую устроить мне с ним очную ставку, дабы доказать всем, что я не лгу.

Николя кусал губы. Хотя Камюзо и содержался в одиночной камере, до него, без сомнения, дошли слухи о смерти его подельника. Дальнейший допрос, не давший никаких результатов, напоминал хождение по зыбучим пескам, где каждый шаг лишь отнимал уверенности в достижении цели.

— Я мог бы привести десяток свидетельств, подтверждающих, что Кадильяк посещал жилище комиссара, но к чему? — произнес Николя. — Господа, соблаговолите дать ваше согласие на небольшой эксперимент.

Бурдо, сидевший в нескольких туазах за спиной Николя, встал и принес комиссару пару сапог.

— Вот сапоги, — объявил Николя. — Пара замечательных сапог, сшитых превосходным сапожником. Сапоги принадлежат мне, точнее, принадлежали. Ибо именно эти сапоги, господа, в ходе расследования встречаются буквально на каждом шагу. После смерти Жюли

де Ластерье они исчезают из шкафа на улице Верней, куда я имел обыкновение их ставить, но при этом оставляют на полу грязные следы, свежие и четкие. Вы скажете, больше они нигде не появляются? Отнюдь! Каким-то чудом мы обнаруживаем их в доме господина Бальбастра, где они, похоже, сыграли свою роль в смертельной схватке Мен-Жиро со своим убийцей. Гвоздь, торчавший из их подошвы, по-прежнему на своем месте, о чем убедительно свидетельствуют царапины на паркете. Весь пол в комнате испещрен беспорядочными царапинами, в соответствии с передвижениями убийцы. Однако в тот момент они прочно сидели на своем новом владельце, и резонно было бы предположить, что он в них и ушел. Но нет! Вот они, их успели вычистить и аккуратно убрать в шкаф, где мы с Бурдо их нашли. Господин Камюзо, окажите нам любезность примерить сапоги.

— Отказываюсь, ибо не вижу в этом смысла.

— Стража! — позвал Николя. — Возьмите подсудимого и заставьте его примерить сапоги.

— Я этого не допущу! — зарычал Камюзо.

Тем не менее, несмотря на бурное сопротивление, яростные крики и усердное пыхтенье, операция завершилась успешно. Двое стражников навалились на Камюзо сзади и, уложив его на скамью, удерживали его до тех пор, пока еще двое натягивали ему на ноги сапоги. Николя подошел поближе.

— Похоже, сударь, вам они впору. У нас с вами один размер. Отныне мы вполне можем совершать обмен. Теперь снимите с него сапоги и выведите его из зала, только ненадолго.

Над судейским столом повисла гнетущая тишина; наконец Ленуар решился прервать ее.

— Господин комиссар, не будете ли вы столь любезны и не разъясните ли нам, жалким невеждам, зачем вы устроили здесь весьма неприглядную сцену? Похоже, вы плывете по каким-то излучинам, известным только вам одному.

— Сударь, — ответил Николя, — главное не в том, что сапоги сидят на нем как влитые, гораздо интереснее обратное.

— Вам придется привыкать, мой дорогой, — заметил Сартин Ленуару. — Господин Ле Флок привык изъясняться загадками. Он всегда приближается к истине концентрическими кругами, и когда вам кажется, что он окончательно ушел от нее, он оказывается в самом ее центре.

Ленуар с сомнением покачал головой.

— Пусть приведут господина фон Мальво, — приказал Николя.

В комнату уверенным шагом вступил высокий молодой человек в сером фраке и вежливо приветствовал собравшихся.

— Сударь, — обратился к нему Николя, — соблаговолите назвать ваше имя.

— Фридрих фон Мальво.

— Вас называют уроженцем швейцарских кантонов.

— Совершенно верно: я родился в Фрауэнфельде, в кантоне Тургау.

— Почему вы так хорошо говорите по-французски? Совершенно без акцента!

— У меня был наставник-француз, он обучал меня своему родному языку.

— Ваши родители?

— Умерли.

— С какой целью вы прибыли во Францию?

— Путешествие с познавательными и развлекательными целями. Чтобы познакомиться с Парижем и полюбоваться его красотами.

— Нам известно, что вы интересуетесь ботаникой.

— Среди прочих наук. Но более всего меня привлекает музыка, и, как вы, полагаю, помните, я играю на клавесине.

Он говорил свободно, и при каждом ответе поворачивался к Николя, адресуя ему снисходительную улыбку.

— Готовы ли вы ответить на вопросы, которые комиссия пожелает задать вам при моем посредничестве?

— Я бы предпочел иного собеседника, нежели вас, сударь. Тем не менее я готов ответить со всем почтением, питаемым мною к властям этой страны.

— Прекрасно. В каких отношениях вы находились с госпожой де Ластерье?

— Нас сближали общие музыкальные пристрастия. Я восхищался ее умом и красотой и, осмелюсь предположить, что она не осталась нечувствительной к моим скромным знакам внимания. Наши участившиеся встречи сблизили нас, и она приобрела привычку поверять мне свои тревоги и заботы.

Как все четко выстроено, подумал Николя. Предчувствия его не обманули: именно этот человек своими коварными речами и намеками попытается вновь превратить его, обвинителя, в главного подозреваемого. Вкрадчивая речь, безукоризненные манеры, полнейшая искренность, за которыми скрывается змеиная злоба. Пленительная мелодия, предваряющая грозовые раскаты…

— Она была несчастна. Ее любовник — полагаю, это вы, сударь…

Голос и формулировка прозвучали столь нагло и вызывающе как по отношению к Жюли, так и к нему самому, что Николя сжал кулаки; но пришлось сдержаться.

— Продолжайте, прошу вас.

— Так вот, как я уже сказал, ее любовник постоянно досаждал ей своими упреками. Его ревность возрастала и проявлялась в бесконечных скандалах, а также поступках, о которых я догадывался, ибо сама она не решалась мне о них рассказать… Короче говоря, она стала его бояться.

— Вы намекаете, она опасалась насильственных действий со стороны своего возлюбленного? — спросил Ленуар.

Сартин, чей парик угрожающе закачался, похоже, не одобрил неуместное, на его взгляд, вмешательство.

— Я бы не стал утверждать, — ответил Мальво. — Но иногда мне казалось, что именно так оно и было.

— Сударь, — заявил Николя, — мы хотели бы выслушать вашу версию, как прошел вечер 6 января сего года.

— Меня пригласили на вечер вместе с четырьмя моими друзьями.

— Друзьями?

— Знакомыми. Речь шла об одном из тех скромных приемов, которые госпожа Ластерье прекрасно умела устраивать. На них царили свобода, беззаботность, приятные беседы, музыка и игры. Словом, изысканные развлечения, не угодные этому господину.

И он, повернув голову, дернул подбородком, указывая в сторону Николя.

— Четверо наших друзей играли в карты. Знаменитый композитор Бальбастр рассказывал веселые истории и последние новости. Я играл на клавесине, Жюли переворачивала нотные страницы, радуясь умиротворенной атмосфере вечера. Потом явился сей господин и недовольным тоном, резкими словами и неуместным поведением нарушил его мирное очарование. Когда же он в приступе безумной ярости покинул дом, все поздравили себя с чудесным избавлением и продолжили развлечения, приставшие людям достойным и спокойным.

Источавшие яд слова Мальво, словно удары кинжала, вонзались в грудь Николя.

— А что случилось после ухода возбудителя спокойствия? — холодно поинтересовался он.

— Жюли огорчилась, но вскоре ее грусть прошла, а когда гости сели за стол, она вновь радовалась и веселилась. Как я имел возможность отметить, я столкнулся с этим господином…

И он снова дернул подбородком, указывая на Николя.

— … бродившим по комнатам с безумным выражением лица. Тогда я настолько поразился исходившей от него жгучей ненависти, что до сих пор содрогаюсь при воспоминании об этом.

— И чем же занимался сей господин?

— Он что-то искал на кухне. Желая облегчить работу утомившейся прислуге, я сам отправился туда за бутылкой вина и прекрасно помню, как, обнаружив, что я наблюдаю за ним, в глазах его промелькнул ужас. Впрочем, мне неизвестно, что он спрятал у себя под плащом. Уходя, он толкнул чернокожего слугу госпожи де Ластерье.

— Однако какой обстоятельный рассказ!

Господин Ленуар хотел что-то сказать, но Сартин, взяв его за рукав, призвал к молчанию.

— Сударь, — продолжал Николя, — извольте продолжать.

— Прием завершился довольно поздно.

— Что значит — поздно?

— О! Около одиннадцати часов. Я проводил госпожу де Ластерье к ней в будуар, где она продемонстрировала мне новые духи. Мы немного поболтали о разных пустяках и спустя десять минут я ушел.

— Однако вы на удивление пунктуальны. Вы превосходный свидетель, и уверен, ваша внимательность позволит вам ответить на ряд моих вопросов.

— Мне бы хотелось, сударь, предугадать ваши желания, дабы мои ответы явились бы для вас особенно приятными.

И он сделал легкое па, напоминающее реверанс, кое Николя счел вызывающим и неуместным.

— Мне будет чрезвычайно приятно узнать от вас, что это были за духи.

— Это были модные духи.

— Где же ваша хваленая точность? Впрочем, я задал вопрос только потому, что знаю ответ. Жюли обожала «Воду королевы Венгрии». Полагаю, речь идет именно об этих духах?

— Да, она очень хвалила их.

— Флакон, действительно, отличается редкостным изяществом.

— Изысканный парижский вкус.

— С яркой этикеткой.

— Очень милой.

— Полагаю, — продолжал Николя, — по привычке она обрызгала себя духами. Я иногда укорял ее за такое злоупотребление, ибо всех, кто оказывался рядом с ней рядом, мгновенно окутывало плотное ароматное облако, от которого легко могла разболеться голова.

— Вы совершенно правы, сударь. Она щедро обрызгала кружева своей ночной сорочки.

Воцарилась тишина.

— Ночной сорочки? Вы, разумеется, хотели сказать платья? Ошибка вполне понятна, да и час, вы, видимо, перепутали… а может, и еще что-нибудь.

Впервые за время допроса самоуверенность Мальво куда-то подевалась, и он не сумел справиться с волнением. Не сумев определить причину столь резкого волнения подозреваемого, комиссар продолжил наступление. Первая схватка достигла цели: уверенность обвиняемого была поколеблена, и все три магистрата, внимательно следившие за

их поединком, увидели, как самоуверенный швейцарец оказался в затруднительном положении.

— Если я вас правильно понял, — любезным и игривым тоном продолжил Николя, — после того как вы в течение нескольких минут вели беседу о духах с госпожой де Ластерье, причем дама беседовала с вами в ночной сорочке… или все же в платье? Нет, конечно, в платье! В общем, после непродолжительной беседы вы покинули дом на улице Верней. О! маленькая деталь, исключительно для вашего сведения. Жюли ненавидела сложные запахи. Она пользовалась специальными эссенциями, бергамотовой или лимонной, растворенными в спирте. Господин Жерве, аптекарь из лавки «Клош д'Аржан», что на улице Сен-Мартен, числил ее среди своих клиентов, и он может подтвердить мои слова. Она пользовалась духами исключительно по утрам, никогда не брызгала ими на шею, а лишь слегка капала на руки. Наконец, последняя деталь, кою надобно разъяснить суду: Жюли хранила духи во флаконе из чеканного серебра с хрустальной пробкой с навершием в виде лебедя. Этот флакон стоял у нее на туалетном столике.

— Ваши утверждения не более, чем слова, — отозвался Мальво. — Над вами довлеет столько подозрений, что вы любые показания искажаете в свою пользу.

— Сударь, магистраты вынесут оценку вашим мелким неувязкам. Вы покинули улицу Верней. Куда вы направились?

— К себе в гостиницу, в Марэ.

— В какую гостиницу? Полиция не нашла следов вашего пребывания в гостиницах. Более того, в страну вы также проникли как бесплотный дух.

— Я забыл. Я часто менял гостиницы и всякий раз останавливался под вымышленными именами.

— В чем причина такой таинственности?

— В этом городе иностранцы являются излюбленной дичью для всякого рода мошенников и проходимцев, поэтому для собственного спокойствия лучше сохранять инкогнито.

— Сначала вы хранили инкогнито, а потом исчезли вовсе?

— Да нет. Я путешествую по вашей прекрасной стране, посещаю памятные места и собираю гербарий.

— Вы, без сомнения, побывали в Пикардии, где ваше внимание привлекла очаровательная церковь Айи-ле-О-Клоше?

— Нет. Я проехал Бургундию, Кламси, Монбар и некоторые другие места.

— И там мы тоже не найдем следов вашего пребывания в гостиницах?

— Так как по характеру своему склонен я к общению, меня постоянно приглашали частные лица, у коих в гостях я и обедал.

— Я еще раз предоставляю суду возможность вынести собственное суждение. Что вы делали в соборе Нотр-Дам?

— Я молился и, воспарив душой, нечаянно позволил запереть себя после урочного часа.

— Мне кажется, эти слова я уже слышал, только из других уст. Но продолжим: зачем вы отправились в обшарпанную комнату на чердаке на улице Пан?

— Я жил там вместе с другом; у нас были временные финансовые затруднения. Я проигрался в фараон и ждал векселя от своего банкира.

— Видимо, это тот самый друг, который молился вместе с вами в Нотр-Дам. Наверное, вы просили Господа, чтобы фортуна повернулась к вам лицом. Какая набожность!

Мальво не ответил.

— Еще одна деталь. Когда вас арестовали, у вас в комнате на улице Пан, инспектор Бурдо нашел вот эту штучку. Откуда она там взялась?

Николя показал подсудимому и комиссии кольцо с привязанной к нему голубой ленточкой.

— Я не знаю, для чего предназначен этот предмет, — ответил Мальво.

— Я вас просвещу. Это кольцо с лентой подарила мне Жюли де Ластерье, чтобы я повесил на него ключи от дома на улице Верней, где я бывал довольно часто и куда я повесил также ключи от дома на улице Монмартр, где я живу. Ключи — разумеется, вместе с кольцом — украли у меня в гостинице в Айи-ле-О-Клоше во время ночного налета на мой номер. Сейчас же мы нашли эту вещицу у вас в комнате. Как вы это объясните?

— Трюк, достойный ярмарочного фигляра. Можно подумать, что мы на ярмарке в Сен-Виктор!

— Прошу подсудимого не забываться и следить за своими словами, — произнес Сартин. — Кроме того, я отмечаю, что для иностранца сей господин слишком хорошо знаком с нашими привычками. Только коренные парижане знают о ярмарке Сен-Виктор и о тамошних развлечениях для простонародья.

— Вы забываете о путеводителях, созданных специально для иностранных путешественников, равно как и о прочих альманахах, где подробно рассказано о парижских увеселениях, — ответил Мальво.

Решительно, подумал Николя, упорства ему не занимать. И он махнул рукой, чтобы ему принесли сапоги.

— Последняя формальность, — произнес он. — Мне хотелось бы, сударь, попросить вас померить эти сапоги.

Мальво бросил в сторону Николя невыразительный взгляд, снял башмаки и попытался натянуть сапог на правую ногу.

— Они мне не подходят, — промолвил он. — У меня слишком высокий подъем.

Удостоверившись, Бурдо подтвердил слова Мальво.

— Прекрасно, — ответил Николя, — а теперь уведите господина. Однако ненадолго. Наш разговор с ним еще не окончен, и мы продолжим допрос.

— Воистину, можно подумать, что мы попали в сапожную лавку! — с ехидцей в голосе заметил судья по уголовным делам. — Не умаляют ли эти постоянные примерки достоинство нашего суда и величие правосудия?

— Напротив, они их возвеличивают, сударь, и вы скоро сами в этом убедитесь.

Сартин встал.

— Прежде чем комиссар Ле Флок продолжит демонстрировать собранные им улики, полагаю, мне следует сказать несколько слов. Я досконально изучил это дело, во всех мельчайших подробностях. Молодой человек, арестованный вместе с господином фон Мальво, тот самый, который явился в термы заключить сделку межу Кадильяком и комиссаром Камюзо, носит очень известное имя.

Он вздохнул.

— Мне все уши прожужжали, умоляя пощадить честь его семьи. Вы знаете наши обычаи. Я не мог остаться равнодушным к этим просьбам. Молодой человек поведал мне все, что знал, и сейчас он уже мчится по дороге в Лорьен, где сядет на корабль, дабы отплыть в одну из наших факторий в Сенегале. Смею надеяться, он раскаялся и далее пойдет по жизни честно. Комиссар изложит вам суть его показаний, и полагаю, вы внимательно выслушаете их, хотя и из вторых рук.

— Господа, — начал Николя, набрав в грудь побольше воздуха, — молодой человек, который, к великому моему сожалению, лишил нас возможности доставить его в суд и допросить его исключительно по причине громкого имени и влиятельности его семейства…

Сартин шумно заерзал на стуле.

— … этот молодой человек сообщил нам, что вечером 6 января господин де Мальво попросил его проследить за мной. Поэтому ему лучше, чем мне самому, известно мое времяпрепровождение в тот печальный вечер; он сообщил мне, где и по каким улицам блуждал я в забытьи. Те же, кому он в вышеозначенный вечер поведал все подробности моих странствий, тотчас возвели на меня обвинения, не опасаясь разоблачения. Напоминаю, что ни тогда, ни позже я не помнил, где пробыл часть той ночи, когда меня охватило непомерное отчаяние.

— Подчеркиваю, господа, — вставил Сартин, — свидетельство молодого человека из хорошей семьи полностью оправдывает господина Ле Флока. Я напоминаю об этом на случай, если среди вас еще остались сомневающиеся.

— Мы бы предпочли услышать данное свидетельство из уст самого свидетеля, — пробурчал Тестар дю Ли.

— О, значит, вы, сударь, подвергаете сомнению показания, полученные мною лично? — подскочив, выразительно произнес Сартин, начиная багроветь; Николя еще ни разу не видел своего начальника таким разгневанным.

— Нисколько, нисколько! Не будем больше об этом, — забормотал судья, с готовностью уступая свои позиции.

— Показания молодого человека также проливают свет на продолжение истории, — примирительным тоном продолжил Николя. — Он сообщил нам, что Мальво исчез и отсутствовал ровно столько времени, сколько заняла моя поездка в Лондон. Наконец, он представил нам убийство Мен-Жиро в совершенно ином свете. Коварный постановщик кровавого спектакля оказался настолько ловок, что сумел обмануть даже наших ищеек, отчасти благодаря молодому человеку, который, войдя в дом в плаще капуцина, вышел из него в обычном светском платье. Благодаря свидетельству все того же молодого человека мы узнали, что в доме, где проживал дю Мен-Жиро, несколько комнат принадлежат господину Бальбастру. Когда Бурдо обнаружил истерзанное тело жертвы, убийца находился в доме. Он скрывался в соседней квартире, ожидая, пока уляжется переполох, вызванный обнаружением тела. Надо полагать, это очень предусмотрительный субъект, хорошо знавший порядки и обычаи полиции, а потому уверенный, что улица находится под наблюдением и какое-то время ему нельзя там появляться. Он понимал, если имитация самоубийства не убедит следователей, подозрения падут прежде всего на молодого человека, на капуцина или на обоих. Тогда же он решил выбросить сапоги, бывшие на нем в момент совершения преступления. Он не знал, где я нахожусь, но готов биться об заклад, он жаждал, чтобы эти сапоги снова обвинили меня в очередном преступлении, особенно если у меня не окажется алиби. Но случай иногда становится нашим союзником, даже когда преступление задумано с поистине дьявольской изобретательностью, как это случилось на улице Верней. Ах, сколько тщательно продуманных мелочей!

— Что значит сей комплимент? — осведомился Ленуар.

— Об этом говорить еще рано; надо провести последнюю проверку. Обещаю, вы не покинете этот зал, не узнав всех подробностей. А пока скажу, что визит в вышеозначенный дом Бальбастра являлся лишь частью коварного замысла. Давно запуганного довлевшим над ним шантажом, теперь органиста запугали еще больше, заманив на место преступления, в котором его, в принципе, можно обвинить…

— А таинственные молодые люди?

— Вы говорите о тех, кто был в тот вечер на улице Верней, и кого потом так и не смогли найти?

— Да, те самые, — произнес Ленуар,

— Обнаруженная нами переписка дю Мен-Жиро с сестрой позволяет утверждать, что они принадлежали к породе тех молодых людей, которых азартные игры, проигрыши, долги,

расточительство и беспутство приводят в дурные компании, где они становятся жертвами шантажа и попадают во власть высокопоставленных кукловодов, которые, взяв над ними власть, начинают ими руководить. Немало невинных юношей, оказавшись в городе, не смогли устоять перед его соблазнами и быстро скатились в бездну порока. Теперь я прошу вновь привести господина Бальбастра.

Бурдо принес маленький столик и стул и, поставив их в центре зала, положил на стол пять палочек зеленого воска и одну — красного, лист бумаги, а рядом водрузил чернильницу и подсвечник с горящей свечой. Затем на свет вновь появилась искомая пара сапог. В зал ввели Бальбастра: он по-прежнему имел жалкий вид.

— Сударь, — обратился к нему Николя, — соблаговолите примерить эту пару сапог.

Дрожа всем телом, музыкант исполнил просьбу. Сапоги оказались ему настолько велики, что он, пошатываясь, смог сделать в них всего пару шагов.

— Отлично, — произнес Николя. — Теперь займите место за этим столиком. Перед вами лежит лист нотной бумаги. Соблаговолите заполнить первую строку нотами из любой арии, на ваше усмотрение, а затем напишите следующие слова: «Последняя воля Жана-Филиппа Рамо». Сверните листок и запечатайте его красным воском.

Подчинившись, Бальбастр заполнил нотами первую строку и написал продиктованные ему слова. Николя велел принести ему лист и знаком приказал вывести подсудимого.

— Похоже, здесь не напрасно упомянули о ярмарке Сен-Виктор и о ярмарочных фокусах. Что все это значит? — обратился к Николя Тестар дю Ли.

— Мне хотелось бы сударь, разъяснить вам, что к чему. Я прошу снова привести господина фон Мальво.

Прежде чем тот появился в зале, Бурдо убрал со стола палочку красного воска. За время отсутствия молодой человек обрел прежний надменный вид. Николя попросил его проделать те же действия, что и Бальбастра, уточнив, что запечатать лист следует красным воском. Быстро разбросав ноты по нотному стану, Моваль столь же быстро написал фразу и, взяв палочку зеленого воска, разогрел ее на свече и стал лить растопленный воск на свернутый листок.

— Но разве вы не видите…, — начал судья, но Николя стремительно оборвал его.

— Сударь, прошу вас, смотрите!

Поблагодарив Мальво, он приказал увести его. Затем вызвали Роделе. Он сел на стул позади Николя.

— Господа, — продолжал комиссар, — мне пришлось разбираться в целом ряде происшествий, среди которых три убийства, несколько покушений на мою собственную жизнь и попытка проникнуть в государственные тайны. Так мне видится это дело. Госпожа де Ластерье, являвшаяся агентом политической полиции, находилась под наблюдением заговорщиков, каждый из которых, понимая, что король стремительно стареет и недалек тот день, когда его сменит новый государь, преследовал свои цели. Комиссар Камюзо, подручный предводителя одной из партий заговорщиков, приказал Бальбастру устроить мою встречу с Жюли. Таким путем они предполагали узнавать о секретных поручениях Его Величества. Бальбастр, несомненно, стал жертвой шантажиста, припомнившего ему прошлые грехи; он настолько запугал его, что тот стал в его руках послушной куклой. Он не только представил мне госпожу де Ластерье, но и ввел в круг ее знакомых господина фон Мальво. К несчастью для нее! Не будем забывать, что Камюзо ненавидит меня с тех пор, когда из-за моих разоблачений его обвинили в совершении должностных преступлений, и карьера его рухнула. Он жаждал подстроить мне ловушку, куда мне следовало непременно угодить. Жюли де Ластерье для него ничто. Он и его сообщник намеревались воспользоваться ею, а затем

хладнокровно устранить ее. Они осторожны и, обладая поистине макиавеллиевым коварством, им удалось сделать своим орудием чернокожего раба Казимира. После убийства Жюли они продолжили осторожничать, но излишняя осторожность пошла им во вред и привела к противоположному результату.

Закрыв глаза и сцепив пальцы, Николя заходил по комнате.

— К несчастью, они не знали привычек Жюли. Ошибкой было оставлять тарелку с едой в ее спальне, ибо ей никогда не нравилось принимать пищу в постели. Ошибкой было открывать окно. Ну, и многое другое. Теперь перейдем к догадкам, основанным на фактах, и в частности, к многочисленным примеркам сапог, столь заинтриговавшим судью по уголовным делам. Как следует из этих примерок, помимо меня сапогами мог воспользоваться только комиссар Камюзо, а следовательно, и оставить отпечатки в квартире на улице Верней вечером 6 января. Таким образом, мы доказали, что господин фон Мальво в тот вечер находился в доме Жюли не один. И его оговорка — полагаю, не ускользнувшая от вашего внимания, — что Жюли была в ночной рубашке, выдает его с головой. Я продолжаю верить, что никаких иных отношений, кроме женского кокетства, между ней и ее убийцей не существовало. Да, ее убийцей, ибо, если он видел ее в ночной рубашке, следовательно, он видел ее труп. Иначе как бы он смог описать ее рубашку? Вряд ли Жюли принимала его в дезабилье. Это первая большая ошибка.

— А вторая? — осведомился Сартин.

— Мальво попался на крючок и оказался в ловушке, им же расставленной: речь идет о духах Жюли. А третья ошибка заключалась в том, что он велел Мен-Жиро украсть из Королевского ботанического сада семена гаитянского перца, предназначенные для сокрытия сильнодействующего яда, природу которого нам разгадать не удалось. Четвертая ошибка заключалась в том, что человек, напавший на меня в Пикардии, украл у меня ключи, чтобы окончательно сбить всех с толку. В сундучке, брошенном в Сену и извлеченном со дна после недолгих поисков, без сомнения, находились ключи от улицы Верней. Ключи от моего дома на улице Монмартр впоследствии используют для проникновения в дом Ноблекура, где произведут обыск в моих вещах в надежде найти шкатулку, доверенную мне покойным королем.

— Говорят, — заметил Ленуар, — во время вашего путешествия в Лондон на вас было совершено не одно покушение?

— Если верить нашим друзьям из Уайтхолла, мою голову выставили на продажу. Меня преследовали две группы заговорщиков. Долгое время я верил в нескромности графини дю Барри, направившей по моим следам всю эту свору. Но теперь мы знаем, что в тот день, когда король в присутствии господина де Сартина давал мне поручения, связанные с моей поездкой в Англию, некий субъект из штата его личных слуг подслушивал, спрятавшись в шкафу, где прежде хранились парики. Он же видел, как король вручил мне шкатулку, предназначенную для фаворитки. Предатель прятался в кабинете за альковом королевской спальни. Но его разоблачили. Этот слуга, носивший голубую ливрею, ел из двух кормушек, снабжая сведениями две противоборствующие группировки заговорщиков, которые — хотя и из совершенно противоположных побуждений — были равно заинтересованы проникнуть в тайну результатов моей миссии в Лондоне, а также получить документ, который покойный король хотел передать на сохранение графине дю Барри. Таким образом, мы установили связь между секретными государственными делами и убийством, вынудившим полицию начать расследование. Одна из групп заговорщиков, надеясь получить инструмент, с помощью которого можно предотвратить возвращение в политику господина де Шуазеля, попыталась убить меня по дороге в Мо. Те же самые заговорщики, получающие сведения от Камюзо и Мальво, отважились на невероятный риск, только чтобы заполучить бумагу, которую якобы готов продать Кадильяк, к тому времени уже покоившийся на кладбище.

— Господин комиссар, — произнес Ленуар, — мы внимательно следим за вашим рассказом. Но как вы объясните количество выдвинутых против вас обвинений, превышающее любые разумные пределы?

— Сейчас я к этому подойду, — ответил Николя. — Ненависть, которую я внушаю этим двум преступникам, столь сильна, что для них все средства хороши, лишь бы обвинить меня и оклеветать. Отсюда сумасбродные поступки, надуманные обвинения, подделанные письма, составленное в мою пользу завещание и многое другое, вплоть до брошенного в Сену сундучка. Все эти улики порождены сильнейшей ненавистью, корнями уходящей в далекое прошлое, столь далекое, что уже стало забываться.

— Все это прекрасно, однако я вижу всего лишь предположения, хотя, разумеется, основанные на фактах и логике. Но предположения — не доказательства, они могут разве что скомпрометировать молодого человека и бывшего комиссара полиции, но улик, позволяющих признать их виновными, я не вижу. Пока мы имеем лишь слова, ваши слова против слов подозреваемых.

— Немного терпения, сударь. Рискну вам напомнить, что следствие по этому делу тянется уже восемь месяцев, ибо было сделано все, чтобы запутать его окончательно. Сейчас я намерен предоставить слово господину Родоле.

Общественный писарь встал; судя по его виду, грозная комиссия не произвела на него никакого впечатления.

— Господин Родоле, — произнес Николя, — сегодня утром вы вновь подтвердили нам подложность целого ряда документов. Вот два листа, где написаны ноты и небольшой текст. Когда-то вы сказали мне, что предполагаемый изготовитель фальшивок скорее всего является музыкантом или переписчиком нот. Который из этих листов, по-вашему, написан рукой изготовителя фальшивок? Чтобы упростить вам задачу, я снова вручаю вам оригиналы писем Жюли де Ластерье.

Он протянул ему письма, а затем оба запечатанных листа, написанных Бальбастром и Мальво.

Подойдя к окну, Роделе приложил к стеклу оба образца и оригинал письма и стал исследовать их на просвет. Ожидание настолько затянулось, что Сартин нервными движениями стал дергать за локоны собственный парик, в то время как Ленуар свинцовым карандашиком рисовал на бумажке виселицы, по пять в ряд. Наконец общественный писарь подошел к Николя и протянул ему письмо с зеленой печатью.

— Вот, господин комиссар. Тот, кто написал эти строки, без сомнения, автор ваших фальшивок. Особенности начертания букв и их наклон являются тому бесспорным свидетельством.

— Благодарю вас, сударь, — ответил Николя, — вы можете идти.

Повернувшись к магистратам, он продолжил:

— Вспомните показания Юлии, служанки госпожи Ластерье. Казимира попросили, а, точнее, заставили сказать, что он отнес письмо на почту. Так вот, это письмо — подложное, и, как выяснено, его составили, подделали и запечатали не на улице Верней. Госпожа Ластерье обожала зеленый цвет и пользовалась только зеленым воском. Письмо запечатали вне ее дома, где — не могу сказать, и бросили в почтовый ящик в квартале, где находится улица Верней. Специалист по почеркам, господин Роделе, чьи познания и проницательность во Дворце правосудия никто не ставит под сомнение, только что засвидетельствовал, что эти строки написаны тем, кто подделал записку и завещание Жюли.

И он, подняв лист, помахал им над головой.

— Автор этих строк переписывает ноты, играет на клавесине и является одним из убийц Жюли де Ластерье. Его имя Фредерик фон Мальво.

— Ошибиться в этой области довольно просто, и вам, сударь, вряд ли следует полностью полагаться на высказанное здесь мнение, — заметил Ленуар. — Мне кажется…

— Мне очень жаль прерывать вас, — ответил Николя, — но ради всего святого, позвольте мне продолжить. Почему я уверен, что эти фальшивки написаны рукой именно предполагаемого преступника? Еще одна деталь убедила меня в этом. Вы все заметили, что когда я попросил господина фон Мальво запечатать письмо красным воском, он без колебаний взял зеленую палочку. Почему? Почему он не заметил, что на столе не было красного воска? Он использовал зеленый цвет точно так же, как дважды использовал красный, запечатывая так называемое письмо Жюли, адресованное мне, и завещание, где я объявлялся единственным наследником госпожи де Ластерье. Оба раза он использовал красный воск, то есть самый распространенный, а потому оказавшийся под рукой. Иначе говоря, воск, которым никогда не пользовалась Жюли де Ластерье. Вывод? Желая в очередной раз обвинить невиновного, он вновь промахнулся. Почему такой изобретательный человек, как Мальво, допустил столь грубую ошибку, причем неоднократно? Ответ, господа, я получил в результате беседы с доктором Семакгюсом, корабельным хирургом. В разговоре с ним я упомянул путаницу с цветами, и тот вспомнил ученую дискуссию восточных лекарей, состоявшуюся несколько лет назад в Мадрасе. Он присутствовал при сей дискуссии, где обсуждались вопросы об аномалиях зрения, и в частности, о том, что некоторые люди не могут отличать зеленый цвет от красного и от цветов, близких к красному; об этой аномалии еще в древности упоминали персидские и арабские врачи[61]. Я полагаю, это случай господина фон Мальво.

— Нет возражений, — согласился Сартин, — действительно, удивительно изобретательный ход. Однако если нам понятно, почему вас ненавидит Камюзо, то как объяснить, что молодой человек, если, конечно, он не стал слепым инструментом в руках бывшего комиссара, преследовал вас с таким ожесточением, что даже убил госпожу де Ластерье, лишь бы скомпрометировать вас?

— Господа, — улыбнулся Николя, — я могу объяснить, на чем держатся мои доказательства, подтвердив тем самым правильность своих выводов. Коротая время в термах, я играл в игру своего детства, а именно в анаграммы. Увы, я был слеп, слеп с самого начала! Мальво… Иностранное звучание этого имени ввело нас в заблуждение. Но стоило изменить порядок букв, как у меня получился Моваль. Прозрачно, не так ли? Настолько прозрачно и очевидно, что мы до этого сразу не додумались. Так называемый господин фон Мальво — младший брат Моваля, наемного убийцы и клеврета влиятельного комиссара Камюзо, четырнадцать лет назад надзиравшего за игорными заведениями, продажного магистрата, которого в результате одного из моих расследований лишили должности. Я стал причиной увольнения Камюзо, а также, пребывая в состоянии законной защиты, в гостиной «Коронованного дельфина» я убил Моваля, пытавшегося по наущению Камюзо, убить меня. А наш так называемый Мальво родился в Бургундии.

Николя извлек из кармана бумагу.

— Вот копия из приходской книги, где зарегистрировано его рождение. Несколько минут назад он имел дерзость упомянуть название своего родного города, неожиданно пришедшее ему на ум. Он родился в 1751 году и рано потерял родителей. После их смерти его опекал старший брат, а после гибели Моваля о нем заботился Камюзо, давший ему достойное воспитание. Но бывший комиссар растил его с единственной и пагубной целью — отомстить за брата, несправедливо убитого неким комиссаром Ле Флоком.

— А почему он просто не убил вас или не вызвал на дуэль? — спросил Ленуар.

— В конце концов, он бы наверняка так и сделал. Но одержимый жаждой мести, подогреваемой Камюзо, он хотел не просто уничтожить меня, а увидеть, как я взойду на эшафот по обвинению в самом страшном преступлении. В отравлении, к примеру. И наши пути скрестились в гостиной Жюли де Ластерье.

— Она была его любовницей? — поинтересовался Тестар дю Ли. — Чтение протокола вскрытия наводит на такую мысль…

— Этого мы никогда не узнаем. В память о женщине, которая была мне дорога, я не стану задаваться этим вопросом. В результате, господа, Камюзо и юный Моваль убили Жюли де Ластерье, затем Казимира и наконец дю Мен-Жиро, чьих признаний они имели все основания опасаться.

— Еще раз вызывать виновных мне кажется излишним, — произнес Сартин.

Некоторое время трое советников совещались вполголоса. Затем слово взял начальник полиции; выглядел он исключительно утомленным.

— Судья по уголовным делам и государственный советник желают, чтобы подсудимые в последний раз предстали перед судом.

Ввели Камюзо и Мальво.

— Камюзо, — произнес Сартин, — мы убеждены в том, что вы, как и фон Мальво, повинны в смерти госпожи де Ластерье, чернокожего раба Казимира и дю Мен-Жиро. Камюзо, вы будете переданы в распоряжение уголовной палаты и подвергнуты допросу с пристрастием. Что же касается вас…

Он повернулся к Мальво.

— …вас мы отныне именуем младшим братом Моваля, ибо комиссар Ле Флок только что представил нам доказательства вашего происхождения, равно как и улики, на основании которых вы ответите за ваши преступления. Когда правосудие произнесет свой приговор, вас ждет участь вашего старшего товарища.

Николя долго не мог забыть мгновенно изменившееся лицо молодого человека: оно превратилось в маску ужаса, сквозь которую неожиданно проступили черты падшего ангела, его старшего брата, пробудив в душе Николя кошмары далекого прошлого. Уста Мальво, словно адские врата, изрыгали проклятия и призывали на голову судей вечные мучения. Его отчаянные вопли испугали даже Камюзо. Проклиная Николя, юный Моваль со сладострастием описывал ужасные подробности агонии Жюли де Ластерье; комиссару пришлось заткнуть уши, чтобы не слышать этот жестокий перечень, напоминавший молитву, обращенную к божеству зла. И если ранее у кого-то в душе еще шевелились сомнения, то поведение молодого человека полностью их рассеяло. Обоих преступников спешно увели, оставив трех магистратов в полной растерянности от всего, что им только что довелось услышать. В эту минуту в зал вошел кавалер, одетый во все черное; оглядевшись, он шагнул к Сартину и передал ему большой конверт, запечатанный гербом Франции. Распечатав письмо, генерал-лейтенант прочел его, побледнел и, подняв голову и растерянно озираясь, произнес:

— Господа, меня извещают об отставке герцога д'Эгийона и приказывают немедленно отправить в изгнание за пределы королевства комиссара Камюзо и фон Мальво. Высочайшим повелением приказано не возбуждать преследований против вышеуказанных лиц. И приказано освободить господина Бальбастра. Приказ подписан герцогом де Ла Врийером от имени короля.

— Сударь… — попытался возразить Николя.

— Довольно, — отрезал Сартин. — Мы обязаны подчиниться решению, принятому в высшем эшелоне власти. Защитники закона и магистраты короля, мы служим этой власти, служим, чего бы это нам ни стоило.

Ленуар и Тестар дю Ли немедленно удалились, холодно распрощавшись с Николя. Сартин подошел к нему и, положив руку на плечо, чего с ним не бывало никогда, устало произнес:

— Вы же читали Монтескье, Николя. У него есть одна фраза, которая часто приходит мне на ум: «Но все решили, что лучше будет прекратить поиски, ибо в противном случае существует риск обнаружить гораздо более опасного врага, неприязнь к которому следовало скрывать, дабы вражда временная не превратилась во вражду непримиримую». Вы блестяще

расследовали это дело, и вам не в чем себя упрекнуть. Мы с вами столпы государства, которое пытаются расшатать, и эта история лишь подтверждает мои слова. Что же касается преступников… Будьте осторожны; когда-нибудь вам придется столкнуться с этими канальями.

ЭПИЛОГ

Но можно ль допустить, чтобы укоры

Губили… Ах, какое счастье — Аталида!

Расин (пер. В.М. Мультатули)

Среда, 24 августа 1774 года

Рано утром Николя вызвали в особняк Грамона. Там царила непривычная суета. По лестницам сновали лакеи с тяжелыми чемоданами из ивовых прутьев. Двор заполняли нагруженные доверху экипажи. Похоже, здесь намечался переезд. Его проводили в кабинет начальника полиции. Сартин наблюдал, как лакеи укладывают в кожаные коробки его любимые парики. При виде посетителя он остановился.

— В двух словах, — быстро заявил он. — Я только что получил назначение в Министерство морского флота, где я в должности министра наследую господину Тюрго, который принимает Государственное казначейство. Свое место я уступаю Ленуару, я сам назвал его в качестве своего преемника. Герцог де Шалабр готов сдать мне особняк неподалеку от своего сада; вы всегда будете там желанным гостем. А сейчас, отложив все текущие дела, я должен ехать в Версаль, поэтому у меня нет времени сказать вам все, что я чувствую…

Он несколько раз щелкнул замком какой-то коробки.

— …И сказать вам… В общем, я рекомендовал вас своему преемнику. Представьтесь ему как можно скорее, первые часы решают все, и тот, кто не успел, вряд ли когда-нибудь сможет на что-либо рассчитывать. Я пока не могу подыскать вам место подле себя, в Министерстве морского флота, но это не означает, что в один прекрасный день я не призову вас к себе. Разумеется, я это сделаю. До свидания, друг мой.

И, ругая лакеев за неловкость, он продолжил паковать парики. Ошеломленный Николя удалился среди всеобщей суматохи. Так, в считанные секунды, завершилась работа, начатая четырнадцать лет назад. Он никогда не оставался равнодушным к перепадам настроения Сартина. И отнюдь не был убежден, что его неизменная преданность, верность и лояльность, равно как и выпавшие на его долю за время службы под началом Сартина испытания, оценивались как должно. И он решил не ходить в Шатле, где, насколько ему известно, ничего срочного не предвиделось. Он посвятит этот день размышлениям. А так как лучше всего мыслить с книгой в руках, то он заберется в библиотеку к Ноблекуру, убежав таким образом от надвигающейся на Париж августовской грозы. День обещал быть душным и тяжелым, подобно грузу, давившему ему на сердце.

Он прекрасно знал, что произойдет дальше. Уже причисленный к тем, кого, по словам Лаборда, именуют «прежний двор», он в глазах общества превратится в простого полицейского чиновника. И несмотря на доверие, которое оказывал ему покойный король, несмотря на его полное оправдание, темная история, в которую удалось его впутать, вряд ли позволит ему сделать карьеру. Слухи, просочившиеся за пределы Шатле, позволят досужим умам обсуждать видимую сторону дела, не подозревая о тайных его пружинах. Прежнее его положение, занимаемое им при Сартине, без потерь переместившемся в министерское кресло, теперь ничего не стоит, так что ему еще не раз придется столкнуться с мстительностью товарищей по работе, несмотря на то, что он всегда старательно следил за тем, чтобы не злоупотреблять своей властью и влиянием. Он знал, что оказанные услуги чаще порождают неблагодарность, нежели признательность. Пожелает ли Ленуар по-прежнему использовать его для расследования чрезвычайных дел? В лучшем случае за ним станут наблюдать, прежде

чем примут решение относительно его дальнейшей деятельности; в худшем — его отстранят от должности и переведут на положение мелкого служащего. Его преданность прежнему начальнику не только никто не оценит, а скорее наоборот, воспримут как недостаток или неудобство.

Прибыв на улицу Монмартр, он увидел под портиком незнакомый экипаж. Потный раскрасневшийся кучер, сняв камзол, пил поднесенный Катриной холодный сидр. Веселая стайка подмастерьев булочника что-то бурно обсуждала, показывая пальцами на экипаж. На вопрос Николя самый старший со смехом сообщил, что приехала дама, такая толстая, что им всем пришлось помогать ей подняться на второй этаж; а еще у нее со щек кусками отваливались белила, словно мука с хрустящей корочки булки. Охваченный любопытством Николя направился в апартаменты Ноблекура; услышав знакомый хриплый голос, в изумлении остановился на пороге.

— Этот напиток, дорогой мой сударь, действительно сладковат!

— Сладковат? — тревожно переспросил Ноблекур.

— О, да! Он так сладко стекает в глотку, что я тут же вспомнила тот старинный ликер, что так любил наш Николя. А эти лимонные бисквиты! Сама нежность! Надобно вам сказать, я обожаю сладкое.

Просунув голову в приоткрытую дверь, Николя с изумлением увидел Полетту, являвшую собой гору фиалкового цвета шелка и фиолетовых лент; бывшая владелица «Коронованного дельфина» с трудом втиснулась в кресло-бержер, бывшее для нее явно слишком узким. Жизнь на свежем воздухе пошла ей на пользу. Выражение ее, как всегда, набеленного и нарумяненного на скулах лица приобрело своеобразное достоинство и умиротворение, без сомнения, результат набожности и служения бедным, которым она, несмотря на хвори, отныне посвящала свое время. Господин де Ноблекур, в черном фраке и длинном парике, модном в период регентства, похоже, исполнял роль духовника; на коленях у него сладко спала Мушетта, а возле ног — Сирюс; сам Ноблекур имел вид добродушный, но, как прекрасно знал Николя, проницательность никогда не покидала почтенного магистрата.

— Сударыня, — промолвил он, — и все же: чем я обязан вашему визиту?

— Вы очень учтивы и вежливы, мой хороший сударь. Как вы понимаете, я не просто пришла немножко поболтать с вами. Да и решилась я на такой поступок с большим трудом. Давай, двигай, старая кляча, сказала я себе, чем ты рискуешь, если откроешь душу тому господину, о котором тебе столько рассказывал Николя? Я просто измучилась, ломая себе голову, откажетесь вы или нет принять бывшую хозяйку известного заведения. Вы же прокурор! И все же я решилась. Передала заботы о моем доме, то есть о «Коронованном дельфине» одной из своих бывших пансионерок, Сатин. Должна вам сказать, когда-то, давным-давно она была…

— …Подружкой Николя.

— Ах! Ну, оно и к лучшему, раз вы все знаете. Между ними, знаете ли, всегда словно ландыш расцветал…

— Расцветал ландыш?

— Ну, не ландыш, конечно, но чувства были, а временами настоящее пламя разгоралось. Надобно знать, когда я удалилась в Отей, где начала новую жизнь, с улицы Фобур-Сент-Оноре ко мне приходит служанка — помочь моей кухарке. Малышка очень мила и болтлива. Я ее разговорила, а потому в курсе всего, что делается в моем заведении. Она сказала мне, что как-то раз наш Николя наткнулся на молодого человека, и сходство этого молодого человека с ним самим его очень поразило. В общем, он изрядно разволновался. Ну, и как мне казалось, должен

был бы задаться вопросом. Сатин узнала об этом и теперь бедняжка прямо больная стала от тревоги.

— Это его сын.

— Совершенно справедливо! Луи, вот как его зовут. Сатин его всегда прятала, из деликатности, из скромности. Подумайте сами, ну какая может быть семья у полицейского комиссара и девушки для утех! А комиссар наш, как говорят, еще и маркиз! Но мальчик отлично воспитан, коллеж у монахов и все такое, как положено! Все сделано, чтобы он далеко пошел.

Николя не слышал продолжения диалога. Сердце его сильно заколотилось, грудь захлестнула волна счастья. Ничто больше не имело для него значения. Он потерял своего старого короля, Сартин вознесся в заоблачные выси, а его собственное будущее покрыто мраком. Отныне ему следует ожидать лишь неприятностей и злопамятства. Презренные куртизаны, те, кто всегда держат нос по ветру и карабкаются наверх посредством интриг, возможно, станут преследовать его и оскорблять, при любой возможности давая ему почувствовать утрату покровителя. Но какое это имеет значение? Отныне иной груз упал на весы его судьбы. В нескольких туазах от него сидела Полетта и своим сочным простонародным языком расписывала достоинства его сына. Более дорогого подарка судьба преподнести ему не могла. Подобно свободному океану, который он созерцал ребенком на берегу в Батце, жизнь забирала и одаривала. И, словно вода покидает берег перед двенадцатой волной, уносящей все, что встретит на своем пути, тоска и тревога разом покинули его. В минуту, когда удача, казалось, окончательно от него отвернулась, судьба подарила ему сына.

Ла Марса, июнь 2001 — май 2002

Перевод Е. Морозовой

1

Один из колониальных стилей.

2

Альцест — герой комедии Мольера «Мизантроп», моралист, бичующий пороки светского общества *(примеч. переводчика).*

3

Полк мушкетеров квартировался в просторном особняке.

4

Рокур Франсуаза Клерьен (1756–1815), актриса Французского театра.

5

Современное название — остров Реюньон *(примеч. переводчика).*

6

В романе Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» выведена Телемская обитель, устав которой гласил: «Делай что хочешь» *(Примеч. переводчика).*

7

Первое *(лат.)*

8

Второе *(лат.)*

9

Третье *(лат.)*

10

Голубые ливреи носили лакеи из личного штата короля в Версале.

11

См.: «Человек со свинцовым чревом».

12

Во дворце под названием Меню Плезир хранился реквизит для придворных празднеств.

13

Благослови, Господи, нас, и дары твои, кои от щедрот твоих мы будем вкушать. Через Христа Господа нашего. Аминь *(лат.) (примеч. переводчика).*

14

Тартюф — герой одноименной пьесы Мольера; его имя стало обозначения лицемера *(примеч. переводчика).*

15

0,251 л.

16

Хозяин модного кабачка в предместье Ла Куртий, где пинта вина стоила дешевле на одно су, чем в соседних заведениях.

17

Отец Ложье (1713–1769). Иезуит, затем бенедиктинец. Дипломат, автор ряда трудов по искусству, и в частности, «Рассуждений об архитектуре».

18

В 1779 году в Нотр-Дам впервые (до Мальро) были проведены ремонтные работы, приуроченные к ста бракосочетаниям, состоявшимся единовременно в честь рождения «Мадам Руаяль», первого ребенка Людовика XVI и Марии-Антуанетты.

19

См: «Призрак улицы Руаяль».

20

Особняк Грамон — особняк, который снимал Сартин.

21

Господи, спаси царя! *(лат.) (примеч. переводчика)*

22

Маркиза де Помпадур.

23

См. «Человек со свинцовым чревом».

24

В Лувесьене стоял дом, принадлежавший госпоже дю Барри.

25

Так назывался один из внутренних двориков Версальского дворца.

26

Одно из прозвищ, которым в те времена памфлетисты награждали графиню дю Барри.

27

Знаменитый пирог с говядиной и почками *(англ.) (примеч. переводчика).*

28

Предместье Лондона, где стояла виселица.

29

Casus belli *(лат.)* — «военный инцидент», формальный повод для объявления войны.

30

Боже, храни полномочного представителя *(англ.) (примеч. переводчика)*

31

Медленно, но не слишком *(ит.) (примеч. переводчика).*

32

В 1781 году этот новый вид казни предложил законовед господин де Вермей.

33

Мольер, Мизантроп/Пер. Т.Л.Щепкиной-Куперник *(примеч. переводчика).*

34

Анри Луи Дюамель дю Монсо (1700–1782), физиолог и агроном, генеральный инспектор морского флота.

35

Capiscum frutescens Linn, или жгучий гаитянский перец; его круглые плоды размером с черешню обладают острым вкусом *(примеч. переводчика).*

36

Соус, приготовленный на основе распущенного сливочного масла, вскипяченного с небольшим количеством воды, с добавлением красного вина, горчицы, сока кислого винограда и пряностей *(примеч. переводчика).*

37

Непентес (nepenthes), или кувшиннолистник. Из вытяжки этого растения изготовляли напиток, который Гомер советовал употреблять, когда «желаешь разогнать печаль».

38

См. «Загадка улицы Блан-Манто».

39

Мы с изумлением обнаружили, что структура Государства финансов, как при Старом порядке иногда именовали Генеральный откуп, стала образцом для нынешних финансовых компаний.

40

Речь идет об известном в истории испытании скафандра, проведенном 20 января 1774 года возле опор моста Руаяль, в присутствии комиссии из Академии наук.

41

См. «Загадка улицы Блан-Манто».

42

Лувр — см. прим. 15.

43

Персонаж из романа «Призрак улицы Руаяль».

44

Кантариды — жуки продолговатой формы, зелено-золотистого цвета. Высушенные и истолченные в порошок, они применяются наружно в качестве вытяжного пластыря, а в составе пастилок или конфеток являются опасным афродизиаком, передозировка которого может привести к смертельному исходу.

45

Олений парк — дворец в окрестностях Версаля, где Людовик XV встречался со своими многочисленными «неофициальными» фаворитками *(примеч. переводчика).*

46

См. «Призрак улицы Руаяль».

47

Личная спальня: король проводил большую вечернюю аудиенцию в парадной спальне, а затем уходил в личную спальню, располагавшуюся вдалеке от парадной, где он спал ночью.

48

Прихожая «Бычий глаз» — довольно темный зал, с овальным окном, выходящим во внутренний дворик, где придворные обычно ожидали пробуждения короля и его отхода ко сну *(примеч. переводчика).*

49

Так называли королевских дочерей; восемь дочерей Людовика XV от его супруги, Марии Лещинской, вошли в историю под титулом «Мадам» *(примеч. переводчика).*

50

11 мая 1745 года при Фонтенуа (Бельгия) французская армия одержала победу над объединенными силами англичан, голландцев и немцев *(примеч. переводчика).*

51

Скандал в Меце: бурные споры об удалении тогдашней фаворитки — герцогини де Шатору, начавшиеся во время болезни короля в 1742 году в Меце.

52

Молитва за больного человека *(лат.) (примеч. переводчика).*

53

Рассказывали, что Людовика XV заразила оспой совсем юная девушка, которую фаворитка подложила ему в постель.

54

Отходит христианская душа *(лат.) (примеч. переводчика).*

55

Ответ подлинный, и когда о нем стало известно парижанам, они долго смеялись.

56

Напомним: в то время в Париже обедали в 11 часов.

57

См. «Загадка улицы Блан-Манто».

58

Зелень и специи, связанные в пучок, который кладут в кастрюлю при варке или тушении некоторых блюд.

59

П. Корнель, «Сид», пер. М. Лозинского *(примеч. переводчика).*

60

Пер. М. Зенкевича.

61

Врожденный дефект дальтонизма был научно доказан английским физиком и врачом Дальтоном спустя несколько лет, в 1791 году.
